

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

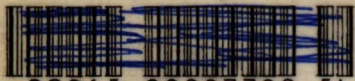
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BUHR B

a39015 00027720 5b

PROPERTY OF

*The
University of
Michigan
Libraries*

1817

ALLES SCIENTIA VERITAS

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

ВЛАСТЬ ВЛАСТЬ

МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ДО КОНЦА XVI ВѢКА.

D'iaconov, Michael Aleksandrovich

М. Дьяконова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).

1889.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

DK

71

554

289a

Памяти отца

авторъ посвящаетъ свой трудъ.

662175-530

Reproduced by
DUOPAGE PROCESS
in the
U.S. of America

Micro Photo Division
Bell & Howell Company
Cleveland, Ohio 44112

DP # 8184

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

Предлагаемые очерки посвящены вопросу о возникновении и развитии идеи самодержавной власти московских царей. Этот основной вопрос истории русского государственного права, едва ли может считаться окончательно выясненным. Но в настоящее время не может подлежать спору то положение, что самая идея самодержавной власти позаимствована из Византии. Детальное выяснение этого положения еще ждет своего исследователя. Предстоит выяснить, когда, через посредство каких литературных и юридических памятников русская публицистическая литература успела познакомиться с византийскими государственными идеями и что из них позаимствовала. Тогда только во всей ясности можно будет выяснить ход развития национального русского политического самосознания.

Такой работы не могъ припсть на себя авторъ настоящихъ очерковъ: онъ не обладаетъ для этого специальной подготовкой византиниста. Но въ ожиданіи, пока такая тема найдетъ своего исследователя, — а этого, вѣроятно, не долго придется ждать, — будетъ не лишнимъ, кажется, дать читателю возможность хотя нѣсколько ориентироваться въ вопросѣ такой существенной важности.

Подъемъ политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV вѣка послѣ Флорентійской унии и паденія византийской имперіи, долженъ найти свое объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византии. Въ первой главѣ авторъ дѣлаетъ попытку представить компилятивный очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученой критикой, заимствуя изъ нихъ лишь то, что казалось ему необходимымъ для дальнѣйшей исторіи во-

проса. Параллельно этому во второмъ очеркѣ представленъ сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древнерусской письменности до половины XV вѣка. Авторъ полагаетъ, что, до появленія обстоятельныхъ трудовъ въ этой сферѣ, такой очеркъ можетъ хотя отчасти уяснить съ какими запасомъ политическихъ идей успѣла ознакомиться русская мысль въ указанное время. Первые два очерка, такимъ образомъ, имѣютъ цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣтно попытокъ къ проведенію какихъ-либо самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національных политическихъ цѣлей, а съ другой—объяснить быстроту въ развитіи политическаго самосознанія съ половины XV вѣка.

Возникновеніе и развитіе этого самосознанія уже отиѣчены русской ученой литературой. Роль автора поэтому и здѣсь ограничивалась преимущественно сводомъ добытыхъ результатовъ о московскихъ политическихъ фикціяхъ XVI вѣка и о теоріяхъ власти московскихъ государей. То немногое, что удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, не измѣняетъ ихъ существеннаго содержанія.

Наконецъ, въ послѣднихъ двухъ главахъ указаны нѣкоторые изъ примѣненій, сдѣланныхъ въ XV и XVI вѣкахъ изъ новыхъ политическихъ ученій московскимъ правительствомъ.

Не смотря на неполноту и отрывочность предлагаемыхъ очерковъ, авторъ надѣется, однако, что они будутъ не бесполезны для занимающагося русской исторіей и, быть можетъ, вызовутъ дамыѣйшую разработку такого важнаго вопроса, какъ власть московскихъ государей.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить сердечную признательность профессорамъ В. И. Сергіевичу, К. Н. Бестужеву-Рюмину и В. Г. Васильевскому за многіе данныя и совѣты, указанія и поправки. Онъ также глубоко благодаренъ В. Г. Дружинину, С. О. Платонову и А. С. Лаппо-Данилевскому за товарищескую помощь и вниманіе, какія онъ постоянно встрѣчалъ съ ихъ стороны въ теченіе своихъ работъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Руси.

Принятіе христіанства по обрядамъ греко-православной церкви поставило древнюю Русь въ тѣсныя культурныя отношенія къ Византіи и надолго подчинило первую влиянію византійской цивилизаціи.

Носителямъ и провозвѣстникамъ истинъ евангельскаго ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ взглядовъ на общественныя отношенія, явилось духовенство. Пользуясь привилегированнымъ положеніемъ и благодаря широтѣ предоставленной ему компетенціи, духовенство не только содѣйствовало преобразованію частно-гражданскаго быта молодой націи согласно началамъ византійскаго права, но вышеше представители его—митрополиты и епископы—стали въ очень близкія отношенія къ княжеской власти, и ихъ руководительная роль нерѣдко переходила за предѣлы вѣренныихъ ихъ попеченію сферъ жизни. Голосъ ихъ сталъ раздаваться на княжескихъ совѣтахъ или думахъ по всѣмъ важнымъ случаямъ государственной жизни, ихъ инициатива проникла и въ эту область.

Чтобы оцѣнить значеніе политическаго влияния духовенства съ этой стороны, необходимо имѣть въ виду, что вновь учрежденная русская митрополія поставлена была въ подчиненіе константинопольскому патріарху. По воззрѣніямъ грековъ, основаніемъ для такого подчиненія съ одной стороны служила практика, сложившаяся еще въ первые вѣка христіанства, въ силу которой церковь, получающая свое бытіе отъ другой, становилась подъ ея власть; русская же іерархія веда свое начало изъ Константинополя. Съ другой стороны византійскіе канонисты Зонара и Валсамонъ толковали

28 правило Халкидонскаго собора ¹⁾ въ томъ смыслѣ, что подчиненные константинопольскому патріарху діоцезы Понтійскій, Азіійскій и Фракіійскій включаютъ въ себѣ всѣ страны принявшія христіанство варварскихъ народовъ: иноплеменные россы отнесены были ими къ Фракіійскому діоцезу ²⁾. Наконецъ, на укорененіе такихъ взглядовъ оказывало свое вліяніе и особенное почетное положеніе константинопольскаго патріарха, носившаго титулъ «вселенскаго» и занимавшаго каюедру міровой столицы вблизи престола главы «христіанской міродержавной римской имперіи».

Византіійскіе императоры, считая себя единственными представителями міровой имперіи и не признавая ни за кѣмъ, даже за римскими императорами, права на одинаковое съ ними положеніе, смотрѣли на всѣхъ христіанскихъ государей, какъ на стоящихъ ниже ихъ. Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ представители христіанскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи, оказались не только столицами въ богѣ низкомъ, но даже зависящими отъ имперіи.

Интересы государства и церкви въ Византіи по отношенію къ этимъ народамъ заключались въ томъ, чтобы поддержать въ ихъ глазахъ авторитетъ міровой монархіи и вселенской церкви. Этотъ взглядъ отчасти находилъ свое оправданіе въ существовавшихъ у этихъ народовъ воззрѣніяхъ на положеніе и значеніе византіійской имперіи, какъ представительницы истиннаго правовѣрія. Въ VII вѣкѣ епископы и князья Арменіи слѣдующимъ образомъ выражаютъ свою почитательность византіійскому императору: «Вѣдѣть хорошо извѣстно, что на насъ почиваетъ благодать божественныхъ даровъ, что доказывается обширностью и могуществомъ, которыми ваше государство, утѣчаемое божественною десницею, превосходитъ всѣ прочія государства. Его можетъ замѣнить развѣ только царствіе Христоу. Первосвященство наше смято, правдиво и исполнено божіей благодати» и проч. ³⁾. Подобныя воззрѣнія могли легко возникнуть послѣдствіе того почитательнаго удивленія, какое возбуж-

¹⁾ Въ немъ, между прочимъ, сказано: «въ діоцезахъ Понтійскомъ, Азіійскомъ и Фракіійскомъ должны быть поставляемы свѣтѣйшимъ престоломъ свѣтѣйшей церкви константинопольской только митрополиты, а также отъ него же должны быть поставляемы и епископы варварскихъ областей въ указанныхъ выше діоцезахъ». По переводу *проф. Голубинскаго, Ист. русск. церкви*, т. I, ч. I, стр. 226, прим. 2.

²⁾ *Проф. Голубинскій*, тамъ же; *Т. Барсовъ*, Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковью, стр. 364—365, 443—444; *проф. Павловъ*, Теорія восточнаго папизма, Прав. Обзор. 1879 г., декабрь, стр. 764.

³⁾ *Проф. Ламанскій*, Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV—XVII вв., Слав. Сборн., т. I, ч. I, стр. 464, прим.

дала у полуварварскихъ народовъ пышная и сильная своя културнымъ превосходствомъ византийская имперія. Ея правительство служило воспользоваться этими данными и открыто считало всѣ земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ него въ зависимости не только церковной, но и политической ¹⁾.

Такъ какъ русская церковь съ момента своего возникновенія стала въ подчиненное положеніе къ церкви константинопольской ²⁾, то только на почвѣ этого подчиненія и могла возникнуть идея о политической зависимости древней Руси отъ византийской имперіи. Значеніе этой идеи прежде всего должно выясниться при разсмотрѣніи церковнаго подчиненія древней Руси. Для этой же цѣли не столько важна каноническая сторона вопроса, сколько существовавшая въ этомъ отношеніи практика и воззрѣнія константинопольскихъ церковныхъ властей ³⁾.

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ идея о подчиненности русской церкви константинопольскому патріарху основывалась на представленіи, что константинопольскій патріархъ есть «общій отецъ, свыше отъ Бога поставленный для всѣхъ поносю находящихся христіанъ» и «имѣющій на землѣ прана Бога» ⁴⁾. Въ половинѣ XIV в. патріархъ Филофей писалъ русскимъ князьямъ, что они, какъ истинные сыны церкви, должны внимать митрополиту всея Руси и его внушеніямъ такъ, какъ обязаны внимать самому Богу. «Ибо, пишетъ патріархъ, такъ какъ Богъ поставилъ нашу мѣрность предстоятелямъ всѣхъ по всей вселенной находящихся христіанъ, по нечестію и блудителемъ ихъ душъ, то всѣ зависятъ отъ меня,

¹⁾ Тамъ же, стр. 457 и слѣд.; *проф. Голубинскій*, тамъ же, стр. 138. Эти взгляды византийскихъ правительственныхъ сферъ записаны были и на Русь. Такъ въ подложной грамотѣ о Константиновомъ вѣнчѣ папѣ Сильвестру вѣщается не нарушать привилегій церкви «всѣмъ же по всей вселенной будущимъ православнымъ царемъ и княземъ и властелемъ... всѣмъ же по всей вселенной людямъ, нинѣ сущимъ въ сихъ зѣтахъ и потомъ во вся зѣта предидущая, нашему царству подлежащимъ». *Ф. Терновскій*, Изученіе византийской исторіи и ея тенденціозное приложение въ древней Руси, стр. 143. По редакціи этой грамоты въ Стоглавѣ соотвѣтственное мѣсто читается такъ: «по всей вселенной, идже православніи князи и властели подъ нами обладають нашего свободженія». Стоглавъ, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 271.

²⁾ По мнѣнію *проф. Голубинскаго*, существуютъ данныя, хотя и не совершенно ясныя и не совершенно твердыя, что русская церковь сначала позвучила автокефальность. *Ист. русск. церкви*, т. I, ч. I, стр. 229—233.

³⁾ Къ сожалѣнію, полная и цѣльная формулировка этихъ воззрѣній сохранилась отъ болѣе поздняго времени, именно отъ половины XIV в. Вопросъ о подчиненіи русской митрополіи константинопольскому патріарху разбирается въ книгѣ *Т. Барсова*, *Констант. патріархъ и его власть надъ русскою церковью*, главы VIII и XI.

⁴⁾ Р. И. Б., VI, прил., стр. 100 и 104.

какъ общаго отца и учителя. И если бы мнѣ можно было самому лично обходить всѣ находящіяся на землѣ города и веси и проповѣдывать въ нихъ слово Божіе, то я неупустительно дѣлалъ бы это. Но поскольку одному немощному и слабому человѣку невозможно обходить всю вселенную, то мѣрность наша избираетъ лучшихъ и отличающихся добродѣтелию лицъ, поставляетъ и руководитъ ихъ пастырями, учителями и архіереями и посылаетъ въ разные части вселенной: одного туда, въ вашу великую и многолюдную страну; другого въ другую часть земли; повсюду особаго, такъ что каждый въ той странѣ и мѣстности, которая дала ему въ жребіи, представляетъ лицо, каае дру и всѣ права нашей мѣрности. Итакъ, заключаетъ патріархъ, поскольку и вы имѣете такъ вѣсто меня пресвященнаго митрополита кievскаго и всея Руси, ...то вы обязаны оказывать ему великую честь и благопокорность, каковую должны были бы воздавать мнѣ самому..., ибо онъ находится такъ вѣсто меня, имѣя наши права, такъ что оказываемое ему почтеніе, послушаніе и благопокореніе относится къ нашей мѣрности, а черезъ насъ переходитъ къ самому Богу» ¹⁾. Эта теорія находила свое практическое выраженіе главнымъ образомъ въ избраніи и поставленіи константинопольскимъ патріархомъ высшихъ представителей русской іерархіи, которые должны были или сами приходить въ резиденцію вселенскаго патріарха, или присылать отъ себя грамоты и людей, «донося и спрашивая, о чемъ нужно» ²⁾. Прихитнительно къ русской церкви эти порядки соблюдались до половины XV вѣка.

Для упроченія упомянутой зависимости константинопольскому патріарху было выгодно имѣть своими представителями на ка-

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 110 и 112; ср. тамъ же, стр. 48. Вспомни съотвѣстственно этому воззрѣнію митр. Фотій въ окружномъ посланіи 1415—1416 г. писалъ, что какъ водный источникъ разливается по многимъ странамъ и все произрастающее растятъ и плодитъ, «сиде же и зборная апостольская церковь Константина-града, яко же отъ источника паче духовнаго и безсмертнаго повсюду текущи, такоже и кievской и всея Руси митрополитъ, по пачачальному чину и пошлени, стронитъ попеченіе и бреженіе и посылаетъ единого митрополита... И тако должномъ сущимъ всѣмъ епископомъ, княземъ великоимъ... послушати его». И далѣе: «Се убо зборная и апостольская церковь, отъ востокъ солида даже до западъ, и отъ конецъ до конецъ вселенная учить божественными и священными правилами, каковое покореніе должни еуть имѣти епископи къ зборній Христовой и апостольстей церкви». Тамъ же, № 39, стр. 326—327.

²⁾ Въ настоятельной грамотѣ митр. Алексія сказано, что «онъ необходимо должетъ, какъ повѣствуютъ божественныи и священныи каноны, приходить сюда въ силу своей зависимости отъ святой Божіей вселенской и апостольской церкви». Тамъ же, прилож., стр. 50.

едрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческой національности, такъ какъ таковыя должны были гораздо больше тяготѣть къ Византіи и сильнѣе ощущать свою исключительную зависимость отъ Константинополя, а потому были болѣе склонны поддерживать интересы константинопольской церкви и имперіи, хотя бы въ ущербъ интересамъ той страны, попеченіе о духовномъ просвѣщеніи которой имъ было вверено.

Поставленіе грековъ на русскую митрополію было явленіемъ совершенно естественнымъ въ первое время послѣ крещенія Руси. Весьма вѣроятно, что въ то время и большинство епископовъ были также греки, такъ какъ среди русскихъ едва ли могло найтись необходимое число лицъ, достойныхъ занять епископскія кафедры. И только послѣ учрежденія монастырей могли явиться достаточно образованные монахи для замѣщенія епископскихъ должностей. Но и долго спустя, въ числѣ русскихъ епископовъ встрѣчаются греки изъ числа въѣхавшихъ при митрополитѣ чиновниковъ ¹⁾. Митрополиты же греки были преобладающимъ явленіемъ въ теченіе всего времени, пока поставленіе на митрополію всея Руси происходило въ Константинополѣ. До монгольскаго ига изъ 21 митрополита только двое были несомнѣнно русскіе ²⁾, и тѣ были поставлены соборами русскихъ епископовъ. Послѣ монгольскаго ига митрополитами всея Руси были четверо русскихъ, поставленные въ Константинополѣ. Но съ какой неохотой соглашались тамъ на подобныя отклоненія отъ установившагося обычая, можно видѣть изъ папальной грамоты митр. Алексія, гдѣ прямо сказано, что онъ поставляется въ митрополиты только потому, что былъ рекомендованъ бывшимъ митрополитомъ грекомъ Θεοφάνης, какъ мужъ достойный и способный; что на годичномъ испытаніи въ Константинополѣ удостоился въ доброй и похвальной славѣ его имени; что, наконецъ, объ немъ вел. князь московскій писалъ высочайшему и святому самодержцу. Въ виду всего этого «мы, говорится въ грамотѣ, хотя это совершенно необычно и не имѣетъ безопасно для церкви, согласились на это только относительно одного кнзя Алексія, но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ: это предоставляется кому-либо изъ клириковъ сего богопреславленнаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по до-

¹⁾ Проф. Голубинскій, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 299—301

²⁾ Національность четырехъ не констатирована. Проф. Голубинскій, назв. соч., стр. 246—253.

бродѣтея и добрымъ качествахъ». Въ грамотѣ предлагается исполнять это и будущимъ патріархамъ, какъ дѣло весьма прекрасное и весьма благоприятное для домоостроительства церкви Божіей. Почему добродѣтельный константинопольскій клирикъ былъ пригоденъ для этой цѣли, чѣмъ добродѣтельный русскій, на это въ грамотѣ находится только косвенное указаніе. Первый можетъ, сказано тамъ, разрѣшать каноническіе вопросы и водить народъ на спасительныя нажити, «допознствуясь самъ собой и не нуждался ни въ чьей посторонней помощи» ¹⁾. Сами константинопольскіе патріархи по политическимъ соображеніямъ иногда отступали отъ только что указанной программы. Патріархъ Нифонтъ, отвѣчая великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому по поводу жалобъ на митр. Петра, пишетъ: «егда придетъ митрополитъ, или исправится тотъ или другого поставитъ, кого въсхочетъ богъ люботвое, мужа послушествована добрымъ дѣломъ отъ всѣхъ людей» ²⁾. Патріархъ Нилъ, посвящая въ митрополиты Пихена, далъ обѣщаніе, что «послѣ него во всѣ времена архіерей всея Руси будутъ поставляемы не иначе, какъ только по просьбѣ изъ Великой Россіи» ³⁾. Но это были лишь исключительные случаи уклоненія отъ намѣченной политики. Поставленіе же русскихъ и литовскихъ кандидатовъ въ митрополиты имѣло мѣсто или въ виду опасенія утратить власть надъ какой-либо частью русской митрополіи, или въ виду богатыхъ денежныхъ подарковъ ⁴⁾. Византийскій писатель XIV в. Никифоръ Григора въ 37-й книгѣ своей римской исторіи рассказываетъ, что когда Русь присоединилась къ христіанству и была крещена по христіанскому обряду, то разѣ навсегда было установлено, что она будетъ подчиняться власти одного духовнаго главы, который по соотвѣтственно распределеннымъ округамъ раздѣлитъ на отдѣльныя епископства, большія и малыя, свою церковную область, обнимающую весь народъ; что этотъ верховный глава будетъ подчиненъ константинопольскому архіепископскому престолу и будетъ получать оттуда правила, которыми обязанъ подчинять свою духовную власть; что по очереди будутъ избирать этого представителя духовной власти изъ среды русской національности

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 46.

²⁾ Р. И. В., VI, № 16, I.

³⁾ Тамъ же, прилож., стр. 184. Впрочемъ, здѣсь имѣлось главнымъ образомъ въ виду избѣжать коллизій между Литвой и Москвой для поддержанія церковнаго единства. Соотвѣтственно этому вел. князь Василій Васильевичъ писалъ польскому королю Казимиру, что «взысканіе митрополіе своеи нашихъ прародителей великихъ князей русскихъ и наше и до сихъ мѣстъ, а не великихъ князей литовскихъ». Тамъ же, № 100.

⁴⁾ См. ниже, глава VI.

и соотечественниковъ автора—ромеетъ по рожденію и воспитанію, которые будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы изъ двухъ случаевъ въ сдвояхъ къ нимъ переходила власть послѣ смерти представителя духовной власти, такъ что утвержденный и санкціонированный этимъ распоряженіемъ союзъ двухъ народовъ, будучи основанъ на почвѣ чистосердечія, ненарушимого доброжелательства и единства вѣры, упрочивался и проч. ¹⁾). Если такое распоряженіе не является только однимъ изъ позднѣйшихъ проектовъ установить *modus vivendi* между двумя церквами, а было издано въ дѣйствительности, то значить оно на первыхъ же порахъ было нарушено со стороны ромеевъ. Съ митр. Кирилломъ II дѣйствительно наблюдается поочередная смѣна національностей на кафедрахъ русской митрополіи. Но со смертью митр. Алексѣя эта очередь исчезаетъ. Послѣдніе поставленные въ Константинополь митрополиты всея Руси—Киприанъ, Фотій и Исидоръ—не принадлежали къ русской національности и не были кандидатами московскаго правительства; послѣдній же былъ поставленъ даже вопреки желанію великаго князя, который отпраздновалъ тогда для поставленія въ митрополиты архіепископа Іону.

Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ константинопольской чрезъ посредство изгнанныхъ въ Константинополь ставленниковъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи. Поэтому, надо думать, отклонено было ходатайство Андрея Боголюбскаго объ учрежденіи особой митрополіи во Владимірѣ. Поэтому же въ XIV в., когда явилась опасность раздѣленія митрополіи, въ Константинополь вспомнили выгоды единства. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. выражена мысль, что изначальный порядокъ управленія русской церкви однимъ митрополитомъ возникъ «не просто и не случайно»; «но такъ какъ великая русская земля раздѣлена на многія и различныя мірскія княжества и на столько гражданскихъ областей, что имѣетъ многихъ князей, которые не менѣе раздѣлены по своимъ стремленіямъ, какъ по дѣламъ и мѣстамъ, такъ что многіе возстаютъ и нападаютъ другъ на друга и поопряются къ раздорамъ, войнамъ и къ избиенію своихъ единоплемениковъ, то божественныя оныя отцы, принимая во вниманіе, что не на добро и не на пользу имъ будетъ, если и церковная область распадется на многія части; что, напротивъ, единый для всѣхъ митрополитъ будетъ какъ бы связью, соединяющею ихъ съ нимъ

¹⁾ Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale. T. XVII. 2 partie, Paris 1851, p. 68 et 280—281, notice 261.

я между собою, установили тамъ одну власть духовную, за невозможностью привести къ единству власть мірскую. Прекрасно разсудили они, что подчиненные одному (духовному) предстоятелю и вождю, находились-бы въ мирѣ между собою: ибо всеѣ почитали-бы одну главу, поставленную по обряду истинно и перво-единой главы Христа»¹⁾. Богъ чѣмъ сомнительно, чтобы въ Константинополѣ были заинтересованы приведеніемъ къ единству власти мірской: политическое объединеніе Руси не входило въ планы константинопольскаго правительства. Но по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что тамъ были озабочены вопросомъ о зависимости мірскихъ князей отъ представителя духовной власти или по крайней мѣрѣ о наибольшемъ влияніи послѣдняго на первыхъ.

Въ 1160 г. патріархъ Лука Хрисовергъ, по поводу оправданія епископа Нестора, преподаетъ Андрею Боголюбскому правила о подчиненіи представителю церкви. Патріархъ убѣждаетъ князя не противиться суду всеѣхъ святителей, если онъ хочетъ имѣть часть со Христомъ Богомъ; предупреждаетъ князя, что если онъ не будетъ относиться къ епископу, «яко же подобаетъ», не будетъ почитать его поученія и даже учинить гоненіе на «сего Богомъ даннаго святителя и учителя, повиноваго имѣть чресъ законъ поученіемъ», то, гонорится въ посланіи, «иждоже ти буди, аще всего міра исполниши церкви,... гоними же епископа, главу церковную и людскую, то не церкви, то хлѣви, ни единыя же ти будетъ изды и спасенія». Посланіе заключается слѣдующей общей мыслью объ отношеніи князя къ епископу: «вопрошай главу свою, еже есть епископа твоего, да еще что глаголетъ сице твори. Никто-же бо отъ всѣхъ чловѣкъ: ли святитель, ли презвитеръ, ли мнихъ, ли аггелъ, ниже бо аггелъ съ небеси имѣетъ такону власть язати и рѣшати, развѣ единъ Боголюбивый епископъ твой, его-же положиъ Господь Богъ главу всей земли твоей и тебѣ, да иже чествуеши епископа, чествуеши Христа, образъ бо Христовъ имать и на Христовѣ сѣдалищи сѣдять»²⁾. Въ настоящихъ грамотахъ и соборныхъ опредѣленіяхъ о поставленныхъ въ Русь митрополитахъ преподаются правила о благопокореніи и послушаніи митрополиту.

¹⁾ Р. И. Б., VI, прилож., стр. 194 и 196. Въ 1347 г. императоръ Іоаннъ Кантакузинъ писалъ Болгарскому князю Дмитрію Любарту: «съ того времени, какъ русскій народъ получилъ богопознаніе и просвѣщенъ святимъ крещеніемъ, установлено тамъ обычаи и законы, чтобы во всей Руси—Великой и Малой—находился одинъ митрополитъ Кіевскій... Тамъ же, стр. 30.

²⁾ П. С. Д. т. IX, 222—229; Меларій, Ист. церкви, III, прил. 2-ое; Р. И. Б., VI, № 3.

Такъ въ грамотѣ 1354 г. о поставленіи митр. Алексѣя сказано, что благороднѣйшій великій князь и грочіе благородные князья, весь хлнръ и весь христонименный народъ обязаны оказывать ему «всяческое благопокореніе и честь во всемъ, что онъ будетъ говорить и внушать имъ на пользу ихъ душамъ и къ утвержденію благочестивыхъ и православныхъ догматовъ церкви Божіей; ибо оказываемое ему уваженіе, почтеніе и послушаніе относится къ самому Богу» ¹⁾). Почти буквально то-же сказано въ соборномъ опредѣленіи 1380 г. о поставленіи Пимена: «всѣ-же обязаны—епископы, князья, бояре, священствующіе, монахи и вся полнота христонименитаго народа—оказывать ему подобающее уваженіе, повиновеніе и послушаніе, какъ своему отцу и наставнику духовному. Пусть всѣ знаютъ, что оказываемыя ему честь, повиновеніе и послушаніе относятся къ нашей мѣрности, а чрезъ насъ къ Богу. А кто станетъ противиться ему, тотъ подвергнется отъ нашей мѣрности заслуженному каноническому наказанію» ²⁾). Можно было-бы думать, что всѣ эти предписанія о повиновеніи и послушаніи митрополиту слѣдуетъ относить исключительно къ сферѣ церковнаго управленія. Но даже и въ этомъ смыслѣ, въ виду тѣсной связи интересовъ церкви и государства въ древней Руси, эти правила должны были имѣть очень важное фактическое значеніе и въ исторіи государства. Въ дѣйствительности же они понимались гораздо шире. Извѣстно, что митрополитъ Алексѣй требовалъ повиновенія отъ русскихъ князей въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма отдаленное отношеніе къ сферѣ церковнаго управленія, и за ослушаніе предавалъ ихъ отлученію и жаловался на нихъ Константинопольскому патріарху. Патріархъ подтвердилъ князьямъ правила о послушаніи митрополиту, санкционировалъ наложеніе на нихъ наказаніе и обязывалъ ихъ неспросить у митрополита прощеніе. Извѣстно также, что онъ выразилъ великому князю полное одобреніе за то, что онъ оказываетъ митрополиту всякое послушаніе и благопокореніе ³⁾. Съ другой стороны, по канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя. Митр. Капріанъ, жалуясь на великаго князя за причиненные ему позоры и обиды, указываетъ, что все это учинено надъ нимъ безъ всякой съ его стороны вины, но къ

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 48.

²⁾ Тамъ-же, прилож., стр. 182 и слѣд. Еще подробнѣе преподается это правило въ пастольной грамотѣ митр. Фотію 1393 г. (хотя эта дата возбуждаетъ сомнѣнія въ подлинности грамоты; см. Макарія, IV, прил. XIV), А. И. т. I, № 254. Эта-же мысль повторяетъ и митр. Фотій. См. выше стр. 4, примѣч. 1.

³⁾ Р. И. В., VI, прилож. №№ 16, 18 и 20. См. ниже, гл. VI.

этому добавляетъ: «И аще-ли бы вина моя дошла которая, ни годится княземъ казнить святителейъ: есть у мене патриархъ, бблшій надъ нами, есть великій сборъ; и онъ бы тако послалъ вины моя, и они бы съ исправою мене казнили»¹⁾). Итакъ, съ одной стороны князья обяываются быть послушными митрополитахъ, а съ другой—митрополиты подчиняются только патриарху и собору. Такая тенденція придать духовному авторитету преобладающее значеніе послужила, быть можетъ, отчасти поводомъ, отчасти подкрѣпленіемъ аналогичной постановки вопроса объ отношеніи авторитетовъ духовнаго и свѣтскаго въ древней русской письменности.

Но кромя того эта тенденція имѣла еще другое очень важное практическое значеніе: она служила главнѣйшимъ основаніемъ для проведенія идеи о записности русскихъ княженій отъ византийскихъ императоровъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а именно въ церковномъ управленіи, эта записность представляется совершенно конкретной. Не смотря на стремленіе представителей византийской церковной іерархіи обособить дѣла церковнаго управленія и на теоретическія попытки нѣкоторыхъ императоровъ пронести грань между компетенціями свѣтскаго и духовнаго авторитетовъ, императоръ въ качествѣ помазанника Божія и верховнаго покровителя вселенской церкви, явился главой и въ сферѣ церковнаго управленія, чему немало содѣйствовало зависимое положеніе «вселенскаго» патриарха отъ императора²⁾). По праву такого главы онъ оказываетъ вліяніе на дѣла русской церкви, какъ одной изъ митрополій константинопольскаго патриарха. Патриархи же всѣми способами стремятся поддержать церковный авторитетъ императора въ глазахъ русскихъ³⁾).

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить участіе императора въ дѣлахъ о поставленіи митрополитовъ во всей Руси. Последнее происходило не иначе, какъ съ его согласія и соизволенія. Патриархъ свидѣтельствуетъ, что митр. Алексій поставленъ въ митрополиты его хѣриостью и освященными соборомъ «по соизволенію и согласію высочайшаго и святаго моего самодержца»⁴⁾). Также свидѣлствуютъ патриархи Нилъ и Антоній о поставленіи митрополитовъ

¹⁾ Р. Н. В., VI, стр. 184.

²⁾ Le Quien, *Oriens christ.*, стр. 137.

³⁾ Проф. Павловъ, Теорія восточнаго каинства, Прав. Обзор., док., стр. 756—757; Т. Барсовъ, тамъ же, стр., 447—448.

⁴⁾ Р. Н. В., VI, прил., стр. 48; то же повторено нилъ и въ другихъ грамотахъ, ib., стр. 54 и 68.

Пимена и Фотія ¹⁾. Такое право византийских императоров признавалось и русскими князьями, вследствие чего они обращаются съ просьбами о поставленіи въ митрополиты къ императору и патриарху. Въ 1352 г. великій князь Семенъ Ивановичъ ходатайствуетъ передъ патриархомъ и императоромъ о поставленіи Алексѣя; о томъ же пишетъ императору и вел. князь Иванъ Ивановичъ ²⁾. Въ началѣ XV в. Витовтъ просилъ царя и патриарха о поставленіи особаго митрополита для Литвы; но императоръ Мануилъ, по свидѣтельству Витонта, не послушалъ его праведнаго прошенія ³⁾. По свидѣтельству митр. Фотія, великій князь Василій Дмитріевичъ послѣ смерти Кипріяна писалъ въ Константинополь, «яко да его же по Божію хотѣнію изберутъ и приилютъ, той есть памѣ и святой сятитель кievскій и всяя Руси» ⁴⁾. По смерти Фотія великій князь Василій Васильевичъ отправилъ посольство къ святому царю и святѣйшему патриарху съ прошеніемъ и грамотами о поставленіи на митрополию епископа Іоны; впоследствии онъ жаловался, что по неизвѣстнымъ причинамъ прошеніе его не было принято ⁵⁾.

Но этихъ не ограничивалась компетенція императора въ дѣлахъ русской церкви: его вѣдомству подлежалъ также вопросъ о предѣлахъ митрополіи и о ея единствѣ ⁶⁾.

Великій князь Семенъ имѣлъ съ другими русскими князьями просить императора Іоанна Кантакузина о присоединеніи къ русской митрополіи отдѣлившейся отъ нея митрополіи Галицкой, и императоръ издаетъ хрисовулъ, въ которомъ сказано: «наше царское величество изволяетъ, постановляетъ и опредѣляетъ, чтобы святѣйшія епископы, находящіеся въ Малой Россіи... снова были подчинены святѣйшей митрополіи Кіевской ⁷⁾. Императоръ же, предсѣдательствовавшій на соборѣ, созванномъ для разрѣшенія пререканій между митрополитами Алексѣемъ и Романомъ, «по сино-

¹⁾ Первый пишетъ, что Пименъ поставленъ по суду священнаго собора «и по благоизволенію и согласію высочайшаго и святого моего самодержца» ^{ib}, стр. 182; второй—что «наше смиреніе съ Божіею волею и благоволеніемъ и поспѣшеніемъ святаго боговѣщаннаго царя» набрали и поставили Фотія. А. И., т. I, № 254. Самъ митр. Фотій въ своей душевной грамотѣ пишетъ, что онъ былъ поставленъ «хотѣніемъ и потцпеніемъ святаго царя по дѣйству святаго священнаго вселенскаго собора, отъ соборныхъ великихъ церква и отъ святѣйшаго великаго патриарха». П. С. Д., VI, 145.

²⁾ П. С. Д., X, 226 и слѣд.; Р. И. В., VI, прил., стр. 44 и 46.

³⁾ А. З. Р., I, № 24; Р. И. В., VI, № 38.

⁴⁾ Р. И. В., VI, стр. 329—330.

⁵⁾ А. И., т. I, № 39; Р. И. В., VI, № 62; П. С. Д., IX, 162—167.

⁶⁾ По этому поводу см. Новеллу Алексѣя Комнина, *Le Quien, Orients christ.*, стр. 141.

⁷⁾ Р. И. В., VI, прил., № 3; ср. тамъ же, стр. 28 и 32.

жденію и ради спокойствія и мира тамошней земли опредѣлить (о Ромашѣ), чтобы онъ, вмѣстѣ съ двумя литовскими епископіями съ присоединеніемъ Новгорода, митрополитской каѳедры, имѣли еще епископію Малой Руси». Патріархъ Каллистъ по этому поводу пишетъ, что все указанное «по рѣшенію и приговору нашей хѣрности, а равно... священнаго собора, должно имѣть силу и твердость, согласно съ распоряженіемъ и опредѣленіемъ высочайшаго и святаго моего самодержца». ¹⁾ Когда въ 1389 г. соборнымъ опредѣленіемъ было признано единство русской митрополіи и постановлено, чтобы такой порядокъ соблюдался и впредь по всѣмъ вѣкамъ, то императоръ подтвердилъ это особымъ хрисовуломъ ²⁾. Императору принадлежить и право участія въ судѣ надъ іерархами русской церкви. Такъ въ 1347 г. по приказу царскаго величества и соборному рѣшенію вызывался на судъ галицкій митрополитъ. ³⁾ Для разсѣдованія дѣйствиіи митр. Романа императоръ назначаетъ анокрисиаріевъ, которые о результатахъ слѣдствія должны были сообщить императору, патріарху и собору для постановленія приговора. ⁴⁾ Во время церковной смуты по смерти митр. Алексія, слѣдствіе предьявленныхъ противъ Пимена обвиненій, соборъ съ согласія патріарха и съ соизволенія императора постановилъ для разсѣдованія дѣла послать двухъ архіереевъ и священниковъ: одного изъ церковныхъ, другого царскаго ⁵⁾.

Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. компетенція императора по дѣламъ русской церкви опредѣлена слѣдующимъ общимъ образомъ: «высочайшій и святой самодержецъ, поборникъ и предстатель церкви, отъиститель и защитникъ ея правъ, приложилъ все стараніе къ тому, чтобы исправить русскую церковь, возстановить въ ней древній порядокъ и устроистію и уничтожить недавно возникшіе соблазны, дѣйствуя въ этомъ отношеніи достойно своему сану, великому разуму и царской мудрости, выражая заботу о томъ на-

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 74 и 76.

²⁾ Тамъ-же, прил., стр. 226. Когда митр. Капріанъ ходатайствовалъ о присоединеніи городовъ И. Новгорода и Города къ собственной епархіи, то посланные отъ императора и патріарха уполномоченные должны были разсѣдовать дѣло и отдать города или митрополиту, или суздальскому епископу, какъ будетъ надлежать по имѣющимся грамотамъ императора. Если же митрополитъ пожелаетъ присоединить эти города къ митрополіи, то долженъ обратиться къ императору о хрисовулѣ и къ патріарху о егизмѣ. Т. Барсовъ, тамъ-же, стр. 528—533.

³⁾ Въ грамотѣ митрополиту Феогносту императоръ пишетъ: «а относительно галицкаго (митрополита) мое царское величество опредѣлило, чтобы онъ прибылъ сюда на судъ по вводимымъ на него обвиненіямъ». Р. И. В. VI, прилож., стр. 24; ср. еще стр. 32.

⁴⁾ Тамъ же, прилож., стр. 82 и 84.

⁵⁾ Тамъ-же, прилож., стр. 212; ср. еще стр. 254.

родѣ словами, дѣлами и всѣми возможными способами, и ставя на второй планъ всѣ свои дѣла, лишь-бы въ той церкви все благоустроилось». ¹⁾

Предписанія императоровъ и постановленія соборовъ, касавшіяся русской церкви, приводятся въ исполненіе большею частью распоряженіями патріарха. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами императоры снисходятъ съ князьями. Въ этихъ случаяхъ тонъ ихъ грамотъ носитъ скорѣе характеръ убѣжденія, чѣмъ приказа. Такъ въ 1347 г. императоръ Іоаннъ Кантакузинъ сообщаетъ владимиро-волынецкому князю Дмитрію Любарту о присоединеніи вновь къ митрополю кievской епископій уничтоженной галицкой митрополии. Онъ убѣждаетъ князя подчиниться этому постановленію въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «И если вы по своему христіанству и благочестію предъ Богомъ являетесь благопослушными и благопокорными церкви Божіей и, послѣдствіемъ того, приняли прежнія церковныя грамоты, которыми галицкій епископъ возведенъ въ митрополиты, то и теперь, когда та-же святая Божія церковь и мое царское величество опредѣляетъ, чтобы дѣло опять пришло въ прежнее состояніе, примите это (опредѣленіе) съ удовольствіемъ, какъ благопотребное и клонящееся къ вашей душевной пользѣ. Сего ради да будетъ такъ, какъ объявляетъ вамъ мое царское величество» ²⁾. Около 1416 г., когда по жалобѣ митр. Фотія избранный въ митрополиты на Литву Григорій Цамблакъ приговоромъ собора былъ низверженъ, отлученъ и проклятъ, императоръ и патріархъ писали къ великому князю Витовту «о исправленіи вещи сѣя». ³⁾

Указанная форма убѣжденія въ сношеніяхъ съ русскими князьями по дѣламъ церкви заставляла усомниться въ возможности существованія какой-либо политической зависимости древней Руси отъ византійской имперіи. Въ дѣйствительности подобной зависимости и не существовало или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не установлено ни одного безспорнаго факта въ подтвержденіе такого предположенія; но идея объ ней возникла у грековъ довольно рано, продержалась довольно долго и получила нѣкоторое отраженіе даже въ официальныхъ сферахъ древней Руси.

Выше было указано, что въ Византіи считали всѣ земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ нея въ за-

¹⁾ Тамъ же, прилож., стр. 222.

²⁾ Тамъ же, стр. 34.

³⁾ Грамота императора неизвестна; но о ней сообщаетъ въ своемъ посланіи патріархъ. Р. И. Б., VI, № 40.

висяности не только церковной, но и политической. Древняя Русь не любѣла общей участи. Едва только таврѣцкіе руссы успѣли въ началѣ IX вѣка принять крещеніе, какъ патріархъ Фотій въ окружающѣмъ посланіи оповѣщаетъ, что «такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помышлявъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ римской державы, — въ настоящее время промѣняли эллиское и нечестивое учение, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставили себя въ чинѣ подданныхъ (ἐν ὁμολογῇ τῆς αἰῆς) и друзей (παλιν)», ичѣсто грабленія насъ и толковой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ жоланіе и ревность ибры, что приняли епископа и пастыря»¹⁾. Отъ половинны XII вѣка существуетъ смѣлѣтельство византійскаго историка Киннама, что императоръ Мануилъ смотрѣлъ на галицкаго князя Владимірка, какъ на своего подчиненнаго союзника или вассала²⁾. Неизвѣстно, когда получилъ русскій князь соотвѣтственный титулъ при дворѣ византійскаго императора. Писатель XIV вѣка Никифоръ Григора, рассказывая о величій римской имперіи, передаетъ слѣдующее старинное преданіе: «когда всѣ царства въ мірѣ соединились подъ властью римлянъ, ...тогда стеклись въ державный Римъ отовсюду многое множество людей; сюда являлись предводители войскъ, сатрапы властители народовъ, правители областей и городовъ, одни чтобы сдѣлаться извѣстными кесарямъ и августамъ, другіе чтобы получить себѣ отъ кесарскаго сената какой-нибудь чинъ или мѣсто.../Такъ при Великомъ Константинѣ правитель русскій (ὁ ῥωστικὸς) получилъ титулъ и санъ столбника» и проч.³⁾/ Это сообщеніе подтверждается указаніемъ другаго писателя того-же

¹⁾ По переводу проф. Голубинскаго, Ист. церквн, I, 32. Греческій подлинникъ у Румеллифа, Обзорніе коринцевъ, изд. 2, 234; такъ-же это мѣсто по переводу Степенной книги и Языкова. Любопытно, что авторъ Степенной книги, отнесъ это посланіе Фотія ко времени крещенія Руси при Владимірѣ, неосторожно «русскихъ самодержавителей» ставить въ чинъ «дослужниковъ и пріятелей» Степ. кн., I, 81—82.

²⁾ Этотъ подчиненный союзникъ боролся противъ Изяслава кіевскаго, который хотѣлъ высвободиться даже изъ-подъ церковнаго подчиненія константинопольскому патріарху, какъ это обнаружилось въ дѣлѣ поставленія митрополитомъ Климента. За враждебныя дѣйствія Венгрии противъ галицкаго князя императоръ объявлялъ ей войну, выставивъ въ числѣ мотивовъ обиды, причиненныя византійскому вассалу. Проф. Василевскій, Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ, Слав. Сб., т. II, стр. 235 и прим. 42, и еще стр. 248—249, прим. 82.

³⁾ Никиф. Григоріи, Римская Исторія, русск. пер. 1862 г., стр. 230—231.

ѣка, Максима Планудиса, который говоритъ, что «изъ порабощенныхъ римлянами народовъ и ихъ правителей Августъ отличалъ различными почестями и некоторыхъ изъ нихъ, показывая этимъ самымъ, что они вполне подчинены ему, а онъ оказывалъ имъ приличествующія почести: такъ правителя Руссовъ онъ почтилъ должностью стольника. Такъ что когда къ царю Андронику Палеогу пришелъ какой-то посолъ отъ Руссовъ, то онъ принесъ привѣтствіе въ такихъ выраженіяхъ, что, молъ, повелитель мой, царь Руссовъ, а твоего священнаго величества стольникъ, униженно преклоняется предъ твоимъ священнымъ величествомъ» ¹⁾/Судя по этому указанію, великій князь всея Руси носилъ еще въ XIV вѣкѣ званіе стольника византийскаго императора. Изъ другаго источника узнаемъ, что императоры продолжали включать въ свой титулъ, въ половинѣ XIV вѣка, званіе царей русскихъ. Но христіанскій/египетскій султанъ въ своемъ письмѣ около этого времени такъ титуловалъ императора: «rex Graecorum, rex Bulgarorum, Asaniorum, Blachorum, Rhossorum et Alanorum.» Вѣроятно, онъ употребилъ титулъ, какими именовать себя самъ императоръ ²⁾/Всѣ эти данныя согласно подтверждаютъ, что идея о политической подчиненности древней Руси византийскому императору получила среди грековъ широкое распространеніе и удерживалась еще въ XIV вѣкѣ.

Такое воззрѣніе нашло себѣ отраженіе и на католическомъ западѣ. Въ половинѣ XII вѣка германскій король Конрадъ III жаловался своему союзнику императору Іоанну Кожинну на русскихъ за серьезную обиду, нанесенную германскимъ подданнымъ. Конрадъ III требовалъ, «чтобы его византийскій союзникъ, какъ подобаетъ другу и союзнику и какъ уже обѣщалъ сдѣлать изъ своей грамоты, наказалъ русскихъ, которые оказали неуваженіе къ власти германскаго государя и убили его людей, отнявши у нихъ деньги». Императоръ отговаривалъ на это, что, «относительно дѣла, совершившагося въ Россіи, онъ поступилъ такъ, какъ отъ него ожидали и какъ это соответствовало его достоинству». Что сдѣлалъ и сдѣлали-ли что-нибудь по этому дѣлу Іоаннъ Кожиннъ—неизвѣстно. Его преемнику Конрадъ III еще разъ писалъ о русскихъ, о которыхъ онъ писалъ и блаженной памяти отцу Мануила, извѣщая, что онъ поручилъ своимъ посланцѣ передать императору сію вѣсть объ этомъ дѣлѣ. Если нѣмецкій госу-

¹⁾ Р. И. Б., VI, прилож., прим. на стр. 274.

²⁾ Stritter, Мемор. рор., II, 1027; цитовано по Голубинскому, Ист. Церкви, I, 139, прим.

дарь жалуется византийскому императору на русских, надѣясь получить удовлетвореніе, то отсюда явствуетъ, что онъ признавалъ за императоромъ верховныя права надъ Русью ¹⁾).

Но условія, при которыхъ могла бы пасть отраженіе эта идея на русской почвѣ, были не вполне благоприятны для грековъ. Съ начала возникновенія международныхъ общеній Руси съ Византіей грекамъ не одинъ разъ пришлось убѣдиться въ томъ, какой серьезной опасности они могутъ ждать отъ этихъ предприимчивыхъ варваровъ. Византийское правительство не разъ пыталось привлечь на свою сторону военныя силы Руси и включало въ мирные договоры условіе объ оказаніи русскими помощи противъ враговъ имперіи ²⁾. Необходимость повторять эти условія указываетъ, въ какой мѣрѣ они исполнялись. При Владимірѣ Святославичѣ Русь опять воюетъ съ имперіей. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, незадолго до принятія русскими христіанства, бѣдственное положеніе государства при императорѣ Василии вынудило его просить помощи «у царя русовъ—а они его враги» ³⁾. Кіевскій князь согласился исполнить просьбу императора, но подъ условіемъ, чтобы императоръ выдалъ за него свою сестру. «И заключили они между собою договоръ о свойственнѣхъ и женскихъ (женитбѣхъ) царя русовъ на сестрѣ царя Василия послѣ того, какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странѣ, а они народъ великій ... И послазъ къ нему царь Василій въ послѣдствіи митрополитовъ и епископовъ и они крестили царя и всѣхъ кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска русовъ также и соединились съ войсками грековъ» и т. д. ⁴⁾. Изъ другихъ источниковъ извѣстно,

¹⁾ Проф. Васильевскій, Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ, Ж. М. Н. Пр. 1884 г., июль, стр. 238—240.

²⁾ Въ договорѣ 945 г. сказано: «Аще-ли хотѣти начесть наше царство отъ вастъ вои на противящася намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послетъ къ намъ елико же хоцемъ». Лѣт. по Лавр. св., 51. По договору 971 г. Святославъ обязался: «аще нѣ кто помыслитъ на страну нашу, да ж азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ». Тамъ-же, 71.

³⁾ Извѣстія Ахъи Антиохійскаго и Ал-Меккиа. Есть указанія, что въ 985 и 986 гг. Русь въ союзѣ съ Болгаріей восстала противъ Византіи, которой было нанесено пораженіе при Сардики-Сраждѣ. Объ этомъ въ статьѣ проф. Успенскаго, Ж. М. Н. Пр. 1881 г., апр., стр. 293—294. Съ этимъ временемъ совпадаетъ извѣстіе лѣтописи о прибытіи греческаго посольства въ Кіевъ. Ср. проф. Васильевскію, Русско-византийскіе отрывки, Ж. М. Н. Пр. 1876 г., апр., стр. 145.

⁴⁾ Баронъ Роменъ, Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченіе изъ лѣтоп. Ахъи Антиохійскаго, стр. 23—25. Соответственное мѣсто Ал-Меккиа.

что посланный въ 988 г. киевскихъ князехъ союзный корпусъ достигалъ до 6,000 человекъ и оказалъ большія услуги имперіи. Съ этого времени по концъ XI вѣка союзный русскій корпусъ въ Византіи является постоянно дѣйствующимъ въ войнахъ имперіи на востокъ и западъ¹⁾. Онъ безразлично именуется союзной или наемной силой, союзниками или наемниками; на содержаніе его установлены въ имперіи особые денежные сборы и отбывалась населеніемъ натуральная повинность, какъ и для прочихъ регулярныхъ войскъ имперіи²⁾.

Существованіе въ византійской имперіи значительнаго союзнаго русскаго войска въ теченіе почти столѣтія со времени принятія христіанства могло-бы навести на предположеніе, что подобная постоянная служба была результатомъ особаго обязательства, принятаго на себя русскими князьями. Характеръ этого обязательства предстоптъ еще яснѣе. Извѣстно, напр., что вассальныя отношенія Сербіи къ Византіи выражались въ томъ, что первая должна

въ указ. статьи проф. Васильевскаго, стр. 140. Разборъ этихъ извѣстій въ статьяхъ, указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, и въ ст. *И. Лесикова*. Къ вопросу о времени крещенія Владиміра въ Руси, Христ. Чт. 1888 г., № 7—8, стр. 100—161, гдѣ представляется сводъ византійскихъ и арабскихъ извѣстій объ этомъ событіи.

¹⁾ Этотъ фактъ устанавливаетъ проф. *Васильевскимъ* въ изслѣдованіи: *Варо-русская дружина въ Константинополѣ*, Ж. М. Н. Пр. 1874 г., ноябрь, стр. 121—144, и 1875 г., часть CLXXVIII, стр. 76—133. Авторъ констатируетъ, что въ половинѣ XI вѣка союзный корпусъ равняется первоначальному контингенту, достигая до 6 тыс. Съ половины и до конца XI в., несмотря на затруднительность сношеній Руси съ Византіей, въ византійской арміи все-же находились русскіе полки. Результаты своихъ изслѣдованій авторъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ никакой возможности думать, что эти русскіе союзные полки, равно какъ и русскій союзный корпусъ, не суть постоянное учрежденіе въ византійской арміи, а являлись всѣхъ разъ снова по вызову потребности, сущимой въ Константинополѣ и признаваемой въ Киевѣ, т. е., никакъ нельзя предполагать, что нескѣль разъ, какъ встрѣчается въ византійскихъ хроникахъ упоминаніе о русскихъ союзныхъ силахъ, мы должны подразумѣвать новыя переговоры византійскаго монарха съ русскими князьями и новую послышку послѣднимъ военной помощи. Это было почти невозможно по самой природѣ вещей. Объ этомъ нигдѣ не говорится ни въ русскихъ, ни въ византійскихъ дѣяніяхъ, а противъ означенія такіе факты они не могли, или если могли, то одинокіи разъ, а не всѣхъ разъ какъ-бы систематически. Наконецъ, это противорѣчило бы прямымъ словамъ извѣстнаго намъ армянскаго историка, который утверждаетъ, что очень хорошо ему извѣстенъ русскій корпусъ 1000 года приближалъ къ Василию II за 12 лѣтъ передъ тѣмъ; противорѣчило бы буквальному и прямому смыслу тѣхъ мѣстъ въ византійскихъ хроникахъ, въ которыхъ русскіе полки появляются на театръ военныхъ дѣйствій въ Азіи или Европѣ не изъ Руси, а изъ Халдіи или изъ другихъ Малопонтийскихъ округовъ. Однимъ словомъ, мы должны признать непрерывное существованіе русскаго союзнаго корпуса въ Византіи въ видѣ постоянного учрежденія» Ж. М. Н. Пр. 1875 г., ч. CLXXVIII, стр. 99 и 100.

²⁾ Тамъ же, стр. 95 и 107, 127—128.

была выставлять при походах императоровъ на западъ или востокъ определенную военную силу ¹⁾. Однако, если какое-либо обязательство и можно предполагать со стороны русскихъ князей, то необходимо имѣть въ виду, что оно сопровождалось особыми договоромъ кровнаго родства съ византійскими императорскими домами. Выдать свою сестру за князя парварскаго народа было неслыханною вестью для византійскаго императора и, конечно, великой честью для русскаго князя ²⁾. Какъ смотрѣло византійское правительство на отношенія брачующихся сторонъ при столь неравныхъ бракахъ, показываютъ писемца византійскаго императора Михаила VII Дуки къ киевскому князю Всеволоду Ярославичу ³⁾. Императоръ титулуетъ русскаго князя игемонномъ, указываетъ на его знатность рода и въ одномъ письмѣ выдѣляетъ его изъ ряда другихъ владѣтелей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Что касается другихъ владѣтелей народовъ, то я полагаю будетъ достаточно, если я засвидѣтельствую имъ любовь письменно; они должны почитать за великое счастье, что я захотѣлъ быть съ ними въ согласіи... Но относительно твоего благородства и разумности я разсудилъ нѣчто большее: устроить согласіе дружбы; и не удивляйся, что я возвышаю тебя изъ среды другихъ владѣтелей и удостоиняю болышей чести, ибо тождество исповѣданія и вѣры божественной уже содѣлало нѣчто болышую гармонію въ нашемъ княжествѣ настроеніи». Въ другомъ письмѣ импера-

¹⁾ Проф. Васильевскій. Изъ исторіи Византіи въ XII в., Слав. Сб., т. II, стр. 236 и 248. Сербія считалась по праву изъ числа вассаловъ, подвластныхъ имперіи; до половинъ XII в. сербскіе жупаны Рассаи, обязанные сопровождать императора въ походы, отбывали эту вассальную повинность на основаніи точныхъ условій; напр., при походѣ въ Азію выставляли 300 человекъ воиска. Въ половинѣ XII у Сербіи возникли непріязненные отношенія къ имперіи. Послѣ пораженія въ 1150 г. сербскій жупанъ, Урошъ, «попергнутый въ прахъ передъ своимъ господиномъ, простершись въ ногахъ царя и только немного приподнявъ голову, пронапесъ клятву и обѣтъ вѣчной покорности. Онъ обязался напѣки быть рабомъ императора восточнаго и, какъ вѣрный вассалъ, сопровождать его на войнѣ съ опредѣленнымъ количествомъ воиска: при походахъ на западъ—съ двухтысячнымъ числомъ, при походахъ въ Азію—съ пятью-стами; слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ двумя стами болѣе, чѣмъ это полагалось прежде».

²⁾ Даже когда императоръ пѣмскій Оттонъ I въ 968 искалъ руки старшей сестры царицы Анны для своего сына, то ему отвѣчали: *Inaudita res est, ut porphyrogeniti porphyrogenita, hoc est in purpura nati filia in purpura nata, gentibus miscetur*. Объ этомъ у проф. Голубинскаго, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 139 и прим. 2.

³⁾ Эти письма сохранились безъ имени адресата. Проф. Васильевскій считаетъ возможнымъ по содержанію и выраженіямъ писемъ отнести ихъ только къ русскому князю, Ж. М. Н. Пр. 1875 г., декабрь, стр. 270—316. Такъ какъ эта догадка столь авторитетнаго византиниста не встрѣтила до сихъ поръ возраженій, поскольку это извѣстно автору настоящихъ очерковъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ опереться на этотъ фактъ.

торъ даже указывать, что «священные книги и достоверныя исторіи научаютъ, что наши государства оба имѣютъ одинъ и тѣ же источникъ и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что одинъ и тѣ же самовидцы божественнаго таинства и ищатели провозгласили въ нихъ слово Евангелія». Императоръ предлагаетъ русскому князю вступить съ нимъ въ общеніе «черезъ посредство родственной крови, чтобы чрезъ посредство членовъ отъ обоихъ (фамилій) скрѣпилось между нами самое прочное согласіе и сплался союзъ любви». Михаилъ VII Дука находится въ затруднительныхъ обстоятельствахъ при вступленіи своемъ на престолъ и, чтобы приобрести сильнаго союзника, прибѣгаетъ къ обычному средству византийской политики—брачному союзу¹⁾, предлагая русскому князю выдать его дочь за своего брата. Для достиженія этой цѣли русскій князь и возводился въ санъ кровнаго союзника, что должно было лести его самолюбію. Но, не смотря на такое почетное отнѣніе, авторъ письма говоритъ, какъ высшій съ низшимъ: «я тебя возвышаю; я тебя удостоиваю; тебѣ, конечно, не безынтересно, что такое есть императорская власть у нашихъ римлянъ, что даже тѣ, которые вступаютъ въ дальшее родство съ нами, почитаютъ такой союзъ величайшимъ благополучіемъ...; вотъ мое благопожеланіе, а твое благополучіе... ибо твоя власть сдѣлается отсюда болѣе почетною, и не будешь удивляться и завидовать тебѣ, получившему такое отнѣніе»²⁾. Изъ этихъ словъ очевидно, что и сопримчлененіе въ духовное родство христіанскіе государи по своему авторитету стояли значительно ниже императоровъ. И значительно ниже русское князья считались родственными союзниками византийскихъ императоровъ. Въ половинѣ XIV в. императоръ Іоаннъ Кантакузинъ слѣдующимъ образомъ титузуетъ московскаго князя Семѣна Ивановича: «благороднѣйшій великій князь всея Руси, любезный и сродникъ моего царскаго величества, кумъ Семѣонъ». Такъ-же именуется его и патриархъ: «благороднѣйшій князь всея Руси и любезный сродникъ высочайшаго и святаго самодержца моего»³⁾. Сродникомъ царскаго величества императоръ называетъ и владиміро-волынскаго князя Дмитрія Лю-

¹⁾ Kruse, Die Byzantiner des Mittelalters, стр. 100, 102.

²⁾ Переводъ текста письма въ указанной статьѣ проф. Вислицейскаго, стр. 274—279.

³⁾ Р. И. В., т. VI, прилож., стр. 16, 26 и 36.

барта ¹⁾. Согласно русским известиям, Василия Васильевича Тешаго византийский император титуловал уже братомъ. Русское сказаніе о Флорентійскомъ соборѣ, правда, въ позднѣйшей редакціи, влагасть въ уста императора Іоанна Палеолога слѣдующія слова о русскихъ великомъ князѣ: «яко восточніи земли суть большее православіе, имѣющее хрестіанство Бѣлая Русь, въ нихъ же есть государь брать мой, ему же восточніе цари прислушаютъ и великіи князи съ землями служатъ ему» ²⁾. Званіе императорскаго брата для русскаго князя вовсе не было только плодомъ тщеславной фантазіи автора сказанія. Такъ титуловалъ себя самъ великій князь; въ одномъ посланіи къ греческому царю 1443 г. онъ именуетъ себя «братомъ святаго ти царства» ³⁾, а въ другомъ отъ 1451-52—«сватомъ святаго ти царства» ⁴⁾.

Тотъ фактъ, что византийское правительство, считая русскаго великаго князя стольникомъ византийскаго императора, тѣмъ не менѣе титулуетъ его своимъ кровнымъ родственникомъ, вовсе не указываетъ на противорѣчія въ византийскихъ государственныхъ теоріяхъ. Особенно вѣжливая форма дипломатическихъ сношеній была скорѣе результатомъ тѣхъ уступокъ, какія приходилось дѣлать императорскому правительству по соображеніяхъ политическихъ выгодъ. Къ тому же это и не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ во всякомъ случаѣ, по воззрѣніяхъ грековъ, положеніе русскаго князя носитъ отбѣнокъ приниженности по отношенію къ императору. Образдо любопытнѣе и важнѣе оказываются данными, на основаніи которыхъ только-что указанный фактъ подтверждается съ другой стороны: византийскія государственныйя теоріи все-же нашли себѣ извѣстное отраженіе и въ воззрѣніяхъ русскихъ князей. Къ сожалѣнію, отрывочность упомянутыхъ данныхъ не позволяетъ воспроизвести съ желаніемъ подробностью характеристику этихъ воззрѣній. Тѣмъ не менѣе сохранившіяся указанія достаточно обрисовываютъ ихъ главнѣйшія черты.

Изъ отѣтной грамоты императора Іоанна Кантакузина великому князю Семену Ивановичу узнаемъ, что русскій князь изла-

¹⁾ Тамъ же, прилож., стр. 30.

²⁾ П. С. Л., VI, 152—153; VIII, 101; Визант., VI, 51—52.

³⁾ П. С. Л., VI, 162; ср. Р. И. В., VI, стр. 529, прим.

⁴⁾ Р. И. В., VI, № 71; А. И., т. I, № 41 и 262. Іоаннъ Палеологъ былъ женатъ на дочери великаго князя Василия Дмитріевича Апиѣ. П. С. Л., VIII, 86; въ 1411 г. князь отдалъ дочь свою Анну въ Царьградъ за Царевича Іоанна Мануиловича. Но императоръ Іоаннъ, вступая на престолъ, развелся съ женой и женился на трансукадской принцессѣ.

галъ ему свои мнѣнія о значеніи византійской имперіи. Императоръ подтверждаетъ его взгляды: «Да, царство Ромеевъ и святѣйшая великая церковь божія, какъ и ты писалъ, есть источникъ всякаго благочестія и училище законодательства и освященія»¹⁾. И здѣсь въ основу положена идея церковно-религіозная: царство Ромеевъ, какъ центръ вселенской церкви, есть источникъ благочестія. Но кромѣ того русскій князь преклоняется передъ этимъ царствомъ, какъ училищемъ законодательства²⁾. Отгнѣтить съ этой стороны знаніе Византіи было совершенно естественно для русскаго князя: не только общіе правовые норы, позаимствованныя у нея древнею Русью, служить тому достаточнымъ оправданіемъ, но также и сравнительная оцѣнка этихъ норъ. Какимъ значеніемъ пользовались въ древней Руси градскіе законы, видно изъ того, что по распространенію тогда взгляду они считались столь-же боговдохновенными, какъ каноническія постановленія вселенской церкви³⁾. Изъ посланій великаго князя Василія Васильевича къ императорамъ и патриарху, писанныхъ послѣ Флорентійскаго собора и наканунѣ паденія византійской имперіи, изъ которыхъ онъ именуетъ себя такими почетными отличіями (братомъ и святомъ императора), можно видѣть,

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 26.

²⁾ Также смотрѣли на Византію не только въ славянскихъ земляхъ, но и на католическомъ западѣ, гдѣ нѣкоторые считали Византію государствомъ, въ которомъ господствуетъ служеніе божественной религіи, законный порядокъ и начало гражданскаго права (*ordo legum et juris civilis ratio*). *Проф. Васильевскій*, Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ, Слав. сборн., т. II, стр. 245.

³⁾ Въ предисловіи къ «Мѣрилу Праведному» сказано: «заповѣданія отъ святыхъ... апостолъ и вса вселенная шестіи соборъ и помянутыхъ св... отецъ... подавшая въ нихъ повѣдѣнія и благочестивыхъ нашихъ царь и благовѣрныхъ князівъ... градскіе законы уставивша, отъ единого Св. Духа вси озарившеся... *Розенквинтъ*, Обзоріе Коричей, изд. 2, стр. 199; ср. *Калачова*, О коричей, прил. 56 и 65; *сю же*, Мѣрило Праведное въ Арх. Ист.-юр. свѣд., I, отд. III, стр. 30 и 31. Въ *Мѣр. Кн.*, ч. I, стр. 165: епископы поучали Владимира Св. казнить злыхъ, «яко же повѣдѣно есть вамъ въ божественныхъ правилахъ по градскому закону». Митр. Геронтіи писалъ арх. Геннадію, что еретики, на которыхъ есть свидѣтельства, «по царскимъ правиламъ отъ Божественнаго писанія достойны градскихъ казни». Р. И. В., VI, стр. 762. Иосифъ Волоцкій о градскихъ законахъ говорилъ, что «они подобны сѣмъ пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ» и ссылался на «свидѣнное писаніе... еже отъ градскихъ законовъ». Если-бы кто сказалъ, предусматриваетъ Иосифъ, что градскіе законы не апостольскія ниже отческія преданія, тому онъ рекомендовалъ ознакомиться съ *Иконономъ Черногоордецъ*, который пишетъ, что *номоканонъ* есть книга, въ которой святыми отцами размышаны божественныя заповѣди съ градскими заповѣданіями, «и кто убо дерзнетъ снхъ отложити или похулити?». *Проевѣдатель*, стр. 536—539 и 588. Митр. Даниилъ утверждалъ о градскихъ законахъ, что они «послѣдуютъ священнымъ правиламъ». Пренія Данила съ старцемъ Васильюномъ, стр. 2.

какъ высокъ былъ авторитетъ императора въ глаза русскаго князя даже въ то время. Онъ называетъ великаго князя Константина «благочестивымъ и снатымъ самодержцемъ всея вселенныя» ¹⁾, признавая тѣмъ самымъ мировое значеніе имперіи. Хотя императоръ Константинъ Палеологъ названъ только «самодержцемъ греческаго скипетра», но, по мнѣнію великаго князя, скипетры греческаго царствія не утратили еще мирового значенія: «воспріявъ есп, пишетъ онъ императору, свой царскій скипетръ, свое отечество, въ утверженіе всему православному христіанству нашихъ державъ и нашихъ владѣтельствъ русскія земли, всему нашему благочестію, въ великую похвалу». Согласно съ этими составленіемъ и титулъ императора: «державнѣйшій и боготѣчливый, и благочестія ревнитель, и попорочный православныя христіанскія вѣры теишый и непреклонный истинный поборникъ и правитель, и высочайшій царь и самодержецъ греческаго скипетра» ²⁾. Старыя традиціи и послѣ Флорентійскаго собора поддерживали церковный авторитетъ византійскаго императора въ глазахъ русскаго князя. Онъ оправдывается передъ императоромъ за поставленіе митрополита Іоны помимо Византіи: «и просимъ святое твое царство да не помыслиши о томъ на насъ, яко дерзости сіе сътворихомъ, еже сътворихомъ, ни обое славу великаго нашего господства; но сіе за великую нужу сътворихомъ, а не киченіемъ, ни дерзостью». Великій князь обѣщаетъ, что русская митрополія и въ своемъ новомъ положеніи сохранитъ прежнія отношенія къ вселенской церкви, попрежнему отсюда «благословеніе требуетъ и ищетъ, во всемъ по древнему благочестію повинуются ей... разиде нынѣшнихъ поволяющихся разгласитъ».

Но сохранить прежнія отношенія стало невозможно, такъ какъ разгласъя получили очень серьезный характеръ. У русскихъ князей съ царградскими царями и прежде бывали столкновенія, «негладости», какъ выразился митр. Іона, во время которыхъ русскіе митрополиты ставились помимо Византіи; но это были столкновенія чисто политическія. Въ XIV в. появились болѣе серьезные столкновенія по дѣламъ церкви. Поводомъ къ неудовольствіямъ послужили сначала попытки къ отторженію отъ русской митрополіи юго-западныхъ епископій: возникаетъ особая митрополія галицкая, поставляется отдѣльный митрополитъ для Литвы. Эти событія очень

¹⁾ Р. И. В., VI, № 62; П. С. Л., VI, 163 и слѣд.; А. И., т. I, № 39.

²⁾ Р. И. В., VI, № 71; А. И., т. I, № 41 и 263.

обезпокоивали московское правительство, и по поводу ихъ произошли первые неприятели объясненія у митр. Алексія съ патриархомъ. Последний оправдывался и шилъ во всемъ митр. Алексія¹⁾. Наконецъ, когда при жизни митр. Алексія явился въ Москву вновь поставленный митр. Кипріянь, то это событіе вызвало справедливое негодованіе великаго князя и митрополита. Кипріянь долженъ былъ удалиться. А когда онъ явился во второй разъ по смерти митр. Алексія, то съ нимъ поступили въ Москвѣ очень круто: съ великимъ безчестіемъ онъ былъ изгнанъ изъ московскихъ предѣловъ. Сажъ митр. Кипріянь, описывая это, между прочимъ замѣчаетъ: «слыши небо и земля и вси христіане, что сотвориша надо мною христіане, что-же ли сотвориша патриаршимъ послажъ, хуляще на патриарха, и на цря, и на соборъ великій: патриарха литвиномъ называли, цря также, и всечестный соборъ вселенскій²⁾. Исторія съ митр. Романомъ, неприятели объясненія изъ-за столкновеній съ Литвою и русскими: князьями, союзниками Ольгерда, наконецъ, инцидентъ съ митр. Кипріяномъ,—последи изъ московскихъ правительствъ сильное подозрѣніе въ искренности дружбы и благорасположенія византийской имперіи и церкви къ Москвѣ: ихъ заподозрили въ симпатіяхъ къ Литвѣ. Наступившая церковная смута, когда въ Константинополѣ поставили сразу трехъ митрополитовъ на Русь, должна была подтвердить эти подозрѣнія и во всякомъ случаѣ подрывала авторитетъ вселенской церкви и императора. Въ Москвѣ говорили, что они виновны въ смутѣ. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. сказано, что когда по обвиненіяхъ, предъявленнымъ противъ митрополита Пимена, изъ Константинополѣ рѣшили изсѣдовать дѣло и въ случаѣ подтвержденія обвиненій извергнуть его изъ церкви и поставить митрополитомъ Дионсія, то будто бы «это не только исполнило русскихъ, но разъярило ихъ всѣхъ противъ католической церкви, такъ что они излили на всѣхъ насъ потокъ многихъ ругательствъ съ прибавленіемъ насмѣшекъ, обвиненій и ропота». Частный случай послужилъ лишь поводомъ къ открытому заявленію неудовольствія въ такой рѣзкой формѣ; причины коренились глубже. Въ Византіи не могли простить такого неуваженія къ ея авторитету. На рѣзкія отношенія соборное опредѣленіе 1389 г. отвѣтило рѣзкими обвиненіями противъ митр. Алексія, котораго главнымъ образомъ считали причиной всѣхъ смутъ и обвинили въ неуваженіи къ главі церкви—патріарху; про него сказано, что онъ не только не пользовался

¹⁾ Р. И. В., VI, стр. № 25.

²⁾ Р. И. В., VI, стр. 185.

патріаршими увѣщаніями, ни во-что поставивъ патріаршія грамоты, но даже не удостоилъ писавшаго отвѣтомъ и показавъ полное неуваженіе къ своей главѣ. Но этого мало. Соборное опредѣленіе обвинило въ безпорядкахъ всѣхъ русскихъ: «Все что они заслужили сами, сплетая ложь, составляя ковы, услаждаясь лукавствомъ и совершая безчисленныя злыя дѣянія черезъ отправленныхъ ими пословъ,—все это они складываютъ на насъ!.. А церковь и не знала, на чьей сторонѣ правда. Передъ кѣмъ-бы имъ слѣдовало прятаться и молчать, противъ тѣхъ они подили ругательствъ, не пощадивъ самой церкви! Ко всѣхъ своимъ прочимъ беззаконіямъ прибавили они и это одно, или лучше сказать первое и самое тяжкое ругательство и хулу на Бога черезъ церковь¹⁾. Между Москвою и Константинополемъ, готовился серьезный разрывъ. Великій князь Василій Дмитріевичъ хотя и принявъ митрополита Кипріяна, который соборнымъ опредѣленіемъ 1389 г. назначенъ однимъ митрополитомъ всея Руси, но отнесся съ неуваженіемъ къ патріарху и его людямъ, не оказавъ имъ прежней чести и не позволивъ митрополиту поминать имя царя въ диптихахъ²⁾, говорилъ: «мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать

¹⁾ Тамъ же, прил., стр. 214, 200 и 202.

²⁾ Судя по описаніямъ нѣкоторыхъ сохранившихся служебниковъ, поминаніе царей при богослуженіяхъ не было обычнаго общераспространеннымъ въ древней Руси. Въ служебникѣ XII вѣка Антонія Римлянина и служебникѣ XIII вѣка Варлаама Хутынского и Новгородскаго Софійскаго собора стоятъ поминаніе лишь «благочестиваго князя нашего». Оп. ркп. Синод. Библ., отд. III, стр. 2; *Буслаевъ*, Историч. христоанія, стр. 69 и 95; Извѣст. Импер. Ак. Н. т. X, вып. VI, стр. 604. Въ служебникѣ же XIV в. митр. Кипріяна, который переписалъ этотъ служебникъ отъ грецкихъ князь на русскій языкъ рукою своею, стоятъ поминаніе «благочестивыхъ и вѣрнѣйшихъ нашихъ царей». Оп. ркп. Синод. Библ., отд. III, стр. 13—14; *Буслаевъ*, тамъ же, стр. 137. При этомъ любопытно, что соотвѣтственные мѣста служебниковъ Варлаама и Кипріяна дословно сходны, какъ въ первомъ мѣсто «царей» стоятъ «князя» и мѣсто «царство» — «владичество». Въ одномъ служебникѣ XV в. поминаются цари, а не князья; въ новгород. служебникѣ XV вѣка арх. Евфимія въ ектеніи упоминается о князьяхъ, княгиняхъ и ихъ чадахъ, а въ молитвенникѣ, писанномъ въ Новгородѣ въ 1462, на ектеніи упомянуты благочестивые цари, христолюбивый великій князь и всѣ благочестивые князья «иже русскою землею пекущиеся». Оп. ркп. Синод. Библ., отд. III, стр. 37 и 46; *Срезневскій*, Сводъ и замѣтки, № LXXIX, стр. 558. Даже въ служебникѣ конца XV или начала XVI в. въ молитвахъ и ектеніяхъ упоминается о царяхъ и только одинъ разъ послѣ царей упомянуто и о князѣ. Также въ сборн. XVI в. поученій Исаака Сиріина содержится правило для великаго поминанія живыхъ и умершихъ, гдѣ, между прочимъ, сказано: «спаси Господи и помилуй православныхъ царей и царицъ. Спаси Господи и помилуй благочестиваго и великаго князя иеркѣ». Оп. ркп. Синод. Библ., отд. III, стр. 48; отд. II, ч. 2, стр. 182. Между тѣмъ въ чинѣ избранія и поставленія въ епископы начала XV в. въ многолѣтіи и ектеніяхъ говорится только о великомъ князѣ и князьяхъ, а не о царѣ; тогда какъ въ этомъ торжественномъ богослуженіи скорѣе всего долженъ бы проявиться официально-политическій характеръ. Р. И. В., VI, стр. 441, 445, 459. Можетъ быть эта форма была послѣдствіемъ описываемаго столкновенія.

не хотишь». По этому поводу патриархъ Антонійъ отправилъ великому князю увѣщательное посланіе, въ которомъ высказалъ съ полною ясностью идею о всемірной монархіи и вселенской церкви. Касательно неоказанія чести ему и его посланъ, онъ писалъ: «ужели ты не знаешь, что патриархъ занимаетъ мѣсто Христа, отъ котораго и посаждается на престолъ? Не человѣка ты уничижаешь, но самого Христа! И, наоборотъ, кто чтитъ патриарха, чтитъ самого Христа. Если мы, за общіе грѣхи, потеряли города и земли, то отсюда не слѣдуетъ, что мы должны терпѣть презрѣніе отъ христіанъ: пусть мы уничтожены въ мірской власти, но христіанство проповѣдуется повсюду, и мы имѣемъ ту же честь, какую имѣли апостолы и ихъ преемники... Поэтому, слыш мой, пишу, внушаю и совѣтую твоему благородію, чтобы ты также чтилъ патриарха, какъ самого Христа, и оказывалъ уваженіе его словамъ, грамотамъ, извѣщеніямъ и людямъ, которыхъ онъ посылаетъ». Затѣмъ, по поводу распоряженія великаго князя—не упоминать имя царя въ диптихахъ—патриархъ представилъ цѣлый трактатъ о значеніи и величинѣ императорской власти: «свѣтлой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе, помѣстные князья и государи. Цари вначалѣ упрочили, и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественныя и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много поднизились противъ ересей; наконецъ, цари, вѣстѣ съ соборами, своими постановленіями опредѣлили порядки архіерейскихъ кафедръ и установили границы митрополитичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если, по божію попущенію, язычники окружили владѣнія и земли царя, все-же до настоящаго дня царь получаетъ то-же самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами воздается великимъ мѣрою и поставляется царемъ и самодержцемъ, рожденьемъ, т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патриархами, митрополитами и епископами, и этого преимуществна не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его, въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, неимѣющіе никакого общенія съ нашею церковью,—и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую (оказывали) въ прежнія времена, когда находились въ единеніи

съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане. И если язычники окружили землю царя, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ, это самое да послужить для нихъ урокомъ смиренія и заставить ихъ подумать, что если великій царь, господинъ и начальникъ вселенной, облеченный такою силою, поставленъ въ столь сѣшительное положеніе, то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные вѣдители и мелкіе князья?» Наконецъ, на замѣчаніе великаго князя, что «мы имѣемъ церковь, а не царя», патріархъ представилъ слѣдующее возраженіе: «Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣспотъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлать ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и ввели развращенные догматы... Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ 1-мъ соборномъ посланіи: «Бога бойтесь, царя чтите,» не сказалъ «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но—«царя», указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какого это (царя поелѣдуетъ чтить апостолъ)? Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ! Но какъ снѣтой и апостолъ, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть одного царя, поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго. Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то все эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тираніи и насилія (нежели права). Въ самомъ дѣлѣ: какіе отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о тѣхъ (царяхъ)? Но все и сверху и снизу гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются во всей вселенной и его только имя повсюду упоминаютъ христіане, а нечестиво-либодругого»¹⁾. Въ этомъ увѣщательномъ посланіи патріархъ исчерпалъ, можно думать, все доказательства византийскихъ государственныхъ теорій о мировомъ значеніи императора. Какъ видно, все онѣ строились на почвѣ церковно-религіозной и обставлялись доказательствами не безъ серьезныхъ натяжекъ, какъ это видно на примѣрѣ толкованія словъ апостола Павла. Второстепенное значеніе и низшее положеніе мѣстныхъ князей и государей отмѣчены въ посланіи совершенно категорично.

¹⁾ Р. II. В., VI. прил. № 40.

Повіяло-ли на великаго князя посланіе патріарха или что другое, но только вскорѣ послѣ полученія этого посланія онъ смятилъ свои отношенія къ Византіи. Въ 1398 г., когда въ Москвѣ получено было извѣстіе о напастьхъ Царюгороду отъ турокъ, великій князь, по совѣту съ митрополитами, съ братьями и прочими русскими князьями, послалъ туда въ милостыню много серебра¹⁾. По смерти митр. Кипріяна онъ просилъ въ Константинополѣ прислать оттуда митрополита, какъ говоритъ митр. Фотій. Наконецъ, въ 1411 г. великій князь выдалъ свою дочь замужъ за царевича Іоанна Мануиловича²⁾. Все это указываетъ на дружескія отношенія между московскимъ и константинопольскимъ дворами и заставляетъ предположить переѣзду или, по крайней мѣрѣ, смятеніе возрѣвшій великаго князя на свои отношенія къ императору.

Эти дружественныя отношенія продолжались недолго. Но даже и за этотъ короткій промежутокъ нападки на императора не прекратились. На этотъ разъ они исходили изъ Литвы, гдѣ Витовтъ, недовольный отказомъ изъ Константинополя поставить на митрополию его кандидата Θεодосія, первый рѣшился поставить митрополита соборомъ епископовъ. Въ оправданіе этой мѣры литовскіе епископы въ окружномъ посланіи объявили, что они отправляются отъ Константинополя, но не отъ церкви, «не могуще трыѣтити еже на церкви божію насилуваніе царено», такъ какъ патріархъ и соборъ «по правиламъ поставити митрополита не могутъ, но когѣ царь повелитъ». А царь дѣйствуетъ тутъ «спонихъ дѣла прибытковъ неправедныхъ», отчего покупается и продается даръ Св. Духа. Поэтому епископы признали неправеднымъ принимать митрополитовъ, которые «куплею поставленіи бывають отъ царя, міринина будуча челоуѣка», а не по волѣ патріарха и не по преданіямъ апостоловъ³⁾. Московское правительство по причинѣ вражды съ Литвой не только политической, но и церковной, не примкнуло на этотъ разъ къ высказаннымъ взглядамъ на императора, хотя имѣло на то въ близкомъ прошломъ немало подтверждающихъ данныхъ.

Очень скоро въ Москвѣ представился другой гораздо болѣе серьезный поводъ къ разрыву съ Константинополемъ. Въ 1437 г. явился въ Москву митрополитомъ всея Руси Исидоръ, хотя незадолго передъ тѣмъ посланъ былъ въ Константинополь для поставленія на митрополию рязанскій епископъ Іона. Императоръ Іоаннъ

¹⁾ П. С. Л., VIII, 71. Побрав. Сесѣд. 1867 г., ч. I, стр. 217.

²⁾ П. С. Л., VIII, 86.

³⁾ А. З. Р., I, № 24; Р. И. П., VI, № 38.

Палеологъ и престарѣлый патріархъ Іосифъ обязали Исидора явиться на соборъ въ Феррару для рѣшенія вопроса о соединеніи церквей. Но въ Москвѣ были очень недовольны какъ назначеніемъ Исидора, такъ особенно нахѣреніемъ послѣдняго отправиться на соборъ. Великій князь, какъ самъ писалъ впослѣдствіи, не хотѣлъ его принимать, и если приять, то только изъ нежеланія рупить изначальную старину. Онъ убѣждалъ и приказывалъ Исидору не ходить на соборъ. Но когда тотъ остался непреклоненъ, то великій князь съ соборомъ духовенства заклиналъ его принести «древнее наше благочестіе и православную вѣру, еже пріихомъ отъ прародителя нашего... и еже держитъ великая соборная и апостольская церковь греческая», въ чемъ митрополитъ и поклялся¹⁾. Но когда, по возвращеніи Исидора, оказалось, что онъ не сдержалъ своей клятвы, принесть «странна и чужа» въ православное христіанство и поработилъ русскую церковь подъ римскую, то былъ заключенъ въ монастырь, откуда бѣжалъ. Великій князь рѣшилъ предупредить обо всемъ случившемся царя и патріарха и просить разрѣшенія ставить митрополита соборомъ русскихъ епископовъ. Изготовленное два раза въ 1441 и 1442 гг. посланіе не было, однако, отправлено, такъ какъ въ Москвѣ узнали, что царь и патріархъ также придерживаются Флорентійской уніи. Въ рукахъ у московскаго правительства оказалось теперь очень серьезное основаніе къ разрыву съ Византіей. Самъ патріархъ въ 1393 г. признавалъ, какъ было указано, законнымъ поводомъ не признавать императора—отступленіе его отъ правилъ церкви. Внутренняя смута 1446 г. помѣшала московскому правительству опредѣлить свои отношенія къ имперіи и патріархату. Въ 1448 г. умеръ императоръ Іоаннъ Палеологъ, отказавшійся передъ смертью отъ Флорентійской уніи. Въ концѣ этого года былъ поставленъ митрополитомъ Іона, и только въ 1451—52 году великій князь шлетъ императору Константину Палеологу оправдательное посланіе, въ которомъ, какъ указано выше, старыя традиціи византійской имперіи оживаютъ въ широкихъ размѣрахъ. Но старыхъ отношеній возстановить было невозможно: Флорентійская унія не могла пройти безслѣдно; къ тому же и императоръ Константинъ Палеологъ въ 1453 г. подписалъ актъ объ уніи. Въ Москвѣ начало все сильнѣе и сильнѣе распространяться убѣжденіе, что съ Флорентійской уніи цариградская церковь «поколебася, отъ православія отступила», что царь и патріархъ «иноуждествуютъ, приближаются къ латынохъ.» Паденіе Константинополя только ускорило подготовлявшійся разрывъ и по-

¹⁾ Р. И. В., VI, стр. 531 и 560; Ник. Лѣт., V, 124—125.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

служило для русских публицистов лишним подтверждением для обоснования новой теории о московском царствѣ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой теории, будетъ небезынтересно хотя въ краткихъ чертахъ ознакомиться съ развитіемъ политическихъ идей на предшествующее время. Представленный очеркъ политическихъ и церковныхъ отношеній древней Руси и Византіи до известной степени долженъ объяснить предѣлы и характеръ политической проповѣди въ указанное время. При зависимости русской церкви отъ константинопольской, при взглядахъ на Византію, какъ на нѣчто недостижимое, и на древнюю Русь, какъ на нѣчто занимающее подчиненное или низменное положеніе, высшіе представители русской іерархіи—греки по преимуществу—должны были поддерживать эти взгляды. Если русскіе по византійскимъ понятіямъ «не имѣли полной собственной независимости, истиннаго національнаго самодержавія и самоопредѣленія, своей самобытной высшей политики», ¹⁾ то, при сложившихся отношеніяхъ, развитіе идеи объ истинномъ національномъ самодержавіи среди русскихъ не могло входить въ планы греческаго духовенства; не могла въ нихъ входить и идея о политическомъ объединеніи древней Руси по крайней мѣрѣ, отъ этого въ Константинополѣ заранѣе отказались «за невозможностью привести къ единству власть мірскую».

На чемъ же сосредоточивалась политическая роль духовенства со времени принятія христіанства и до той поры, когда начали вырабатываться понятія о самостоятельныхъ національных задачахъ московской Руси? Указаніе политическихъ темъ древнерусской письменности до половины XV вѣка, когда царство ромеевъ сошло со сцены, до нѣкоторой степени можетъ уяснить этотъ вопросъ.

¹⁾ См. статью проф. В. И. Ламанскаго въ Сб. Слав. Общ., т. I, 466.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическія темы древнерусской письменности ¹⁾.

Въ нашей исторической литературѣ политическую роль духовенства и книжниковъ изъ его среды въ періодъ времени до возвышенія Москвы обыкновенно ограничиваютъ дѣятельностью представителей церкви въ качествѣ миротворцевъ и посредниковъ. «Ихъ нравственный авторитетъ служилъ имъ на то, чтобы подворять между князьями согласіе, прекращать междоусобія и разобщать ихъ съ иновѣрными сосѣдями. Эти дѣла цѣли ясно выдаются изъ характеръ нашей лѣтописи и всей нашей духовной литературы ²⁾». Дѣйствительно, открывшіяся со смертью Владиміра св. междоусобія составляли серьезное зло политической жизни древней Руси, и духовенство считало своей главнѣйшей миссіей противодействовать ему, что и выразилъ одинъ изъ представителей русской іерархіи слѣдующими характерными словами: «книжко! ны есмь приставлены къ русской землѣ отъ Бога постигнати, насъ отъ кровопролития» ³⁾.

¹⁾ Настоящій очеркъ представляетъ попытку систематическаго обзора затронутыхъ русскою письменностію до половины XV вѣка политическихъ темъ. Это было необходимо для выясненія дальнѣйшаго развитія политическихъ идей. Полное разъясненіе означенныхъ темъ дастъ, конечно, историческій и историко-литературный обзоръ ихъ въ связи съ изслѣдованіемъ о литературныхъ взаимоотношеніяхъ ихъ Византіи. Такой задачи авторъ не могъ принять на себя за отсутствіемъ необходимой къ тому подготовки.

²⁾ Самарина, сочиненія, т. V, 183.

³⁾ Лѣт. по Ипат. сп., 460. Вотъ еще типичная рѣчь митрополита Николы Владиміру Мономаху: «созишся, княже, тобѣ и братамъ твоимъ, не можете погубити русскій земли; аще бо взмете рать межю собою, поганни пмуть радоватися и возмуть землю нашу, иже бѣша стѣжали отци ваши и дѣди наші трудомъ великимъ и храбростію, поборающе по русскѣй земзи, ины земли приискиваху, а вы хотите погубити землю русскую». Лѣт. по Лавр. сп., 254; П. С. Д., IX, 132. Въ 1270 г. вел. князь Ярославъ Ярославичъ просилъ митр. Кирилла ввести его въ миръ съ Новгородомъ, говоря: «твое убо есть въ миръ всѣхъ приводити, земли наче насъ твоихъ приимыхъ дѣтей». П. С. Д., X, 149.

Результаты этой деятельности были немаловажны²⁾; во въ какой мѣрѣ они зависѣли отъ того, что представителями духовенства въ то время были греки, а не природные русскіе, — сказать очень трудно, и едва-ли можно рѣшить въ ту или другую сторону подлѣтный учеными писателями по исторіи церкви споръ о томъ, было-ли бы лучше или хуже въ данныхъ случаяхъ, если бы во главѣ іерархіи стояли русскіе, а не греки.

Съ возвышеніемъ Москвы, когда представители духовенства принимаютъ близкое участіе въ княжеской борьбѣ за преобладаніе; задача мпротворенія и посредничества начинаетъ отступать на второй планъ, хотя и не забывается. Патріархъ Филофей напоминалъ митрополиту Алексѣю, что ему, какъ общему отцу и учителю, нужно примирять враждующихъ князей другъ съ другомъ, имѣть отеческую любовь и расположеніе ко всѣмъ князьямъ — любить ихъ равно³⁾. А великій князь Василий Дмитріевичъ напоминалъ митрополиту Кириллу: «вы поставлены къ миру и любви учить»⁴⁾. Исчерпывалась-ли этою деятельностью политическая роль духовенства и было-ли, какъ принято думать, «исключное мпротвореніе единственною политическою программою древле-русскихъ архіереевъ»⁵⁾? Существуютъ основанія, заставляющія признать, что программа эта была шире. Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что помимо непосредственнаго влѣянательства въ княжескія междоусобія духовенство и князья изъ его среды поставили своей задачей указать возможный практическій выходъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ какое привели страну княжескія междоусобія. Опасность положенія сознавалась хорошо современниками и даже самими князьями, которые и пытались на княжескихъ съѣздахъ урегулировать политическую жизнь и предотвратить насильственные захваты земель. Но безуспѣшность этихъ мѣръ вынудила одного изъ видныхъ представителей князей Рюриковичей искать болѣе спокойной жизни на сѣверовостокѣ Руси.

²⁾ Считаемо лишнимъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, такъ какъ весьма обстоятельный разборъ деятельности духовенства въ этомъ направленіи и оцѣнка ея уже дана въ русской исторической литературѣ. См. прекрасную статью «Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV в.», въ Приб. къ Твор. св. Отцовъ 1855 г., стр. 327—403, и статью Ф. Терновскаго, Участіе древле-русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ, въ Грѣдахъ Кіев. Дух. Ак. 1870 г., т. I, стр. 474—511. Слѣдуетъ и объективное изложеніе вопроса можно найти въ статьяхъ прот. И. Думитраки: Духовенство въ Россіи, въ Дух. Вѣстнѣ 1862 г. № 2—5 (т. XV) Ср. также проф. Голубинскаго, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 451.

³⁾ Р. Н. В., VI, прил. 114 в 160.

⁴⁾ Татищ., IV, 401.

⁵⁾ См. указанную статью Ф. Терновскаго, стр. 485.

Съ практическии совѣтами для устранения зла выступило и духовенство, хотя нельзя сказать чтобы совѣты эти отличались оригинальностью и опредѣленностью: они всецѣло были заимствованы изъ практической жизни. Но они именно и любопытны тѣмъ, что указываютъ на существующее правовое мирозерцаніе въ извѣстныхъ классахъ общества. Порядокъ старшійшинства, соблюденіе братнихъ предѣловъ, и какъ слѣдствіе, довозмѣсто собственною властью — потѣ тѣ начала, которыя оно рекомендовало для упорядоченія современнаго политическаго строя.

Начало старшійшинства, наслѣдіе родового быта, было вполне естественныхъ регуляторомъ отношеній и между князьями. Князья и пытаются построить на немъ порядокъ княжескихъ отношеній. Такъ, умирающій Ярославъ передаетъ Киевскій столъ «в себе мѣсто» старшійшему сыну Изяславу и велитъ прочимъ сыновьямъ слушать его, «якоже послушаєте мене, да той вы будете в мене мѣсто»¹⁾. Но въ эпоху уже сильнаго упадка родовыхъ понятій это правило и раньше и послѣ постоянно нарушалось, сталкиваясь съ пылинъ началами, которыя были выдвинуты практикой жизни. Въ защиту его, однако, выступили наши книжники изъ среды духовенства. Гресьма благодарной темой въ этомъ смыслѣ послужила для нихъ трагическая судьба Бориса и Глѣба.

Слагатель сказанія о св. страстотерпцахъ, Іаковъ Минихъ, и авторъ, чтенія о житіи и погубленіи блаженныхъ страстотерпцевъ, преподобный Несторъ, оба отмѣчаютъ въ братьяхъ черту смиренной покорности передъ старшимъ братомъ²⁾. По сказанію, дружина предлагать Борису сѣсть на отеческій столъ, говоря, что «се бо все вон въ руку твою суть». Но Борисъ отказывается отъ такого предложенія: «не буди ми взяти руки, говорить оутъ, на брата своего, еще же и на старшійша мене, его же быхъ имѣлъ ака отца». Въ житіи это мѣсто нѣсколько разукрашено. Восемь тысячъ воиновъ, ходившихъ съ Борисомъ на ратныхъ, предлагаютъ ему изгнать изъ Киева Святополка и посадить на столъ его — Бориса³⁾. Но Борисъ отклоняетъ это предложеніе, предпочитая ухереть, чѣмъ погубить столько душъ, и заключаетъ: «ни намы смѣю противитися старшійшему брату, еда како суда Божія не убѣжу»⁴⁾. По сказа-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 157; П. С. Л., X, 49.

²⁾ Мотивъ этой темы, съ различными вариантами, использованъ почти всеми лѣтописными сводами.

³⁾ «Мы, о владыко, предани семь благимъ отцемъ твоимъ въ рудѣ твои, нѣ да идемъ или съ тобою или однихъ, и тако того нужею ижденеи неа града, тебе же въ веденіи».

⁴⁾ Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ, под. Срезневскимъ, стр. 47 и 14—15.

нію, духовникъ Бориса (попаять его) и отрокъ его хвалить своего господина, отхѣчая, что онъ сподобился великой благодати, такъ какъ «не вехотѣ противитися брату своему любви ради Христовы, яко великы вои держа въ свою руку» ¹⁾; самъ авторъ въ заключительной похвалѣ, обращаясь къ князьямъ-братьямъ, говоритъ: «по истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособіемъ и зашщениемъ князи наши противу всталоушая державно побѣждаютъ» ²⁾. А Несторъ заключаетъ свое «чтеніе» слѣдующимъ вразумительнымъ поученіемъ, обращеннымъ къ современникамъ: «Видите ли, братіе, коль высоко покореніе, еже стяжаста святая къ старѣйшему брату. Си аще бо быста сопротивилася ему, едва быста такому дару чудесному сподоблени отъ Бога. Мнози бо суть вывѣ дѣтскы князи, не покоряющесе старѣйшимъ и супротивящесе имъ, и убиаемы суть; ти не суть такой благодѣти сподоблени, якоже святая сія. Яко что бо святую сею чуднѣе, еже въ такой чти и въ такой славі, ти тако покореніе нмунца, якоже и на смерть предастся. Мы же ни мало нмаемъ покореніе къ старѣйшимъ, но овогда преку глаголемъ имъ, овогда же укоряемъ я, многожды же супротивимся имъ». Ссылкой на примѣръ св. братьевъ авторъ старается вызвать у современниковъ желаніе подражать ихъ примѣру ³⁾.

Эта послѣдняя цѣль еще сильнѣе руксодила неизвѣстнымъ авторомъ «слова о князьяхъ», который гораздо детальнѣе обстановилъ свое поученіе, можетъ быть, сказанное въ церкви въ день поминовенія убиенныхъ братьевъ Бориса и Глѣба. Авторъ прямо обращается съ своимъ словомъ къ князьямъ, противящимся старѣйшей братни, и рать вздвижущимъ, и поганымъ на свою братію возводящимъ. «Слышите, говоритъ авторъ, како святыи Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отгятіе власти, но отгятіе живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете и за малую обиду пражду смертоносную владнжете; помощіе прѣмлете отъ поганыхъ на свою братію». Сославшись на примѣръ израильтянъ, которые призвали на помощь египетскаго фараона и въ наказаніе были иѣлены египтянами, авторъ приглашаетъ князей познать свое достоинство и честь, ссылается на примѣръ дѣда — св. Володимера и братьевъ — великихъ чудотворцевъ Бориса

¹⁾ Тамъ-же, стр. 50.

²⁾ Тамъ-же, 61.

³⁾ Житіе и сказаніе о чудесахъ св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Востоковъ, Оп. Рум. муз., № CLII, стр. 201 и слѣд.; Хрущовъ, Древнерусскія повѣсти и сказанія, стр. 64.

и Глѣба: «сима поревнуйте, сею образъ имѣйте, сима накажетесь. Аще-ли сатана кози вражду отвержетъ между братьею, да помянетъ сею силѣю, како смерти улюбита паче прѣяти, нежели вражду удержати, и то кто претерпитъ и миръ преже начнетъ, то сима отъ Бога равну мзду прииметъ». Авторъ подкрѣпляетъ свой совѣтъ еще другими примѣрами, указывая на Давида Силтославича, который ни съ кѣмъ не имѣлъ пражды. Если кто шелъ на него войной, то онъ «покореніемъ своимъ рать усталѣше», и при псехъ тѣхъ князигъ въ Черингоу «въ большехъ княженіи, пошеже бо старій брати своей». Если кто изъ братіи къ нему кринду творилъ, то онъ все переносилъ; а если кому крестъ цѣловалъ, то не еступалъ во всю жизнь, хотя бы кто и не исправлялъ цѣлованія относительно его. «Братья-же его видѣше тако суща, вси слушахуть его яко отца и покоряются ему яко господину: въ величїи тишинѣ бысть княженіе его» ¹⁾. Начавъ съ темъ о покореніи старѣйшей братіи, авторъ сбивается подъ конецъ на тему о смиреніи и братолюбіи вообще. Последнее доказываетъ, что духовенство обращало гораздо больше вниманія на тѣ благія послѣдствія, которыя должны были произтечь отъ примѣненія начала старѣйшинства, чѣмъ на самое это начало и на тѣ формы, изъ которыхъ оно должно было исполняться. А послѣдствія представлялись уму современника, смущенному неправдами дѣйствительной жизни, изъ весьма радужныхъ краскахъ: нужно было какими бы то ни было мѣрами добиться того, чтобы цвѣтлоушло братолюбіе и тишина въ княженіяхъ, чтобы земля русская расцвѣдилась и размогла въ братолюбии князей. Живая фантазія современника переносила его изъ этотъ радужный міръ, и онъ, принимая его какъ-бы за дѣйствительность, изъ умиленія повторять слова царя Давида: «се козѣ добро и козѣ красно, еже жити братома вкушѣ» ²⁾.

Но жизни шла своимъ путемъ, среди все болѣе возрастающихъ княжескихъ когоръ, и назидательному современнику, уже послѣ того, какъ Андрей Боголюбскій ушелъ отъ шума междоусобицъ, поить изъ болѣе спокойные предѣлы русской земли, все еще приходилось возвращаться къ старой темѣ: вѣрный своей методѣ объяснять всякую удачу или неудачу своимъ правоученіямъ, онъ такъ

¹⁾ Это слово цитируется по сборнику Древлехраняща Погодина № 1024, писанному уставомъ XV в. въ два столбца; сборникъ носитъ слѣдующее заглавіе: «Сіа книга именуетъся жєнчюгъ и матица азатая, сказаніє о кнѣзѣхъ вѣхъ». Слово о князѣхъ помѣщается на л. 263 об.—265.

²⁾ Лэт. по Лавр. см., 133; П. С. Л., IX, 73; Писмо. лѣт., IV, 214.

толковать побѣду Михаила и Всеволода надъ Ростиславичами; «Богу наказавшу князѣи креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити, а злыхъ челоуѣкъ не слушати, ниже не хотѣти межи братьею добра» ¹⁾. Наряду и наравнѣ съ началомъ старѣйшинства было указано еще другое начало, по которому должна быть перестроена политическая жизнь для достиженія лепо поставленной цѣли; оно находилось въ весьма близкомъ соотношеніи съ признаннымъ на Любечскомъ съѣздѣ порядкомъ распределения волостей ²⁾. Соблюдение «чюжого предѣла» — вотъ то новое средство, которое должно было повести къ подпоренію тишины и братолюбія. Оно явилось какъ бы коррективомъ къ началу старѣйшинства и указано было въ виду того, что мирное теченіе жизни нарушалось больше всего захватами чужихъ волостей. Однимъ изъ такихъ случаевъ произошелъ скорѣе послѣ смерти Ярослава, распрѣдѣлившаго волости между сыновьями. Святославъ Черниговскій, по уговору со Всеволодомъ, изгнавъ Изяслава съ Кіевского стола. Возмущенный такимъ насиліемъ лѣтописецъ извѣсть даже на Святослава напраслину, будто онъ «бѣ начало выгнанью братню, желая бо больше власти... преступити заповѣдь отцю, паче же Божью. Велии бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего...»; и въ заключеніе говорить: «не добро бо есть преступати предѣла чюжего» ³⁾. Изъ житія Феодосія Печерскаго извѣстно, что этотъ эпизодъ вызвалъ негодованіе и со стороны преподобнаго. Онъ началъ обличать Святослава за несправедливый поступокъ, «яко не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старѣйшаго прогнавши». Объ этомъ Феодосій посылалъ къ великому князю епископамъ, а иногда обличалъ его въ присутствіи княжескихъ пельможъ ⁴⁾. На одно изъ такихъ посланій князь сильно разгнѣвался и хотѣлъ сослать блаженнаго въ заточеніе, но послѣдній не испугался княжескаго гнѣва и «оттолѣ болющими начать того укорити о братоненавидѣши». Не достигнувъ результата этимъ способомъ, Феодосій хотѣлъ молибою уклонити князя и при встрѣчѣ съ нимъ захѣтити: «се намъ подобаетъ обличити и глаголати намъ, еже на спасеніе души, намъ же лѣпо по-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 357; по Ипат., 408; Лѣт. Переяс., 80.

²⁾ Князья условились: «да нынѣ отсѣдѣ имемся по єдино сердце и бзудемъ рускѣи земли; каждо да держитъ отчину свою». Лѣт. по Лавр. сп., 247; по Ипат., 167.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 177 и слѣд.; по Ипат., 128; П. С. Л. V, 147; IX, 100.

⁴⁾ «Се же и послѣже вписа къ нему епискозію велику зѣло, обличаа тоу, глаголя: гласъ крови брата твоего вопіетъ на тя Богу, яко Авесева на Каина, и нѣхъ многихъ древнихъ гонитель я убийникъ и братоненавидникъ преводя, и притчами тоу вся, аже о немъ, указавъ, и тако вписавъ, посла».

слушати того». Въ этихъ мирныхъ бесѣдахъ св. игуменъ много указывалъ князю «о любви брата» и «вспоминаше тому страхъ Божій и любовь, еже къ брату». Однажды за княжескимъ столомъ блаженный замѣтилъ: «аще боишися мене, тогда створи по моему, възврати брата твоего на столъ, иже ему благовѣрный отецъ предастъ». Но князь отмолчался. Θεодосій велѣлъ и въ «кѣтихѣхъ» поминать Изяслана, «яко столному князю тому старѣйшу всѣхъ, сего-же, яко чрезъ законъ сѣдша на столѣ томъ, не велиаго поминати въ споемъ монастырѣ»; только по умоленію братіи разрѣшилъ онъ поминать и Святослана, но послѣ Изяслава¹⁾. Къ сожалѣнію, епископъ Θεодосія неизвѣстенъ, и нельзя указать, въ чѣмъ онъ видѣлъ нарушение закона. И самое житіе не объясняетъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ этими нарушеніями: нарушение-ли старѣйшинства, или-же неприкосновенности чужаго предѣла. Последнее правдою—о соблюденіи чужаго предѣла—пропикло и въ сознаніе князей. Подъ 1100 г. въ Софійской первой лѣтописи отиѣчено: «Бысть княземъ русьскимъ межи собою миръ и любовь братіи... не вступатися въ чужей предѣлъ никому-же»²⁾. Легко убѣдиться что оба указанныхъ начала въ понятіи современниковъ не исключались одно другимъ, а, наоборотъ, признавались совмѣстными. Передъ Липецкимъ боемъ старый бояринъ Андрей Сташиславичъ говоритъ князьямъ Юрію и Ярославу, что по его мнѣнію «лучше есть миръ взяти и дати старѣйшинство старѣйшему твоему брату Константину Всеволодичю, а Новгородскія власти и люди отпустити, и чужихъ не возхищати, и не въ свои предѣлы не вступатися, но знати своя и сихъ стрепчи, и о семъ стоати накрѣпко»³⁾. Въ связи съ пропагандой идеи о ненарушимости чужихъ владѣній бытописатель всегда съ любовью останавливается на примѣрѣ тѣхъ князей, которые насильно не добивались княженій. Такъ мнѣтъ Іаковъ плагаетъ въ уста Бориса слѣдующія слова: «не вехотѣхъ-бо княскати княженія себѣ самъ, ничто же себѣ изволихъ...»⁴⁾. Погибель-же Изяслана Ярославича въ погонѣ, предпринятой въ защиту Всеволода, даетъ поводъ лѣтописцу заявить: «аще что створишъ есть въ свѣтѣ семъ, еторо согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не

¹⁾ *Изюмскъ*, Памятники русской литературы XI и XII вв., стр. L—LIV.

²⁾ П. С. Л. V, 154.

³⁾ П. С. Л. X, 71; Ср. IV, 22. Въ поученіи Константина Всеволодовича дѣтямъ сказано: старѣйшаго слушайте и чтите, и межи собою въ любви и мирѣ живите... и чужихъ не желайте и на чужіа предѣла не прескакайте, но будите своими доволни. П. С. Л. X, 80; ср. Лѣт. по Лавр. св., 450.

⁴⁾ Сказан. о св. Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскимъ, стр. 49.

желая большее волею, ии ижъныа хотя больша, но за братню обиду» ¹⁾). Память о такихъ князьяхъ лѣтопись увѣковѣчила подъ именемъ «князей братолюбцевъ» ²⁾).

Разработка указанныхъ темъ не шла дальше намѣченныхъ положеній и въ большинствѣ случаевъ сводилась на почпу общенравственныхъ поученій о любви, кротости, смиреніи и т. п. Лѣтопись не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не вернуться къ этой излюбленной темѣ ³⁾. Всѣ бѣдствія родной земли, особенно половецкія нашествія, покореніе Руси татарами и послѣдующія отъ нихъ опустошенія она объясняетъ гнѣвомъ Божиимъ за княжескія распри: «напеле Богъ... за неправду нашу, говоритъ лѣтописецъ, мно бо и князи ради, зане живяхуть въ которахъ межн собою» ⁴⁾. Легкость, съ какою монголы покорили Русь, объясняется ея политическою слабостью, вслѣдствіе дробленія на удѣлы ⁵⁾. Сѣверные князья не смогли выставить противъ татаръ даже такого союза князей, который выступилъ въ сраженіи при Калкѣ. Владимірскій князь Юрій Всеволодовичъ, славившій Бога и св. Богородицу за уклоненіе отъ черной истрѣчи съ татарами, собственною смертію и разореніемъ княженія искупилъ свою политическую близорукость ⁶⁾. Спокойствіе ростовской земли, привлекая Андрея Боголюбскаго, продолжалось недолго. И здѣсь, какъ это замѣтилъ современникъ про князей Михаила Ярославича и Юрія Даниловича, «сѣяшется и ростяше усобицами, гнѣяше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣщи скоротнишася челонѣкомъ» ⁷⁾. Всѣ мѣры, рекомендованныя нашими книжниками, какъ исходъ изъ тягостнаго положенія современности, оказались безплодными. Мѣры эти были слишкомъ общи, чтобъ можно было

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 197; П. С. Л. IX, 109.

²⁾ Лѣт. по Ипат. сп., 384; ср. П. С. Л. IX, 229.

³⁾ Для примѣра см. П. С. Л. VII, 121; IX, 120, 157, 164, 182, 190; X, 70—74, 138, 157.

⁴⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 458; П. С. Л. IX, 95; X, 164.

⁵⁾ Позднѣйшій бытоописатель по этому поводу отмѣтилъ, что когда умножились державствующихъ сыновья, и вмѣстѣ съ тѣмъ умножились области и возросло много вельможество, когда земля руская «преторжее на многія части» и возросла въ землѣ злоба, «паче же во владущихъ», — то слѣдствіемъ этого было то, что «державніи наши, аще и благочестиви бяху, но обаче другъ предъ другомъ честь и началство получити желаше и единъ единого отъ отеческаго достоянія изгоняше и каждо самочиниѣ тщашеся самодержавство восхитити». Степ. кн. I, 329 и 333.

⁶⁾ Позднѣйшій писатель вѣрно замѣтилъ, что «поглащена бысть премудрость могущихъ строити ратная дѣла... и сего ради ни едины отъ князей русскихъ другъ къ другу поиде на помощь». П. С. Л. X, 103—108.

⁷⁾ Срезневскій, Свѣд. и замѣтки, № VIII. Эти слова заимствованы авторомъ изъ Слова о полку Игоревѣ, (см. 2-е изд. Тихомирова, М. 1868, стр. 5).

или воспользоваться въ практической жизни. Хотя князья, поскольку они прониклись поучениями духовенства, и пытались при-
мѣнить указанныя мѣры для урегулированія своихъ отношеній, но
большую часть безуспѣшно. И религіозно-правственная сторона
указанныхъ поученій не имѣла практическихъ результатовъ: на
сѣверо-востоки древней Руси, особенно послѣ монгольскаго завое-
ванія, нравы не только не смягчаются, но захѣтно грубѣютъ.

Но политическая проповѣдь духовенства не остановилась на
этомъ. Тема, къ разсмотрѣнію которой предстоитъ теперь перейти,
является не менѣе важной. Слѣдуетъ замѣтить, что христіанство,
признавая сферу государственной жизни совершенно независимую,
вносило, однако, въ нее цѣлый рядъ общихъ принциповъ, кото-
рые считались обязательными для каждаго христіанскаго государ-
ства и пропагандировались на ряду съ религіозными истинами. Къ
числу такихъ принциповъ, оказавшихъ немаловажное вліяніе на
направленіе и характеръ государственной дѣятельности въ средніе
вѣка, слѣдуетъ отнести христіанскую идею о богоустановленности
власти. Эта идея представляла немалыя трудности для усвоенія
ея слишкомъ простымъ умомъ, непривыкшимъ къ отвлеченнымъ
построеніямъ. А отвлеченіе было необходимо, чтобы признать
эту идею съ фактами обыденной жизни. Пропаганда ея на Руси
началась послѣ заведенія христіанства и велась то съ мень-
шимъ, то съ большимъ рвеніемъ. Первое упоминаніе о ней нахо-
дится въ лѣтописномъ разсказѣ объ искорененіи разбоя при Влади-
мирѣ Св. Когда епископы обратились къ князю съ вопросомъ, по-
чему онъ не казнитъ разбойниковъ, а онъ отвѣтилъ, что боится
грѣха, то епископы научали его: «ты поставленъ еси отъ
Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милость; достоинъ ли
казнить разбойника, но со испытаніемъ» ¹⁾. Владимиръ, исполнявшій
съ охотой всѣ совѣты своихъ новыхъ учителей, могъ понимать въ
буквальномъ смыслѣ идею о своемъ божественномъ поставленіи:
спокойное единовластительство подкрѣпляло его въ этомъ убѣжде-
ніи. Но когда въ его потомствѣ открылась почти непрерывная

¹⁾ Лѣт. по Ламр. сп., 124; по Ип. сп., 87; П. С. Д. V, 123. По другимъ
лѣтописнымъ сводамъ, епископы не ограничились только такимъ краткимъ
наставленіемъ, а присоединили къ этому поученію о существенныхъ призна-
кахъ власти, согласно апостольскому ученію. Въ Някон. Лѣт. это мѣсто чи-
тается такъ: «подобаетъ ти со испытаніемъ и разсмотрѣніемъ алымъ казнити
по закону божественному, а добрыхъ миловать; понеже власть во оныхъ
снхъ послушныхъ окорилаетъ еже есть страхомъ и милостію; безъ снхъ бо
власть никакоже пребываетъ». П. С. Д. IX, 67. Это мѣсто носитъ характеръ
болѣе поздней передѣлки, какъ и любящее названіе его въ Степенной
книгѣ, I, 162—166.

борьба за обладаніе столичными городами, примиреніе этой идеи съ порядками дѣйствительной жизни стало затруднительнымъ. Въ дѣйствительной жизни господствовала большая путаница началъ относительно преемства столовъ: начало старшинства постоянно нарушалось празою добыванія волостей; начало семейно-вотчинное сталкивалось съ правомъ населенія призывать князя. Всѣ же эти колеблющіеся отношенія князя старались закрѣпить лишь посредствомъ соглашенія, ряда. Вводить въ эту сферу измѣнчивыхъ отношеній руководство верховнаго промысла—значило подвергать его всѣмъ случайностямъ непостоянства человеческой воли.

Но проповѣдь духовенства о богоустановленности власти не прекращалась. Митр. Иларіонъ въ извѣстныхъ словѣхъ о законѣ и благодати, обращаясь къ кагану Владимиру, говоритъ: «Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, его жъ сотвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству» ¹⁾. Въ посланіяхъ своихъ къ Владимиру Мономаху митрополитъ Никифоръ указываетъ, что «князья избраци бысто отъ Бога и возлюбленн бысте Имъ»; о самомъ же Владимирѣ онъ говоритъ, что «его Богъ издалеча проразумѣ и предпоселѣ, его изъ утробы освяти и помазавъ», и т. д. ²⁾. Въ началѣ XIV в. самъ константинопольскій патріархъ пишетъ великому князю Мхлану Ярославичу Тверскому: истинно видимъ, яко Богомъ дана ти есть власть и княженіе, понеже тишиши и держашаши, да ходять людѣ по правдѣ, въ славу Богу» ³⁾. Теорія божественнаго поставленія, однако, очень туго проникала въ сознаніе князей и понималась весьма конкретно, до такой степени конкретно, что въ умѣ современника божественное руководство заняло одинаковое положеніе въ ряду прочихъ конкретныхъ силъ. Бытописатель оправдываетъ на основаніи этой теоріи тѣ отношенія, которыя считаетъ правильными, и отмѣчаетъ, какъ противорѣчающія ей, тѣ, которыя, по его мнѣнію, достойны большаго или меньшаго порицанія. Половецкіе князья говорятъ Глѣбу Юрьевичу: «Богъ посадилъ тя и князь Андрей на отчинѣ своей и на дѣди-

¹⁾ Приб. къ Твор. Св. Отцовъ, II, 1844 г., стр. 246; Чтен. Общ. Ист. и Др. 1848 г., кн. VII.

²⁾ Памятн. рос. словеси. XII в., 163; Русск. Достоп. I, 63. Подъ 1206 г., по поводу назначенія Всеволодомъ Юрьевичемъ сына своего Константина въ Новгородъ на княженіе, современникъ вноситъ въ свои записки слова апостола Павла—«власти мирскія отъ Бога вѣщены суть». Дѣт. по Лавр. сп., 401.

³⁾ Р. И. В. VI. № 16, I. Въ повѣсти о житіи Александра Невского сказано: «о истину безъ Божія повелѣнія по бѣ княженіе его». Новг. дѣт. по Сягод. сп., Спб. 1888 г., стр. 252, прим.

ни», — и летописецъ не находитъ ничего страннаго въ этой рѣчи: она вполне отиѣчаетъ его міровоззрѣнію ¹⁾. Рассказывая объ извѣстномъ столкновеніи ростовцевъ и суздальцевъ съ владимірцами, летописецъ, между прочимъ, говоритъ: «сего же Михалка и брата его Всеволода избра Богъ и св. Богородица»; а нѣсколько далѣе продолжаетъ: «людые жѣзнии полодимерьстии... яшася по правду крѣпко и рекоша пси собі: любо Михалка князя собі налѣземъ и брата его Всеволода, а любо голоны свої положимъ за снютую Богородицю» ²⁾. Онъ же влагаетъ въ уста князя Всеволода слѣдующія слова, обращенныя къ Мстиславу Ростиславичу: «тобе ростовци привели и бояре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и володимерци» ³⁾. Въ этомъ сопоставленіи летописцу не кажется страшнымъ, что Богомъ избраннаго князя приходится налѣзать и приводить.

Но идея о божественномъ поставленіи властей, понимасмая даже въ конкретномъ линіи ея проявленіи, должна была содѣйствовать возвышенію княжескаго авторитета тѣмъ болѣе, что проповѣдь ея сопровождалась почти всегда другой тѣсно связанной съ ней темой, отпранной точкой для которой послужило апостольское ученіе о почитаніи властей. Такъ новгородскій епископъ Лука Жидита въ своемъ поученіи къ братіи наказуетъ: «Бога ся боитесь, а князя чтите. Раби будете первое Божіи, таже Господу чтите отъ всего сердца» ⁴⁾. Въ сборникѣ поученій XII в. русскаго писемъ, въ статьѣ: «Поученіе любовно», преподается такое-же правило: «буди боязнь предъ цесаремъ, готомъ въ новѣршіи его» ⁵⁾. Въ Коржечѣ XIII в. находится любопытная статья русскаго происхожденія — поученіе духовника непонѣдающихъся, — гдѣ сказано: «такое же и къ властельмъ страхъ и любь: боябоя ихъ съблюдеши отъ зла, имъ же ненавистъ приходитъ, и любя я, тѣхное отъ нихъ восприимши... Всяка власть отъ Бога; по снѣмъ же всѣмъ честь отдана» ⁶⁾. Въ одномъ поученіи XIII в. неизвѣстнаго автора, озаглавленномъ «Слою св. Отецъ, како жити крестьяноу», преподается слѣдующее наставленіе: «наипаче-же своему князю приязнь имѣти, а не мысли зла на нь. Глаголетъ бо Павелъ

¹⁾ Лавр. по Лавр. см., 339; по Илат. см., 379.

²⁾ Лавр. по Лавр. см., 359.

³⁾ Тамъ-же, 361; П. С. Д. V, 166.

⁴⁾ Макарий, Ист. русск. церкви, т. I, изд. 2-е, 279; Русск. Достоп. I, 10. (Объ авторѣ см. предисловіе въ Русск. Достоп., 4—6, и Срезневскому, Древн. памятники писема и языка, изд. 2-е, стр. 16.)

⁵⁾ Срезневскій, Слѣд. и зам. о малолетств. и невольств. нам., № LII, стр. 208.

⁶⁾ Р. И. В., VI, 124.

апостолъ: отъ Бога власти всяки устроены суть; рече-бо: Бога ея бойте, а князя чтите. Аще-бо властелемъ кто противится, то Божию суду повиненъ есть, повелѣнію-бо противится Божию ¹⁾). Этой-же темы касаются въ своихъ поученіяхъ и митрополиты, напр. Кириллъ, Алексѣй, Фотій ²⁾). Богъ подробнаго развитія этой темы мы не встрѣчаемъ до XVI в. Понятія представителей духовенства и книжниковъ вполне удовлетворялись положеніемъ, что такъ какъ власть учинена Богомъ, то князя и имѣютъ право казнить злыхъ и миловать добрыхъ; изъ страха передъ карающими мечемъ слѣдуетъ дѣлать добро и отвращаться отъ зла.

Къ указанной темѣ съ довольно ранняго времени присоеди-няется другая, заимствованная отъ отцовъ церкви и изъ ветхоза-вѣтныхъ ученій: идея о богоустановленности власти усиливается еще идеей объ ея обоготвореніи. Уже въ XII в. мы встрѣчаемся съ зачатками этого ученія. Въ приведенномъ нынѣ назидатель-номъ поученіи лѣтописца по поводу убійства Андрея Боголюбскаго, рядомъ съ словами ап. Павла о томъ, что власти отъ Бога учи-нены суть, стоитъ: «Естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть не-скому челоуѣку цесарь, властью же сана яко Богъ, вѣща бо великій Златоустецъ; тѣмъ-же противяся возости» и проч. ³⁾). Это жиѣніе о приравненіи царскаго сана божескому авторитету для

¹⁾ Журн. Минист. Нар. Пр. 1854 г. № 12; Правосл. Собѣе. 1859 г. № 1, стр. 134. Поученіе это относится къ XIII в.; въ немъ счетъ идетъ еще на рѣзаны. Очень сходно съ этимъ мѣсто въ «Сказаніи о заповѣдхъ св. отецъ, о покаяніи поученіе», гдѣ говорится: «наипаче же князю своему служите всѣмъ сердцемъ и властелемъ своимъ»... *Срезневскій*, Сводъ и зам., № LVII, стр. 307.—Ср. еще лѣтописный разсказъ объ убійствѣ Андрея Боголюбскаго, гдѣ ска-зано: «не вѣдуче (убійцы) глаголемо: нѣтъ-же законъ, ту и обидѣ много. И пакы Павелъ апостолъ глаголетъ: всяка душа властелемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть... тѣмъ же противяся возости, противяся закону Божию, князь бо не туне мечъ носитъ. Божій бо слуга есть». Лѣт. по Лавр. сп., 351; по Ипат., 402; Лѣт. Переясл. Свзд., 84.—Подъ 1206 г. лѣтописецъ предлагаетъ слѣдующее поученіе на ту-же тему: «И пакы апостолъ рече: власти мирскія отъ Бога вѣщаны суть; но власти боящися да зла не створимъ, да не отъ нихъ пакы и муку приемемъ; и того ради глаго-летъ: Богу слуга есть, мысля злодѣмъ; хоцещи-ли ся власти не боати, злаго не твори, и похвалитъ тя; аще же зло творишь, боися, не бо безъ ума мечъ носитъ». Лѣт. по Лавр. сп., 401.

²⁾ Кириллъ поучалъ новгородцевъ: «Господа Бога бойтеса, а князя чтитъ...». П. С. Л. X, 149. Митр. Алексѣй въ «поученіи отъ апостольскихъ правилъ къ христолубивымъ христіаномъ» писалъ: «А людская чадъ Бога бойтеса, а князя чтите». Приб. къ Твор. «в. Отцевъ, 1847, стр. 34. Митр. Фотій въ посланіи литовскимъ священникамъ и мирянамъ поучалъ: «сущемъ же надъ властію вѣру къ Богу несумѣнну приисете... и благопокореніе-же и повинованіе къ нѣе дана есть на вы власть и сила отъ Вышняго». Д. къ А. И. I, № 183, стр. 345.

³⁾ Замѣчательно, что это мѣсто находится не только въ сѣверныхъ лѣтописяхъ, Лаврентьевской и Переяславской, но и въ южно-русскомъ сводѣ. Лѣт. по Ип. сп., 402.

современника Всеволода Юрьевича является слишком рѣзкимъ анахронизмомъ ¹⁾: русская жизнь не знала еще такихъ князей, и даже попытка Андрея Боголюбскаго сдѣлаться самовластцемъ Суздальской земли не находить одобренія со стороны даже нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые упрекаютъ кн. Андрея за его неводержаніе, гордость и властолюбіе, и весь замыселъ его приписали навожденію записника рода человѣческаго—дьявола и слугъ его, лукавыхъ, злыхъ и завистливыхъ человѣкъ ²⁾. Но не смотря на безпочвенность этого ученія, наши книжники продолжали его пропаганду. Въ одномъ поученіи, обращенномъ къ князьямъ и озаглавленномъ «Наказаніе княземъ, иже дають волюсть и судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ»,—приподается слѣдующія слова: 1) царя Соломона—что «князь, любя судъ и правду, небо сѣть земное, и душа его—престолъ Христовъ»; его же: «бози будете и сынове Вышняго»; 2) ап. Павла: «князи и вса судья земскія слуги божія суть»; 3) Ефрема (Сирина): «Бози бывше, изирете, яко чловѣци, и по сеа мѣсто во адъ спедени будете», и 4) Іона (Нева): «Богъ въ себе хѣсто избра вастъ на земли и на своємъ престолѣ, внистъ, посади; милость и животъ положи у тебе» (sic) ³⁾. Любопытно, какъ приспособлялись эти отлеченныя теократическія идеи къ простому уму неразвитаго русскаго чловѣка, неуспѣшнѣе еще воспитать въ себѣ идею о величинѣ мірской власти. Въ упомянутомъ «Поученіи духовника исповѣдающимся» о властеляхъ, между прочимъ, преподано такое назиданіе: «Не мози же обыкнувъ ихъ рещи: и си чловѣци тацѣ же суть, ти родятъ о нихъ. Всяка власть отъ Бога», и проч. ⁴⁾.

Изъ идеи о божественномъ происхожденіи власти сдѣланы были два ближайшихъ важныхъ вынода. Первый вынодъ состоялъ въ

¹⁾ Въ Лавр. сп. лѣт., вслѣдъ за похвальнымъ словомъ князю Андрею, слѣдуетъ заключеніе: «молися поминувати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата» (стр. 352); а въ лѣтописи Пересл. Суд. вмѣсто имени Всеволода стоитъ: «молися поминувати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца» (стр. 84). Этотъ переславскій князь, племянникъ Андрея имѣлъ дѣтей отъ второго брака не ранѣе 1219 г., а приписъ сдѣлана, когда у него еще не было дѣтей, потому что въ ней заключается и моленіе о «прижитіи дѣтѣй благородныхъ». См. Оболенскую, Предисловіе къ Пересл. Лѣт., стр. III, и Полнова, Обзорніе Лѣтоп. Пересл. въ Уч. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, Памятники, стр. 61.

²⁾ Лѣт. по Ип. сп., 389—390; Ст. кн. I, 284; П. С. Л. IX, 221.

³⁾ Пам. стар. русск. литер. IV. 184. Въ «Повѣсти о житіи и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра» приводится пророчество Ісаіи «такъ глаголетъ Господь: князя азъ учиню, свѣщенникъ бо сущъ; и азъ возю я; во истину бо божѣ Божіа повелѣніа ге бѣ княженіе его». П. С. Л. V, 2; Новгород. Лѣт. по Синод. сп., СПб. 1868 г., 251, примѣч.

⁴⁾ Р. Н. В. VI, 124.

томъ, что если власть дается отъ Бога, то велья добиваться ей насильно. Второй выводъ,—что руководство божественнаго промысла предопредѣляетъ и качество власти. Древняя русская жизнь представляла не мало поводовъ для пропаганды перваго вывода. Насильственные поступки князей, поразительные по своей безчеловѣчности, вызываютъ рѣзкій ропотъ лѣтописцевъ. Вѣроломство Святполка, бывшее причиною мученической смерти Бориса и Глѣба, прежде всего обратило на себя вниманіе назидательнаго автора, который, по поводу нахренія Святполка избить всѣхъ своихъ братьевъ и захватить въ свои руки всю «власть русскую», изъ порыва негодовація восклицаетъ: «помысливъ высокоумьемъ своимъ, не вѣдый, яко Богъ даетъ власть, ему же хощеть; поставляетъ бо цесаря и князя Вышній, ему же хощеть, дать» ¹⁾. Подобное же правозученіе вызываетъ у лѣтописца и поведеніе рюстопцевъ, которые, «вознесшеся гордостію своею... не вѣдаяще, яко безъ смиренія ничтоже успѣваетъ», не позволили Мстиславу Ростиславичу заключить миръ съ Всеволодомъ Юрьевичемъ и настояли на войнѣ, изъ которой и были побѣждены ²⁾. Злодѣйскій умыселъ рязанскихъ князей Глѣба и Константина, замыслившихъ «избити всю братію, хотяще едины всю власть держати» также побуждаетъ лѣтописца напомнить «Писаніе, глаголющее: Богъ даетъ власть ему же хощеть, и поставляетъ царя или князя Вышній и воздвигаетъ отъ земли нища и посажаетъ на высокихъ; кто убо противится воли его или кто речеть противу его; Богъ бо есть, яко же хощеть, творить» ³⁾.

Второй выводъ могъ относиться главнымъ образомъ къ населенію, участіе котораго въ политической жизни, въ періодъ вѣчеваго быта, проявлялось, между прочихъ, въ формѣ признанія и изгнанія князей. Населенію изъ большинства случаевъ было выгодно имѣть сильнаго и вліятельнаго князя, за которымъ жилось безопасно и спокойно, а потому, если была возможность или необходимость выбора между нѣсколькими претендентами, предпочтеніе отдавалось сильнѣйшему. «Ты нашъ князь, коли силенъ будещи, а мы съ тобою, а нынѣ не твое время, поѣди прочь», го-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 136; по Ипат., 98; П. С. Л. IX, 74.

²⁾ П. С. Л. X, 2. Лѣт. по Лавр. сп., 361; Лѣт. Пер. Сузд., 89.

³⁾ П. С. Л. X, 78. Лѣт. по Лавр. сп., 418; Новг. лѣт. по Сив. сп., 207. Судьба суздальскаго князя Семена Дмитріевича,—который, добиваясь своей вотчины, нижегородскаго княженія, подъялъ многіе труды и истомы и служилъ въ ордѣ 8 лѣтъ, четыремъ царямъ, но ничего не успѣлъ,—наводитъ лѣтописца на размышленіе о томъ, что князь этотъ всеу трудился и «не вспомяну писанія, глаголющаго: его же хощеть Богъ поставляетъ князя и властелина и землдержца». П. С. Л. V, 254; VI, 131—132.

ворять Черные клобуки Изяславу во время борьбы его съ Юріемъ и съ ними соглашаются кїевляне ¹⁾. Этотъ ствѣтъ можетъ служить типичной иллюстраціей отношеній населенія къ выбору князей. Но такія отношенія являлись какъ-бы вѣдѣтельствомъ грѣхознаго народа въ руководство божественнаго промысла, усмотрѣнію котораго, по ученію книжниковъ, слѣдовало всецѣло предоставить выборъ властеля. Позднѣе, когда обычай призванія князей для большинства княженій пересталъ существовать, то же ученіе должно было прижирить населеніе съ качествами даннаго Богомъ властеля.

Указанная точка зрѣнія довольно рано была усвоена нашими духовенствомъ, а вѣдѣтъ за нимъ и нашими книжниками, которые въ подтвержденіе своихъ взглядовъ приводятъ слѣдующія слова писанія: «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устрояеть и судью, праящаго судъ»; наоборотъ, неправедныхъ князей, олицетворяемыхъ современникомъ въ образѣ князей юныхъ, любящихъ ниню пити съ гуслии и съ младами советниками, «Богъ дасть за грѣхы, а старыя мудрыя отъемлетъ, яко же Исая глаголетъ: отыиметь Госнодь отъ Ерусалима крѣпость и крѣпкаго исполина и челоуѣка храбра, и судью, и пророка, и смирена старца, и дична сиѣтника, и мудра хытрца, разумна послушника; и поставлю уюноу князя нмъ и ругателя обладающа нмъ» ²⁾. Такимъ образомъ достоинства поставляемаго князя обусловливались нравственными достоинствами данной земли, поскольку она успѣла угодить Богу. Существуютъ указанія, что при прижиреніи подобной идеи, заимствованной изъ ветхозавѣтныхъ ученій, къ русской дѣятельности отирапной точкой для нашихъ книжниковъ послужила разработка этой темы въ Византіи, занесенная и къ намъ.

Значительную часть Святославова Изборника 1073 г. занимаютъ вопросы и отвѣты Анастасіа Синаита, въ числѣ которыхъ находится слѣдующій: «О поставленіи властелемъ, яко не вся власти поставляеть Богъ, всеѣмъ же дѣлаетъ». Судя по заглавію вопроса, можно бы заключить, что ученіе о богоустановленности власти было ограничиваемо; однако, содержаніе отвѣта не оправдываетъ этого предположенія. Анастасій поставилъ вопросъ очень рѣзко. Исходя изъ словъ апостола, что всемірскія власти отъ Бога учинены суть, онъ спрашиваетъ: «да еда убо всякъ царь и князь или епископъ отъ Бога поставляется?» На основаніи словъ Божественнаго закона («Богу въ немощѣ глаголющу:

¹⁾ Лѣт. по Ил. сп., 279.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 136 и 361; по Ил., 98; П. С. Д. IX, 74.

дамъ вы князя по сердцемъ вашихъ») авторъ даетъ такой отвѣтъ: «да добръ съ вѣдомо, яко ови князи и царіе, достойни таковыя чти, отъ Бога поставляются; ови же пакы недостойни суще противу достоинству людехъ, тѣхъ недостойнства по Божію поупиенію или хотѣнію поставляются». Анастасій Синаитъ проводитъ, такимъ образомъ, весьма несущественную разницу касательно участи божественнаго промысла въ поставленіи достойныхъ и недостойныхъ царей или князей. Недостойные цари и князья поставляются вслѣдствіе недостойнства людей не только по Божію поупиенію, но и хотѣнію. Отсюда совершенно естественно былъ выводъ, сдѣланный Анастасіемъ: «егда узриши, говоритъ онъ, недостойна кого и ала царя, или князя, или епископа, не чудися, ни Божія промысла потыкай, ни разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашихъ тацѣмъ томилемъ предаемъ, тоже и тако ала не останемъ». Въ подтвержденіе этой теоріи приведены двѣ назидательныя повѣсти: о царѣ Фокѣ Мучителѣ и о беззаконномъ градѣ Вифандѣ. Одинъ черноризецъ изъ Константинограда, снятый мужъ, имѣющій къ Богу многое дерзновение и «пришея съ Богомъ въ простѣ», спрашивалъ про мучителя царя: Господи, зачѣмъ поставилъ такого царя? Гласъ Господень ему отвѣчалъ: «яко не нашелъ горша (злѣйша)». Въ законопреступномъ городѣ, изъ Вифандѣ, жилъ ибѣий пагубникъ, который подъ видомъ смиренія принималъ постриженіе, но не прекратилъ злыхъ дѣлъ. По смерти епископа въ этомъ городѣ, ангелъ Господень повелѣлъ поставить епископомъ вышеупомянутаго пагубника, который послѣ этого началъ еще болѣе кичиться и высились. Тогда ангелъ Господень, явившись къ нему, сказалъ: зачѣмъ величаешься, окольный? Повѣсть заканчивается слѣдующимъ назиданіемъ: «по-истиннѣ, яко недостойнъ святительствъ бысть епископъ, но иже градъ сей такого епископа достоинъ быти»¹⁾. Эта тема получила въ древней Руси весьма широкое распространеніе. Подтвержденіемъ ей послужили и слова, заимствованныя изъ Притчей Соломона: «мною цесареви царствуютъ, а силѣи пишють правду; мною вельможа величаются и мучители держать землю»²⁾. Дѣйствительная жизнь, вѣроятно, перѣдко побуждала, благочестивыхъ людей отыскивать успокоеніе въ этой теоріи. Въ лицѣ хановъ Золотой Орды, на которыхъ перенесены были отвлеченныя представленія о божественномъ происхожденіи власти³⁾, впервые

¹⁾ Изборникъ Святослава, по изд. Общ. люб. древн. писм., LV, 1880, г. 95—96.

²⁾ Мѣт. по Лавр. сп., 149; по Ил. сп. 107.

³⁾ Князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, отказываясь исполнить обрядъ прохожденія межъ огней, призналъ власть хана: «тебѣ, царю, вла-

появились такіе цари, которыхъ можно было смѣло причислить къ числу царей мучителей. Въ повѣсти объ убійствѣ тверскаго князя Михаила про богомерзкаго царя Озбьяка, который принялъ вѣру «Срачннскую и оттолѣ наипаче не пощадиши нача роду христіанскаго», сказано: «Яко же бо о таковыхъ рекоша царьскыя дѣти, иже плѣнени въ Вавилонъ, снче глаголаху: предасть ны въ руцѣ царю нечестивому, и законопреступному, и лукавѣйшиму паче всея земля; егда бо Господь градъ Ерусалимъ казня, предасть въ руцѣ царю Титу Римьскому; и пакы егда Феоцѣ Царьградъ предасть въ руцѣ, тако же не Феоку любя, но Царьградъ казня за людская согрѣшенія; еже и се бысть за наша согрѣшенія» ¹⁾. Политическая практика московскихъ объединителей точно также не разъ подавала поводъ къ пропагандѣ этой идеи. Съ этого времени указанный вопросъ-отвѣтъ Анастасія Синаита получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. Имъ, помидому, очень интересовался и горячій поборникъ московскихъ князей, митрополитъ Алексѣй ²⁾.

Въ повѣсти о Богѣ поручилъ царствіе и славу снѣта сего. П. С. Л. V, 184; VII, 154; Новг. лѣт. по Сил. см., 266; Макаріѣ, V, стр. 411. Въ позднѣйшей редакціи житія слова эти переданы такъ: «тебѣ же царю сущу жертвену и тѣлну, но яко власть имущу обладателю, честь воздаемъ и поклоняемъ, понеже врученъ ти еси царствіе отъ Бога...» П. С. Л. X, 131.

¹⁾ П. С. Л. V, 208; VII, 189.

²⁾ Въ сборникѣ, написанномъ его рукою, содержится и вопросъ-отвѣтъ Анастасія Синаита съ слѣдующимъ заглавіемъ, отличающимся отъ перевода въ Изборникъ: «О поставленіи владетелей, яко не вся убо во власть поставляются Богъ, всѣми-же дѣйствуетъ; и убо достойни, яко достойни поставляются, недостойни же на показаніе согрѣшннхъ и на обращеніе, и яко тою вещью, по правому суду Божию, преданы бывають языкомъ». Филаретъ, Обзоръ русск. дух. литер., изд. 3-е, стр. 75. Въ сборникѣ первое мѣсто занимаетъ Четвероєвангеліе, потомъ глава, содержащая вопросъ-отвѣтъ Анастасія Синаита, далѣе Дѣянія и посланія апостоловъ и Апокалипсисъ. О Новомъ заветѣ сохранилось свѣдѣніе, что онъ былъ «переводу и рукописанію св. Алексѣя»; см. Филарета, тамъ-же, стр. 73. Сдѣлавъ ли также митрополитомъ и переводъ Анастасія Синаита, — рѣшить не беремъ. Въ одномъ изъ сборниковъ Публ. Библи. Q. I, № 214, л. 157 об., слово Анастасія поестъ заглавіе довольно сходное съ только что указаннымъ: «О избраніи владетей — и яко вся убо власти не избираетъ Богъ, всѣми-же дѣйствуетъ. И яко избираетъ множицею недостойныхъ Богъ; и достойни убо яко достойни избираемы суть, недостойни же пакы къ наказанію сѣгряшающимъ и обращенію, и яко тѣмъ же образомъ по праведному суду Божию преданы въ языки; и яко показанія ради обладающе насъ зли суще; и проч. Это заглавіе совершенно сходно съ переводомъ этого слова въ изложеніи Никона Черногорца по почасскому наданію, л. 305 об. Переводъ этого слова въ пандектахъ относится къ XIV в., (Имп. ркп. Синод. Библи., отд. II., ч. 3, стр. 15, 21 и 37; Срезневскій, Сводъ и выѣтки № LV, стр. 218 и 248. О болгарскихъ и сербскихъ переводахъ пандектъ см. В. І. Калужнянскію, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ писма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ. Труды третьяго (Кіевскаго) археолог. съѣзда, т. II, прилож., стр. 246—252. Если митр. Алексѣй не самъ переводилъ слово Анастасія, то онъ могъ заимствовать его именно изъ переводовъ Никона Черногорца.

Известны и другие списки этого вопроса-ответа от XIV вѣка ²⁾. В рукописных сборниках XVI вѣка онъ уже очень распространен ³⁾.

Третьимъ выводомъ изъ идеи о богоустановленности власти было учение объ особой отвѣтственности царей и князей предъ Богомъ, сопряженной съ ихъ высокими саномъ, за исполненіе возложенныхъ на нихъ задачъ—«безъ блага Богомъ данные люди управити». Эти задачи прекрасно выражены въ отвѣтѣ печерскаго игумена Поликарпа князю Ростислану Мстиславичу: «вахъ Богъ тако велѣлъ быти: правду дѣлати на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ хрестномъ цѣлованьи вы стояти (и земли русскіе блюсти)» ⁴⁾. Но при всей видной сложности задачъ управления и онѣ оказались очень трудными для выполненія. Отправленіе правосудія, вызвавшее такъ много жалобъ и неудовольствій населенія, справедливо обратило на себя особенное вниманіе духовенства, которое такъ много содѣйствовало урегулированію этой сферы внутренняго управленія и стремилось пересоздать начала національнаго русскаго права при помощи церковнаго законодательства, заимствованнаго изъ Византии ⁵⁾. Съ точки зрѣнія божественнаго постановленія власти духовенство обратилось съ особымъ назиданіемъ князьямъ объ отвѣтственности ихъ за правый судъ. Въ предисловіи къ Русской правдѣ, по нѣкоторымъ ея спискамъ, и въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ «Слово Василия Великаго о судыи и о клеветахъ», эта отвѣтственность изложена, по Соломону, такимъ образомъ: «послушайте и внушите вси судящии земли, яко отъ Бога дасться вамъ власть и сила отъ Вышняго; и пакы: горе оправдающему нечестиваго мзды ради и отъ правнаго правду отъемлющему; давый бо вамъ власть Богъ истязеть

¹⁾ Опис. ркп. Троицко-Сергіевской Лавры, т. I, стр. 31. Въ сборникѣ XV вѣка Синодальной библіотеки находится статья, озаглавленная: «о влаетствѣхъ и повинующихся властемъ». Судя по началу—«егда всякъ царь и князь или епископъ и власти мірскіа вса отъ Бога поставляются»,—это тотъ же отвѣтъ Синапта, но, быть можетъ, въ передѣлкѣ. Опис. ркп. Синод. библіот., отд. II, ч. 2, стр. 634.

²⁾ Въ сборникахъ Публ. Библ. Ф. I, № 240 и Погод. древлехр. № 1287 переводъ слова Анастасія Синапта по заглавію и изложенію очень близокъ съ переводомъ въ Изборникѣ и даже одно неясное мѣсто въ послѣднемъ въ испорченномъ видѣ перешло и въ эти сборники. Даже въ XVII в. переписывалось это слово по переводу Изборника. Опис. ркп. Солсвецк. монаст. т. I, стр. 737.

³⁾ Лѣт. по Ин. сп., 363; сравн. П. С. Л. VII, 80.

⁴⁾ См. объ этомъ Калачова, Предв. свѣд. для объясн. Русск. правды, отд. IV, и—О кормчей въ системѣ древне-русскаго права; Розенкампфа, Обзоръ Кормчей; Чесолкина, О пространствахъ церковнаго суда въ Россіи (въ Собр. соч. т. VI).

скоро наши дѣла и помысли испытаетъ, яко служители есте царствія, ти не судисте право, ни сохранисте закона Божія... странно убо и скоро придетъ на ны испытаніе», и проч. ¹⁾. Близкое отношеніе къ приведенному отрывку имѣютъ также: «Слово Сирахово на немилостивые цари и князи, иже неправдою судятъ», и «Слово о властеляхъ и судіяхъ, емлющихъ мзду и несправду судящихъ», признаваемые за русское сочиненіе ²⁾. Таковы-же характеръ и особой статьи, находящейся въ нѣкоторыхъ спискахъ Коричей и въ отдѣльныхъ спискахъ «Мѣрила праведнаго». Въ ней отвѣтственность царей и князей изложена согласно евангельской притчи о талантахъ слѣдующимъ образомъ: «Нынѣ же цари и князи разумѣйте: вамъ бо поручилъ Богъ санъ и судъ свой на земли, яко се талантъ божій пріяли есте, да не глѣбистинымъ платомъ обливъ небреженіемъ погребете въ мысленней земли сердца своего, и во своемъ утѣшеніи помяните, яко должни есте, и имѣете, что подъяти скрытый талантъ, по тому было се невѣдомо» ³⁾. Въ томъ же духѣ, но гораздо болѣе близки къ практической жизни, являются два поученія, одно—озаглавленное: «Семена епископа тверскаго наказаніе», и другое—«Наказаніе княземъ иже дають волости судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ». Первое изложено въ видѣ повѣсти, гдѣ рассказывается, какъ князь полоцкій Константинъ у себя на пиру спросилъ монаха, гдѣ будетъ тіунъ на томъ свѣтѣ? Семенъ попъ отвѣчалъ: гдѣ и князь. Удивленный князь возразилъ, что «тіунъ неправду судитъ, а я что дѣлаю?» Тогда-то Семенъ попъ и преподавъ князю назиданіе, что если будетъ князь добръ, богобойнъ, жалуетъ людей, правду любить, и избираетъ тіуна или волостеля мужа добра и богобойна, исполнена страха Божія,—то князь и тіунъ будутъ въ раю. Если же князь будетъ безъ страха Божія, христіанъ не жалуетъ и сиротъ не милуетъ, постаняетъ тіуна или волостеля злаго, Бога не боящагося, не знающаго закона Божія—«только того дѣла, абы князю товара добывать»,—то князь и съ нимъ тіунъ будутъ въ аду ⁴⁾. Второе назидательное поученіе обязываетъ тѣ-же

¹⁾ Калачовъ. Предв. свѣд. для объясн. Русск. правды, изд. 2, стр. 240—241

²⁾ Розенкампфъ, Обзорѣн. Коричей, изд. 2, стр. 135—136; Востоковъ, Опис. рук. Румянц. музея стр. 305, 327—328.

³⁾ Розенкампфъ, тамъ-же, стр. 135; Востоковъ, тамъ-же, стр. 325; А. О. Бичковъ, Описаніе сборниковъ Публ. Библ. т. I, стр. 192, § 12.

⁴⁾ Памати. стар. русск. литер., IV, 185; Розенкампфъ, Об. Коричей, изд. 2, стр. 139. По времени составленія статья относится къ концу XIII в. Калачовъ, О Коричей, прим. 66; Срезневскій, Древн. памати. писемъ и языка, изд. 2, стр. 151.

общественныя язвы, что и предыдущее, и также, обращаясь къ какому-то князю, указываетъ, что князь не испытъ за погубленныхъ отъ его тѣла, «держа истину въ неправдѣ, любя незаконныя прибытки и тѣхъ дѣла напустивъ злаго судію на людѣ». Въ немъ только рѣзче отбѣчена отвѣтственность князей, которыхъ авторъ, согласно ветхозавѣтныхъ ученій, приравниваетъ богамъ ¹⁾: пользуясь словами Ефрема Сирина, авторъ угрожаетъ князьямъ: «Бози бывше, измрете яко челоуѣцы и во пса мѣсто въ адъ спедени будете», и заключаетъ «наказаніе» слѣдующей септенціей: «писано есть: не добръ позоръ лица въ курѣхъ и пегѣю лаву въ овчѣхъ паствити; единъ волкъ всю чреду смутитъ; одинъ тать на всю сторону мерзитъ; царю неправду—всѣ слуги подъ нимъ незаконны суть» ²⁾. Но такъ какъ незаконные слуги составляли обычное явленіе русской исторической дѣйствительности, то не прекращалась и настоятельная пужда въ проповѣди духовенства князьямъ и властелямъ о правотѣ судѣ. Съ такою проповѣдью выступаютъ и высшіе представители духовенства. Такъ митрополитъ Алексій, въ поученіи отъ апостольскихъ дѣяній, преподаетъ властямъ слѣдующее: «А князи и бояре и вельможи судите судъ милостиво: судъ бо безъ милости есть не створшему милости, хвалится милость на судѣ; мѣды на неповинныхъ не принимайте и не на лица судите, судъ бо Божій есть; судите людемъ правду, и вдовицъ, и сиротъ, и приплещъ не обидите, да не возникютъ на насъ къ Богу» ³⁾. На ту-же тему поучалъ и митрополитъ Фотій ⁴⁾.

Соотвѣтственно ученію, что немилостивыхъ и злыхъ царей и князей поставляетъ Богъ за грѣхи людей, и во всѣхъ приведенныхъ поученіяхъ объ отвѣтственности князей идетъ рѣчь исключительно объ отвѣтственности ихъ передъ Богомъ, въ загробной жизни. Но такая отдаленная отвѣтственность являлась плохой сдержкой для эгоистическихъ стремленій людей того времени. Отвѣтственность въ этой жизни, на землѣ, конечно, болѣе-бы импонировала

¹⁾ См. выше стр. 41—42.

²⁾ Памятн. стар. русск. ят. IV, 184.

³⁾ Приб. къ Твор. св. Отцовъ, годъ пятый, 1847, стр. 33—34.

⁴⁾ «Бы-же, благородни князи и вельможи, шже народъ Христова люда, врученный вамъ сущи, мзю непреложно благотѣтельство всяко и заступленіе стяжати... и во всемъ сдержавъ нелицемѣрный судъ Божіа правды, шбо яко держава дана есть вамъ и сила отъ Вышняго... И убо, чада мои, немилостивымъ владелцемъ судъ напрасенъ бываеъ, и державнымъ же пакы и сильнѣйшимъ грозное отъ праведнаго Судіа нажежитъ шпытаніе». Д. къ А. И., т. I, № 183, стр. 344 и слѣд. Ту-же тему развивалъ митрополитъ Фотій и въ посланіи къ псковичамъ. Р. И. В. VI, стр. 470—471.

ихъ. Наши князья не преминули отмѣтить возможность и такой отвѣтственности: разгнѣванный Богъ могъ покарать нежестокыхъ и злыхъ властителей за грѣхи еще при ихъ жизни. Князья учили: «Аще бо князи правдивы бываютъ въ земли, то многа отдаются согрѣшенъ земли; аще ли зли и лукавы бываютъ, то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли; тако бо Исая рече: согрѣшиша отъ главы и до ногу, еже есть отъ цесаря и до простыхъ людей. Лютъ бо граду тому, въ немъ же князь уиъ, любяи вино пити съ гуельми и съ младыми свѣтшны» ¹⁾. Въ дѣйствительной жизни древне-русскіе публицисты нашли подтвержденіе своей теоріи. Они предпочитали останавливаться на прихѣтрѣ «праведныхъ» князей. Вотъ что, напр., читаемъ мы въ сказаніи XIII в. о подвигахъ и жизни св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невского: «о таковыхъ рече Исая пророкъ: аще въ коей странѣ князь благъ и уиѣтливъ, кротокъ и смиренъ, по образу Божию есть,... на таковыхъ Богъ призираетъ и милость свою показуетъ на нихъ, якоже и сего великаго князя Александра ураспространи Богъ землю его, и богатствомъ и славою изобилува» ²⁾. Бѣдствія же родной земли тѣ же публицисты охотнѣе объясняли гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи людей, а не за грѣхи князей. Но какъ-бы ни объяснились причины бѣдствій, несчастная страна несла двойную отвѣтственность: за грѣхи народа и за грѣхи князей. Оба эти положенія въ теоріяхъ публицистовъ не исключались одно другимъ. Митрополитъ Кипріянь, въ укорительномъ посланіи за свое поруганіе отъ великаго князя и его людей, писалъ: «не вѣстели, яко грѣхъ людскій на князи, и княжескій грѣхъ на люди нападаетъ?» ³⁾. Въ виду такого нерадостнаго вывода радѣтели о благѣ земли возлагали тѣмъ большую надежду на «праведныхъ» князей и царей, которые должны были исправить нестроенія людскія, страхи или милостію приводя людей къ Богу. Но нашлись скептики, которые считали предъявленное требованіе невыполнимымъ. Ссылаясь на авторитетъ Вислія Великаго, они приводили слѣдующую мысль: «Мнози жалуются на царя и на судіа: не исправляютъ людскихъ вещей. Азъ же глаголю: не властвующихъ безуміе, но нашъ грѣхъ некрываетъ все, и печали множество вѣліа на насъ. Аще-бы Авраамъ и Моисей, или Давыдъ, или Соломонъ Премудрый владѣли.

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 136 и 361; по Епист., 99; П. С. Д. IX, 74.

²⁾ Сказаніе по списку XIII в. изд. арх. Леонидомъ въ Трудѣхъ Общ. люб. древн. писм. 1882, стр. 10. Указанное мѣсто приведено по изложенію бгѣе яснову: Степ. Кн. I, 368.

³⁾ Р. И. В. VI, стр. 176.

надъ нами, но мы, сгубшая, не утѣхъ вины. Глаголетъ писаніе: даждь вамъ князя по сердцу вашему, такого предстателя улучивше. Аще и зѣло праведникъ есть князь и до Моисѣйскаго добродѣшя пристигъ, како можетъ того правда покрыти грѣхи всѣхъ подручникъ»¹⁾.

Поимно указанныхъ выше задачъ управленія въ томъ видѣ, какъ онѣ истолковывались духовенствомъ, послѣднимъ была указана и еще одна, занимавшая изъ византийскихъ политическихъ теорій, въ силу которыхъ императоръ являлся высшимъ блюстителемъ чистоты православія. Любопытно, что эта мысль впервые, если не ошибаемся, проводится грекомъ, митрополитомъ Никифоромъ, въ двухъ посланіяхъ къ Владимиру Мономаху. Въ одномъ изъ нихъ, гдѣ митрополитъ разсматриваетъ начала добра и зла въ человѣкѣ и затѣмъ применяетъ свои выводы къ идеальной личности князя, онъ говоритъ, что нашелъ князя «благовѣрна по Божіи благодати и не уклонивша отъ первыя вѣры... христія же еже по Божѣ ревность и до сего днѣ, и молю Бога доконцати съблюдену быти цѣлу; съблюдену же ти се будетъ, аще въ стадо Христово не даси влѣку винити, и аще въ виноградъ, иже насадн Богъ, не даси насадити трѣнія, но съхрани ти преданія старое отецъ твоихъ»²⁾. Въ послѣднихъ словахъ авторъ очевидно предостерегаетъ князя отъ католическаго вліянія, что было вполне умѣстно въ виду возбужденной въ то время полемики противъ латинъ. Объ отступленіи латинъ отъ православія митр. Никифоръ написалъ тому-же князю особое посланіе, гдѣ исчисляетъ причины отпаденія западной церкви. Въ заключеніи посланія онъ, между прочимъ, высказываетъ мысль, что князьямъ подобаетъ, «яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на православную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣстно, и основаніе церковное твердое, да ни ти будутъ основаніе, якоже есть снѣгъ церкви, на свѣтъ и наставленіе порученымъ имъ людямъ отъ Бога»³⁾. Безспорно, среди князей можно указать не мало ревностныхъ поборниковъ религіи; но ихъ ревность проявлялась не на поприщѣ, указанномъ митр. Никифоромъ, такъ какъ спокойствіе русской церкви не нарушалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами. Татарское завоеваніе, правда, вызвало опасеніе современника за безопасность христіанской вѣры; но крайней мѣрой, онъ замѣ-

¹⁾ Сборн. Погод. древлехран. № 1287, л. 191 об.—192.

²⁾ Русск. Достоп., I, 70; переводъ этого посланія у митр. Макарія, II, изд. 2, 194—200.

³⁾ Памяти. русск. словесн. XII в., 163.

тигъ по поводу избіенія многихъ русскихъ князей: «а нымъ же княземъ Богъ повелѣ жити человеколюбиемъ своимъ въ русьской землѣ, хрестіянскаго ради языка, абы до конца не оскудѣла въ ра хрестіянськаа» ¹⁾). Но татары оказались вѣротерпимы и даже покровительствовали русской церкви.

Въ началѣ XIV в., когда противъ митр. Петра возсталъ довольно сильная партія духовенства, обвиняя его въ еретичествѣ, инокъ Акиндинъ писалъ великому князю Михаилу Ярославичу тверскому, что ему слѣдуетъ исправить зло; онъ упрекалъ его за молчаніе, «видя ересь растущу и множающуюся», и напоминалъ: «Повелѣно и тобѣ, господине княже, не молчати о семъ святителемъ своимъ... Царь еси въ своей земли; ты истязалъ князя быти на страшнемъ и нелицехарнемъ судилии Христоу, аще смолчиши митрополиту» ²⁾). Тверской князь, однако, не могъ воспротивиться митрополиту его беззаконію, хотя и вмѣшался въ это дѣло: митр. Петръ стоялъ подъ защитой московскаго князя и на переславскомъ соборѣ былъ оправданъ отъ вводимыхъ на него обвиненій.

Такимъ образомъ проповѣдь этой идеи не нашла себѣ практическаго прижизненія въ разсматриваемую эпоху. Завершающее развитіе и широкое практическое прижизненіе, идея эта получила послѣ Флорентійской уніи и паденія Константинополя.

Резюмируя изложеніе этого бѣлаго очерка ³⁾), можно отмѣтить, что древне-русская проповѣдь и письменность успѣла затронуть до половины XV вѣка очень широкій кругъ политическихъ темъ, и представители духовенства вовсе не ограничили своей политической миссіи задачей умиротворенія. Помимо стремленія воздержать князей отъ междоусобій конкретнымъ вмѣшательствомъ въ ихъ распри и попытокъ указать такіа начала политическаго быта, при наличности которыхъ должно было прекратиться это безсмысленное кровопролитіе, духовенство вмѣстѣ съ заботами о распространеніи основнѣхъ началъ христіанской религіи беретъ на себя задачу пропестить въ жизнь ученіе о богоустановленности власти и проповѣдуетъ населенію обязанность ихъ почитанія, а властямъ указываетъ лежащія на нихъ обязанности и отвѣтственность, упдающую на нихъ за уклоненія отъ указанныхъ имъ цѣлей. Въ этой политической про-

¹⁾ Лѣт. г. Лавр. сн., 494. Александръ Невскій названъ «поборникомъ сущимъ православной Христовѣй вѣры»: Новг. Лѣт. по Снм. сн., 255, прилѣж.

²⁾ Р. II, Б. VI, № 16.

³⁾ Дѣя важнѣхъ политическихъ темъ, затронутыхъ въ разсматриваемую эпоху, объ отношеніяхъ церковнаго и государственнаго авторитетовъ и объ отношеніи государей къ служилому сословію, изложены въ главахъ VII и VIII.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Политическія слѣдствія Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи.

Событія, сопровождавшія Флорентійскую унію, выдвинули на первый планъ такую задачу государственнаго управленія, которая до тѣхъ поръ оставалась для московскихъ государей въ тѣни: на долю послѣднихъ выпала обязанность стать во главѣ охраны правопорядка и благочестія. Хотя эта задача указывалась еще раньше представителями древне-русской письменности ¹⁾, но до возвращенія митр. Исидора съ Флорентійскаго собора московскихъ князьямъ не представлялось примыхъ поводовъ выступить на эту почву. Судьба митр. Исидора въ русской исторіи имѣла такіе образцы серьезныхъ политическихъ слѣдствій.

Великій князь Василій Васильевичъ усленно отговаривалъ новопробыннаго митрополита отъ намѣренія ѣхать на соборъ въ Феррару; послѣдствіе упорства митрополита, онъ предупреждать его, чтобъ тотъ «принесъ древнее благочестіе и православную вѣру» ²⁾. Исидоръ, однако, принявъ къ уніи и произведъ въ Москвѣ своими пошествами большое смятеніе умовъ, почему и былъ схваченъ и отправленъ въ заточеніе ³⁾. Кто же явился самымъ ренессанснымъ защитникомъ изначальной старины? Великій князь въ грамотахъ къ Константинопольскому правительству объясняетъ, что всѣ мѣры были приняты имъ по совѣщанію съ соборомъ епископовъ: мѣстѣ со всѣми епископами и священниками и со всѣмъ православнымъ христіанствомъ «молитвоу его много, да принесеть къ намъ нашего православнаго христіанства благочестіе», пишетъ

¹⁾ См. выше, гл. II, стр. 51—52.

²⁾ См. выше, гл. I, стр. 28.

³⁾ Новг. Сми. лѣт., С.-Пб. 1866, 420 и 421.

великій князь, видѣвши и слышавши все странное и чуждое православію, внесенное митрополитами, великій князь созываетъ боголюбивыхъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и прочихъ священнопопковъ и иноковъ «земли нашей немало», — и только на основаніи соборнаго приговора о несогласіи всего Исидора дѣла съ священными правилами принимается такая экстренная мѣра, какъ заключеніе митрополита въ монастырь ¹⁾. О совѣстныхъ дѣйствіяхъ великаго князя съ освященнымъ соборомъ пишетъ и митр. Іона ²⁾. Но уже этотъ послѣдній писаетъ про великаго князя, что онъ «поборалъ по Божьей церкви и по законѣ и по всемъ православнымъ христіанствѣмъ и по древнему благочіію, разжегавъ теплотю сердечною и рениуя святыхъ своихъ прародителейъ»; что Богъ его вразумилъ «по изначальству великаго его благородства отъ того святаго и великаго князя Владимера, о православнѣмъ спятіи вѣрѣ христіанствѣмъ велие попеченіе имѣти, какъ-бы далъ Богъ въ его отчизнѣ, въ рускѣй земли, неоружию было ничтоже до Божіей воли и до кончины вѣка» ³⁾. Въ описаніи-же современниковъ роль великаго князя въ указанныхъ событіяхъ выдвинута впередъ и не безъ тенденціи подчеркнута. Въ извѣстномъ сказаніи о Флорентійскомъ соборѣ Іерея Симеона Суздальца великій князь уподобляется не только своему прародителю Владиміру Святому, но даже царю Константину. За охрану и утвержденіе православія авторъ слагаетъ ему похвалу и называетъ его «всѣя русскія земли утверждениемъ, а греческія вѣры подтверждениемъ и поддержателемъ» ⁴⁾. Составленное при митр. Θεодосіи «Слово избранно отъ св. писаній, еже на латыню, и сказаніе о съставленіи оного сбора латыскаго и о изверженіи Сидора презестнаго, и о поставленіи въ рускѣй земли митрополитовъ, о сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василію Васильевичу всея Руси», — послѣ изложенія обстоятельствъ прибытія въ Русь и изверженія Исидора, отмѣчаетъ, какъ благочестія дѣлатель, благовѣичанный царь Василій, «духомъ божественнаго закона распалаетъ, возрѣшновавъ по Бозѣ и по св. законѣмъ благовѣрія и утверждалъ св. церковь непоколебиму отъ мы-

¹⁾ Р. И. В. VI, 580 и 534. То-же подтверждаетъ вел. князь и въ посланіи къ проту и инокамъ Афонской горы: «Мы же сіа (повѣства Исидора) видѣвши и слышавше, и вѣдо намъ странна явися; и повелѣхомъ собратися епископомъ, священнопопкомъ же и старцемъ, и сборъ составльше, и проч. Лѣт. запят. Арх. комм., в. 3-й, прил., стр. 36.

²⁾ Р. И. В. VI, 637 и 661.

³⁾ Р. И. В. VI, 559 и 612.

⁴⁾ Проф. Павловъ, Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, 209; А. Поповъ, Истор. латер. обзоръ древне-русской полемики противъ латинянъ, 357—359.

слепныхъ вѣкъ, губящихъ вѣру истиннаго въ русѣй земли возсѣянаго благочестія», созвалъ соборъ для поставленія митрополита. Далѣе авторъ слова послѣ укоризненнаго обращенія къ папѣ указываетъ, что на Руси его неблагословенія не боятся, но всѣ, живя въ благочестіи, ходятъ по божественнымъ правиламъ и признають лишь богоизбраннаго святителя русскаго и церковнаго правителя, «державою владѣющаго въ русѣй земли богошественнаго поспѣшника истиннѣ, высочайшаго исходатая благовѣрія, мудраго измыскателя святыхъ правилъ божественнаго закона, благовѣрнаго великаго князя Василия Васильевича, истинныя вѣры православія боговѣнчаннаго царя всея Руси» ¹⁾. Позднѣйшій повѣствователь, описывая событія церковной смуты при Исидорѣ, удивляется разуму и великому смыслу великаго князя, такъ какъ объ Исидорѣ всѣ молчали, князья и бояре и многіе ные; молчали и русскіе епископы, и даже «вздремаша и уснуша», — и только великій князь позналъ пагубную Исидорову презесь и, скоро изболчивъ, посрамилъ его. Разсказъ заключается такой общей характеристикой: «отъ такового злохитраго врага соблюде Богъ и Преч. Богородица святую церковь въ Русіи безнавѣтну и безмятежну обличеніемъ премудраго и Богомъ вразумяемаго великодержавнаго Василія Васильевича, во благочестіи цвѣтущаго, великаго и премудраго царя всея Русіи, ему же о семъ откры Господь Богъ велеумиѣ разумѣнати, и вся мудрствовать, и творити волю Божию, и вся заповѣди его храни» ²⁾.

Итакъ великій князь московскій и всея Руси, вслѣдствіе событій Флорентійской уніи, явился въ новой роли блюстителя православія, которое не только было непоколебимо соблюдено въ его державѣ, но даже позсіало здѣсь особеннымъ блескомъ, за что великій князь и назнанъ «царемъ истинныя вѣры православія». Правда, на короткое время императоръ Константинъ Палеологъ какъ-бы возстановилъ прежнее значеніе православной имперіи и признанъ былъ въ Москвѣ великимъ помощникомъ въ утвержденіе православнаго христіанству и во владѣтельствахъ русской земли,

¹⁾ А. Пономѣ, тамъ-же, стр. 380 и 384.

²⁾ Никон. V, 159. Въ Степенной книгѣ, ч. II, стр. 11, сказано соотвѣственно этому: «Милосердый же Господь Богъ не попусти сему единому волю погубити безчисленные стадо Христова словесныхъ овецъ истиннаго православія, и обличилъ безуміе того отъ богоразумнаго и Богомъ вразумяемаго, истиннаго благочестія держателя, отъ премудраго царя Русскаго и великаго князя Василия Васильевича». Авторъ житія митр. Іоаннъ разсказываетъ и о томъ, «какъ богоразумный великій князь отъ ереси латинскіе державу свою свободи и о подвизѣ его, яже показа о православіи». Он. рки. Синодальн. м-ря. т. II, стр. 430, № 628.

но и онъ уже считался самодержцемъ только греческаго скипетра, а не всея вселенныя ¹⁾. Присоединеніе его къ уни, а затѣмъ паденіе Константинополя дали дальнѣйшій толчекъ развитію русскихъ національныхъ теорій о политическомъ значеніи великаго князя.

Съ паденіемъ Константинополя исчезъ политическій глава всего православнаго міра. Въ умахъ современниковъ естественно возникъ вопросъ: кто займетъ его мѣсто, если не для всей православной вселенной, то для обособленныхъ ея частей? Благодаря предшествующимъ событіямъ Флорентійской уни, у русскихъ публицистовъ былъ готовъ отвѣтъ на этотъ вопросъ ²⁾. Богомерскій Исидоръ, по словамъ митр. Іоны, презлѣтилъ царя и патріарха, разлучилъ ихъ отъ закона святаго и ввелъ ихъ въ погибель. Наоборотъ, великій князь Василій Васильевичъ изобличилъ и посрамилъ Исидорово безуміе и дѣлѣмъ спасъ св. церковь въ Руси «безнавѣстну и безмятежну». Съ этихъ поръ и заговорили о русскомъ благочестіи въ отличіе отъ благочестія греческаго. Митр. Іона такъ отличилъ первое изъ нихъ: «святая великая наша Божія церкви русскаго благочестія держитъ святая правила и божественный законъ св. Апостолъ и уставъ св. Отецъ... великаго православнаго греческаго прежнего богоустаннаго благочестія» ³⁾. Значитъ, благочестіе современныхъ грековъ подвергалось сомнѣнію съ стороны своей чистоты и въ этомъ отношеніи оказалось послѣ всьмаго собора ниже «великаго православнаго русскаго земли». Авторъ сказанія о Флорентійскомъ соборѣ отмѣтилъ, что императоръ, папа и патріархъ воздали митр. Исидору великую честь ради славнаго имени великаго князя и посадили его на патріаршее мѣсто, такъ какъ «въ Руси великое православное христіанство» ⁴⁾. А позднѣйшій излагатель этого сказанія приписалъ императору Іоанну такіа слова: «яко восточніи земли суть большее православіе и высшее хрестіанство—Бѣлая-Русь» ⁵⁾. Имена виновниковъ такого торжества Руси, блюстителей чистоты правовѣрія—епископовъ «великодержавныхъ земель

¹⁾ См. гл. I, стр. 21—22.

²⁾ См. Н. Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 7—9.

³⁾ Р. И. В. VI, 653; митр. Филиппъ о русскомъ православіи замѣтилъ: «св. великая наша зборная церкви православіи, Богомъ соблюдаема якоже солнце сіяетъ благочестіемъ въ всѣхъ русскихъ земляхъ, истиннаго нашего великаго православія». Тамъ-же, 723.

⁴⁾ А. Поповъ, тамъ-же, 315—316.

⁵⁾ П. С. Д. VI, 152; VIII, 101; Византенка, VII, 51; Стен. кн. II, 9.

русские митрополиты» — оказались написанными «на небесахъ въ книгахъ животныхъ». А великий князь Василий Васильевичъ былъ названъ «благочестія ревнителемъ и мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоустановленнаго закона св. Апостолъ и св. Отецъ предаша, иже въ благочестіи цвѣтущимъ» ¹⁾, и соответственно этому въ его титулѣ появилось прибавленіе, характеризующее новое положеніе представителя русской земли. Онъ сталъ «благороднымъ, благовѣрнымъ, благочестивымъ, христіюбивымъ» ²⁾, «въ благочестіи цвѣтущимъ православнымъ великимъ княземъ» ³⁾, и не только великимъ княземъ, но «великимъ государемъ или великимъ государемъ» ⁴⁾. При такихъ условіяхъ престола московскаго княженія, не смотря на продолжающееся формальное подчиненіе его ордынскимъ ханамъ, съ большимъ основаніемъ сталъ прозываться «православнымъ великимъ самодержествомъ» ⁵⁾, а занимавшій его великий князь, въ отличіе отъ другихъ великихъ князей и князей удѣльных, былъ именуемъ «великимъ государемъ земскимъ» ⁶⁾. Логическимъ выводомъ изъ указанныхъ представленій о значеніи московскаго великаго князя было-бы, повидимому, присоединеніе къ его титулу хорошо извѣстнаго русскимъ публицистамъ слова царь. Митр. Іона и именуетъ его «великимъ государемъ, царемъ русскимъ, благороднымъ и благочестивымъ великимъ княземъ» ⁷⁾; а авторъ «Слова оже на латыню» называетъ великаго князя «истинныя вѣры православнаго богочичаннаго царемъ всея Руси» или «богочичаннаго православнаго царемъ всея Руси», ясно обозначая этимъ, что титулъ царя прилагается къ Василию Васильевичу, какъ единственному представителю православнаго ⁸⁾. Но этотъ титулъ пока еще не становится общеупотребительнымъ, хотя наши публицисты и находили его весьма подходящимъ къ положенію московскаго князя, который, по ихъ мнѣнію, только по великому смиренію и христіанской кротости не зовется царемъ ⁹⁾.

¹⁾ Р. И. Б. VI, 646 и 647.

²⁾ Тамъ-же, 548, 559, 621 и 627.

³⁾ Тамъ-же, 659 и 665, 661 и 667.

⁴⁾ Тамъ-же, 561, 591, 621, 661 и 667; А. И. ч. I, № 51 и 56.

⁵⁾ Тамъ-же, 540 и 623.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 599.

⁷⁾ Въ посланіи Искочичамъ 1461 г. Р. И. Б. VI, № 90 и А. И. ч. I, № 60.

⁸⁾ А. Поповъ, Истор.-литер. обзоръ, стр. 384 и 395.

⁹⁾ Упомянутый составитель повѣсти «о осномъ соборѣ» заставляетъ императора Іоанна пронаести такое мнѣніе о великомъ князѣ: въ восточныхъ земляхъ, въ Восточной Руси, есть государь братъ мой Василий Васильевичъ, ему же восточнии цари прислушаютъ и великіи князи съ землями служатъ ему; но смиренія ради и благочестія, величествомъ разума и благодарія не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ (своимъ) земль православнаго. П. С. Л. VI, 152—153; VIII, 101; Виз. VII, 52.

Совершенно противоположныя сужденія вызвала историческая судьба византийской имперіи. Ея политическое паденіе и завоеваніе варварами рассматривалось, наперекоръ исторической послѣдовательности событій, какъ результатъ отступленія отъ православной вѣры и соединенія съ латинами. Эту мысль впервые высказалъ митр. Іона вслѣдъ за покореніемъ Константинополя турками. Въ 1458—59 году онъ писалъ литовскимъ епископамъ, что ихъ извѣстно «колику прежде бѣду подъя царствующій градъ отъ Боггаръ, такоже отъ Персъ...; но допетръже дрылаху, сынове, благочестіе, ничто же градъ не пострада: егда же своего благочестія отступи, вѣсте, что пострадаше, какова плѣненія и смерти различныа быша» ¹⁾. Ту же мысль онъ повторяетъ и спустя годъ ²⁾. За митр. Іоною повторилъ подобную же сентенцію и митр. Филиппъ для увѣщанія въ 1471 г. непокорныхъ новгородцевъ, по поводу ихъ намѣренія «зататься» за великаго князя литовскаго. Эту чисто политическую мѣру, которую новгородцы хотѣли противопоставить объединительнымъ замысламъ московскаго правительства, митр. Филиппъ истолковываетъ какъ намѣреніе «оставя православіе и великую старину да приступити къ латыномъ». Поэтому онъ напоминаетъ новгородцамъ, какъ въ преждебывшіи времена многія царства великихъ земель и многіе грады, вслѣдствіе преступленія закона, не послушавши ученія Св. Пророкъ, Апостолъ и св. Отецъ, впали въ многую нагубу и въ запустѣніе. «А нынѣ ча пакъ, ни шеть митрополантъ: въ гѣта наша, и сами вѣсте, пако погаными турки и нужилѣи одержимъ бысть великій царствующей прежде благочестіемъ градъ Константинополь; не тоя ли же ради латынскія презести погыбо и отъ великого благочестія истребися, еже царь и патріархъ отъ латинъ презестинашъ», и проч. ³⁾. Особенно энергично выразился о греческомъ благочестіи одинъ изъ противни-

¹⁾ Р. И. В. VI, 623.

²⁾ Тамъ же, стр. 648—649: «Всегоданному же великому Царюграду, сами вѣсте, како того ради смущенія по малыхъ временехъ отъ Бога пропущенною казнью, многымъ возненіемъ поганыхъ языкъ, людие православія сотрошася, презести ради вѣрѣ православія греческаго и Сидорова дѣла разраженія. О такомъ-бо Апостолъ пиша глаголетъ: «аще кто разсыплетъ храмъ Божій, рассыплетъ того Богъ».

³⁾ Тамъ же, 726, 728—729; С. Г. Г. II, № 18. См. то же посланіе, по въ другой редакціи, въ А. И. I, № 280, гдѣ сказано: «царствующій градъ и церкви Божія Константинополь докозѣ непоколебимо стоялъ, не какъ-ли солнце сіяло въ благочестіи? А какъ, оставя истину, да съединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною... не впалъ-ли въ руки Царюградъ поганымъ, не въ Турьцкихъ-ли рукахъ и нынѣ? Ср. II. С. Л. VI, 7: «и царствующій прежде благочестіемъ великій градъ Константинополь не тоя же ли ради латынскія презести погыбо и отъ благочестія истребися и донынѣ погаными турками одержимъ бысть?».

ковъ Евфросина Псковскаго въ спорахъ объ аллилуйи: онъ указывалъ, что нельзя ссылаться на грековъ, такъ какъ греки «на сихъ лѣтахъ къ своей погибели отъ истины свернулись» и «на мѣстѣ святѣмъ, сирѣчь въ соборнѣй и апостольскѣй церкви Константина града, теперь уже жерзость и запустѣніе»¹⁾. Эти двѣ идеи—о сохраненіи истиннаго благочестія на Руси и о паденіи Константинополя въслѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха—и послужили исходными пунктами для построенія теории о значеніи, задачахъ и цѣляхъ православнаго русскаго царства.

Такое крупное событіе, какъ паденіе Константинополя, должно было произвести потрясающее впечатлѣніе на умы современниковъ въ православномъ мірѣ. На Руси очень скоро распространились вѣсти о печальной судьбѣ царствующаго града, какъ чрезъ посредство возвратившихся изъ Константинополя русскихъ, такъ и чрезъ посредство прибывающихъ за пособіемъ и милостыней грековъ²⁾. Зорко слѣдящій за событіями современникъ не могъ оставить безъ оцѣнки такого выдающагося политическаго переворота. Какъ-же отнеслись къ нему русскіе публицисты? Ближайшимъ откликомъ служатъ появившіяся, вѣроятно, вскорѣ за сими повѣсти и сказанія о Царѣградѣ. Въ однихъ, какъ въ повѣсти «о взятіи Царяграда отъ безбожнаго Махмета Амуратова сына», предлагаема обстоятельный и живой рассказъ очевидца или современника со словъ очевидцевъ объ осадѣ и взятіи города³⁾. Другія, — какъ повѣсть «о взятіи Царяграда отъ безбожнаго Турскаго царя Амурата, еже бысть въ лѣто 6961», — являлись гораздо болѣе религиозно-нравственными назиданіями на тему о карѣ Божіей за грѣхи, «яко же нынѣ видѣти есть Царствующій градъ поправъ и раскопанъ и пожженъ огнемъ»⁴⁾. Замѣчательно, что изъ этихъ

¹⁾ Макарій, Ист. церкви, VIII, стр. 135.

²⁾ Уже въ 1454 г. митр. Іона въ окружномъ посланіи повѣщалъ, что «попущеніемъ Божиимъ грѣхъ ради нашихъ тотъ отъ коликыхъ лѣтъ не приемлемый и Богомъ пранный великій Костантиноградъ безбожные туркове приаша, святыя божія церкви и монастыре разориша» и убѣждалъ всѣхъ подавать милостыню Дмитрію Гречину, пришедшему къ намъ «отъ великаго православія» за помощію для искупленія отъ горькаго паденія.

³⁾ Эта повѣсть напечатана въ Никои. лѣт. V, 231; Воскресенской—П. С. Л. VIII, 128—141, и у Яковлева, Сказанія о Царѣградѣ, стр. 56—116. — Въ сжатомъ пересказѣ она встрѣчается въ Хронографахъ 2-а ред., см. Изборникъ Лопова, стр. 160—185. Изложеніе ея у Срезневскаго, Повѣсть о Царѣградѣ въ Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ, кн. I, Памятники, стр. 107—137, и у Шиллинга, Очеркъ литер. ист. повѣстей и сказокъ, стр. 213—215.

⁴⁾ Напечатана у Яковлева, Сказанія, стр. 46—55, и въ Изборникѣ Лопова, стр. 83—87, какъ встрѣчающаяся въ хронографахъ 1-а ред. Въ послѣднихъ попадаются еще другія повѣсти, представляющія въ сжатомъ и сухомъ пересказѣ ходъ событій; напечатана въ Изборникѣ, стр. 87—91.

повѣстяхъ причинной надежды Царьграда выставляется не отраде-
ніе грековъ отъ православія, а лишь обычное возмездіе за грѣхи.
Повидимому самое событіе на первыхъ порахъ произвело столь силь-
ное впечатлѣніе на умы, что современника охватила больше всего
ужась за судьбу православнаго міра, такъ какъ въ столицѣ его,
на царскомъ престолѣ, «благороднѣйша суща всѣхъ ниже подъ
солнцемъ», сѣлъ безбожный Махметъ ¹⁾. Въ разореніи царствующа-
го града богомерзкими агарянами видѣли какъ-бы начало кон-
чины міра, которая была предсказана съ истеченіемъ седьмой ты-
сячи лѣтъ (1492 г.) ²⁾. Но уже и въ эти повѣсти проникаетъ дру-
гая струя: мысль о той роли, кака я выпадала теперь рус-
ской державѣ. «Сія убо вся благочестивая царствія, заключаетъ
авторъ второй повѣсти: греческое, и сербское, басапское и
арбаназское грѣхъ ради нашихъ Божиимъ попущеніемъ безбожии
Турци поплѣниша и въ запустѣніе положивша и покоривша подъ свою
власть. Наша же Русіейская земля, Божіею милостию и
молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ,
растетъ и младаѣтъ и нозвышается. Ей же, Христо
милостивый, даждь расти и младаѣти и разширяться и до сконча-
нія вѣка» ³⁾. Авторъ первой повѣсти какъ-бы въ утѣшеніе чита-
теля ссылается на мистическія пророчества Мессодія Патарскаго и
Льва Премудраго о судьбѣ Константинополя ⁴⁾. Разныя мистиче-

¹⁾ Въ первой изъ указанныхъ повѣстей авторъ восклицаетъ: «О великая
сила грѣховнаго жала!... О горе тебѣ, седмохлѣмный, яко поганинъ тобою обла-
дають! Ибо колико благодатій божіихъ на тебѣ вѣсѣша... и се нынѣ от-
крылся гнѣвъ Божій на тебе, и предаде тебѣ въ руки врагомъ твоимъ; и
кто о семъ не вѣсѣчается и не вѣрдаеть?». П. С. Л. VIII, 142. — Авторъ
второй повѣсти начинаетъ свой разсказъ такъ: «хочу глаголати повѣсть еще
не точію человекъ, но и нечувствіе камене и самыя стѣны творятъ пла-
кати и глаголати и рыдати: горе и увы!». *Икоулетъ*, Сказанія, 46.

²⁾ Такъ въ первой повѣсти, передъ разсказомъ о взятіи Царьграда за-
мѣчается: «сіи царствующій градъ, неисчислимыи съгрѣшеніи и незаконны
отъ толпныхъ щедротъ и благодѣній пречистыя Богоматере отпадеша, мно-
численными бѣдами и различными напастьми много лѣта пострада; такожде
и нынѣ въ послѣднія времена грѣхъ ради нашихъ овогда нахожденіемъ не-
вѣрныхъ, овогда голодомъ и повѣтріи частыми, овогда же междоусобными
браними, ни же оскудѣша силыи и обнищаша людие и преупичилися градъ
и смирися до вѣла». П. С. Л. VIII, 128. — Въ Соф. 2-й всадѣ за извѣстіемъ
о паденіи Константинополя подъ 1459 г. приводится выписка изъ Пасхалия
о кончинѣ міра, П. С. Л. VI, 181.

³⁾ *Икоулетъ*, Сказанія, 54—55, и *Изборникъ*, 86—87. Эти слова могли быть
внушены автору повѣсти чтеніемъ хроникъ К. Манассія, гдѣ по поводу па-
денія стараго Рима сказано: «вотъ что случилось со старымъ Римомъ! А
нашъ Римъ процвѣтаетъ умножается, державствуетъ, юбѣтъ. Пусть и до
конца умножается» и проч. *Ф. Терновскій*, Изученіе византийской исторіи и
ея тенденціозное приложение къ древней Руси, вып. I, стр. 120.

⁴⁾ «Яко да сбудется о градѣ семъ вся прежезреченная при Константиѣ
Великомъ царѣ и Львѣ Премудромъ Мессодіемъ епископомъ Патарскимъ».

скія предсказанія этого рода были очень распространены въ Византии и возникли тамъ довольно рано, сообразно приурочиваясь къ различнымъ историческимъ событіямъ ¹⁾. Часть ихъ была позаимствована и нашими книжниками, и преимущественно упомянуты пророчества Месодія Патарскаго, Льва Премудраго и такъ называемыя видѣнія пророка Даниила. На пророчества Месодія ссылается летописецъ по поводу половецкаго набѣга въ 1096 году и чуда въ Югрии, а также по поводу нашествія татаръ въ 1223 году ²⁾. О предсказаніяхъ царя Льва и пророчествахъ Даниила упоминаетъ архіепископъ новгородскій Антоній ³⁾. Позднѣе въ сборникахъ извѣстныхъ подъ именами «Цвѣтникъ», «Лебедь», «Книга Льва царя премудраго» и проч., а также въ сборникахъ полуофициальнаго характера, напр., въ Степенной книгѣ, эти пророчества встрѣчаются съ некоторыми передѣлками, приуроченными ко вкусамъ русскихъ читателей. Въ предсказаніяхъ, между прочимъ, указывалось на то, что напоследокъ родъ русскихъ (ἐξ ὧν ἡμεῖς) побѣдитъ всего Ислама и овладѣетъ Седжидомъ. Этотъ родъ русскихъ подъ перомъ русскихъ публицистовъ превратился въ родъ русскій, благодаря чему въ сознание читателей должна

¹⁾ Срезневскій, Повѣсть о Царьградѣ, стр. 133, прим. 92; проф. Александръ Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, Ж. М. Н. Пр. 1875 г., т. CLXXVIII, стр. 284 и слѣд.; егѡ же, разборъ книги Zeschwitz'a, Vom römischen Kaiserthum deutscher Nation, Ж. М. Н. Пр. 1878 г., т. CXC, стр. 173 и слѣд.; проф. Успенскій, Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, Спб. 1887, стр. 17—18; егѡ же, Русь и Византия въ X вѣкѣ, 1888 г., стр. 30.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 226 и 227, 423 и 477. Проф. А. Веселовскій полагаетъ, что откровенія Месодія Патарскаго позаимствованы изъ нахъ съ юга въ готовомъ болгарскомъ текстѣ, образчиками котораго являются сборникъ 1345 г. писанный для болгарскаго царя Александра, и рукопись Караджича XIII в. Славяно-русскіе списки представляютъ два разряда: болѣе древніе близки къ греческому тексту, а болѣе поздніе обилуютъ вставками изъ книгъ апокрифическихъ и иныхъ, отчасти изъ византийскихъ преданій. Ж. М. Н. Пр. 1875 г., т. CLXXVIII, стр. 305—306.

³⁾ Путешествіе его въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія, изд. Саввантова, Спб. 1872, стр. 68—69: царь Левъ или царь Корѣй (т. е. кн. Левъ) «взявъ грамоту во гробѣ св. пророка Даниила и переписалъ по философски кому-же быти царемъ въ Царьградѣ, дондеже и стоитъ Царьградъ»; ср. также прим. 30. Въ константинопольскій списокъ сказанія о софійскомъ храмѣ XII вѣка сказано, что царь Корѣй взялъ грамоту «въ Вавилонѣ во гробѣ у св. пророка Даниила и особа содержитъ по смерти же его по мнѣнію лѣтѣхъ препесемъ бысть въ Царьградъ и преведена бысть отъ философа (и переписалъ ю по философски) на греческій языкъ. Написано бысть имена въ ней царей греческихъ, кому царемъ быти, дондеже стоитъ Царьградъ». Срезневскій, Слѣд. и замѣтки, № LX, стр. 313. Позднѣйшій списокъ путешествія Антонія наданъ в. Ломарскимъ въ «Библиографѣ» 1888 г. № 12; соответственное мѣсто здѣсь испорчено безграмотнымъ списателемъ и вѣсто Корѣй стоитъ Корнилей, стр. 391. Эта тема перешла и въ русскій языкъ; ср. проф. Александра Веселовскаго, Замѣтки по литературѣ и народной словесности, приложение къ XLV тому Записокъ Акад. Наукъ, № 3, стр. 9—14.

была проникать мысль, что Русь предстоит играть какую-то роль въ судьбѣ Византии¹⁾. Авторъ повѣсти «О взятіи Царяграда отъ безбожнаго Махмета, Амуратова сына,» воспользовался этими мистическими пророчествами, чтобы ими заключить эпилогъ своего печального разсказа. «И тако симъ бывающимъ, говоритъ онъ: .

¹⁾ Откровенія Мессодія Патарскаго и предсказанія Льва Премудраго дѣйствительно заключали въ себѣ указаніе на то, что русый родъ побѣдитъ нималянъ; ср. *Проф. А. Веселовскаго*, Опыты по истор. христ. легендамъ, Ж. М. Н. Пр. 1875 г., т. CLXXVIII, стр. 310. Въ русскомъ переводѣ предсказанія Льва Премудраго часто не отличались отъ толкованій таинственной надписи на гробѣ царя Константина, приписываемыхъ патриарху Геннадію. Эти послѣднія такъ озаглавлены въ Сб. древлепр. Погод. № 1579, з. 108: «Надписаніе начертанное отъ нѣкихъ святыхъ пророковъныхъ отецъ, изображенное великаго художества знаменіемъ и положенное на камени. ископанномъ надъ гробомъ св. Константина, перваго царя христіанскаго во градѣ Никомидійскомъ.... Самое содержаніе пророчества тождественно съ напечатаннымъ у *Срезневскаго*, тамъ-же, стр. 134, прим.; ср. *Терноскаго*, Изученіе Византии, II, 267—268, гдѣ это истолкованіе напечатано по Степен. Книгѣ, и *Искарскаго*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, II, стр. 306—307. Въ этихъ толкованіяхъ о Руси сказано: «Народъ-же русскій вкупъ причастники всего Имамъ побѣдитъ и Сехмихолопихъ возмутъ съ прѣбытками; тогда-жъ войну воздвигнутъ междуусобную, ярящися даже до б-го часа, и гласъ съ небесъ возгласитъ трижды: Стойте, стойте, стойте со страхомъ и послѣдитесь многотщательнѣ на десную страну, обрящете мужа прироченаго и чюдного и сильнаго и его-же приеми, того имѣйте владыкою: любимаго бо мой есть, его-же приеми, тотъ волю нашу исполнитъ». Въ концѣ замѣтки: «Сие-же истолкова премудрѣйшій патр. Геннадій, бывшій во время Іоанна царя греческаго Памфолога». Но это-же предѣзаніе въ Цѣвтицѣ приписывается Льву Премудрому и съ небольшими варіантами излагается въ книгѣ Льва Премудраго. См. у *Срезневскаго*, тамъ-же, стр. 135, прим., и у *Терноскаго*, Изученіе Византии, II, стр. 268—269. Въ пророчествѣ Мессодія Патарскаго находится слѣдующее замѣчаніе о Руси: «И отъ снхъ дней пророчество умутъ у себя Мурпы и вѣрятъ, яко полуночный нѣкій самодержецъ Иссолнхъ и все кесарство турецкое въ державу свою мечемъ своимъ приметъ; полуночный сей самодержецъ царь и великій князь Московскій, сей бусорманскую магметскую скверную ересь и богопротивный законъ истинъ и потребитъ и погубитъ до ксица». *Срезневскій*, тамъ-же, стр. 133, прим. Отрывки изъ пророчествъ изъ Вндѣвѣй Данила напечатаны у *Срезневскаго*, тамъ-же, стр. 135, прим., и у *Икодева*, Сказанія о Царьградѣ, стр. 114—116. Эти мистическія предсказанія о будущей роли Руси распространены были и на востокъ и даже среди мусульманъ. Въ грузинской эѣтописи говорится о русскомъ народѣ слѣдующее (по переводу акад. Броссе): «Les nations des Russes, réunies ensemble avec tous ceux qui les entourent, triompheront des Imaelites», *Срезневскій*, тамъ-же, стр. 135, прим. Въ 1551 г. русскій посланникъ Тургеневъ доносилъ изъ Ногайскихъ уаусовъ, что «прислалъ Турецкой царь къ Исмаилъ Мирзѣ посла сее весны, съ тѣмъ: съ нашихъ де бусурманскихъ книгахъ пишется, что тѣ лѣта пришли, что русскаго царя Ивана рука надъ бусурманы вѣсика; ужъ де и мы отъ него обида великая: поле-де все, да и рѣки у меня поотнималъ, да и Донъ отнял, да и Азовъ городъ пусть у меня доспѣзъ». *Карамзинъ*, VIII, прим. 251. Въ 1557 г. русскій посолъ доносилъ царю такіа ногайскія рѣчи: «Такъ ден наши книги говорятъ, всѣ ден бесерманскіе государи русскому государю поработаютъ». *Проф. Вестужевъ-Рюминъ*, Русск. истор., II, стр. 226, прим. 57. Аналогичныя извѣстія для XVII вѣка ср. у *Н. Кантерева*, Характеръ отношеній Россіи къ православн. востоку, стр. 251—267.

сине совершаемымъ, грѣхъ ради нашихъ, беззаконный Махмедъ сѣдѣ на престолѣ царствитъ, благороднѣйша суща всѣхъ ниже подъ солнцемъ.... Но убо да разумѣнии, окаяние, аще вся прежереченная Месодіежъ Патарскимъ и Лвоимъ Премудрымъ знаменія о градѣ семъ совершишася, то и послѣдняя не прейдуть, но такожде совершится и муть; пишется бо: Русскій же родъ со преждесоздательнымъ всего Измаилта побѣдять и Седмихолнаго прінмуть и въ немъ воцарятся» ¹⁾).

Итакъ, съ одной стороны указаніе, что за погибелью православныхъ царствъ Русь остается единственной представительницей православнаго міра, съ другой—предвѣщаніе, что Руси предстоитъ избавить православный міръ отъ ига невѣрныхъ,—вотъ два ближайшихъ назидательныхъ вывода, пущенныхъ въ обращеніе авторами повѣстей о паденіи Царяграда. Первый изъ указанныхъ выводовъ, можетъ быть, еще рѣшше прекрасно и даже поэтически формулировалъ авторомъ «слова еже на латынѣ», который въ заключительной части своего сочиненія говоритъ: «нынѣ убо въ пржемахъ, богопросвѣщенная земля русская, слятымъ правленіемъ божіа церкви тобѣ подобаетъ въ вселеннѣй и подъ солнечнымъ сіяніемъ съ пародомъ истиннаго къ вѣрѣ православнаго радопатися, одѣявся свѣтомъ благочестія,.... исполнишия цѣлуютъ богозрачнѣ цѣлующихъ божіихъ храмъ, якоже небесныхъ звѣздъ сіяющихъ церквей, якоже солнечныхъ лучъ блестящихся,.... дръжаюю владѣющаго на тобѣ богоизбраннаго... высочайшаго исходатая благовѣрїю... благовѣрнаго и благочестнаго великаго князя Василія Васильевича, боговѣнчанаго православнаго царя всея Руси» ²⁾).

Дальнѣйшее развитіе какъ этихъ положеній, такъ и вышеуказанныхъ выводовъ о русскомъ благочестіи и объ упадкѣ правопѣрія въ Византіи встрѣчаю пренятеніе въ двухъ обстоятельствахъ. Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ вида, что надъ Русью тяготѣло еще татарское иго, а при такихъ условіяхъ орсозъ

¹⁾ Яковлевъ, Сказанія, стр. 113—114. П. С. Ж. VIII, 143—144. Въ нѣкоторыхъ спискахъ этой повѣсти за этимъ слѣдуетъ еще Вѣдѣніе Давидъ.

²⁾ А. Поговъ, Истор.-лит. обзоръ, стр. 394—395. Авторомъ этого слова издатель считаетъ какого-то русскаго епископа, современника митр. Феодосія. Проф. Павловъ, выражая противъ такой догадки, усвоить слово на основаніи всѣхъ соображеній извѣстному Пахомію Сербу. Крит. опыты по исторіи и проч., стр. 99—102, 106 и 108. Но въ словѣ между прочимъ сказано, что Іона, «благословляше въ свое мѣсто дръжати на столъованіе и правленіе св. великіа церкви русскихъ земля великіа митрополъа емо о Св. Духѣ брату си съ хужебнику смиреніа моего, Феодосію, архіепископу бышу» и проч. А. Поговъ, тамъ же, стр. 392.

представительства терял значительную долю своего блеска. Но и помимо этого выяснению национальных задач значительно, надо думать, мешало распространенное убеждение в близкой кончине мира. До более благоприятных обстоятельств представителям нашей религиозно-политической доктрины оставалось молить Бога о пришествии свыше на благой и благочестиваго великаго князя всея Руси «Божьихъ щедротъ неизреченныя его милости, ... да еще и о утверженіи и о възвышеніи скипетра великаго его господарства, въ благочестіи началъ и началаго суща», какъ объ этомъ заявилъ митр. Филиппъ въ посланіи къ вел. кн. Ивану Васильевичу въ 1471 г.¹⁾ Въ концѣ 1472 г. состоялся бракъ великаго князя съ Зоею Палеологъ, дочерью Морейскаго деспота и племянницей послѣдняго греческаго царя. Слѣдствіемъ этого брака были, какъ извѣстно, существенныя измѣненія въ обиходѣ придворной жизни, возвысившія значеніе московскаго князя въ глазахъ населенія. Гордая византийская принцесса съ неудовольствіемъ смотрѣла на незатѣйливый этикетъ московскаго двора и сильно хлопотала объ увеличеніи пышности придворнаго церемоніала. Около этого времени возникаетъ въ Москвѣ цѣлый штатъ придворныхъ должностей. Царица Софья съ неудовольствіемъ въ теченіи семи лѣтъ сносила пожуръ татарскаго ига. Она, по свѣдѣтельству Герберштейна, очень досадовала на это, ежедневно упрекала своего мужа, что она вышла замужъ за раба татаръ, и старалась смягчить унижительные обряды въ отношеніи къ татарамъ²⁾. По ея настоянію великій князь рѣшился и на окончательное сверженіе ига. Въ этомъ стремленіи царицы Софьи сошлись съ давнишними чаяніями русскихъ князей и съ политическими взглядами представителей русской публицистики. Но осторожности Ивана III на этотъ разъ показалась послѣдняя малодушной, и еп. ростовскій Вассіанъ Рыло адресовалъ князю многозначительное посланіе. Назвавъ великаго князя «ю благочестіа всея вселенныя въ концѣ возсіявшимъ» и «наипачеже во царѣхъ пресвѣтѣйшимъ преславнымъ государемъ», Вассіанъ указалъ ему главнѣйшую его обязанность: «избавити врученное ему словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго волка». Самый фактъ подчиненія татарскому хану возбуждаетъ недоумѣнія горячаго публициста: «который убо пророкъ пророчествова, или апостолъ который или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющемуся царю поименоватися тебѣ, великому русьскихъ странъ хрестіянскому царю?» Прислание и по-

¹⁾ А. И. I, № 282.

²⁾ Записки о Москвитинѣ, пер. Анонимова, стр. 22.
власть моск. гос.

рабощеніе земли нашей Батыемъ авторъ объясняетъ попущеніемъ Божіимъ за наше согрѣшеніе и неисправленіе, «паче-же отчаяніе». Но царское самозванство хана, его воцареніе надъ Русью авторъ считаетъ узурпаціей, такъ какъ ханъ «не царь сый, ни отъ рода царьска». Наоборотъ, великій князь всея Руси, по его представленію, является богоутвержденнымъ царемъ и долженъ оправдать это прозваніе. Указавъ значеніе царя по ученіямъ церкви, авторъ заключаетъ свое посланіе слѣдующимъ пожеланіемъ: «Се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ ти Господь Богъ въ рудѣ твои, Богомъ утвержденный владыка, и сынамъ твоимъ, въ родъ и родъ въ вѣки ¹⁾».

Позорное иго, вѣками тяготѣвшее надъ Русью, было, наконецъ, свергнуто, хотя и способомъ, не вполне соответствующимъ достоинству пресвѣтлѣйшаго царя. Не оправдались и ожиданія копичины міра: 1492 годъ наступилъ и не предвѣщать ничего трагическаго. Пришлось составлять новую пасхалию. И вотъ, янтр. Зосима въ 1492 году, во вновь составленной пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ, упомянулъ о созданіи царемъ Константиномъ града по имя свое, «сжесть Царьградъ и наречеса новый Римъ», замѣчаетъ, что нынѣ прославилъ Богъ «въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христоролюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, понаго царя Константина новому граду Константину—Москвѣ, и всей русской земли и иныхъ многыхъ земляхъ государя ²⁾». Здѣсь, если не ошибаемся, впервые высказана мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія столицы византийской имперіи. Этотъ была указана почва, на которую надлежало перенести идею о Константинопольской наследіи, и дана была окончательная формула для заключительнаго звена политической теоріи о русскомъ царствѣ, какъ она впервые была сформулирована въ посланіяхъ старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филофея. Этотъ старецъ въ трехъ посланіяхъ—къ великому князю Василию Ивановичу, дьяку Мисюрю Мусехину и царю Ивану Васильевичу—почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ высказалъ мысль, что престолъ вселенскій и апостольскій церкви имѣлъ представительницей церкви Успенія Пресв. Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вѣсто Римской и Константинопольской, «ниже единая во всей вселенной паче солнца свѣтитя», такъ какъ церкви стараго Рима пали «нечѣрнѣхъ аполинариевы ереси», втораго же Рима—Константинона града—церкви «агаряне винуцы ежирами и оскордами разсѣкоша двери», «понеже они, (т. е.

¹⁾ П. С. Д., VI, 225—230; Степ. книга, II, 140—148.

²⁾ Р. И. В., VI, № 118.

греки) предаша православную греческую віру въ латынство». Соответственно этому и московскій государь, какъ «браздодержатель святыхъ божіихъ престолъ» всеявской церкви, явился пресвѣтлѣйшимъ и великостольнѣйшимъ государемъ, «ниже во всей поднебесной христіаномъ царь, якоже Ной въ ковчезѣ списанный отъ потопа, правя и окаяя Христову церковь и утвержая православную віру»; по единому царство его по пророческимъ книгамъ сошлется всѣ пришедшія въ конецъ царства православныя христіанскія віры, «яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть». Итакъ, всѣ христіанскія царства «потопишася» отъ нечестивыхъ и только царство московскаго государя благодатию Христовою стоитъ и «по великому Богослову инымъ не достанется¹⁾».

Эта теорія получила во все послѣдующее время до учрежденія патриаршества и воздѣйствующее государственное значеніе и имѣла широкое распространеніе. Москва стала называться «богохранимымъ, пренменнымъ царствующимъ градомъ, третьимъ Римомъ, благочестіемъ цвѣтущимъ²⁾», а приведенныя выше слова изъ посланій Филовея переписывались въ сборники³⁾, занесены въ Степенную книгу⁴⁾ и дословно приведены въ Уложениой грамотѣ объ

¹⁾ Посланіе къ Мисюрю въ Прав. Соборѣхъ. 1861 г., ч. 2, стр. 81—96; посланіе къ великому князю такъ же, 1863 г., ч. 3, стр. 337—318; посланіе къ царю Ивану Васильевичу въ Ж. М. Н. Пр. 1862, июнь, стр. 235—218. Здѣсь оно напечатано г. Жмакинымъ безъ заглавія подъ именемъ одного изъ литературныхъ памятникъ XVI вѣка. Но въ Кіевской академической бібліотекѣ найдены отрывокъ этого посланія подъ заглавіемъ: «того же посланія старца Филовея Псковскаго Елизаврѣны пустыни, къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Труды Кіев. Дух. Акад., 1888 г., май, стр. 74—75. Первые два посланія написаны въ промежутокъ времени между 1500 и 1528 гг., такъ какъ дьякъ Мисюрь-Мунехинъ былъ во Псковѣ съ 1510 по 1528 г., а повгородская архіепископская кафедра пустовала съ 1509 по 1526 г., на что намекаетъ посланіе къ великому князю; третье посланіе относится къ 1517—1551 г. /В. И. Малининъ, въ статьѣ «Старецъ Елизаврова монастыря Филовей и его посланіе къ царю и вел. князю Ивану Васильевичу»—старается опредѣлить болѣе точно время и послѣдовательность составленія посланій старца Филовея и приходитъ къ заключенію, что первымъ составлено посланіе къ вел. князю Василію, а именно въ промежутокъ между 1515 и 1521 гг. Соображенія автора нуждаются, однако, въ подтвержденіи. Труды Кіев. Дух. Ак. 1888 г., Май, стр. 72—126.

²⁾ Псалтырь XVI в. по Оп. ркп. Солов. монаст., т. I, стр. 23.

³⁾ Напр. сборникъ XVI в. по оп. ркп. Синод. библ., отд. II, ч. 3, № 319, стр. 603. Они перешли и въ повѣсть о Вѣломъ клобукѣ, гдѣ сказано: «ветхій бо Римъ отпаде славы и отъ віры Христовы гордостію и своею волею; въ повѣсть же Римъ, еже есть Константинъ градъ, насиліемъ агарянскимъ тако же христіанская віра погнѣбеть; на третьемъ же Римѣ, еже есть на руской земли, благодать Св. Духа возсія. И да вѣси... яко вся христіанская принудитъ въ конецъ и снудется во единому царство русское, православія ради. По изд. Кожанникова, стр. 34.

⁴⁾ Востокъ. Описаніе ркп. Румянц. музея, № 413, стр. 119: «О началѣ царствующаго великаго града Москвы, како сперва зачатъ. Вся убо хри-

учрежденія патриаршества, что лучше всего доказываетъ, какъ глубоко проникли эти мысли не только въ умы современниковъ, но и въ официальныя сферы¹⁾. Малоизвѣстный, къ сожалѣнію, намъ старецъ Филофей не былъ творцомъ теоріи о Москвѣ:— третьемъ Римѣ. Элементы этой теоріи были уже на лицѣ, и ему принадлежитъ только окончательная и полная ея формулировка. Но въ исторіи идей это была безспорно важная заслуга.

Когда такимъ образомъ было опредѣленно указано, что на московское царство преемственно переходятъ религіозныя и политическія задачи византийской имперіи, русской публицистической литературы предстала нелегкая задача оправдать эту теорію. Въ скептическихъ умахъ, — а такихъ немало было и среди русскихъ того времени, какъ это отчасти можно видѣть на вышепримеченномъ фактѣ: объ отношеніи нѣкоторыхъ представителей современной интеллигенціи къ поставленію хитр. Юны соборомъ русскихъ епископовъ помню Константинополя, — въ такихъ умахъ основательно могъ зародиться вопросъ: какія же данныя, и данныя гораздо болѣе конкретныя, чѣмъ одна простая ссылка на существованіе въ Москвѣ православной вѣры, могли бы подтвердить предположеніе, что Русь достойна вынадающей на ея долю чести быть третьей и послѣдней представительницей православнаго міра, что она въ состояніи исполнить переходящія къ ней религіозныя и политическія задачи? Цѣлый рядъ литературныхъ попытокъ доказать выдающееся религіозно-политическое значеніе Руси послужилъ отбѣтомъ на поставленный вопросъ. Всѣ они, соотвѣтственно духу времени, были столь же фиктивными и отличались такими же мистическими, какъ и самая теорія о Москвѣ:— третьемъ Римѣ. Но по выпадая, какіе были изъ нихъ сдѣланы политической практикой того времени, всѣ эти мистическія фикціи получаютъ реальное значеніе, а потому заслуживаютъ полного вни-

станскія царства въ конецъ преидоша и спидошася во едино царство наше-го великаго государя по пророческимъ книгамъ, то есть Россійское царство: два убо Рима падоша, третій же стоитъ, а четвертому не быти. По истинѣ же сей градъ именуется третій Римъ.

¹⁾ С. Г. Г. в д. II, стр. 97: «Понежъ убо ветхій Римъ падеся аполипаревою ересью; вторій же Римъ, иже есть Константинополь, агаряскіи плуди отъ безбожныхъ турокъ обладаетъ; твое же, о благочестивый царю, великое руссійское царство, третей Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде и вся благочестивая царствія въ твое въ едино собрася, и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуешься во всей вселеннѣи во всѣхъ христіанѣхъ». Замѣчательно, что эти слова приписаны здѣсь Константинопольскому патриарху Іереміи. Распространеніе этихъ воззрѣній въ XVII вѣкѣ, особенно среди ревнителей русскаго благочестія, указано въ книгѣ II. *Климентова*, Патриархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ, стр. 147, прим. 36.

манія и для исторіи русскаго государственнаго права. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Чтобы обосновать право Руси на представительство въ православномъ мірѣ и изгладить изъ памяти еще недавнее подчиненіе Руси Византіи въ церковномъ отношеніи, русскіе публицисты воспользовались стариннымъ преданіемъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ ¹⁾ для подтвержденія мысли, что русская церковь и русская іерархія ведутъ свое начало непосредственно отъ апостоловъ. Въ Степенной книгѣ говорится, что «божественный апостолъ Андрей, первіе благословивъ землю нашу русскую и прообразивъ намъ святое крещеніе истиннаго благочестія», поставилъ крестъ на горѣ, на берегу Днѣпра, «прообразованіе же божественнымъ крестомъ въ руской земли священное чина началіе» ²⁾. Эта мысль, что наша церковь идетъ не изъ Византіи, а отъ апостола Андрея, получила въ XVI в. широкое распространеніе. Герберштейнъ упоминаетъ, что «русскіе въ лѣтописяхъ открыто славятся тѣмъ, что прежде Владиміра и Ольги земля русская была крещена и благословлена Христовымъ апостоломъ Андреемъ» ³⁾. А Иванъ Грозный, на предложеніе Антонія Поссевиша примкнуть по примѣру грековъ къ униі, говорилъ ему: «Мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то-же самое время, какъ вы въ Италиі, и съ тѣхъ поръ доселѣ соблюдали ее ненарушимою» ⁴⁾. Въ XVII-же вѣкѣ Арсеній Сухановъ категорически отрицалъ, что мы приняли крещеніе отъ грековъ: «Вскую вы собою хвалитеся, что мы отъ насъ крещеніе пріяли, говорилъ онъ: мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея» ⁵⁾. Той-же цѣли—возвысить церковный автори-

¹⁾ См. объ этомъ у проф. Голубинскаго, Исторія церкви, т. I, ч. I, стр. 1—6.

²⁾ Степ. кн., I, 95—97 и 7.

³⁾ Записки о Московіи, стр. 44.

⁴⁾ Suppl. ad Historica Russiae Monumenta, p. 102. Цитовано по Голубинскому, Ист. церкви т. I, ч. I, стр. 8.

⁵⁾ Тамъ-же. Но и въ XVI в. эта мысль не была всеобщей, и тогда еще нѣкоторые думали, что русскимъ послѣ всѣхъ открылась православная вѣра. Эту мысль раздѣлялъ и знаменитый старецъ Филофей, который, толкуя одно мѣсто Апокалипсиса (XII, 1—4; 14—15), замѣтилъ про великую Русь: «се естъ пустыня, понеже святѣи вѣры пуста бѣша, и иже божественни апостоли въ нихъ не проповѣдаша, но послѣди всѣхъ просвѣтѣна на нихъ благодать Божія». Ж. М. Н. Пр. 1882 г., № 6, стр. 245. Также въ Цвѣтникахъ XVI в. сказано: «а не бывшу никому апостолу въ русской землі; по по

теть Русь—служила и Повѣсть о бѣлоиъ клюбукѣ. Повѣсть рассказываетъ, что этотъ клюбукъ, подаренный Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру въ знакъ особаго почета, высоко чтился всѣми папами до папы Формоза и царя Карула, которые впали въ апопизнарену ересь и опрѣсновенное служеніе. Съ этихъ поръ папы не возлюбили бѣлаго клюбукъ и перестали его носить. По странному преценію ангела Господня мікій папа отправилъ клюбукъ въ Константинополь къ патриарху Филозою (Успенію), которому ангелъ повелѣлъ принять клюбукъ съ честію и отправить въ русскую землю въ великій Новгородъ, чтобы не западѣли этииъ святыиъ клюбукѣмъ «пѣ семь градѣ (Константинополѣ) агарястїи внуци и погани да не опоругаютъ его, якоже латинскій папа хотяше сотпорити. Яко же бо суть отъ Рима благодать, и слава, и честь православїа отъясъ, тако и отъ царствующаго сего града благодать Св. Духа отъимется въ пѣищеніе агарянское и вся святая предана будетъ отъ Бога величїиъ русей земли во времена своя, и царя русскаго повелѣичитъ Господь надъ многїиъ языки» и проч. ¹⁾). Итакъ и эмблема высшей церковной

истиниъ русскому языку милость Божїи открылася. Оп. ркп. синод. библ., отд. II, ч. 3, № 326, стр. 681. Ср. проф. Голубинскаго, тамъ-же, стр. 5 и прим.

¹⁾ По изд. Кожанчикова, стр. 32, прим., и 39. Къ сожалѣнію, изданная редакция не первоначальная. Указаны двѣ редакціи этого памятника болѣе краткія и повидному болѣе древнія. См. II. С.—изъ, Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ, Русск. Вѣстникъ, 1862, май, стр. 358—372. Авторъ относитъ изданную Костомаровымъ редакцію ко времени послаъ учрежденїа патриаршества по слѣдующимъ основанїямъ: 1) въ новѣсти сказано: «и патриаршескїиъ чинъ такожде данъ будетъ русей земли во времена своя» (стр. 39); 2) въ ней проводится мысль о мнѣномъ отступленїи грековъ отъ православїа, чего, по мнѣнію автора, до XVII в. почти не наблюдается въ древне-русской письменности. Въ краткихъ редакціяхъ обѣ эти мысли опущены. Но и краткія редакціи авторъ относитъ ко времени послаъ Максима Грека, такъ какъ въ посланїи Дмитрія Толмача почти дословно приводятся слова изъ сказанїа о жизни Максима Грека; ср. тамъ-же, стр. 366.—На основанїи этихъ данныхъ II. Нестровъ, въ статьѣ: «О судьбѣ вѣна Константина Великаго въ русской церкви», предполагаетъ, что краткія редакціи повѣсти сложены послаъ 1564 г., такъ какъ въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ салвилъ на соборѣ, что нѣтъ писанїа, почему архїепископы повгородскїе носятъ бѣлый клюбукъ; подробная-же редакція появилась при патриархахъ. Труды Киев. Дух. Ак., 1865 г., т. III, стр. 495—497.—Эти всѣ соображенїа не представляются, однако, рѣшающимъ вопросомъ. По причинамъ, указаннымъ въ текстѣ, Ивану Васильевичу неудобно было сослаться на повѣсть. Отношенїа повѣсти къ сказанїю о жизни Максима Грека требуютъ еще развѣсненїиъ. Обѣ отпаденїа грековъ отъ православїа открыто говоримъ даже въ XV вѣкѣ. Наконецъ, московская митрополїа и въ XVI вѣкѣ называется «престоломъ патриаршескимъ» вса русскїи митрополїи или престоломъ «русскїа патриархїа», а митрополитъ «патрїархомъ». См. Посланїе Нїла Полева къ старку Герману, въ Ж. М. Н. Пр. 1681 г. ч. ССХVI, стр. 192, и Житїе митр. Филиппа, Сб. изъ библ. И. А. Шляпкина № 65, л. 52 об. и 61. До изданїа краткихъ редакцій повѣсти вопросъ о времени ихъ составленїа не можетъ быть рѣшенъ. По общему-же духу памятника онъ относится

манія и для исторіи русскаго государственнаго права. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Чтобы обосновать право Руси на представительство въ православномъ мірѣ и изгладить изъ памяти еще недавнее подчиненіе Руси Византіи въ церковномъ отношеніи, русскіе публицисты воспользовались стариннымъ преданіемъ о посѣщеніи Руси апостолами Андреемъ ¹⁾ для подтвержденія мысли, что русская церковь и русская іерархія ведутъ свое начало непосредственно отъ апостоловъ. Въ Степенной книгѣ говорится, что «божественный апостолъ Андрей, первіе благословивъ землю нашу русскую и прообразивъ намъ святое крещеніе истиннаго благочестія», поставилъ крестъ на горѣ, на берегу Днѣпра, «прообразованіе же божественнымъ крестомъ въ рускій земли сѣянное чина началъ» ²⁾. Эта мысль, что наша церковь идетъ не изъ Византіи, а отъ апостола Андрея, получила въ XVI в. широкое распространеніе. Герберштейнъ упоминаетъ, что «русскіе въ лѣтописяхъ открыто славятся тѣмъ, что прежде Владиміра и Ольги земля русская была крещена и благословлена Христовымъ апостоломъ Андреемъ» ³⁾. А Иванъ Грозный, на предложеніе Антонія Поссевины прикинуть по примѣру грековъ къ униі, говорилъ ему: «Мы вѣриемъ не въ грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то-же самое время, какъ вы въ Италиі, и съ тѣхъ поръ доселѣ соблюдали ее ненарушимою» ⁴⁾. Въ XVII-же вѣкѣ Арсеній Сухановъ категорически отрицалъ, что мы приняли крещеніе отъ грековъ: «Вскую вы собою хвалитеся, что мы отъ нихъ крещеніе пріяли, говорилъ онъ: мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея» ⁵⁾. Той-же цѣли—возвысить церковный автори-

¹⁾ См. объ этомъ у проф. Голубинскаго, Исторія церкви, т. I, ч. I, стр. 1—6.

²⁾ Степ. кн., I, 95—97 и 7.

³⁾ Записки о Московіи, стр. 44.

⁴⁾ Suppl. ad Historica Russiae Monumenta, p. 102. Цитовано по Голубинскому, Ист. церкви т. I, ч. I, стр. 8.

⁵⁾ Тамъ-же. Но и въ XVI в. эта мысль не была всеобщей, и тогда еще некоторые думали, что русскіе послѣ всѣхъ открылась православная вѣра. Эту мысль раздѣлялъ и знаменитый старецъ Филофей, который, толкуя одно мѣсто Апокалипсиса (XII, 1—4; 14—15), замѣтилъ про великую Русь, «се естъ пустыня, понеже святія вѣры пусты бѣша, и нже божественніи апостолы въ нихъ не проповѣдаша, но посади въхъ просвѣтиса на нихъ благодать Божія». Ж. М. Н. Пр. 1882 г., № 6, стр. 245. Также въ Цвѣтникахъ XVI в. сказано: «а не бывшу якому апостолу въ русской землі; но по

теть Русь—служила и Повѣсть о бѣломъ кlobукѣ. Повѣсть рассказываетъ, что этотъ кlobукъ, подаренный Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру въ знакъ особаго почета, высоко чтился всѣми папами до папы Формоза и царя Карула, которые впади въ аполлиналистическую ересь и опрѣсночное служеніе. Съ этихъ поръ папы не возлюбили бѣлаго кlobука и перестали его носить. По странному пренебреженію ангела Господня міжкій папа отправилъ кlobукъ въ Константинополь къ патріарху Филозою (Унензію), которому ангелъ повелѣлъ принять кlobукъ съ честію и отправить въ русскую землю въ великій Новгородъ, чтобы не западѣли этихъ святыхъ кlobукомъ «и семь градѣ (Константинополѣ) агарястїи внуци и погани да не опоругаютъ его, якоже латинскій папа хотѣше сотворити. Яко же бо суть отъ Рима благодать, и слава, и честь православїа отъяся, тако и отъ царствующаго сего града благодать Св. Духа отъимется въ пѣхненіе агарянское и вся святая предана будетъ отъ Бога величїи русей земли во времена своя, и царя русскаго повелѣнчїи Господь надъ многїми языки» и проч. ¹⁾. Итакъ и эмблема высшей церковной

истиннѣ русскому языку милость Божїа открылся. Оп. ркп. синод. библ., отд. II, ч. 3, № 326, стр. 681. Ср. проф. Голубинскаго, тамъ-же, стр. 5 и прим.

¹⁾ По изд. Кожанчикова, стр. 32, прим., и 39. Къ сожалѣнію, изданная редакція не первоначальная. Указаны двѣ редакціи этого памятника: болѣе краткая и повидимому болѣе древняя. См. II. С.—изъ. Какъ надается у насъ книжки о расколѣ, Русск. Вѣстникъ, 1862, май, стр. 358—372. Авторъ относитъ изданную Костомаровымъ редакцію ко времени послѣ учрежденія патріаршества по слѣдующимъ основаніямъ: 1) въ повѣсти сказано: «и патріаршескій чинъ такожде данъ будетъ русей земли во времена своя» (стр. 39); 2) въ ней проводится мысль о минимомъ отступленіи грековъ отъ православїа, чего, по мнѣнію автора, до XVII в. почти не наблюдается въ древне-русской письменности. Въ краткихъ редакціяхъ обѣ эти мысли опущены. Но и краткія редакціи авторъ относитъ ко времени послѣ Максима Грека, такъ какъ въ посланіи Дмитрія Толмача почти дословно приводятся слова изъ сказанія о жизни Максима Грека; ср. тамъ-же, стр. 366.—На основаніи этихъ данныхъ II. Петровъ, въ статьѣ: «О судьбѣ вѣна Константинова Великаго въ русской церкви», предполагаетъ, что краткія редакціи повѣсти сложены послѣ 1564 г., такъ какъ въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ заявилъ имъ соборѣ, что нѣтъ писанія, почему архіепископы повторюскіе носятъ бѣлый кlobукъ; подробная-же редакція появилась при патріархахъ. Труды Киев. Дух. Ак., 1865 г., т. III, стр. 495—497.—Эти всѣ соображенія не представляются, однако, рѣшающими вопросомъ. По причинамъ, указаннымъ въ текстѣ, Ивану Васильевичу неудобно было сослаться на повѣсть. Отношенія повѣсти къ сказанію о жизни Максима Грека требуютъ еще разслѣденій. Объ отпаденіи грековъ отъ православїа открыто говорили даже въ XV вѣкѣ. Наконецъ, московская митрополїа и въ XVI вѣкѣ называется «престоломъ патріаршескимъ всея русскїи митрополїи» или престоломъ «русскїи патріархїи», а митрополитъ «патрїархомъ». См. Посланіе Нила Полева къ старцу Герману, въ Ж. М. Н. Пр. 1881 г. ч. CCXVI, стр. 192, и Житіе митр. Филиппа, Сб. изъ библ. И. А. Шляпкина № 65, л. 52 об. и 61. До изданія краткихъ редакцій повѣсти вопросъ о времени ихъ составленія не можетъ быть рѣшенъ. По общему-же духу памятника онъ относится

власть—бѣлый клобукъ—передвигается изъ Рима и Константинополя въ русскую землю чрезъ посредство новгородскихъ архіепископовъ. Но подъ влияніемъ московскихъ вѣяній этотъ клобукъ достается московскимъ митрополитамъ. На соборѣ 1564 года царь Иванъ Васильевичъ заявилъ, что митрополитъ носить черный клобукъ, «а прежніе русскіе первопрестольники, митрополиты и чудотворцы Петръ и Алексій... носили бѣлые клобуки, и тому-бы отцу нашему и бегомольцу митрополиту высокопрестольная древняя почестъ учинити, носить бы ему бѣлый клобукъ, потому что прежніе русскіе первопрестольники... Петръ и Алексій митрополиты писаны на образѣхъ въ бѣлыхъ клобукахъ». При этомъ царь замѣтилъ: «а того въ писаніи не обурли есмь, чего для бѣлые клобуки отставлены... а писанія тому нѣтъ же, котораго для случая архіепископы новгородскіе бѣлые клобуки посятъ». Щепетливое московское чувство не согласилось съ рассказомъ повѣсти о бѣломъ клобукѣ, хотя и утилизировало его тенденцію. Соборъ 1564 года постановилъ учинить митрополиту древнюю почестъ: «носить ему бѣлый клобукъ съ рисами и херувимомъ», но сохранилъ то-же право и за новгородскими архіепископами¹⁾. Но этого мало. На Русь мало-по-малу начинаеть перетягиваться и свѣтлыя православнаго міра. Сказанія и повѣсти о чудесномъ появленіи иконъ, особенно Богоматери, подкрѣпляютъ въ этомъ направленіи мысли благочестиваго читателя. Таково, напр., новгородское Сказаніе о тихвинской иконѣ Богородицы, гдѣ повѣстнуется, что эта икона «по Божію благоволенію прибыла изъ царствующаго Константина града, предвѣривши его злое отъ поганыхъ одержаніе. Всечестная не взохотѣла предать свой пречистый образъ въ одержаніе поганыхъ, но благоволила просвѣтити имъ Всемилоstinная русскіе царство. И чрезъ 70 лѣтъ отъ ся принествія въ русскую землю попущеніемъ Божиимъ взяли безбожныя Царьградъ»²⁾. Таково-же сказаніе о

къ концу XV или началу XVI в. и во всякомъ случаѣ составленъ до 1564 г., такъ какъ иначе было-бы совершенно непонятно, какъ бѣлый клобукъ достался новгородскому архіепископу. Ср. *Ф. Терновскіаго, Изученіе византийскаго исторіи*, вып. II, стр. 173—174; *проф. Успенскій, Какъ возникъ, и проч.*, стр. 25. Объ анахронизмѣ повѣсти съ изображеніями святителей на клобукѣ см. *Прав. Обзор.* 1873, № 10, стр. 612—613.

¹⁾ Однако въ XVII в. Арсеній Сухановъ говорилъ, что московскій патриархъ величается какъ первый епископъ римскій, «занеже клобукъ бѣлый перваго папы Сильвестра на себѣ носить». А. И., I, № 173; Р. И. В., III, Алекс.-Невск. лѣт., стр. 210—212; *Ф. Терновскій*, тамъ-же, вып. II, стр. 49—50.

²⁾ *Буслаевъ, Истор. очерки русской народной словесности*, II, стр. 276.

Спасовой иконѣ, писанной царемъ греческимъ Мануиломъ и оказавшейся также въ Новгородѣ ¹⁾. Такое сосредоточеніе святыхъ въ русской землѣ публицисты того времени не преминули отнѣсать, какъ знакъ особаго богоизбранія: Господь по своему человеколюбію исполняетъ и преумножаетъ всегда свою благодать надъ русской землей, гдѣ «всякія божественныя вещи и многочудесныя являющіеся святымъ и всякая святыхъ отъ конецъ земли отъсюду припошасмы». Прославляя свое трисвятное имя божественною святыхъ и многими чудесными знаменіями, всемогущій Богъ «наипаче снабждаетъ свое святое избранное достояніе великія державы, иже на Москвѣ, всего рускаго царствія, въ немъ утверждать непоколебимо истинное благочестіе», и проч. ²⁾. Наконецъ, цѣлый рядъ національных угодниковъ и святителей, прославившихся при жизни и по смерти великими чудесами, какъ-бы оправдывалъ это богоизбраніе и подкрѣплялъ убѣжденіе въ церковно-религіозной возмужалости древней Руси. Соборы 1547 и 1549 гг., установившіе канонизацію всероссійскихъ и истинныхъ новыхъ чудотворцевъ, какъ-бы подвели итоги церковно-историческихъ заслугъ русской земли на пользу православія. Одни изъ публицистовъ-биографовъ про эти соборныя постановленія записали, что «съ того времени церкви Божіи въ русской землѣ не являютъ памяти святыхъ и русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ, яко-же и тотъ великій Римъ и Царствующій градъ: тако бо вѣра православная испроказана Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ, а дѣ-же въ руской землѣ паче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ» ³⁾.

Параллельно тому, какъ создавался церковно-религіозный авторитетъ московской Руси, подготавлилась почва и для политическаго представительства. Одно съ другимъ было тѣсно связано и даже немислимо одно безъ другаго. Въ Москвѣ очень хорошо понимали и знали византійскій заветъ, что «христианамъ невозможно имѣть церковь, но не имѣть царя, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга» ⁴⁾. Поэтому пропаганда обѣихъ идей шла совмѣстно. Тѣсная связь этихъ идей рѣзко обрисована уже въ тенденціозной обработкѣ преданія о посещеніи Руси апостолами Андреемъ, который будто-бы на киевскихъ

¹⁾ Новгород. лѣтописи, Сиб. 1879 г., стр. 182—183.

²⁾ Степ. кн., I, 528 и 529.

³⁾ Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 228.

⁴⁾ См. выше, гл. I, стр. 28.

горахъ поставилъ крестъ, а потоки на нѣбѣхъ, гдѣ стоитъ Новгородъ, «жезъ свой подружи въ веси нарицаемой Грузино». Степенная книга комментируетъ, что ап. Андрей «прообразоваше божественнымъ крестомъ въ рускій земли священное чиноначаліе; же зломъ же прообрази въ Руси самодержавное царское скифетроправленіе»¹⁾. Въ повѣсти о бѣлохъ кلوبукѣ тотъ-же параллелизмъ идей выступаетъ также совершенно рельефно. «Въ древняя бо глѣта, сказано здѣсь: изволеніемъ земаго царя Константина отъ царствующаго сего града царскій вѣнецъ данъ бысть русскому царю; бѣлымъ-же сей клобукъ изволеніемъ небеснаго царя Христа нѣмѣ данъ будетъ архіепископу великаго Нонаграда»²⁾. Крошѣ этого намека, что царскій вѣнецъ передать на Русь какимъ-то царемъ Константиномъ раньше бѣлаго клобука, повѣсть не даетъ никакихъ подробностей. Подробности эти переданы въ особомъ сказаніи или Повѣсти о Мономаховомъ вѣницѣ. Какъ повѣсть о бѣлохъ клобукѣ привязала свой вымыселъ къ реальному факту—бѣлому клобуку новгородскихъ архіепископовъ, такъ и сказаніе о Мономаховомъ вѣницѣ исходитъ отъ подобнаго же реального факта. Въ казніи московскихъ государей уже со временъ Калиты были извѣстны особенно почитаемыя князьями обладанія: животворящій крестъ, златая пшавка, бармы и проч. Весьма возможно, что эти предметы въ разное время и по разнымъ случаямъ были присланы изъ Греціи или приобретены тамъ. Они-то и послужили исходнымъ пунктомъ сказанія о присылкѣ царственныхъ регалій изъ Греціи. Оставалось указать лицъ, при которыхъ произошла такая торжественная передача. Кіевскій князь Владиміръ Мономахъ,—народный герой, сынъ греческой царевны, про котораго митр. Никифоръ писалъ, что «его Богъ издавеча проразумѣ и предповѣстѣ, его-же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и княжское кровнъ смѣсивъ, его-же благочестіе въспита» и проч.³⁾, и который получилъ прозваніе изъ честь своего дѣда Константина Мономаха,—представлялся наиболѣе подходящимъ героемъ легенды. Въ Степенной книгѣ, можетъ быть, впервые сказано о немъ, что Богъ «свыше славою и честію вѣнча его и царскимъ именовахъ паче нѣмѣхъ царствующихъ прослави»; а далѣе объяснено, что ради

¹⁾ Степ. кн. I, 7. Эта тенденція перешла и въ позднѣйшую обработку житій кн. Ольги и Владиміра, *Свят. Николаевскій, Русская проповѣдь*. Ж. М. Н. Пр. 1868, № 4, стр. 95—96; *проф. Голубинскій, Ист. церкви I*, стр. 11.

²⁾ По изданію Кожанчикова, стр. 38.

³⁾ Русск. Достопамяти, I, 63.

своего мужества онъ принялъ «греческаго царя Константина Мономахъ діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа» и проч., и что онъ удостоился такого дарованія «не отъ челоуѣкъ, но Божіихъ судьбахъ неизреченнымъ претворяще и преводяще славу греческаго царства на руссійскаго царя. Вѣнчанъ-же бысть тогда въ Кіевѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ.... и оттогѣ боговѣнчанный царь нарицашеся въ руссійской царствіи ¹⁾». Въ отдѣльномъ сказаніи, записанномъ въ лѣтописные своды, приводятся и обстоятельства присылки царскихъ регалій: Владиміръ Мономахъ, по совѣту съ боярами, началъ войну противъ Греціи и опустошилъ Фракію. Для умиротворенія царь Константинъ Мономахъ, имѣя брань съ персами и латинами, присылаетъ ему различныя регаліи и въ томъ числѣ «снѣжъ отъ своей главы вѣнецъ царскій, иже именуется Мономахова шапка», и проситъ мира и любви, «да церкви Божіи безъ мѣтежа будутъ и все православіе въ покои пребудеть подъ сущемою властію нашего царства и твоего великаго самодръжества великія Руси, да называешия отсегѣ боговѣнчанный царь». Въ заключеніе составитель повѣсти прибавилъ, что «оттогѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ вѣнчаются всѣ великіи князи владимірскіе, егда ставится на великое княженіе ²⁾». Сказаніе приобрѣло весьма широкое распространеніе, при перепискѣ подвергаясь иногда существенной переработкѣ ³⁾; не смотря на цѣлый рядъ анахронизмовъ и прямыхъ несообразностей, оно даже получило оффиціозный характеръ: ему помѣрили, на него ссылались въ оффиціальныхъ документахъ. Такъ въ чинѣ вѣнчанія на царство Ивана Васильевича Грознаго сказано, что онъ «вѣнчанъ бысть... прародителя его вѣнчаніемъ царя великаго Владиміра Мономаха животворящимъ крестомъ и царскимъ вѣнцемъ и діадимомъ, еже дрепло тѣмъ животворящимъ крестомъ и вѣнцемъ царскимъ и діадимомъ вѣнчанъ бысть на цар-

¹⁾ Стя. ки., I, стр. 246—247. Дословный пересказъ этой легенды читается въ похвальной словѣ черноризца Филолога св. князю Михаилу Черниговскому и его боярину Феодору. Вел. Четьи-Миней, выш. II, стр. 1318.

²⁾ П. С. Л. VII, 23; IX, 144.

³⁾ Распространенная редакція этого сказанія напечатана въ Визлѣоникѣ, VII, стр. 1—4 подъ заглавіемъ: «О поставленіи великихъ князей Руссійскихъ на великое княженіе святыми барнами и царскимъ вѣнцемъ, откуда бѣ и како начаша ставитися». Особая редакція его помѣщается въ Родословныхъ Временникъ, ки. 10-я, стр. 216—217. Въ хронографахъ первой редакціи это сказаніе является значительно изукрашеннымъ. Диборникъ, стр. 21—23 Отмѣтитъ еще особую редакцію сказанія въ сборн. Поход. Древл. № 1567. А. О. Бичковъ, Оп. рип. Публ. Вибл. I, стр. 58. Кораминъ, II, прил. 220, говоритъ, что не видѣлъ этихъ сказаній старѣе XVI в.

ство русское прародитель его князь великій Владимиръ... отъ святѣйшаго митр. ефесскаго, куръ Неофита, по благословенію патріарха цареградскаго ¹⁾). Въ 1562 г. въ Успенскомъ соборѣ устроено было царское мѣсто, на затворахъ котораго написана повѣсть, «откуда бы и како начаша ставитися на великое княженіе Російское св. бармаи и царскими вѣнцемъ», а на 12-ти барельефахъ изображено все сказаніе о присылкѣ царскаго сана императоромъ Константиномъ Мономахомъ Владимиру Всеволодовичу Мономаху ²⁾. Вѣроятно, эта повѣсть сообщена была и константинопольскому патріарху, когда въ Москвѣ хлопотали о подтвержденіи правъ государя на царскій титулъ, потому что въ соборной грамотѣ 1561 г., утверждающей санъ царя за великимъ княземъ московскимъ, о вѣнчаніи Владимира Мономаха сообщается какъ о несомнѣнномъ историческомъ событіи ³⁾. Въ своей духовной Иванъ Грозный благословилъ сына Ивана «царствомъ русскимъ, шапкою Мономаховскою и великъ чиномъ царскимъ, что прислалъ прародителю нашему царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда» ⁴⁾. Получивъ характеръ оффиціальной достовѣрности, это сказаніе вошло въ «чинovníки» вѣнчанія русскихъ царей на царство ⁵⁾. Московскіе книжники дополняли его потомъ разными генеалогическими справками.

Одни рассказывали, что первый великій князь «Данилъ Александровичъ Невскаго Московскій и всея Россіи» передъ смертію передаетъ животворящій крестъ и вѣнецъ Мономахомъ и прочія царскія регаліи четвертому сыну своему князю Юрию Калитѣ, котораго великій чудотворецъ митр. Петръ благословилъ животворящимъ крестомъ и «всѣхъ иже отъ чреслъ его великихъ князей всея Россіи» ⁶⁾;

¹⁾ С. Г. и Д., II № 33.

²⁾ *Великий, Царскій златой вѣнецъ и царскія регаліи*, и проч. Чтенія Общ. ист. и древн. 1860 г. кн. I, стр. 35—36.

³⁾ Въ ней сказано: «въ шестыхъ же отъ благочестиваго царя Константина и съ тогдашнихъ патріархомъ и со священными архіереи собора Константинова града послаша тогда пресвященнаго митр. Ефесскаго и Антиохійскаго изрядночашѣйшаго епарха, и вѣнчаша благочестиваго вел. кн. Владимира на царство и дароваша его тогда царскимъ вѣнцемъ на главу его и діадиму украшенною бисеромъ и ннымъ царскимъ знаменіемъ». (См. эту грамоту въ изд. Оболенскаго. М. 1850, стр. 23.)

⁴⁾ Д. кн. А. И., I, стр. 378.

⁵⁾ Визлѣо. т. VII, стр. 14; Д. кн. А. И., I, стр. 45; С. Д. Г., II, № 33, поставленіе Грознаго; *ib.*, № 51, чинъ вѣнчанія Федора Ивановича; *ib.*, т. III, стр. 70, — Михаилъ Федоровичъ; Визлѣо. VII, стр. 234 и 304, — Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича.

⁶⁾ *Арх. Ангелогія, Лѣтописныя и др. древнія сказанія о св. благ. вел. кн. Данилѣ Ал.* Чтенія въ Общ. люб. дух. просвѣщ., 1873 г., № 2, стр. 14. Степ. кн., II, 215.

что Ивалъ III вѣнчалъ своего внука шапкой Мономаховой и бармахи, хотя въ официальномъ чинѣ вѣнчанія шапка такъ не называется¹⁾; что/Василій III, благословляя сына на царство благословеніемъ прародителя: Мономахимъ честнымъ крестомъ, Мономахимъ царскимъ вѣнпомъ и прочею утварью царскою Мономахиею, сказалъ, будто этими регалиями «мы великіи князи вѣнчаемы на великое самодержавство русскаго царствія»²⁾. / Другіе, придерживаясь ближе исторической достоверности и зная, что вѣнчанія на царство надъ прародителями грознаго царя не совершалось, придумали такое объясненіе столь непонятному для нихъ отступленію отъ обряда, совершеннаго надъ Мономахомъ: послѣдній, умирая, замышлялъ будто-бы никого не вѣнчать на царство, такъ какъ удѣльные князья возстанутъ изъ зависти на царя и государство погибнетъ; поэтому онъ передалъ царскую утварь сыну Юрію, велѣлъ беречь ее и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ подвигнетъ царя, истиннаго самодержца въ русскомъ царствѣ³⁾. / Наконецъ, нашлись и такіе скептики, которые, указавъ, что Грозный былъ вѣнчанъ св. бармахи и вѣнцемъ Мономаховымъ, утверждали, что вѣнчаніе совершено было «по древнему закону царскому, яко-же рихтѣи и гречестѣи царіе прарославнии поставилихуся»; что до Грознаго «никто-же изъ прадѣдъ его царемъ сложяше въ Россіи и не смѣяше отъ нихъ никѣмъ поставитися царемъ и знатися тѣмъ новымъ именемъ», будто-бы боясь зависти и возстанія поганныхъ и нечестивыхъ царей⁴⁾.

¹⁾ П. С. Л., II, 11; С. Г. и Д., II, № 25. Герберштейнъ сообщаетъ, что шапку, которою вѣнчалъ Дмитрій, послѣ Владиміръ Мономахъ и что онъ оставилъ и въ настоящее время въ сокровищницѣ императоровъ въ Москвитинѣ. Записки о Москвитинѣ, стр. 37 и 16.

²⁾ Степ. кн. II, 215.

³⁾ Карамзинъ, II, стр. 220.

⁴⁾ Новгор. лѣтописи, Спб. 1879, стр. 329. Псковскій лѣтописецъ также говоритъ, что Грозный былъ вѣнчанъ «св. бармахи и царскимъ вѣнцемъ... по древнему царскому чину». П. С. Л. IV, 307. Въ исторической литературѣ очень немногіе изъ исследователей принимаютъ сказаніе о Мономаховыхъ регалияхъ за достоверное или не считаютъ возможнымъ его отвергать: Соловьевъ, Исторія, II, изд. 5, 80—81; Лавровъ, Исторія титуловъ государей Россіи, Ж. М. Н. Пр. 1847 г. ч. LVI, стр. 113; Оболенскій, Соборная грамота вост. духов., стр. 6—8, прим. 5 и 8. Другіе, наоборотъ, считаютъ это сказаніе домyselомъ книжниковъ конца XV или начала XVI в.: Полюдинъ, Древняя русская исторія до монгольскаго ига, 1872 г. т. I, стр. 215 и 220; Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, I, стр. 70; Погодаевскій, Ист. Россіи, ч. I, прим. 53; Проф. Васильевскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1875 г., дек., стр. 311—313; Ф. Терюмскій, Изуч. визант. исторіи, II, стр. 166; проф. Успенскій, Какъ возникъ... восточн. вѣнчекъ, стр. 24. Нѣкоторые изъ нашихъ археологовъ думаютъ, что регалии были получены Владиміромъ святымъ при бракосочетаніи съ царевной Анной, но вѣстники полагаютъ, что сказаніе возникло въ XVI в. на подзабытой исторической основѣ: Великий, Царскій алатой вѣнчекъ и царскія утвари и проч., Читенія Общ. Ист. и Древн. 1860, кн. 1, стр. 37—42.

Эта фикция о присылкѣ изъ Греціи въ Русь дареныхъ знаковъ нашла отраженіе и въ народныхъ эпосѣ. Въ древне-русской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ разсказывается, какъ царь Левъ (Филозофъ) посылалъ трехъ пословъ, въ томъ числѣ русина, въ Вавилонъ, и какъ эти послы принесли царю Леву царскіе вѣнцы, сердоликовую крабину и иные украшенія; а также грамоту, гдѣ излагалась исторія вѣнцовъ, некогда принадлежавшихъ Навуходоносору. Этими вѣнцами патріархъ и вѣнчалъ императора и императрицу. Въ эту повѣсть, заимствованную изъ византийскаго эпоса, внесены разныя дополненія. Такъ изъ числѣ украшеній оказались «Намахова» шапка, а самыя украшенія попадають не изъ Цариграда, — такъ какъ тамъ оказалось великое кровопролитіе: рухнулось цѣла православная, не стало цари православнаго, — а въ Русію подселенную, въ г. Казань: «и улегла тутъ порфиря и корона съ града Вавилона на голову грознаго цари православнаго, Ивана царя Васильевича, который рухнулъ царство «Проходима», поганнаго князя Казанскаго»¹⁾.

Но гордое національное чувство ревностныхъ патріотовъ богоизбраннаго христоуменитаго царства не удовлетворялось этой фикціей перенесенія славы греческаго царства на русскаго царя. Въ этой фикціи чувствовалась нѣкоторая несамостоятельность новаго царства, которое явилось таковымъ не само по себѣ, а произвело свои новыя права изъ Византии, отъ грековъ, потерявшихъ теперь великій авторитетъ. И вотъ придумывается новая фикція о томъ, что московскіе государи не случайно явились обладателями новаго царства — Третьяго Рима — и по той милости греческихъ императоровъ, а въ силу своего исконнаго происхожденія

(авторъ предполагаетъ даже намѣренное исправленіе словъ въ грамотѣ патріарха 1561 г.); *Смрговъ*, Выходы царей, Указатель, стр. 63, подъ словомъ «Мономаховы регалии»; *Прозоровскій*, По вопросу о регалияхъ, приписываемыхъ Владимиру Мономаху. Труды третьяго (киевского) археологич. съѣзда, т. II, стр. 149—151; *то-же*, Объ утваряхъ приписываемыхъ Владимиру Мономаху, Спб. 1880, стр. 6—8, 23, 26, 57 и слѣд. Последній, прослѣдивъ исторію япныхъ регалий по княжескимъ духовнымъ завѣщаніямъ, пришелъ къ заключенію, что «духовныя завѣщанія не даютъ никакого повода считать Мономаховыми какія-либо изъ упомянутыхъ выше утварей, а скорѣе народитъ на мысль, что утваря, признаваемая за греческія вѣдѣлія, получены изъ Византии разновременно, по различнымъ случаямъ и приурочены къ старому преданію о вѣнчаніи великаго князя, съ отнесеніемъ этого событія къ Владимиру Мономаху, какъ внуку восточнаго императора», стр. 29).

¹⁾ *А. Пыпинъ*, Очерки лит. ист. русск. повѣст., стр. 19—101; *проф. Александръ Веселовскій*, Отрывки византийскаго эпоса въ рускомъ, Слав. Сб., т. II, стр. 122 и слѣд.; *то-же*, Записки по литер. и народн. слог., Прилож. къ XLV т. Зап. Ак. Наукъ, № 3, стр. 9—10; *Е. Ляровъ*, Древне-русскіе памятники вѣнчанія царей, Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1883 г., кн. 1, стр. V и XXV.

отъ царской крови, по своему «отечеству». Въ Степенной книгѣ, рядомъ съ указаніемъ, что ап. Андрей жезломъ прообразовалъ въ Руси самодержавное царское скипетроправленіе, стоитъ извѣстіе, что это самодержавное скипетроправленіе «начаясь отъ Рюрика... иже бѣ отъ племени Прусова; по его-же имени Пруская земля именуется; Прусь-же братъ бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа» ¹⁾. Источники этой легенды предстоить еще объяснить ²⁾. Въ ней разсказывается, что обладатель всей вселенной Августъ передъ смертью «начя рядъ покладати на вселенную братья и сродникиа своиа». При этомъ раздѣлѣ онъ выдѣлилъ брату Прусу землю на берегахъ Вислы, отчего земля и прозывается Прусской. «А отъ Пруса четвертоюнадесять колѣно Рюрикъ», котораго, «суща отъ роду римскаго царя Августа», и призвали новгородцы по совѣту Гостомысла. Эта легенда, какъ и сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ, получила широкое распространеніе, а литературныя передѣлки ея иногда принимали чрезвычайно грубую форму. Такъ въ повѣсти о созданіи царствующаго града Москвы, истрѣчающейся въ спискахъ Кормчей, разсказывается, что кн. вел. Данию Ивановичъ (sic) послѣ Рюрика короля Римскаго пришелъ изъ Великаго Новграда въ Суздаль ³⁾. И эта легенда проникла въ официальныя сферы, занесена въ государственъ родословецъ, составленный въ половинѣ XVI вѣка ⁴⁾, и царь Иванъ Васильевичъ не разъ ссылался на свое знаменитое происхожденіе отъ кесаря Августа. Какъ ни различны были только что указанныя факціи, онѣ спокойно примирялись и авторами Степенной книги, и такими риторомъ, какъ Иванъ Грозный. Мало того, онѣ вскорѣ-же были слиты въ одно сказаніе какія-то Спирidonомъ Савною, который въ посланіи къ своему духовному сыну дословно выписалъ легенду о происхожденіи Рюрика и велѣлъ за ней помѣстить сказаніе о посылкѣ царскихъ регалій Мономаху. Но чувствуя при такомъ рѣзкомъ сопоставленіи неловкость пожалованія византийскихъ императоромъ царскихъ регалій русскому князю, происходившему также отъ царской крови, авторъ счелъ необходимымъ смягчить смыслъ словъ, обращенныхъ къ русскому князю, ссылкой на его происхожденіе. Императорскіе послы должны были сказать Владимиру Мономаху отъ лица императора слѣдующее:

¹⁾ Стен. кн., I, стр. 7. ²⁾ Некоторые полагаютъ, что она заимствована изъ польско-литовской легендарной литературы. Шленгеръ, Несторъ, I, стр. 276—278; Куникъ, Die Begründung der Schwed. Rosse, стр. 115. Другіе считаютъ ее впадомъ русской учености. Геденовъ, Варяги и Русь, ч. I, стр. 137—138.

³⁾ П. С. Л., VII, 231 и 267; Восмоновъ, Он. рик. Румянцевъ, стр. 639.

⁴⁾ Н. Н. Лихачевъ, Разрядные дѣла, стр. 400 и слѣд.

сприями отъ насъ, о боголюбивый и благотворный княже, сія честная дарове отъ пачатокъ вѣчнаго твоего родства поклоненія на славу и честь и вѣнчаніе твоего полнаго и самодержавнаго царства»¹⁾.

Такъ была обоснована теорія о православномъ русскомъ царствѣ. Не смотря на неглубокую фиктивность ея построения, теорія эта оказала сильное вліяніе на умы современниковъ и легла въ основу національнаго политическаго самосознанія того времени.

Выработка ея обязана главнымъ образомъ усиленію русской національной публицистики, которая, однако, создавала свои фикціи при налицности двойныхъ политическихъ вліяній: западно-католическаго и восточно-православнаго. Флорентійская унія и особенно паденіе византійской имперіи подъ напоромъ мусульманскаго міра имѣли огромное вліяніе вообще на судьбы европейской политики. Первая роль здѣсь принадлежала безспорно римской куріи²⁾. Главною цѣлью ея заботъ было объединеніе всей Европы подъ главенствомъ папы для борьбы съ исламомъ. А для этого, по мнѣнію куріи, представлялось необходимымъ основать политическій союзъ на почвѣ религіозной уніи. Отсюда стремленіе папской политики добиться признанія Флорентійской уніи со стороны Москвы. Но чтобы вѣрнѣе достигнута этихъ результатовъ, папскія представленія въ Москвѣ обставлялись заманчивыми политическими обѣщаніями, каковы: полученіе королевскаго титула и приобритеніе Константинопольскаго наслѣдія. Съ подобными проектами римская курія выступила довольно рано, еще со времени брака Ивана III съ Зоею Палеологъ; да и самый этотъ бракъ задуманъ былъ въ Римѣ въ

¹⁾ Сб. Древлехр. Погодина, № 1567, л. 103 об. Это сводное сказаніе составлено при Василии Ивановичѣ, какъ видно изъ заключительныхъ словъ сказанія: «Якоже и сія вольный и самодержецъ царь великій Росія Василей Ивановичъ вторынадесять по козѣну отъ великаго князя Володимера Мономаха... претече же пѣниѣ до великаго князя Василія Ивановича волнаго самодержца и царя лѣтъ 4800. А царству ихъ пачатокъ отъ кесаря римска и царя, сей бо Августъ пооблада вселенной». Ср. А. Ф. Бычкова, Оп. ркп. Публ. Библ., I, стр. 58. Отсюда слѣдуетъ, что легенда о происхожденіи отъ кесаря Августа циркулировала уже въ началѣ XVI в. Она была известна и Герберштейну, который указывалъ на римское происхожденіе вел. князя Василія. См. II. II. Лихачевъ, Разрядные дѣянія, стр. 402—404. Надо думать, однако, что сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ возникло ранѣе, такъ какъ оно прилагивалось къ легендѣ.

²⁾ Вопросъ о сношеніяхъ Рима съ Москвой разработанъ въ слѣд. трудахъ: Fiedler, Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der römischen Kirche im 16 Jahrhundert, Wien 1862; Pierling, Rome et Moscou, 1883; *ею-же*, Un nonce du Pape en Moscovie, 1884; *ею-же*, Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou, 1885; *ею-же*, Le mariage d'un tsar au Vatican, Revue des questions historiques, I oct. 1887; *п. оф.* Успенскаго, Сношенія Рима съ Москвой, Ж. М. Н. Пр. 1884, авг. и 1885, авг.; *ею-же*, Какъ возникъ и разпался на Руси восточный вопросъ, 1890; *ею-же*, Бракъ царя Ивана Васильевича съ Софіей Палеологъ, Ист. Вѣсти. 1887 г., № 12.

виду тѣхъ-же цѣлей. Уже въ 1473 г. сеньория Венеции сообщала Ивану III, что восточная имперія «за прекращеніемъ императорскаго рода въ мужскомъ колѣнѣ должна принадлежать вашему высочеству въ силу вашего благополучнѣйшаго брака»¹⁾. Но такъ какъ у Зои Палеологъ былъ живъ братъ Андрей, то объясненіе приведенныхъ словъ сеньории станетъ возможнымъ лишь при предположеніи, что одновременно съ переговорами о бракѣ заключенъ былъ отъ имени Андрея «актъ передачи титула и правъ на Византию» московскому государю²⁾. Весьма вѣроятно, что такая комбинація устраниенія Андрея Палеолога и подѣленія вѣнскихъ грохкихъ политическимъ наслѣдствомъ была придумана въ Римѣ, чтобы легче склонить московское правительство къ принятію уніи. Что въ Римѣ рассчитывали на такой результатъ, видно изъ того, что въ свѣдѣ греческой надписи былъ папскій легатъ Антоній, миссія котораго, какъ извѣстно, не удалась³⁾; Андрей-же Палеологъ въ 1494 г. продалъ опять свои права на императорскую константинопольскую корону французскому королю Карлу VIII⁴⁾. О дарованіи королевскаго титула московскому князю заговорили также очень рано. Уже въ 1483 г. императорскій посолъ Николай Понпель разсказывалъ въ Москвѣ, что онъ слышалъ, будто великій князь «предъ тѣми годами посылалъ до папѣ римского своихъ пословъ, жадаючи, а просячи отъ него, абы его папѣ удрѣзати краемъ на его землѣ». Понпель предостерегалъ, что папа не имѣетъ въ томъ власти, и что такое право принадлежитъ лишь царю римскому, хлопотать у котораго о королевскомъ титулѣ для великаго князя и предлагать свои услуги⁵⁾. Подобные слухи очень сильно циркулировали въ Европѣ, благодаря письмамъ и запискамъ побывавшихъ въ Москвѣ или писавшихъ съ чужихъ словъ иностранцевъ⁶⁾ и не смотря на опроверженія такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ Герберштейнъ⁷⁾.

¹⁾ Проф. Успенскій, Бракъ царя Ивана III, Ист. Вѣстн. 1887 г., № 12, стр. 689.

²⁾ Проф. Успенскій, Какъ возникъ на Руси и проч., стр. 28—31; авторъ думаетъ, что такой актъ долженъ находиться въ архивахъ Ватикана.

³⁾ П. С. Л., IV, 245; VIII, 175—176; VI, 197.

⁴⁾ Проф. Успенскій, тамъ-же, стр. 30. Этотъ Андрей хорошо извѣстенъ и нашимъ дѣтописцамъ. Подъ 1474 г. упоминается посольство къ великому князю «отъ царевичей Фоминыхъ дѣтей Аморейскаго». Затѣмъ Андрей Фомищъ сынъ деспота Аморейскаго и самъ былъ два раза въ Москвѣ, въ 1480 и въ 1490 гг., и оба раза изъ Рима. П. С. Л., VIII, 180, 205 и 219; Никои. Лѣт., VI, 110 и 125. Современникъ, несочувствовавшій гордой византийской царевнѣ, между прочимъ упрекнулъ ее въ томъ, что она «истерзала много казны великаго князя, давала бо брату». Не даромъ, значитъ, Андрей прѣѣзжалъ на Москву. П. С. Л., VI, 234.

⁵⁾ Пам. дипл. см., т. I, стр. 11.

⁶⁾ Давр. Альберта Кампензе и Павла Юмъ. Семеновъ, Вѣст. иностр. писат., т. I, стр. 42, 17—18.

⁷⁾ Записки о Московіи, пер. Лавинкова, стр. 30—31.

Константинопольскимъ наследствомъ и королевскимъ титуломъ не одинъ разъ въ теченіе XVI в. пытались соблазнить московское правительство. Ни одно задуманное изъ Рима посольство въ Москву не обходилось безъ пышныхъ обѣщаній увеличенія чести и возвышенія достоинства московскаго государя въ награду за принятіе уни¹⁾. О константинопольскомъ наследствѣ также нѣсколько разъ напоминали московскому правительству. Такъ въ 1519 г. посолъ магистра прусскаго, Дитрихъ Шомбергъ, передавъ въ Москвѣ весьма важное порученіе папскаго посла о заключеніи перемирія съ христіанскими государями противъ турокъ, «затѣе турской вотчинѣ великаго князя держитъ». Великому князю велѣно было сообщить, что если онъ хочетъ «за свою вотчинѣ константинопольскую» стоять, и онъ имѣетъ нынѣ пригоденъ путь, да и помочь, что имъ за сто лѣтъ

¹⁾ Въ 1518 г. коммиссія изъ 4-хъ кардиналовъ, набравъ пунціонъ въ Москву Франциска де-Потенція, постановила возвести московскаго князя въ король въ случаѣ принятія имъ уни. *Fiedler*, назв. соч., стр. 8—9. Въ 1519 г. посолъ магистра прусскаго, Дитрихъ Шомбергъ, рассказывалъ въ Москвѣ о посольствѣ отъ папы «пѣкаго мпика», который долженъ былъ передать великому князю, что папа хочетъ принять его въ единство съ Римомъ, «а наислѣдшаго и депобѣдѣшаго царя вса Русія короновати въ кристлянскаго царя». Сб. Р. И. Общ., т. LIII, стр. 85—86. То же видно и изъ письма папы Льва X отъ 19 сент. 1519 г. *Григоревичъ*, Переписка папъ съ русскими государями, стр. 3—6. Въ 1524 г. папа Климентъ VII снабдилъ генуэзца Павла Чентурионе грамотою къ Василію III, въ которой обѣщалъ даровать титулъ короля вмѣстѣ съ королевскими регалиями. *Семеновъ*, Вѣст. иностр. писателей, Юлій, стр. 17; *Fiedler*, ib., стр. 14—15 и 79—80. Наконецъ, послѣдній папскій посолъ къ Василію III, еп. скаренскій Францискъ, долженъ былъ успѣшно сообщить о важныхъ дѣлахъ. Литовская рада указываетъ, что этотъ посолъ отправленъ въ Москву «намовляючи великаго князя къ послушенству св. кресту римскаго» и «обѣщая ему корону». *Fiedler*, ib., стр. 17; *проф. Успенскій*, Сношенія Рима, Ж. М. Н. Пр. 1884, авг., стр. 393; А. З. Р. т. II № 144, стр. 171—174. При Ивѣ Грозномъ подобныя же попытки склонить Москву начинаются задуманной мистификаціей Шантлена, который поручилъ веденіе переговоровъ объ этомъ въ Римѣ Штейнбергу. На основаніи его сообщеній коммиссія кардиналовъ въ 1552 г. постановила московскаго князя возвести въ санъ короля, если онъ приметъ присягу на вѣрность папѣ. *Pierling*, Rome et Moscou, p. 18; *Fiedler*, ib., стр. 29; *проф. Успенскій*, тамъ-же, стр. 402. До 1582 г. нѣтъ еще и еще цѣлый рядъ попытокъ завязать на этой почвѣ сношенія съ Москвою. Предполагавшіяся посольства Капобіо, Джипральдо и Портико, а также посольство, организація котораго поручена кардиналу Морони въ 1576 г., всѣ должны были коснуться вопроса о королевскомъ титулѣ. *Pierling*, ib., p. 51. append. V in fine и append. X. Въ самомъ концѣ XVI в. папскій посолъ Александръ Комузеи сообщаетъ, что Антоній Поссевинъ хлопоталъ о томъ, чтобы «папа спозна писаль титулъ московскаго государя, но безуспѣшно, а что къ нему, Комузею, папа прислалъ грамоты съ полными титулами московскаго государя, и что «нынѣшней папа возеъ въ титулахъ во всѣхъ, кому хочетъ, тому дать». Пам. дипл. снош., т. X, стр. 456.

отъ сѣхъ мѣстъ наслѣдники константинопольскіе не имѣли». ¹⁾ Ивану Васильевичу Грозному подобныя-же представленія дѣлались не только агентами римской куріи, но и императорскимъ правительствомъ. Цесарскіе послы, Кобенцель и Принцъ, развѣивая передъ Грознымъ въ 1576 г. выгоды избранія на польскій престолъ «арцыкняжата Эрнеста», обѣщаютъ ему, что съ помощію Божіею и изволеньскъ цесарскія милости и святаго папы римскаго при помощи всѣхъ христіанскихъ государей турки будутъ изгнаны до Азіи, чтобъ «все цесарство греческое на востокъ солнца къ твоему величеству пришло, ажебъ такъ наша пресвѣтлость за восточнаго цесаря... ото всего христіанства навѣки былъ честенъ и славенъ» ²⁾. Въ 1582 г. Антоній Поссевинъ, убеждая царя признать Флорентійскую унію, подкрѣплялъ свои доводы между прочимъ ссылкой на то, что Иванъ Васильевичъ тогда будетъ не только на прародительской отчинѣ на Кіевѣ, «но и въ Царствующемъ градѣ государемъ будетъ, а папа и цесарь и всѣ государи великіе о томъ будутъ стараться» ³⁾.

Очевидно въ Европѣ и особенно въ Римѣ сильно надѣялись на благоприятный исходъ своихъ дипломатическихъ представленій о соединеніи церквей, если такъ упорно и послѣдовательно стремились склонить къ этому московское правительство обѣщаніями политическихъ выгодъ. Польско-литовское правительство основательно старалось разуверить римскую курію въ возможности такого исхода, но и само поддавалось вліянію общераспространенныхъ слуховъ о политическихъ домогательствахъ въ Римѣ московскаго правительства и оказало весьма дѣятельное сопротивленіе римской куріи по поводу о дарованіи королевскаго титула московскому князю ⁴⁾.

¹⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIII, стр. 86 и 91, и въ ст. проф. Успенскаго, Ж. М. Н. Пр. 1884, авг., стр. 340—343.

²⁾ Нам. дипл. снош., т. I, стр. 529—530 и 534.

³⁾ Нам. дипл. снош., т. X, стр. 300. Еще въ 1575 г. папскій нунцій Лаврео сообщалъ, что московскаго государя можно склонить къ признанію главенства римскаго престола, если отъ имени папы обѣщать ему титулъ цареградскаго императора съ правомъ первенства, когда онъ завладѣетъ этимъ городомъ. *В. Вербооскій*, Отношенія Россіи и Польши въ 1574 — 1578 гг. Ж. М. Н. Пр. 1882, авг., стр. 219.

⁴⁾ Еще въ 1488 г. Понцель говорилъ, что «князь польскій велики того не хотѣлъ», чтобъ папа «удѣлялъ княземъ» великаго князя, и «посылае въ тѣмъ часѣмъ до папежа съ великими дары, абы того папежъ не удѣлялъ», такъ какъ князь, по словамъ Понцеля, «того боялся велики», если великій князь будетъ королемъ, «и въ тѣмъ вся русская земля, что подъ кромѣмъ польскимъ, отступитъ отъ него» и будетъ послушна великому князю. Нам. дипл. снош., т. I, стр. 11. Въ 1526 г. литовская рада указываетъ, что отецъ Сигизмунда-Августа «не хотѣлъ того допустить, абы московскій князь бытъ коронованъ»; рада упрекаетъ папу за то, что «есть такъ склонный,

Между тѣмъ опасенія польско-литовскаго правительства насчетъ домогательствъ московскаго князя получить королевскій титулъ изъ рукъ папы были столь-же неосновательны, какъ надежды римской куріи на возможность присоединить московское государство къ униі.

Московское правительство оставляло большею частію безъ отвѣта всѣ эти настойчивыя предложенія римской куріи, а если въ исключительныхъ случаяхъ и отзывалось на нихъ, то въ совершенно отрицательномъ смыслѣ. Иванъ III на предложеніе цесарскаго посла о королевскомъ титулѣ отвѣчалъ, что московскіе князья изначала государи на своей землѣ, имѣютъ поставленіе отъ Бога и желаютъ, чтобы ихъ и ихъ дѣтянъ «до вѣка въ томъ быти, какъ есмь нынѣ на своей землѣ; а поставленія, какъ есмь напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ»¹⁾. Не можетъ быть сомнѣній что этотъ взглядъ раздѣлялъ и Василий III²⁾, а тѣмъ болѣе Иванъ Грозный.

Повидимому также отрицательно относился Иванъ III и къ вопросу о реальномъ наследствѣ константинопольскихъ царей, такъ какъ наследство это предстояло еще добыть у турокъ, борьба съ которыми вовсе не входила въ планы Ивана Васильевича. Вотъ что отвѣчалъ онъ въ іюнѣ 1486 г. польскому королю Казимиру на предложеніе послѣдняго защитить волошскаго воеводу Стефана отъ насилій турецкаго царя и вмѣстѣ съ польскимъ королемъ «поспѣть стати противъ бесурменства»: «нико чтобы намъ не столь далече, а льзѣ бы намъ то дѣло дѣлати, и мы бы сердечно хотѣли то дѣло дѣлати и стояти за хрестіанство, сколько бы намъ Богъ помогъ». Отказываясь за дальностью разстоянія помогать волошскому воеводѣ, московскій государь по присылкѣ послѣдняго наказываетъ польскому королю похочъ Стефану, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: «нико которыхъ хрестіанскихъ господарствъ, будучи близко, а льзѣ то дѣло дѣлати, ни то есть должно вся-

нѣхъ зычати того повышенія и чти неприятели короля, который есть того негоденъ съ предковъ своихъ». А. З. Р., т. II, № 144. Въ 1553 г. польскій король сообщилъ послу своему въ Римѣ, Крыбскому, обстоятельный взглядъ на дѣло о дарованіи королевскаго титула московскому государю. Здѣсь онъ между прочимъ пишетъ: «Нашъ спеціальный и народа нашего интересъ, чтобы Москвиты никогда не получили королевскаго титула; ... навѣрное можно опасаться, что если московскій князь получитъ королевскій вѣнецъ и титулъ, то русскіе, находящіеся въ нашей власти... будутъ стараться отпастъ отъ насъ къ нему» и т. д. *Viedler*, ib, стр. 30—31 и 81—89; *проф. Успенскій*, Ж. М. Н. Пр. 1881 г., авг., стр. 400—402.

¹⁾ Нам. дипл. снош., т. I, стр. 12.

²⁾ Какъ объ этомъ и свидѣтельствуесть Герберштейнъ, Зап. о Моск., перев. Анонимова, стр. 30—31.

кому господарю хрестіянському того дѣла оберегати и за хрестіянство стояти» ¹⁾. Гораздо опредѣленнѣе высказался по этому вопросу Иванъ Грозный на предложеніе Антонія Поссевины: быть государемъ въ Царствующемъ градѣ. «Мы великій государь, отъбчалъ Грозный, по хрестіянской вѣрѣ родился и Божію благодатію дошли есмь совершенного возрасту, пятьдесятъ лѣтъ съ лѣтомъ намъ; но мнѣ неколи ужъ перемѣнитись и на болшее государство хотѣти; мы въ будущемъ воспріятія малаго хотимъ, а здѣшняго государства всеѣ вселенные не хотимъ, что будетъ ко грѣху непопозновенно» ²⁾. А какъ относились въ Москвѣ къ проектамъ о соединеніи церквей показываютъ отвѣты государей Василія III и Ивана Грознаго. На вопросъ: хочетъ-ли великій государь «съ папою быти въ единачествіи и въ согласіи о законѣ», первый велѣлъ отвѣтить магистру прусскому: «государь нашъ съ папою хочетъ въ дружбѣ и въ согласіи быти о дѣлахъ о которыхъ; а какъ напередъ того государь нашъ отъ прародителей своихъ законъ греческой держать крѣпко, такъ и нынѣ законъ свой греческій держитъ крѣпко и напередъ законъ свой греческій хочетъ держать крѣпко» ³⁾. Богіе опредѣленно, но въ томъ-же смыслѣ отвѣтилъ царь Иванъ Васильевичъ Антонію Поссевину на предложеніе его «быти въ соединеніи изъ вѣрѣ и въ любви» ⁴⁾.

Такое отрицательное отношеніе московскаго правительства къ политическимъ и религіознымъ иушеніямъ римской куріи заставляеть

¹⁾ Чтенія Общ. ист. и древн. 1887 г., кн. 3. Матеріалы для взаимныхъ отношеній Россіи, Польши etc., стр. 115.

²⁾ Пам. днз. снош., X, 301. Что Грозный и раньше не думалъ о какихъ-либо военныхъ предпріятіяхъ противъ турокъ для завоеванія Константинополя, свидѣтельствуютъ его просительная грамота 1557 г. къ константинопольскому патриарху касательно царскаго титула, въ которой Грозный, сообщая о покореніи царствъ Казанскаго и Астраханскаго, пишетъ: «Мы-жъ желательне желаемъ отъ Бога и вамъ улучшить милость его, яко чашу непольнъ растворенія, и прибавитися во дни сіа отъ томительства брѣгохульныхъ, да слышавъ возрадуется» и проч. *Оболенскій*, Соборная грамота, утверждающая санъ царя, стр. 33. Годомъ раньше царь Иванъ Васильевичъ писалъ въ одинъ изъ афонскихъ монастырей, что онъ уповаетъ на Бога, который не оставитъ до конца раззоритися достоянію его, и что «падные выставутъ и къ первобытному обратятся». Снош. съ Восток., стр. 70.

³⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIII, стр. 118; *Карамзинъ*, VII, прим. 191.

⁴⁾ «Намъ съ вами не сойдется въ вѣрѣ, наша вѣра хрестіянская изъ давнихъ лѣтъ была себѣ, а римская церковь была себѣ.... Намъ мнѣ сже вѣры некоторые вѣры хотѣти нечего, ли ученья некотораго мнѣ истинные хрестіянскіе свои вѣры не требуютъ.... И съ нашею вѣрою римская вѣра во многохъ не сойдется, да только мы о томъ говорить не хотимъ для супротивныхъ словъ, чтобъ розна межъ насъ съ папою за те и гнѣву не было, а любви-бы наша тѣмъ не порвалась». Пам. днз. снош., т. X, стр. 301—302.

усомниться въ возможности какихъ либо вліяній съ этой стороны на созданіе теорій о русскомъ царствѣ ¹⁾, такъ какъ исходные моменты этой теорій были прямо противоположны основнымъ стремленіямъ западно-католической политики. Царство на Руси, по представленіямъ русскихъ книжниковъ, явилось сплотою православной вѣры, наградой за охрану православія великимъ княземъ, который прежде всего и явился «православья царемъ» вѣсто византийскихъ императоровъ. Вотъ почему Иванъ Грозный, принявъ царскій титулъ, молилъ Бога за утвержденіе въ русской державѣ «скипетра православія» ²⁾. Принятіе королевскаго титула и присоединеніе къ увѣи было бы отреченіемъ отъ этихъ основныхъ началъ политическаго правосознанія. Но если въ Москвѣ такъ осторожно относились къ эгонистическимъ впушеніямъ папской и императорской политики, то тѣмъ благопріятіе встрѣтили тамъ заискивающія представленія православнаго восточнаго духовенства, такъ какъ эти представленія вполнѣ отвѣчали тенденціямъ московскаго правительства.

Сношенія съ православнымъ Востокомъ, столь благопріятныя для Москвы, начались еще незадолго до паденія Константинополя, когда въ Имперіи стало извѣстно о результатахъ Флорентійскаго собора. Представители афонскихъ монастырей со скорбію писали къ великому князю Василю Васильевичу о прелести, постигшей греческаго царя, о тмѣ и тугѣ, постигшихъ царствующій градъ и соборную церковь «злослытіемъ властель и неистовыхъ смятителей», и наоборотъ радовались, что великій князь крѣпко сохраняетъ вѣру непорочную и предсказали ему за то многую язду на небесахъ ³⁾. Послѣ же паденія Константинополя, когда положеніе восточнаго духовенства становилось все болѣе и болѣе бѣдственнымъ вслѣдствіе усиливающихся притѣсненій со стороны мусульманъ, начинается цѣлый рядъ ходатайствъ предъ московскимъ правитель-

¹⁾ Проф. Успенскій говоритъ, что «въ Римѣ создавались политическіе планы и комбинаціи, въ которыхъ Москвѣ давалось опредѣленное мѣсто и назначеніе гораздо прежде того времени, какъ великій князь московскій громко заявилъ о правѣ своемъ на царскій титулъ и константинопольское наслѣдство, и несомнѣнно раньше, чѣмъ въ Россіи вошла въ сознаніе живая идея единовѣрности съ христіанскимъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ». Ж. М. Н. Пр. 1884, авг., стр. 383. Наоборотъ, проф. Бестужевъ-Рюминъ полагаетъ, что «нельзя согласиться съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, что стремленіе папъ имѣло вліяніе на политику московскую; мы знаемъ, что понятіе о третьемъ Римѣ сложилось подъ византийскимъ вліяніемъ и усилилось послѣ паденія Царяграда и освобожденія отъ татарскаго ига». Ист. Росс., т. II, стр. 301.

²⁾ Снош. съ Вост., ч. 1, стр. 70.

³⁾ Лѣт. Зап. Арх. Комм., вып. 3, прил., стр. 28—32.

ствою со стороны патриарховъ, митрополитовъ и монастырей о вспомоствованіяхъ для поддержанія православныхъ церквей и духовенства, о заступничествѣ за православіе передъ турецкими султанами и даже объ освобожденіи отъ пга невѣрныхъ. И ходатайства эти имѣли результатъ: многихъ восточныхъ церквей и монастырей московскіе государи посылаютъ щедрыя пособія, а иногда выдаютъ жалованныя грамоты, по которымъ принимаютъ на себя званіе кормителей и ктиторовъ церквей и монастырей ¹⁾. Новая-же роль охранителей православія, столь усердно предлагаемая московскимъ государямъ изъ разныхъ частей вселенской церкви, стаппла ихъ въ то положеніе, какое раньше занимали византийскіе императоры. Многочисленные просители изъ среды восточнаго духовенства очень рано усвоили себѣ эту мысль и совершенно отчетливо выразили ее въ просительныхъ посланіяхъ московскому правительству. Прежде всего къ московскимъ государямъ прилагаются титулы византийскихъ императоровъ и воздаются тѣ-же формальныя почести. Такъ бѣлградскій митр. Теофанъ въ 1509 г., творя съ смиреніемъ поклоненіе господству свѣшествовааннаго отъ Бога великаго князя Василія, заявляетъ, что они «царскую почесть ему воздаютъ по достоинію» и высказываетъ пожеланіе, чтобъ великій князь, управивъ земное царствіе въ великой тишинѣ, насладился небеснымъ «со святыми царями». /Въ 1517 г. игуменъ синайской обители Даниилъ величаетъ великаго князя полнымъ титуломъ греческихъ царей, называя его «самодержавнымъ, боговѣнчаннымъ, величайшимъ святымъ царемъ всея Руси». Не много ранее иноки Вотопадской обители и государыню великую княгиню титулуютъ Августією. Ивана Грознаго братія Паптелеймонова монастыря въ 1548 г. также называютъ «святымъ царствомъ», а иноки сербскаго Хиландаря монастыря въ томъ-же году, припадая къ святымъ его стопамъ, титулуютъ его «самодержавнымъ великимъ царемъ московскимъ, единымъ правымъ государемъ, бѣлымъ царемъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ, который всѣмъ православнымъ христіанамъ царь и государь; святымъ, великимъ, благочестивымъ царствомъ; солнцемъ христіанскимъ, сіяющимъ на востокъ и сѣверъ и озаряющимъ всю подсолнечную; утвержденіемъ седми соборныхъ столповъ, украшеніемъ церковнымъ, вторымъ Константиномъ и поборникомъ божественныхъ церквей, христіанскою хоругвью, на коей честный крестъ воздвиженъ въ просвѣщеніе православныхъ въ славу и

¹⁾ Споменія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. I, стр. 12, 14, 17, 19, 21, 54, 59 и проч.

утверждение благочестиваго царства, въ побѣду же на злочестивыхъ агарягъ и иныхъ богопротивныхъ языковъ»¹⁾. Высшіе представители восточнаго духовенства—патріархи—мало-по-малу усвоивали себѣ тѣ же воззрѣнія на московскихъ государей и открыто это выражали. Такъ alexandрійскій патріархъ еще про Василія III замѣтилъ, что онъ имѣетъ «имя славное во всѣхъ земляхъ»; патріархъ выражаетъ пожеланія великому князю такихъ-же благъ, какія иѣкогда даровалъ Господь царю-профету Давиду и царю Константину; молить его царство о помощи и желаетъ ему воспріять небесное царствіе, «какъ и прежде царствовавшие цари»²⁾. Даже архіепископъ Царяграда Новаго Рима и вселенскій патріархъ титуруетъ великаго князя Василія «и высшимъ и кротчайшимъ царемъ и великимъ княземъ всея православныя земли и Великія Руси»³⁾. Въ концѣ 1557 г. явились въ Москву посланные отъ константинопольскаго патріарха съ просительной грамотой, въ которой Иванъ Васильевичъ именовазся «святѣмъ царствомъ», а посланные сверхъ того заявили отъ лица патріарха и всего царьградскаго собора о соборномъ уложеніи «молить Бога о царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, якоже и о прежнихъ благочестивыхъ царѣхъ»⁴⁾. Въ виду заявленій всего восточнаго духовенства, царь Иванъ Васильевичъ пожелалъ получить отъ вселенскаго патріарха подтвержденіе своихъ правъ на царскій титулъ. Въ подтвердительной соборной грамотѣ 1561 г. преподается и даруется царю Ивану Васильевичу «быти и зватися ему царемъ законно и благочестно», такъ какъ это «на пользу всѣмъ благочестивымъ и христіанскимъ людямъ повсюду законно и праведно бываетъ ко исправленію и утвержденію въ пользу христіанскому исполненію». Въ особой грамотѣ, называя государя «царемъ и государемъ пра-

¹⁾ Снош. съ Вост., ч. I, стр. 15 и 16, 34, 32, 61, 62—63, 66 и 67.

²⁾ Тамъ-же, стр. 39—41. Тотъ-же патріархъ въ 1543 г. почти также возноситъ великаго князя Ивана Васильевича, а въ 1557 г. называетъ его «святѣйшимъ царемъ богоутвержденной земли». Въ 1549 г. іерусалимскій патріархъ уведомляетъ того же князя, что о немъ молятся, чтобы Господь укрѣпилъ державу его царствія, и что будетъ о немъ думать въ церкви Св. гроба творится вѣчное поминовеніе, какъ и о приснопамятныхъ царяхъ Константинѣ и Еленѣ. Тамъ-же, стр. 46, 89, 58 и 59.

³⁾ Тамъ-же, стр. 25. Неудовольствія, возникшія по поводу дѣла Максима Грека, породили патанутія отношенія между константинопольскою епархіей и Москвою. По крайней мѣрѣ патр. Діонисій въ 1550 г. писалъ, между прочимъ, что весьма было ему кручинно отъ прежнихъ наветовъ, происшедшихъ отъ злобы враговъ; вѣдимо и то, что по тѣмъ-же искушеніямъ совершилось въ царской палатѣ, ради чего и патріаршій престолъ оставался безъ помощи отъ державы русской, но нынѣ опять надѣется ее получить. Въ томъ-же году московское правительство, конечно, не по невѣднію, титузуетъ «вселенскимъ» патріарха іерусалимскаго. Тамъ-же, стр. 55—56, 60.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 71—73 и 87; Никон. Лѣт., VI, 273.

вославленныхъ христіанъ всей всеяленной отъ востока до запада и до океана», патріархъ увѣдомлялъ, что о имени московскаго государя будутъ молить не только въ одной константинопольской церкви, но по всѣмъ церквахъ митрополичьихъ, «да будешь и ты между царями, какъ равноапостольный и славный Константинъ», и что имя его будутъ поминать во святыхъ диптихахъ ¹⁾. Въ 1586 г. антиохійскій патріархъ Іоакимъ писалъ московскому государю: «солнце же наше въ нынѣшніе дни—ваша царская милость; и кто видитъ царское лицо, возрадуется и прославитъ Бога, давашаго тебя въ утвержденіе просвѣщенія восточной церкви Христовой, какъ солнце свѣтящее надъ всѣми зѣздами» ²⁾. А цареградскій патріархъ Іеремія въ 1589 г. про царя Федора Ивановича заимѣлъ, что онъ «во всей подсолнечной одинъ благочестивый царь» ³⁾.

Представляется совершенно очевидныхъ, въ какой мѣрѣ подобныя заявленія восточнаго духовенства подкрѣпляли стремленія русской публицистики выдвинуть московскаго государя въ качествѣ единаго представителя всего православнаго міра. Этими, однако, не исчерпывалось вліяніе православнаго востока въ XVI в. на выясненіе политическихъ воззрѣній московскаго правительства. Отнѣсѣть можно юридической фикціи о константинопольской наследственной духовной преемственности русскихъ государей отъ византійскихъ императоровъ, восточное духовенство указало московской политикѣ и вытекающія отсюда практическія задачи: въ заявленіяхъ духовенства уже въ XVI вѣкѣ довольно настойчиво проводится идея объ обязанности православнаго царя избавить угнетенныхъ христіанъ отъ татарскаго иго. Мысль эта, высказываемая сначала неупрещенно, одними намеками ⁴⁾, со второй половины XVI вѣка была совершенно ясно формулирована. Такъ, александрійскій патріархъ не одинъ разъ высказывалъ подобныя пожеланія Ивану Грозному:

¹⁾ Соборная грамота, утверждающая санъ царя, изд. Оболенскимъ, стр. 24; Сном. съ Вост., стр. 111.

²⁾ Свѣд. Николѣевскій, Учрежд. патріарш. въ Россіи, Христ. Чтеніе, 1879 г., сент.-окт., стр. 390.

³⁾ Макарій, Ист. церкви, X, стр. 37.

⁴⁾ Еще въ 1509 г. игуменъ Пантелеимонова монастыря высказалъ великому князю сѣздающее пожеланіе. «Господь Богъ да наставитъ свыше твое царствіе, и да распространитъ и поставитъ тебя настыремъ и надъ симъ невѣдомыми тихими оуцями, и да предастъ тебѣ ихъ въ усвоеніе». Александрійскій патріархъ выражаетъ великимъ князю Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу пожеланіе, чтобы Господь далъ имъ мужество Самсона и смель Давида и царя Константина для одоленія враговъ, дабы подъ ихъ державою въ тишинѣ жила всѣ православныя. Сном. съ Вост., стр. 14, 89 и 46.

въ 1557 г. онъ писалъ, что всѣ святители восточные радуются побѣдамъ государя надъ нечестивыми, ибо «царь является имъ какъ второе солнце, утѣшая ихъ надеждою благихъ временъ, дабы и имъ когда либо избавиться его рукою отъ руки злочестивыхъ». Въ 1560 г. онъ повторяетъ пожеланіе, чтобы царь одолѣлъ своихъ враговъ, «а наипаче изгналъ безбожныхъ агаряитъ». Отпавшійся увидѣть это страстно желаемое освобожденіе, патріархъ сказалъ царскому послу: «нынѣ достигъ я старости великой и не желѣю мнѣ Богъ того видѣть, какъ московскому государю Господь Богъ подастъ наслѣдіе царя Константина и покорить всѣ государства къ подножію его; а мы чаемъ того у Бога, что подастъ ему государю Господь Богъ наслѣдіе Константина царя въ недолгое время» ¹⁾. Цареградскій патріархъ, посылая въ Москву утвердительную грамоту по поводу царскаго вѣлчанія, называетъ государя «надеждою и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ, которыхъ онъ избавитъ отъ варварской тяготы и горькой работы», и сообщаетъ, что константинопольскій соборъ молить Бога о укрѣпленіи царства и о возвышеніи руки государя, «да избавитъ поспѣшю всѣ христіанскіе роды отъ скверныхъ парваръ, сыроддцевъ и страшныхъ язычникомъ агаряитъ» ²⁾. Въ 1584 г. иноки Паутелеймонова монастыря пишутъ, что все братія всѣхъ обителей воонскихъ съ плачемъ молятъ Бога день и ночь, чтобы Господь избавилъ государя православнаго христіанскаго отъ цоганыхъ варваровъ ³⁾. Выше было указано, съ какою осторожностью относились московскіе государи къ подобнымъ представленіямъ въ XVI в., понимая всю трудность возлагаемой на нихъ задачи.

Въ дополненіе очерка восточныхъ вліяній слѣдуетъ еще упомянуть, что въ тѣсной связи съ идеей церковно-религіознаго представительства и вытекающей изъ нея политической мысли московскаго государя избавить христіанъ отъ ига нечестивыхъ и злыхъ вѣдъ съ востока сквозить и другая политическая струя. Нѣкоторые изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ и подчиненіемъ византійской имперіи, пишутъ теперь покровительству у московскаго государя, къ которому выражаютъ желаніе стать въ тѣ-же отношенія, въ какихъ они стояли раньше къ Византіи. Сербскій деспотъ Іоаннъ, именующій себя «Иваниска», «посылая отъ себя поклоненіе его вели-

¹⁾ Снош. съ Вост., стр. 89 и 102; *И. Кантеверъ*, Характеръ отношеній Россіи къ Вост., стр. 249—250.

²⁾ Снош. съ Вост., стр. 110 и 111.

³⁾ Тамъ-же, стр. 138.

честву», великому князю Василию, просить принять подъ свое покровительство монастырскую церковь митрополита Ыйградскаго и быть ея ктитормъ. Карлъ, деспотъ артскій, титулуется того-же князя богоулычанымъ святымъ царемъ, а себя сестричемъ и сыномъ его царствія. Любопытно, какъ отнеслись государи къ такимъ представленіямъ: великій князь Василій Ивановичъ писалъ деспоту Карлу, что если онъ захочетъ къ нему прѣхать и поклониться его царствію, то будетъ принять съ честью и любовію, какъ присный сродникъ и будетъ отпущенъ добровольно безъ всякой зацѣпки ¹⁾).

Даже приведенное Ыйгское сопоставленіе западно-католическихъ и православно-восточныхъ вліяній указываетъ, которому изъ этихъ вліяній могла подчиниться школа русскихъ публицистовъ, выработавшая теорію о московскомъ царствѣ.

¹⁾ Смеш. съ Вост., стр. 18, 36—38.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Теорія власти московскихъ государей.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ слагалась теорія русскаго православнаго царства, вырабатывалось политическое ученіе о верховной власти московскихъ государей. Исходнымъ моментомъ его построения послужило тоже самое начало, на которомъ возникла и теорія о русскомъ царствѣ, а именно охрана правовѣрія.

Въ то время, когда всѣ элементы новой теоріи о царствѣ на Русѣ уже были сознаны и даже формулированы по частямъ, московское государство должно было вынести большую религіозную смуту: изначальнѣйшему правовѣрію грозила опасность со стороны ереси жидовствующихъ. Для государственной власти представился первый серьезный поводъ оправдать передъ лицомъ всего православнаго міра свое новое политическое значеніе принятіемъ энергическихъ мѣръ къ искорененію ереси.

Такъ именно поняли обязанности государя архіеп. новгородскій Геннадій и суровый волоцкій игуменъ Іосифъ Санинъ. Посвятивъ почти всю свою жизнь и выдающіяся дарованія на борьбу съ ересью, оба они были ревностными сторонниками искорененія ереси посредствомъ казни еретиковъ. Геннадій въ посланіи собору владыкъ 1490 г. рекомендуетъ только для того учинить соборъ, чтобы «еретиковъ казнити—жечи да вѣшати», а въ посланіи того-же года къ митр. Зосимѣ онъ ссылался на примѣръ испанскаго короля, какъ тотъ «свою очистилъ землю» ¹⁾. Іосифъ уже въ первомъ посланіи своемъ къ еп. Нифонту (отъ 1493 г.) говоритъ, что «не токмо еретиковъ осуждати велѣно, но и казнити и въ заточеніе посылати, точію смерти предати спискупомъ не повелѣно

¹⁾ Р. Н. Б., VI, стр. 784 и 775.

есть; а царю благочестивия и смерти предаша отъ жидовъ и отъ еретиковъ многихъ непокаявшихся¹⁾).

Проводя этотъ взглядъ въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ противъ еретиковъ и партій заповжскихъ старцевъ, Іосифъ подошелъ къ вопросу о правахъ и обязанностяхъ государей и по этому поводу высказалъ свое мнѣніе о значеніи верховной власти. Тема эта затрагивалась имъ не одинъ разъ и разъяснялась не всегда одинаковымъ образомъ. Можно даже замѣтить некоторую двойственность въ политическихъ воззрѣніяхъ Іосифа. Какъ страстный боецъ за идею о сохраненіи чистоты православія, онъ далеко не былъ строгимъ теоретикомъ въ сферѣ политической. Онъ былъ гораздо больше политикомъ, смотрѣвшимъ на государство и свѣтскую власть лишь какъ на силу, содѣйствующую или противодѣйствующую ему въ его борьбѣ. Соотвѣтственно съ этимъ и въ зависимости отъ обстоятельствъ мѣнялось и его отношеніе къ этой силѣ.

Время, когда впервые выступилъ съ своими писаніями Іосифъ, не благопріятствовало пропагандѣ его идей. Митрополиты до и послѣ Зосимы—Геронтіи и Симонъ—къ преслѣдованію еретиковъ вовсе не относились съ такою рещностью, какъ Геннадій и Іосифъ. Послѣдніе говорили про Геронтія, что онъ «государю не подоучалъ о еретикахъ» по нерадѣнію-ли, или будучи удерживаемъ грубостью еретиковъ, или боясь державнаго. Митр. Симонъ до собора 1503 г. ничѣмъ не проявилъ своей дѣятельности. Отношенія же Іосифа къ великому князю были совершенно не выяснены. Съ Иваномъ III онъ встрѣчался очень рѣдко. Въ первую встрѣчу, когда Іосифъ былъ поставленъ преемникомъ Паавутія Борювскаго, онъ былъ принятъ великимъ княземъ очень ласково. Но съ тѣхъ поръ до 1503 г. о личныхъ отношеніяхъ между ними ничего неизвѣстно. Между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени у Іосифа было много поводовъ быть недовольнымъ дѣйствіями великаго князя. Послѣдній не только не откликнулся на вызовъ Геннадія объ обыскѣ еретиковъ, но держалъ при себѣ главныхъ изъ нихъ—дьяка Фед. Курцицына и протопопа Алексія, которые «имѣли державеніе къ державному, яко никто-же инъ», и о еретичествѣ которыхъ не могло не быть извѣстно великому князю. Мало того: не безъ вліянія протопопа Алексія состоялось назначеніе на митрополитскую кафедру Зосимы: по словамъ Іосифа, Алексій «возхвоаніемъ подоиде державнаго». Такимъ образомъ, по вину державнаго, во главѣ право-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 825 и слѣд.

славной церкви сталъ этотъ «скверный и злобный волкъ, предтеча антихристовъ, сынъ погубельный, сквернитель и отступникъ». Можно даже предполагать, что и самъ великій князь былъ несомнѣнно чуждъ еретическаго ученія ¹⁾. При такихъ условіяхъ обратиться съ открытымъ словомъ къ великому князю было не только неудобно, но даже рискованно. Поэтому Іосифъ пробуетъ обходный путь, убѣждая епископа Нифонта и брата Вассіана отбросить всякое малодушіе и пострадать за благочестіе ²⁾.

Вторая встрѣча Іосифа съ великимъ княземъ произошла въ 1503 г., когда Іосифъ былъ вызванъ царскими письмами на соборъ о вдовыхъ понахъ, на которомъ, кромя того, былъ поднятъ и вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ. Здѣсь впервые Іосифъ открыто разошелся съ партіей нестлжателей, хотя держалъ себя на соборѣ очень сдержанно ³⁾. Государь пригласилъ волоцкого игумена къ себѣ, говорилъ съ нимъ наединѣ о церковныхъ дѣлахъ и просилъ прощенія за отношеніе къ новгородскимъ еретикамъ. Іосифъ отвѣчалъ, что если государь подвигнется о вышедшихъ еретикахъ, то и въ старыхъ его Богъ проститъ. Но въ другой разъ, когда Іосифу случилось у великаго князя «хлѣба лести», произошелъ какой-то непріятный для Іосифа инцидентъ. Іосифъ рассказываетъ, что государь спросилъ его, — нѣтъ-ли грѣха казнить еретиковъ; но только-что суровый игуменъ началъ подбирать свои излюбленныя мѣста изъ священнаго писанія, какъ «великій князь началъ ему престати гонорити». Дальнѣйшія подробности инцидента неизвѣстны; но вследствие его Іосифъ не рѣшился, спустя годъ, обратиться непосредственно къ великому князю по дѣлу о преслѣдованіи еретиковъ, а снова избираетъ обходный путь. Онъ пишетъ къ андрониковскому архим. Митрофану, государеву духовнику, что ему «о томъ государю великому князю пригоже да и должно напоминати и въ томъ дѣлѣ государя поберегти, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю, занеже, господине, за царское согрѣшеніе (Богъ) всю землю казнить» ⁴⁾. Значитъ въ глазахъ Іосифа Іванъ III согрѣшилъ, «прозабылъ по

¹⁾ Никитскій, Очеркъ исторіи церкви въ Новгородѣ, стр. 170.

²⁾ Р. И. В., VI, № 120; Чтенія Общ. Ист. 1847 № 1, смѣсь.

³⁾ Одинъ памятникъ—письмо о нелюбкахъ въ Приб. къ Тв. Св. Отц., ч. X, стр. 505—приводитъ возраженіе Іосифа Нилу Сорскому; но ни въ дѣлахъ собора, ни въ автописныхъ извѣстіяхъ не упомянуто объ участіи Іосифа. Визл., ч. XIV, стр. 206; И. С. Л. IV, 277; VI, 49. Отсюда и заключаютъ, что Іосифъ велъ себя на соборѣ очень скромно. Н. Хрущовъ, Сочиненія Іосифа Санина, стр. 177.

⁴⁾ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847 № 1, смѣсь.

многих дѣлахъ царскихъ» такое дѣло, какъ очищеніе Христова стада отъ тлетворныхъ волковъ; а изъ всѣхъ дѣлъ «Божіе дѣло всѣхъ нужнѣе». Отъ согрѣшиль двоиной, потому что, покаившись Іосифу и получивъ прощеніе отъ митрополита и владыкъ, онъ не возгорѣлъ ревностію о православной вѣрѣ и оставилъ Божіе дѣло втунѣ. Такое явное неудовольствіе на государя длилось недолго: соборъ 1504 г. и ужасныя казни еретиковъ прижирили съ нимъ Іосифа. Изженилъ-ли Иванъ III подъ конецъ жизни свои возрѣнія на еретиковъ ¹⁾, или жѣры противъ еретиковъ, принятыя на соборѣ, слѣдуетъ объявлять вліяніемъ великаго князя Василія, который и председательствовалъ на соборѣ,—рѣшить трудно. Но Іосифъ могъ предполагать пережѣву въ возрѣніяхъ великаго князя Ивана, такъ какъ отъ имени послѣдняго было дано распоряженіе о принятіи энергическихъ жѣръ противъ еретиковъ. При такихъ условіяхъ Іосифъ, всегда предпочитавшій вліять на государя окольными путями, впервые рѣшился обратиться къ нему непосредственно и выразилъ радость, что государь показать наконецъ ревность о благочестивой, православной христіанской вѣрѣ, какъ прежніе святые православные и христіанскіе цари. Іосифъ возражалъ только противъ распоряженія о разсылкѣ по монастыряхъ ясыре титонныхъ еретиковъ ²⁾.

Это было послѣднее сношеніе двухъ выдающихся людей XV—XVI в., которые, дружелюбно встрѣтившись и повидимому мирно разставшись, во всю жизнь ихъли не мало поводовъ быть недоброжелателями другъ другомъ. Соотвѣтственно этому сложился и взглядъ Іосифа на великаго князя Ивана Васильевича. Государь, оставившій втунѣ Божіе дѣло, которое является, по мнѣнію Іосифа, первой обязанностью государя, такъ какъ оно всѣхъ нужнѣе, и навлекающій Божій гнѣвъ на всю землю за свое царское согрѣшеніе, конечно, не могъ пользоваться снисхожденіемъ Іосифа. Поэтому послѣдній совѣтъ иначе, чѣмъ въ послѣдствіи, объявлялъ значеніе государственной власти. Въ 7-мъ словѣ Просвѣтителя, составленномъ до собора 1504 г., рѣшается, между прочимъ, вопросъ: «какъ подобаетъ поклоняться или служить царю, или князю, или властелю». Необходимость поклоненія или служенія царю доказывается здѣсь общезвѣстными въ то время соображеніями и ссылками на писаніе ³⁾. По поводу апостольскаго наставленія о послу-

¹⁾ Такъ думаетъ проф. О. О. Миллеръ; см. его ст. О направленіи Іосифа Волоколамскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1868 г., ч. 137, стр. 540; также *Измѣненіи*, Отч. вѣст. церкви въ Новгородѣ, стр. 184.

²⁾ Посланіе напечатано у И. Хрущова, назв. соч., стр. 263.

³⁾ Напр.: «того ради подобаетъ поклоняться или служить царю, а не сію

шанин рабовъ Іосифъ замѣчаетъ: такъ какъ господа могутъ благодѣлать рабовъ своихъ «тѣлеснѣ, а не душевнѣ», то и рабамъ подобаетъ служить и поклоняться господамъ тѣлеснѣ и воздавать имъ царскую честь, а не божественную. Если, продолжаетъ Іосифъ, такъ будешь поклоняться и служить, то это послужитъ не къ пагубѣ, но «наче отъ сего научишися боятися Бога: царь бо Божій слуга есть, къ человѣкамъ милостію и казнію». На этомъ въ большинствѣ случаевъ и останавливались наши книжники. Но Іосифъ пошелъ далѣе. Онъ счелъ необходимымъ сдѣлать оговорку относительно царя, который надъ собою «имать царствующи скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ невѣріе и хулу». По Іосифу такой царь «не Божій слуга, но дьяволъ, и не царь, но мучитель» ¹⁾. Іосифъ преподаетъ слѣдующее правило отношеній къ такому мучителю: «И ты убо такового цари или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тѣ, аще мучить, аще смертію прешить» ²⁾. Такимъ образомъ поклоненіе и служеніе царю должно быть, по ученію Іосифа, результатомъ критики общенравственныхъ и религіозныхъ свойствъ личности царствующаго.

Только фанатизмъ Іосифа, въ виду неблагоприятныхъ отношеній его къ царствующему государю ³⁾, подсказалъ ему такое революціонное по существу ученіе, на основаніи котораго можно было оправдать всякую оппозицію правительству: стоило только объявить политическія мѣры праждебнаго правительства несогласными съ нравственными началами и правотворіемъ, а самого царя слугою дьявола.

Энергическая проповѣдь подобной доктрины могла-бы повести къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ. Но политическія обстоятельства измѣнились въ благоприятномъ для Іосифа смыслѣ: онъ нашелъ дѣятельную поддержку со стороны великаго князя Василія Іоанновича и съ этихъ поръ является проводникомъ иной полити-

есть благоугодно Богови, еже воздавати властемъ покореніе и послушаніе: они бо имѣють о насъ попеченіе и промышленіе». Далѣе идутъ ссылки на Исходъ и апостольскія посланія. Исходъ, 22, 28: кинувъ людіи своихъ не речеши ала; I посл. Петра, 2, 17: Бога бойтеся, царя почитайте; посл. къ Ефес. 6, 6: раби послушайте господій своихъ по плоти страхомъ и трепетомъ.

¹⁾ «Такового царя, продолжаетъ Іосифъ, не наречетъ царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но апостолъ: «шедше, рече, рците ясу тому»; (Лук. 13, 32) и пророкъ глаголетъ: «царь оплавниъ погубиетъ, путіе бо его темныя суть».

²⁾ Просвѣтитель, изд. 1357 г., стр. 323—325.

³⁾ О. О. Миллеръ полагаетъ, что подъ видомъ нечестиваго царя Іосифъ разумѣлъ Івана III. Ж. М. Н. Пр. 1868 г., ч. 137, стр. 512, прим. 2.

ческой теории. Къ вопросу о значеніи и обязанностяхъ государственной власти онъ возвращается четыре раза и всякій разъ подходитъ къ нему съ чисто религіозной почвы. Въ первый разъ, возражая на отвѣтъ старцевъ вологодскихъ монастырей ¹⁾, Іосифъ написалъ опроверженіе «на ересь новгородскихъ еретиковъ, глаголющихъ, яко не подобаетъ осуждати ни еретика, ни отступника», составившее 13-е слово Просвѣтителя. Необходимость заточенія и казни еретиковъ по предписаніямъ свѣтской власти Іосифъ доказываетъ существеннымъ назначеніемъ послѣдней по ученію священнаго писанія. Если, говоритъ онъ, Іоаннъ Златоустъ и сказалъ, что «недостойнѣ намъ убивати еретика», то онъ разумѣлъ епископовъ, священниковъ и иноковъ, а не парей, князей и судей земскихъ. «О царѣхъ убо и о князехъ и о судіяхъ св. апостолѣ глаголють, яко они власть пріяша отъ Господа Бога во отищеніе злодѣямъ, въ похвалу же добротворящимъ» ²⁾. Указавъ на назначеніе власти казнить злыхъ, Іосифъ спѣшитъ отразить слѣдующее возраженіе: могутъ сказать, что апостолы и отцы велѣли властямъ мстити злодѣямъ, т. е. убивати, прелюбодѣляхъ, совершающимъ воровство, разбой и другія злыя дѣла, а не еретикамъ; но если объ убійцахъ, прелюбодѣляхъ и творящихъ иныя злыя дѣла такъ повелѣно, то «множае паче о еретикѣхъ и о отступникѣхъ подобаетъ тако быти, якоже свидѣтельствуеть священное писаніе... еже отъ градскихъ законъ». Указавъ прихвѣры казни еретиковъ со времѣнъ Моисея, Іосифъ заключаетъ это слово слѣдующимъ поученіемъ властямъ: «слышите, цари и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава намъ, яко слуги Божіи есте: сего ради поставилъ есть васъ пастыря и стража людемъ своимъ, да соблюдете стадо его отъ волковъ неврединю: васъ бо Богъ въ себѣ мѣсто избралъ на земли, и на снѣгъ престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ, и мечъ вышняя Божія десница

¹⁾ Виз. XVI, 424—428.

²⁾ Приводятся ссылки на посланія первое Петра II, 13—14 и къ римл. XIII, 1—8 и на авторитетъ отцовъ церкви—Іоанна Златоуста и Григорія Акраганскаго: «Священный убо Златоустъ глаголетъ: «спрѣчь на позыу убо людемъ земное начальство поставися отъ Бога, а не отъ дьявола, яко же нѣци неподобни глаголють, да боишеся, челоувѣци не поглощаютъ другъ друга, яко-же рыбы»... Также глаголетъ св. Григоріе Акраганскій еп. въ своихъ правильныхъ завѣщаніяхъ: «веле убо есть въ челоувѣцѣхъ дарованіе Божіе слыше данно челоувѣколюбие: священничество же и царство: оwo убо божественнымъ служу, оwoже челоувѣческимъ обладаю некийся. Подобаетъ приѣхшему отъ Вышняго повелѣнію правленія челоувѣческаго рода не токмо о своихъ вещихъ и своего житія правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасати и многотѣхорнаго снѣженія»... Просвѣтитель 1857 г., стр. 535 и слѣд.

прудн вѣхъ: вы-же убо да не держите истину въ несправдѣ... и не давайте воля злоторящихъ челоуѣкохъ», т. е. еретикахъ и отступникахъ, которые съ тѣломъ и душу губить. Если они сотворять зло, то на душу попустишнаго падаетъ грѣхъ, т. е. «на царя и на князя и на судя земскія, аще власть дадутъ злоторящимъ челоуѣкохъ, во семъ истязани будутъ отъ Бога во страшный день втораго пришествія его»¹⁾. Итакъ главная обязанность царя заключается въ охранѣ правосудія. Только въ виду этой главной цѣли получаетъ смыслъ ореолъ божественнаго происхожденія царской власти. За неисполненіе этой обязанности падаетъ на нихъ самая тяжкая отвѣтственность, но уже не передъ обществомъ и не передъ отдѣльными его членами, хотя-бы правопорядками, а только предъ самимъ Божествомъ.

Почти дословно повторилъ Іосифъ эту теорію въ посланіи къ вел. князю, написанномъ нѣсколько позднѣе, когда при новомъ митр. Варлаамѣ многиѣ Вассіанѣ Патрикѣсви сдѣлалися «великими и пременимыми челоуѣкохъ» и начали печалюваться великому князю за еретиковъ²⁾. Іосифъ, узнавъ объ этомъ, писалъ государю, что необходимо позаботиться о божественныхъ церквахъ и о православной вѣрѣ христіанской, «какъ въ первомъ обыску все ты, государь, обыскалъ и оправилъ», подобно благочестивому и христіанскому, великому царю Константину. Какъ глава всѣхъ, государь долженъ показать ревность своего благочестія, «да видятъ всѣ царіе славу преславнаго царствія твоего; придетъ бо ти отъ сего снѣтъ и чинъ и невечерній въ тебѣ возсіяетъ, аще подобно сотвориши первымъ православнымъ и благочестивымъ царемъ», и «того ради непоколебимо и непревратно соблюдать и сохрашитъ Вышняго десница Богомъ поставленное твое царство». Если же государь и теперь не подвигнется противъ еретиковъ, то «погибнутъ всему православному христіанству», какъ погибли прежнія многія царства: Евѣпское, Армянское и Римское. По этому поводу Іосифъ и повторяетъ почти дословно свои мнѣнія объ обязанностяхъ царей³⁾.

¹⁾ Провѣтитель, стр. 539—540.

²⁾ Чт. Общ. Ист. 1847 № 7, смѣсь; Приб. къ Твор. Св. Отц., ч. X, стр. 506.

³⁾ «Запече, государь, отъ вышняго Божія десницы поставленъ еси самодержецъ и государь всея Руси. Глаголетъ бо Господь Богъ пророкомъ: азъ воздвигохъ ти съ правдою царя и прияхъ ти за руку и укрѣпихъ ти. Сего ради слышите, царіе и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ. Васъ бо Богъ въ себѣ мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ. Вамъ-же подобаетъ, пріемши отъ Вышняго повелѣвія правленія челоуѣческаго рода, православнымъ государемъ царемъ и княземъ не токмо о своихъ пещися и своего точію житія правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасти и соблю-
власть Моск. гос.

Еще раньше этого поселения Иосифъ вступилъ въ полемику съ заволожскими старцами, которые доказывали, что не слѣдуетъ розыскивать и истязать еретиковъ тайныхъ, не распространяющихъ своего учения, а покаившихся слѣдуетъ принимать въ общеніе съ церковью ¹⁾. Иосифъ написалъ возраженіе ²⁾ и, при обработкѣ его для своего сборника, снова коснулся вопроса объ обязанностяхъ царей и князей, поставивъ его еще болѣе рѣзко. Къ темъ онъ опять подходитъ по поводу искорененія ереси. Если принимать въ лоно церкви кающихся еретиковъ, рассуждаетъ Иосифъ, то они еще сильнѣе будутъ распространять ересь, такъ какъ ихъ покаяніе бываетъ часто ложнымъ, а за таковой результатъ отвѣтственности падаетъ на царей. Армянское, Египетское и Римское царства пали по небреженію тогдашнихъ православныхъ царей и святителей, которые будутъ за это осуждены «на страшномъ судищѣ Христовѣ». Для болѣе прочнаго обоснованія подобной отвѣтственности авторъ (параллельно ссылаясь на авторитетъ градскихъ законовъ) считаетъ полезнымъ опереться на авторитетъ двухъ византийскихъ императоровъ—Константина и Юстиніана. Первый яко-бы оставилъ обширный завітъ царямъ, князьямъ и судіямъ земскимъ, по которому всякій царь или князь, живущій въ небреженіи, перадица о подвластныхъ и небогачіиѣ страха Вышняго, «сѣлугу себѣ сатани: сотворятъ». Цари и князи не должны предать стадо Христова на расхищеніе ивѣрять, т. е. іудеямъ, оланамъ, еретикамъ, отступникамъ и всѣмъ невѣрнымъ. «Мы убо, гласитъ завітъ, невѣрующихъ по св. и единосущную Троицу почитаемъ, мечемъ пощичи, и богатіемъ ихъ на расхищеніе предати... Тако же и намъ почитаемъ творити: бози бо еете и сынове Вышняго, блюдитежеся, да не будете сынове гнѣву, да не изомрете, яко челоѣки и по пса мѣсто сведени будете во адъ.» Далѣе, упоминая о томъ, что царей и князей «Богъ въ себѣ мѣсто посади на престолѣ своемъ», и что потому пхъ необходимо имѣть «исяко тѣчаніе о благочестіи», завітъ преподаетъ такое правило: «скинетръ царствія пріимъ отъ Бога, блюди, како

дати стадо его отъ позковъ невредини, и боитися серпа небеснаго и не дати воли азотворящимъ челоѣкомъ, иже душу съ тѣломъ погубляющихъ, скверные, глаголю, и азочестивые еретики». (Сб. Публ. Библ. Q XVII, № 61, л. 202 об.—20гоз. Извлеченія изъ этого посланія въ книгѣ II, Хрумова.

¹⁾ Это любопрепарателное посланіе, какъ называется его Иосифъ, направлено было противъ міръ, принятыхъ соборомъ 1504 г. Оно до насъ не дошло.

²⁾ Посланіе къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію. Сб. Публ. Библ. F I, № 229. На тему этого посланія составлены три послѣднихъ слова Провѣдателя.

угодниши давшему ти того, и не токмо о себѣ отвѣтъ даси къ Богу, но иже ния злѣтворять, ты слово отдаши Богу, волю давъ имъ. «Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ члвкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу» ¹⁾).

Кромѣ ссылки на завітѣ царя Константина, Іосифъ приводитъ еще мѣсто изъ «церковныхъ книгъ, главы 60-й» Іустиніана о царяхъ и святителяхъ, «ниже не прохнышяють, ниже пекуются о сущихъ подъ нимъ». По словамъ апостоловъ, «царь злѣчестивый, не брегѣи о сущихъ подъ нимъ, не царь есть, но мучитель; и еже епископъ золъ смл, не брегѣи о стадѣ, не пастырь есть, но волкъ» ²⁾).

Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ уже знакомую аргументацію объ обязанностяхъ царей и князей. Но сущность царской власти явлется съ инымъ отгнѣнкомъ. Цари оказываются не только слугами Божиими, избранными и посаженными на престолѣ Богомъ; они сами боги, подобные людямъ только естествомъ, властію же уподобляющіеся самому Богу. Это уже не теорія божественнаго происхожденія царской власти, а чистое обожествленіе личности царя. Нѣкоторые намеки на эту тему встрѣчаются допозднѣе рано въ русской письменности ³⁾. Но Іосифъ первый обстоятельно развилъ и обосновалъ это ученіе. Важность этого обстоятельство ничуть не умаляется оттого, что Іосифъ позаимствовалъ эту теорію изъ ученія библейскихъ и отеческихъ. Будучи перенесена на русскую почву, она должна была принести и, конечно, принесла свои плоды ⁴⁾.

Охрана прановѣрія—альфа и омега всѣхъ сужденій Іосифа объ обязанностяхъ царя. Въ этомъ вся сила царской власти, все ея содержаніе. Царь, уклонившійся отъ этой миссіи, перестаетъ быть царемъ, становится мучителемъ и слугою дьявола. Но онъ становится такимъ передъ лицомъ Всевышняго въ земной-ли жизни, или

¹⁾ Просвѣтитель, слово 16-е, стр. 601—603.

²⁾ Тамъ же, 604. Далѣе приводятся мѣста изъ пророчествъ Іезекии XXXIV, гл. 10 и 11; III, 17 и 18 и изъ заповѣди епископамъ о храненіи церковныхъ правъ. См. Р. И. В., VI, № 11.

³⁾ См. выше, глава II, стр. 41 и 42.

⁴⁾ Невостричевъ въ разборѣ книги Н. Хрушова говоритъ, что мѣсто «бози бо есте» и проч. взято Іосифомъ изъ Евфрема Сирина, по къ сожалѣнію не указываетъ откуда именно. Названіе царей богами (т. е. (?) наместниками Божиими на землѣ, по русской поговоркѣ: царь—земной богъ) ученіе и названіе библейское (Псал. 81, 6; слич. Іован. 10, 34). Авторъ рецензіи вообще утверждаетъ, что Іосифъ не пыталъ никакихъ политическихъ изгидовъ, а иногда только раскрывалъ по ученію библіи значеніе и обязанности царей. См. отчетъ о дѣятел. приеужденіи награды графа Уварова, стр. 135—136 и 68.

на страшномъ судѣ, а не передъ людьми. Передъ ними онъ богъ; а судъ надъ земнымъ богомъ не можетъ и не долженъ принадлежать людямъ.

Въ двухъ лишь случаяхъ Іосифъ коснулся разсматриваемаго вопроса по поводу общихъ обязанностей государственной власти. Въ четвертомъ посланіи объ эпитиміяхъ¹⁾ Іосифъ преподаетъ, какъ долженъ вести себя вельможа, которому нельзя ходить въ церковь «зазора для людского». Указавъ на обрядовую сторону поведенія, авторъ далѣе учитъ, что необходимо восхищенное не по правдѣ отдати, быть милостивымъ къ бѣднымъ и убогимъ и въ этотъ годъ «не двигнути бы никого до крови, ни озлобити». Вслѣдъ за этимъ придется обычное ученіе о значеніи власти, съ указаніемъ общегражданскихъ обязанностей властителей о милости, о сохраненіи закона, суда, правды и проч.²⁾

Въ другой разъ объ общихъ обязанностяхъ правителя Іосифъ говоритъ въ посланіи къ Дмитровскому князю по специальному поводу о пропитаніи народа во время голода. Посланіе открывается извѣстными уже ученіемъ о божественномъ происхожденіи власти съ небольшими, впрочемъ, вариантами: здѣсь, въ призывеніи къ удѣльному князю и въ отличіи отъ значенія широконъ власти, поставленіе на божескомъ престолѣ замѣнено поставленіемъ на отечествѣ и правленіе человѣческаго рода правленіемъ отечества³⁾. Далѣе авторъ ссылается на прикѣры инкантий-

¹⁾ Сб. Публ. Библ. Q XVII, № 41, т. 288—290 об., подъ заглавіемъ «О вельможахъ старца Іосифа». II. Хрущовъ, изд. соч., стр. 99, почему-то охарактеризовалъ это посланіе, какъ роспись днѣмъ постыямъ. Сомн. Буланковъ правильно считаетъ эту статью четвертымъ посланіемъ объ эпитиміяхъ, случайно отдѣленнымъ отъ прочихъ.

²⁾ Это мѣсто, любопытное потому, что въ немъ трактуется объ общихъ обязанностяхъ правителей, нигдѣ, кажется, не напечатано, а потому приводится здѣсь цѣлкомъ: «заповѣдь и государей нашихъ Богъ избралъ въ свое мѣсто и на свой престолъ посадилъ есть, и милость и жизнь въ руки ихъ положи. Икоже пророкъ глаголетъ: ибо отъ Господа дана бысть вамъ власть и сила отъ Вышняго, и даяый власть Господь, тои истязеть дѣла и помысли, истязаетъ вскорѣ; и аще то сердце немилостиво покажетъ къ чуждымъ, ахъ-же ради Христосъ кровь свою изліи, скоро и страшно придетъ на того испытаніе и кровъ господни на немъ нелицезна. Праведный-же царь или князь ангельскій и святительскій имать чинъ, аще сохранитъ законъ и судъ и правду, и не обинется лица сильнаго на судѣ, ниже пріиметъ мзды, ни уповасть на несправду, и на восхищеніе не желаетъ. Къ такимъ рече Господь: боги будете и снынове Вышняго вси: князя бо и суди и служители суть боги и нарицаются. Аще ли же ни, то мѣсто чадъ божіихъ, чадо гнѣву нарекутся, пожеже судъ жестокъ бываетъ на великихъ. Меньшіи убо прощенья бываютъ и достоинъ пощиванію; сильніи же крѣпко истязаны будутъ. Ниже сомнитеся аще всѣхъ владыка, ниже срамляется величія, пожеже малаго и великаго сотворилъ есть (Богъ). Крѣпкихъ же и сильныхъ крѣпко истязаніе ждетъ».

³⁾ Тебѣ-бо государю, пишетъ Іосифъ, отъ Господа Бога дана бысть держава и сила отъ Вышняго, тебе бо Господь Богъ избра въ себе мѣсто,

скихъ императоровъ и всѣхъ благочестивыхъ царей и князей, которые во время великой нужды отъ голода «великое попечение о снхъ имѣяху, яко да не измрутъ голодомъ сущи подъ ними нищія и убогіи человецы». Тутъ-же указаны и мѣры, какія принимались противъ голода: раздача хлѣба изъ царскихъ житницъ, установленіе указной цѣны на хлѣбъ и заповѣди «на преступающихъ ся» ¹⁾.

За исключеніемъ этихъ двухъ мѣстъ, сочиненія Іосифа не содержатъ никакихъ указаній на общегражданскія обязанности правителей. И, конечно, не въ этомъ заключается сила его политическаго вліянія. Политическое значеніе Іосифа заключается въ горячѣй проповѣди о высотѣ сана государственной власти согласно апостольскимъ воззрѣніямъ, поскольку они выразились въ твореніяхъ отцовъ церкви, и въ приженіи къ русской почвѣ началъ библейскаго теократизма, заимствованнаго также чрезъ посредство отеческой литературы. Сама по себѣ идея о государѣ, какъ наместникѣ Божіемъ и даже земномъ богѣ, должна была сильно импонировать и на представителя власти, и на населеніе. Сравненіе русскаго государя съ благоутробнымъ царемъ и въ частности уподобленіе равноапостольному царю Константину конкретнымъ образомъ содѣйствовало усвоенію теократическихъ понятій, вполне отвѣчая новымъ представленіямъ о русскомъ православномъ царствѣ. Выходитъ съ этимъ, какъ ближайшій выводъ, усвоилось и понятіе о неограниченности власти, такъ какъ государь по Божію избранію получалъ всю полноту власти («милость и животъ положи у вась и мечъ пышняя Божія десница вручи вамъ.») и даже уподоблялся властью самому Богу («властію-же подобенъ вышнему Богу»). Соотвѣтственно этому намѣчался и характеръ отношеній населенія къ государю. За типъ этихъ отношеній былъ принятъ обитіи иноческаго послушанія ²⁾. Такъ еще митр. Алексій училъ мірскую чадь: «да будетъ отъ вась нектъ скорѣ на послушаніе, а медленѣ на глаголаніе» ³⁾. Въ Златой Цѣпи XIV в. передается слѣдующее притомъ

постави на твоемъ отечествѣ, милость и животъ положи у тебе; тебѣ-же православному государю, пріемшему отъ Вышняго повелѣнія правленіе своего отечества, не токмо о своихъ пеніяхъ и своего точию житія правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасти, и отъ нужи и скорби и отъ бѣдъ избавляти. Различіе между великимъ и удѣльнымъ князьями, по Іосифу, не ограничивалось, однако, только указанной, практически неизлечимой чертой.

¹⁾ Іосифъ подкрѣпляетъ это свѣд. ссылкой: «яко же и нынѣ створи братъ твой, великій князь Вас. Им. вса Русія». Д. къ А. И., т. I, № 216.

²⁾ Въ 1377—1388 гг. константинопольскій патріархъ писалъ русскому князю объ иноческомъ житіи: «послушаніе бо есть, братія, всяко отсѣченіе своего хотѣнія, укрѣплену точию въ наставниковъ мновеніе, нематежно творяще» и проч. Р. И. В., VI, стр. 180.

³⁾ Приб. къ Твор. Св. Отц., годъ V, 1817 г., стр. 30.

послушаніа: «предъ князехъ же паче бояся язу глаголати, но съ покореніемъ истинно отвѣщай ему, а кы къ самому Богу»¹⁾. Арх. новгородскій Геннадій уже констатируетъ, что московскіе государи «послушаніе уставляють паче многихъ добродѣтелей»²⁾. Послушаніе потому великая добродѣтель, что оно рождаетъ смиреніе; а дѣло смиренія великое дѣло: «вся создаетъ, и грѣхи разоряетъ, и вся успѣшаетъ». Наоборотъ, непокорство называется неслѣпымъ, а преслушаніе всенагубнымъ, низводящимъ во адъ³⁾. Іосифъ Волоцкій не отступалъ отъ этихъ традицій. Нарисованный имъ образецъ отношеній представителей духовенства къ государю являлъ это подтверждать. По поводу инцидента съ арх. Серапіономъ Іосифъ писалъ, что если кому-либо изъ святителей случится на соборѣ говорить съ царемъ или княземъ, то должно прежде умолить царя. «дабы повелѣть рещи». Если онъ позволитъ, то говорить съ кротостію и смиреніемъ. Когда-же царь и «на гнѣвъ съвертится на кого», тотъ долженъ съ кротостію и смиреніемъ и со слезами молить царя. «Сварится-же» съ государемъ никакъ нельзя, такъ какъ божественныя правила повелѣваютъ его почитать⁴⁾.

Іосифъ не ограничился указаннымъ теоретическимъ положеніемъ; онъ указалъ два практическія примѣненія его въ сферѣ современной политической жизни: соотвѣтственно своей теоріи онъ разрѣшалъ вопросы объ отношеніяхъ государя къ церкви и къ удѣльнымъ князьямъ.

При указанномъ характерѣ власти государя представители духовной власти должны были занять подчиненное положеніе. Такъ и дѣлѣ соблюденія чистоты вѣры первая и выдающаяся роль выпадаетъ на долю государя. Іосифъ нѣсколько разъ захѣщаетъ, что кроми государя некому искоренять еретическія яжеученія, что безъ его благочестивой ревности грозитъ гибель всему православному христіанству, что онъ «первый отмѣститель Христу на еретики». Въ дѣлахъ церковнаго управленія высшая власть также принадлежитъ государю, ибо ему Богъ передалъ милость и судъ, «и церковное и монастырское», и всего православнаго христіанства власть и попеченіе. Отсюда получается выводъ, что «царскій судъ святительскій судомъ не посужается ни отъ кого»⁵⁾.

¹⁾ Буслаевъ, Историч. христом., стр. 491.

²⁾ Р. Н. Б., т. VI, стр. 765.

³⁾ П. С. Д. IX, 244; Он. рик. Син. Вибл., отд. II, ч. 3, № 328, стр. 710.

⁴⁾ Сборн. Публ. Вибл. Q XVII, № 64, л. 228 об.—229.

⁵⁾ Сборн. Публ. Вибл. Q XVII, № 64, л. 227 и 231 об.

Доктрина теократического абсолютизма находитъ у Иосифа полное прихъненіе и въ отношеніяхъ великаго князя къ удѣльнымъ. Московскій государь является въ глазахъ Иосифа не только общимъ государемъ удѣльному волоцкому князю Федору Борисовичу, архіепископу Серапіону и «всѣмъ намъ», но «всѣя Русскія земли государемъ государь». Потому Иосифъ и преподаетъ удѣльнымъ князьямъ слѣдующее правило подчиненія общему государю: любить богодарованнаго царя всѣмъ сердцемъ, оказывать ему покореніе и послушаніе и работать ему по всей его волѣ и повелѣнію, «яко Господени работающе, а не челоуѣкомъ»¹⁾.

Въ общемъ итогъ публицистической дѣятельности Иосифа совершенно меркнетъ его первоначальная политическая доктрина о служеніи лишь такой власти, которая въ состояніи выдержать критику ея общеправственнаго и религіознаго направленія. Его же проповѣдь теократическаго абсолютизма нашла весьма значительное число послѣдователей въ средѣ его ближайшихъ учениковъ и постриженниковъ. Самъ Иосифъ, такимъ образомъ, стоитъ во главѣ школы и партіи, которую противники Иосифа прозвали его именемъ, характеризуя ее, какъ презлыхъ и прелуканыхъ мниховъ-иосифлянтъ.

Ближайшій ученикъ и послѣдователь Иосифа, Даниилъ, преемникъ его по игуменству, а потомъ митрополитъ, является типическою личностью іерарха іосифлянина²⁾, старательно и послѣдовательно проводившаго завѣты своего учителя. Пользуясь особенныхъ благорасположеніемъ великаго князя еще со временъ своего игуменства, митр. Даниилъ въ свою очередь оказалъ двѣ важныхъ политическихъ услуги своему благодѣтелю. Онъ помогъ ему отдѣлаться отъ «запазушнаго врага», удѣльнаго князя Шемячича, хотя эта услуга приобрѣла митрополиту репутацію нарушителя своего слова; онъ же устроилъ и дѣло о разводѣ великаго князя съ Соломоніей и повѣнчалъ его на Еленѣ Глинской. При достиженіи своихъ цѣлей митр. Даниилъ, какъ и Иосифъ, обращаетъ большее вниманіе на важность преслѣдуемыхъ задачъ, чѣмъ на выборъ средствъ, и не только въ сферѣ государственной, но даже и въ религіозной. Какъ Иосифъ рекомендовалъ употребленіе мѣръ «богопремудрнаго копарства», такъ и у Даниила имѣется цѣлое ученіе о прехищеніи и коварствѣ Божіемъ, а въ отношеніи къ еретикамъ онъ допускалъ даже употребленіе пріемовъ, «отзышающихся иъ которыхъ

¹⁾ Пам. стар. русск. зпт. IV, 192—193. См. ниже, глава VI.

²⁾ Проф. Павловъ, Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 86.

«езунтизмомъ» ¹⁾). Весьма упорный и послѣдовательный защитникъ и проводникъ основныхъ интересовъ и цѣлей своей школы, митр. Данилъ не выдѣлялся строгой логикой своихъ теоретическихъ воззрѣній какъ авторъ и въ этомъ стоялъ ниже своего учителя. Замѣчена даже безсвязность изложенія нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ его сочиненій. Въ числѣ послѣднихъ особое место «сборника» посвящено вопросу о значеніи власти подъ заглавіемъ: «Яко подобаетъ ко властямъ послушаніе имѣти и честь имъ воздавати и еже на враги Божія». Когда и при какихъ обстоятельствахъ написано это слово, неизвѣстно ²⁾). Но имѣя въ виду, что въ немъ рѣчь сводится на тему о преслѣдованіи еретиковъ, можно думать, что эта тема послужила также отправной точкой и для митр. Данила, который, вслѣдъ за Іосифомъ, училъ, что «подобаетъ приѣмъши отъ Бога таковое служеніе ³⁾», яко Божіимъ слугамъ, много попеченіе имѣти о божественныхъ законахъ и соблюдати родъ человеческій невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воля злотворящимъ человекомъ, ими же имя Божіе безчестуется». Самое ученіе о власти не отличается ни оригинальностью, ни глубиной, а ограничивается довольно общими и истинными въ то время положеніями. Власти въ «человѣческихъ сынахъ» устроены Богомъ въ многоразличныхъ попеченіяхъ его о человѣческомъ спасеніи «во отищеніе злодѣхъ, въ похвалу же благоутроупицъ», чтобы люди, если претрѣять страхъ Божій, испомнили бы страхъ властителей земныхъ, «да, боящеся земныхъ начальствъ, не поглотаютъ другъ друга, якоже рыбы» ⁴⁾). Отсюда и выводится великая польза земныхъ начальствъ для человѣческаго рода, такъ какъ «много благоудѣлствуютъ намъ владущіи», служаще Богу, какъ слуги Божіи. Хотя изъ принудимыхъ авторомъ ссылокъ на священное писаніе явствуется ⁵⁾, что почитаніе властей основывается не только на

¹⁾ В. Жмакина, Митр. Данилъ и его сочиненія, 315—352 и 404.

²⁾ Тамъ-же, стр. 407.

³⁾ Т. е. государственной власти. Нельзя принять мнѣніе г. Жмакина, что митр. Данилъ не опредѣляетъ, какую власть онъ разумѣетъ въ своемъ сочиненіи; тамъ-же, стр. 408 и слѣд. Въ слогѣ идетъ рѣчь о «человѣческомъ созданіи начальства», о царяхъ, князьяхъ и владикахъ, а потому и тѣ мѣста слова, гдѣ говорится о власти безъ ближайшаго поясненія, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ власти свѣтской.

⁴⁾ Сб. Публ. Библ. F I, № 522, л. 231. Нѣсколько дальше послѣдняя фраза повторяется въ дословной конструкціи Іосифа, но только приписана не І. Златоусту, а Вас. Великому: «на пользу убо людемъ земное начальство постави отъ Бога, а не отъ дьявола, яко пѣци гаголютъ, да боящеся чуждыи другъ друга яко же рыбы не поглотаютъ, но законоуложеніемъ воздѣлаютъ многую человекѣмъ исправду». Тамъ-же, л. 238 (второй); ср. Провѣдатель, стр. 533.

⁵⁾ Эти ссылки указаны въ книгѣ г. Жмакина на стр. 410, прим. 2—4.

страхъ, но также на чести и совѣсти, но самъ авторъ отдастъ преимущественное значеніе страху, говоря, что «страхъ вина бываетъ иажъ къ благому житію», такъ какъ власти въ исполненіе воли Бога добрыхъ благодѣтельствуютъ, злыхъ-же страховъ поддерживаютъ отъ душепагубныхъ дѣлъ; поэтому слѣдуетъ покоряться, а не противиться властямъ. Въ одномъ мѣстѣ указана и степень этой покорности, какъ и у Іосифа: подобаетъ «властелемъ повиноватися, яко не властелемъ, но Богови» ¹⁾. Такимъ положеніями собственно исчерпывается почти все ученіе о почитаніи властей. Далинъ дѣлаетъ изъ него выводъ, что и еретики также слѣдуетъ спасать страхомъ, такъ какъ если осуждаются вѣры и разбойники, подлежатъ казни поправшіе и оплевавшіе образъ земнаго царя, то хулящіе и безчестующіе Господа должны сугубо испытать тѣ-же мѣры спасенія ²⁾.

Сила и господствующее положеніе іосифлянской партіи объясняются прежде всего тою ролью, какую сыгралъ волоколамскій монастырь, благодаря введенію Іосифомъ устава. Монастырскій уставъ сглаживалъ всѣ индивидуальныя черты подчиненныхъ ему монаховъ и вырабатывалъ средній типъ ученика, прилежнаго къ монастырю и къ памяти его преобразователя ³⁾. Отсюда тѣсная связь между всѣми членами этой школы. Вторая не менѣе важная услуга интересамъ партіи оказана митр. Даниломъ, который, благодаря занимаемому имъ положенію, производилъ на всѣ высшія церковно-іерархическія должности людей своего направленія ⁴⁾. Распространенію же іосифлянской доктрины въ сферѣ политической содѣйствовалъ близость ея съ тѣмъ выработаннымъ теоріей о православно-русскомъ царствіи. Сюда и вскрываются причины численнаго перевѣса въ публицистической литературѣ сторонниковъ теократическаго абсолютизма.

Нѣсколько оригинальнымъ выразителемъ его явился анонимный авторъ «похвальнаго слова великому князю Василию» ⁵⁾, ревностный послѣдователь Іосифа и его школы ⁶⁾.

¹⁾ Сб. Публ. Вибл. F I, № 522, л. 238 (второй).

²⁾ Тамъ-же, л. 235, 249 об., 251 об.

³⁾ Объ этомъ см. въ книгѣ г. Жмакина, стр. 115—120.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 145 и слѣд.; ср. *прил. Иконникова, О культурномъ вліяніи Византии*, стр. 420 и 457; *свѣд. Буликова, Преподобный Іосифъ Волоцкий*, стр. 45—46; *Казанская*, въ Прпб. къ тв. св. отцовъ, V, стр. 243—246; *Лѣт. русск. литер.*, изд. Тихонравова, т. V, смѣсь, стр. 143.

⁵⁾ Сб. Публ. Вибл. изъ собр. Толст. Отд. 1, № 33, л. 1—14. Слово это почти сполна вошло въ Степ. книгу, но разбито на двѣ части; первая оглавлена: Благодареніе и похвала о благодѣльномъ роженіи по неплотности сына, и проч., стр. 205—210; а вторая—Похвала всратцѣ и проч., 211—212.

⁶⁾ Авторъ гов. объ Іосифѣ: «сего убо дѣла бесплотна человека, аще и въ плоти суща» и проч.; съ большой похвалой онъ отзывается и о пострѣженникѣ Іосифа, Кассіанѣ Босомѣ, л. 6 об.

Слово написано по поводу рожденія у великаго князя перзаго сына. и имѣеть цѣлью объяснить важность этого факта и охарактеризовать личность великаго князя какъ-бы въ противовѣсъ существовавшимъ обвиненіямъ его въ противозаконности втораго брака. Разсказавъ объ обстоятельствахъ крещенія младенца, авторъ отличаетъ всеобщую радость по поводу этого событія и влагаеть въ уста «всего міра» слѣдующее успокоительное наставленіе. «Уже къ тому да не сѣтуемъ, уже къ тому да не стужаемъ Божіей славы, уже къ тому да не мятемся мыслию глаголю: кто вотоужъ удержитъ хоругви русскаго царствія, кто да соблюдетъ православныхъ исполненіе, кто поборетъ на безумныхъ, кто да уставитъ языческое стремленіе, кто да посрамитъ еретическое гнилослово, кто да упрямитъ исконное въ отечествіи его любовиѣнное и гордынное о благородствѣ мятежное шатаніе», такъ какъ Богъ даровалъ царю Василию наследника его царству. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что всѣ съ державеніемъ могутъ сказать: «уже да не вскочитъ чужій посягатель на стадо Христоу, да не сядетъ уже къ тому отъ иного племени на престолѣ русскаго царствія и да не презоимитъ предѣловъ, иже установи сущи отъ прежнихъ нашихъ государей православныхъ, но да будетъ якоже и нынѣ» и проч. ¹⁾. Эти слова показываютъ, какія тревожныя мысли волновали извѣстную часть русскаго общества въ виду отсутствія преемника у великаго князя, и какія опасенія возникали у нея съ предположеніемъ о прекращеніи династіи. Съ этой точки зрѣнія роль митр. Данила въ дѣлѣ о разиудѣ вел. князя являетсѣ великимъ патриотическимъ подвигомъ. Можно догадываться, что подъ «всѣмъ міромъ» здѣсь слѣдуетъ разумѣть по преимуществу іосифлянскую партію, такъ какъ у нея было больше всего поводовъ опасаться измѣненія въ ея интересахъ «установленныхъ предѣловъ». Крохѣ того, приведенныя слова указываютъ и нѣкоторыя изъ задачъ государственнаго управленія, неисполненіе которыхъ за отсутствіемъ преемника престола болѣе всего могло озабочивать именно іосифлянъ: таковы посраженіе еретическаго гнилословия, т. е. преслѣдованіе еретиковъ, и искорененіе мятежнаго шатанія о благородствѣ, т. е. борьба съ уцѣлѣвшими закатами удѣльной старинны. Какъ-бы для объясненія того, почему нежелателенъ на престолѣ кто-либо отъ иного племени, авторъ касается родословнаго вопроса и замѣчаетъ: «се бо древо царскіи образъ имать, поуже высоко раслено бѣ и цвѣты его бѣлы»...; и затѣмъ опредѣляетъ высоту царскаго достоинства согласно ученію Іосифа, какъ бы желая

¹⁾ Тамъ-же, гл. 9 об. и 12; Ст. вл., II, 309.

показать, что на такую высоту подобает взойти только отрасли царскаго древа ¹⁾). Авторъ говоритъ, что «естествомъ убо тѣлесныхъ равенъ человекѣмъ царь есть, а властію же достоинства приличенъ Богу, нже надо всѣмъ; не имать бо высочайши себѣ на земли»... и «непреступникъ есть человекѣмъ высоты ради земнаго царствія». Въ силу дарованнаго отъ Бога «поспѣшенія» царь долженъ заботиться о людяхъ, «да приспѣвають убо во благихъ и не претыкаются во злыхъ». При исполненіи этой божественной миссии царь дѣйствуетъ единолично, такъ какъ «Богъ не требуетъ ни отъ кого-же помощи, царь же отъ единого Бога» ²⁾).

Приведенная вслѣдъ за этими похвала великому князю указываетъ, насколько онъ, по мнѣнію автора, отличаетъ требованія доктрины. Василия Платоновича авторъ называетъ «русскимъ бѣлымъ царемъ, самодержцемъ всея Руси», славнымъ и благороднымъ, происходящимъ отъ славнаго и благороднаго блага русскаго царя и богомудрыя матери римлянины «также отъ корени царска». Отсюда авторъ выводитъ, что Василий III есть «царемъ царь истовый», всему народу «о благочестіи твердый поборникъ», а патріархамъ и освященному собору «благоразумный согласникъ», заботящійся объ утвержденіи правды въ людяхъ и отгоняющій крѣпко потоки беззаконія, «да не погрязнетъ корабль великаго его державства въ волнахъ безчестія» ³⁾).

Изъ числа послѣдователей Іосифа слѣдуетъ еще упомянуть новгородскаго архіепископа *Теодосія*. Въ своихъ посланіяхъ къ великому князю и царю, написанныхъ по разнымъ поводамъ, онъ

¹⁾ Нѣсколько раньше авторъ разсказалъ, что дальніе шюки, отшельники и возные подвижники пришли поклониться младенцу и сказали, между прочимъ, вел. князю: «убо спасъ ты есть Богъ помазаннаго своего и пріготови съѣсти отъ чреслъ своихъ на престолѣ твоемъ». Ст. кн. II, 210.

²⁾ Указанный сборн., т. 13 и слѣд.; Степ. кн., II, стр. 212. Нѣкоторые мѣста этого похвальнаго слова оказываются дословно заимствованными неизвѣстнымъ авторомъ изъ наказательныхъ главизнъ царя Василия сыну Льву, весьма распространенныхъ въ рукописныхъ сборникахъ XVI и даже XV в. См. напр. Сборн. Савва-Сторожевскаго монастыря № 5 (копіей съ котораго авторъ имѣлъ возможность пользоваться, благодаря любезности С. Ѳ. Платонова) в Сб. Публичн. Библ. Q I, № 225, т. 414, главы 49 и 66. Ср. Хр. Логическаго, О чинахъ вѣщанія русскихъ царей, Ж. М. Н. Пр. 1887, октябрь, стр. 318. Въ XV в. былъ извѣстенъ и переводъ источника «наказательныхъ главизнъ», именно главъ дьякона Агапита, представленныхъ импер. Юстиніану, подъ заглавіемъ: «поученіе благаго царства сеже и къ бояромъ, и къ епископомъ и къ пугменомъ, зѣпо есть и черньдемъ. Чести всякія превыше имѣяи самъ царю. Чести паче всего сему ты сподобившаго Бога» и проч. Оп. ркп. Синод. Библ., отд. II, т. 2, № 202, стр. 622 Этии-же источниками пользовались и другіе русскіе публицисты, какъ это будетъ видно ниже.

³⁾ Сб., т. 2 и 13 об.; Ст. кн., II, 212.

не разъ возвращается къ темъ о высотѣ царскаго сана. Такъ въ посланіи о прекращеніи въ Новгородѣ различныхъ безчинствъ Θεодосій ссылается на то, что «государю, по подобію небесныхъ власти, дасть есть небесный Царь скипетръ земнаго царствія силы», чтобы научить людей хранить правду и отгонять «еже на ны бѣсовское желаніе». Какъ корячій всегда бодрствуетъ, такъ и царскій умъ долженъ твердо сдерживать правила добраго закона, «незусная крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ волнами смущенія». Это только возможно для государя, такъ какъ, указываетъ Θεодосій великому князю, «царское твое остроуміе большу имать всѣхъ силу изряднѣ управити благое твое царствіе, и страшенъ буденъ сана ради власти царскіе и запретиши не на злобу обращаться, но на благочестіе». По скольку царь «сплюю превышнее чѣхъ» есть, постольку онъ обязанъ отличатся дѣлами ¹⁾. Въ другой разъ, благословляя великаго князя предпринять походъ противъ Казани, Θεодосій высказываетъ ему слѣдующее пожеланіе: «вспризи, и спѣши, и царствуй истинны ради и кротости и правды, и наставитъ чюдно десница твоя престолъ твой правдою и кротостію и судомъ истиннымъ. спершено есть, и жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона» и проч., и слѣдъ за этимъ приводитъ извѣстное мѣсто о поставленіи царей ²⁾.

Но безспорно самое выдающееся мѣсто по своему значенію въ числѣ послѣдователей Іосифа занимаетъ митр. Макарій. Не отличаясь энергіей Іосифа и будучи болѣе остороженъ въ выборѣ средствъ, чѣмъ митр. Даниилъ, онъ обладалъ, однако, необходимой дозою такта, чтобы удержаться на каюдерѣ въ смутные годы боярской олигархіи. Еще будучи новгородскимъ архіепископомъ и вѣроятно искорѣ послѣ назначенія своего туда, Макарій заявилъ себя строгимъ послѣдователемъ политическихъ воззрѣній Іосифа. Въ посланіи къ великому князю Василию Ивановичу объ учрежденіи общежитія въ новгородскихъ монастыряхъ онъ дословно повторилъ слова Іосифа изъ посланія къ тому же князю о значеніи и обязанностяхъ царя, также уудобивъ его равноапостольному царю Константину ³⁾. Ивану Грозному митр. Макарій также не разъ ука-

¹⁾ Д. къ А. И., т. I, № 41.

²⁾ «Азъ воздвигашъ тя съ правдою царя, и прияхъ тя за руку, и укрѣпихъ тя, да послушають тебе языцы, и крѣпость царемъ разрушу, отворю двери» и проч. Тамъ-же, № 37, II.

³⁾ Д. къ А. И., т. I, № 28. Ср. прим. 3 на стр. 97 и слѣд. Арх. Макарій, какъ видно изъ сравненія, за самыми незначительными замѣнами въ первой части своего посланія переписалъ первую половину посланія Іосифа. Значить послѣдователи Іосифа были подъ руками сочиненія своего учителя.

ывалъ на высоту его сана и лежащихъ на немъ обязанностей согласно съ духомъ Юсифлянскіей доктрины ¹⁾).

При немъ теорія православнаго царства завершилась принятіемъ царскаго титула Иваномъ IV. По гѣтописнымъ извѣстіямъ молодой государь сначала совѣщался объ этомъ съ митрополитомъ, потомъ митрополитъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ бояръ, въ томъ числѣ опальныхъ, и всѣ они вѣстѣ отправились къ великому князю. На этомъ совѣщаніи было рѣшено принятіе царскаго титула ²⁾. Кому первому принадлежитъ инициатива этого дѣла: молодому великому князю или кому-либо изъ болѣе опытныхъ приближенныхъ? Въ числѣ послѣднихъ на это болѣе всего былъ способенъ митр. Макарій.

Къ предстоящему обряду вѣнчанія надлежало изготолить «чинъ». Подобный чинъ уже былъ составленъ раньше, при вѣнчаніи внука Ивана III—Димитрія; но нѣтъ на этотъ разъ не воспользовались, а, взявъ его за образецъ, значительно распространили ³⁾. Весьма важной особенностью новаго чина явилось обстоятельное поученіе митрополита нововѣнчанному царю. Какъ переработка чина, такъ и составленіе поученія, вѣроятно все, принадлежитъ митр. Макарію. Недавно указано, что средняя часть этого поученія цѣлкомъ заимствована изъ византийскаго источника, именно изъ поученія императора Василия сыну Льву ⁴⁾. Въ первой-же части поученія находится мѣсто, гдѣ говорится о высотѣ царскаго достоинства, и которое цѣлкомъ заимствовано изъ посланія Юсифа Волоцкаго къ вел. князю Василию объ искорененіи ереси ⁵⁾. Этими

¹⁾ Такъ въ извѣстномъ посланіи Грозному во время похода подъ Казань митр. Макарій выражаетъ желаніе, чтобы на благочестивомъ царѣ сбылось пророческое слово—«азъ воздвигашъ тя съ правдою царя и проч.; «се твердое и крѣпкое и честное царство, пишетъ митрополитъ; да дастъ Господь въ руки твои и сыновъ твоихъ въ родъ и родъ и въ вѣки». Никон. Лѣт., VII, 137; Царств. кн., стр. 245. Главной обязанностью царствующаго митр. Макарія также полагается охрану благочестія. Онъ поучаетъ Грознаго: «тебѣ подобаетъ, царю, на Бога упованіе положить, подвизатися на благочестіе, за порученную тебѣ отъ Бога паству... да не расхититъ безбожии воцѣли порученныхъ тебѣ овецъ; или въ другой разъ онъ пишетъ царю: подобаетъ «подвизатися вамъ за свою святую вѣру христіанскую греческаго закона, иже во всей поднебесной, яко же солнце сіише православіе во области и державѣ вашего царскаго отечества и дѣдства и прадѣдства». Никон. Лѣт. VII, 74 и 132; Царств. кн., стр. 163 и 239; А. И. т. I, № 160.

²⁾ Царств. кн., стр. 126—129.

³⁾ Чинъ поставленія на великое княжество Димитрія изданъ въ С. Г. и Д., II, стр. 27—29; Лѣт. занятій Арх. Комм., вып. III, прил., стр. 3—16 (по 2-му списку), и Е. Барсовъ въ статьѣ: Древнерусскіе памятники вѣнчанія царей на царство, Чт. Общ. Ист. и Древн. 1883 г., кн. I, стр. 32—39.

⁴⁾ Хр. Лопаревъ, О чинѣ вѣнчанія русскихъ царей. Ж. М. Н. Пр. 1887, окт., стр. 312—319.

⁵⁾ ... «Глаголетъ-бо Господь пророкомъ: «азъ воздвигашъ тя съ правдою царя и прихъ тя за руку и укрѣпихъ тя; сего ради слышите, царіе (и

посланиемъ воспользовался уже разъ митр. Макарій, будучи новгородскимъ архіепископомъ. Теперь онъ воспользовался имъ вторично, внося указанное мѣсто въ поученіе по чину вѣнчанія и этимъ придавъ официальный характеръ доктринѣ теократическаго абсолютизма, такъ какъ чинъ вѣнчанія, а особенно поученіе сохранились очень долгое время безъ всякихъ измѣненій¹⁾.

Какое широкое распространеніе среди православнаго духовенства получили эти усвоенныя русскою письменностью ветхозавѣтныя и византійскія доктрины, можно видѣть хотя-бы изъ того, что онѣ дословно-повторяются даже въ челоубитной Львовскаго Братства царю Фёдору Ивановичу 1592 г., написанной рукою Терювскаго митр. Діонисія²⁾.

Въ ряду писателей іосифлянскаго направленія нѣсколько обособленное положеніе занимаетъ инокъ Отенской новгородской пустыни Зиновій (†1558). Сначала онъ былъ ученикомъ Максима Грека и почитателемъ, и за то пострадалъ изъ-за: съ своими учителями,

князя), и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть дръжава вамъ и сила отъ Вышняго; васъ бо Господь Богъ къ себе мѣсто избра на землѣ, и на свой престолъ вѣнестъ посади, милость и животъ положи у васъ, и проч., кончая словами: «не давати воля злоторяющимъ чловѣкомъ ниже душу съ тѣломъ погубляющимъ». Д. къ А. И., т. I, № 39, стр. 49; *E. Larsson*, напав. соч., стр. 57—58. Ср. выше, прим. 3 на стр. 97 и слѣд.

¹⁾ См. чины вѣнчанія Фёд. Ив., С. Г. и Д., II, стр. 80 и слѣд.; Гориса Годунова, Д. къ А. И. ч. I, стр. 245; Мих. Фёд., С. Г. и Д. III, стр. 32. Только по чину поставленія на великое княженіе, напечатанному въ Вильно, соотвѣтственное мѣсто поученія дополнено любопытными вставками, направленными противъ нечестивыхъ царей, а именно послѣ словъ «яко слуги Божіи есте» слѣдуетъ: «почто не храните закона, ни по совѣту Вышняго ходите и злата ради погубляете истину»; послѣ словъ «правленіе чловѣческаго рода» добавлено: «всѣмъ бо правдивый князь ангельскій и священническій имать чинъ, а насидѣя несправедно на слуги, самъ себе (слугу) сатанѣ сотворяетъ... Сего ради страшна и сильна идетъ на васъ погибель, яко гнѣвъ отъ Господа приндетъ, сильнѣи бо сильнѣе отъ Бога испытаны будутъ». Вилл. VII, стр. 22 и слѣд. Слова эти также могли быть повліяны у Іосифа. См. выше, стр. 95 и прим. 2 на стр. 100. Сомнительно, однако, чтобы подобныя слова произносились во время вѣнчанія. Скорѣе можно думать, что ихъ вставляли въ чинъ вѣнчанія какой-то недовольный современными порядками «писатель».

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 34 I. Братство повторяетъ здѣсь указанныя мѣста изъ поученія царя Василия сыну Льву и изъ посланій Іосифа Волоцкаго. Въ челоубитой говорится: «чести всякая прѣвыше имя—достояніе царю; почитаеша бо паче всѣхъ сіе тебѣ даровавшаго Бога, яко и по добію и небеснаго царствія даде тебѣ скипетръ земнаго влаетиства, да якоже небесный царь Богъ на небеси, сице и ты тхообразный чловѣкъ инаущи на землѣ и учини сице бжюсти праведная многобдѣстующиимъ уминымъ царскимъ твоимъ окомъ, крѣпко управляи ихъ на благая пажити. Неприкосновенъ бо еси чловѣкомъ высоты ради дальняго царствія, благопріступенъ-же молящимъ бываеши поспріятіа ради горняго». И немножко ниже повторяется пѣвѣстное мѣсто Іосифа о высотѣ царскаго сана: «Существомъ убо тѣлесю равенъ еси чловѣкомъ, о! царю, достоиенъ-же престолющими вѣсечески».

будучи сосланъ въ заточеніе въ Отенскій монастырь. Здѣсь онъ написалъ два обширныхъ сочиненія въ опроверженіе ереси Θεοδοσία Косаго ¹⁾ и въ этихъ сочиненіяхъ значительно отступилъ отъ направленія Максіма Грека, сблизился съ школой Іосифа Володскаго и даже пользовался «Просвѣтителемъ» Іосифа. Между прочимъ, онъ защищалъ современное монашество и потѣшилъ бытъ монастырей, спорилъ съ своими учителями и упрекнулъ инока Вассіана за образъ его жизни ²⁾.

Въ своихъ возраженіяхъ послѣдователямъ Косаго Зиновій касался и вопроса объ установленіи властей, такъ-какъ Косой утверждалъ, что всякія власти, какъ государственныя, такъ и церковныя, не находятъ оправданія въ божественномъ писаніи и должны считаться явленіями разпращеннаго человѣческаго преданія ³⁾. Въ опроверженіе этого ученія Зиновій старается указать основы богоучрежденности властей и обязательности ихъ почитанія на основаніи евангелія и апостольскаго ученія. При этомъ онъ ссылается на повелѣніе Христа почитать «царевя царни» и на извѣстное наставленіе апостола Павла о повиновеніи властямъ ⁴⁾. Кроме того, въ выпискѣ изъ бесѣды І. Златоустаго къ Антиохійскому народу по поводу сверженія императорскихъ статуя Зиновій припелъ и слова его о царской власти: «царь бо есть верхъ и глава иже на земли человекомъ всѣмъ». ⁵⁾

Въ другомъ мѣстѣ, доказывая авторитетность Божественныхъ словъ, Зиновій касается и авторитетности словъ государя. «Царень глаголетъ, говоритъ онъ, яко въ же будетъ, негѣмо мнѣти прайдентъ». Хотя царь и человѣкъ, какъ и всѣ люди, «царствія же достояніе изумца точію», но люди не должны считать праздными его словъ. «Коліко же разиствуеъ Богъ, восклицаетъ авторъ, отъ человека царя?!» ⁶⁾ Нельзя, однако, выводить отсюда, что Зиновій не раздѣлялъ изглаголь Іосифа на высоту царскаго сана. Признаніе въ царѣ человѣческаго естества встрѣчается и у Іосифа. Но царское достояніе и по Зиновію выдѣляло человека-царя изъ ряда людей, какъ это видно изъ его словъ о почитаніи царскихъ изображеній.

¹⁾ Истинны показаніе къ вопрошавшимъ о новомъ ученіи, изд. ред. Прав. Соб. Каз. 1863 г., и «Посланіе Многословное», изд. Ам. Поповичъ въ Чт. Общ. Ист. и древн. 1890 г. кн. 2, и отдѣльно.

²⁾ И. Знаменскій, Руководство къ русск. церк. исторіи, Каз. 1896 г. стр. 155—156; Истинны показаніе, стр. 87—901; Филаретъ (Гумилевскій), Обз. русск. дух. ант., изд. 3, стр. 158.

³⁾ Объ этомъ см. ниже, глава VII.

⁴⁾ Къ римл. VIII, 1—8; Посланіе многословное, стр. 220 и слѣд. и 285.

⁵⁾ Посланіе многословное, стр. 184.

⁶⁾ Истинны показаніе, стр. 83—84.

Защищая отъ нападокъ Косого почитаніе иконъ, Зиновій про-
водитъ на основаніи византийскихъ источниковъ любопытную парал-
лель почитанія царскихъ статуи и портретовъ или, какъ онъ вы-
ражался, парскихъ иконъ ¹⁾. Онъ рассказываетъ, что когда вно-
сится въ города царскій образъ, то не только простые земледѣльцы
и ремесленники, но и воины, городскіе старѣйшины, честнѣйшіе
сановники, воеводы и синклиты встрѣчаютъ его съ великою честію
и поклоняются царскому образу какъ самому царю, такъ-какъ «есть
образъ царевъ честнѣйши всего синклита его, и вое-
водъ и епархъ, и патрикіевъ, вси бо тѣмъ поклоняются образу
цареву и многою честію изъ усрѣтеніе его, яко и самого царя, и
тѣмъ показующе почитаніе къ царю и возлюбіеніе свое къ нему» ²⁾.
Зиновій оправдываетъ такое почитаніе царскихъ изображеній ссы-
лкой на то, что «сей почести царскихъ образовъ нѣсть видѣти отъ
отецъ негодования, ниже отъ апостолъ, ни отъ самого Господа»,
который училъ почитать кесарю кесарю; почитаніе же царевой
иконы показывается «благоуміе и покореніе къ царю и пріятель-
ство». Если же граждане презрять образъ царевъ и не воздадутъ
ему достойной чести, то «самого царя въ иконѣ его преобидяху и
на ярость его раздражаху». Въ подтвержденіе этого авторъ
приводитъ случаи, имѣвшіе мѣсто при царѣ Θεодосіи изъ Антио-
хіи, гдѣ хульники смирли изображенія царей ³⁾.

Наиболѣйшій интересъ и оригинальность представляютъ, однако,
тѣ мѣста сочиненій Зиновія, гдѣ онъ оспариваетъ мысль Косого,
что земныя власти являются учрежденіями развращеннаго челове-
ческаго преданія. Косой ссылаясь въ подтвержденіе на поствиче-
скую книгу Василия Великаго. Авторитетомъ этого послѣдняго
пользуется и Зиновій для опроверженія мнѣнія Косого. Соединившись
на слова Василия В. о томъ, что въ небытность царя во Израилѣ
каждый творилъ «права предъ очима своими», Зиновій коммен-
тируетъ ихъ такъ: «реки не согласіе воспоминають безцарныхъ лю-
дей и ятежъ бывающій въ нихъ, занеже не имати владыки ихъ,
коемуждо человеку творящу по очима своимъ», т. е. по собствен-
ному усмотрѣнію. Отъ этого происходитъ, говоритъ Зиновій, всякое

¹⁾ Истинны показаніе, стр. 310: «царю егда на царскій престолъ возведшу и царскими вѣнцемъ ему увязану, образъ подобенъ ему хитрецы сотворяють, рекше икону его».

²⁾ Нѣсколько дальше снова повторяется та же мысль: «яко человека царя образъ честнѣйши всѣхъ превысокихъ сановъ сущи въ немъ». Тамъ же, стр. 283—284.

³⁾ Тамъ же, стр. 311 и слѣд. О почитаніи царскихъ изображеній гово-
рилъ и Іосифъ: «Аще убо кто обесчеститъ образъ царевъ, главною казнію
мучится». Просвѣтитель, стр. 319.

нестроение и ятсехъ и разрушеніе земель и царствъ, а не отъ согласія, «еже ко устроению и во общую пользу и крѣпость», отъ чего во всѣхъ царствѣхъ бываетъ покой, тишина и наслажденіе благой жизнью ¹⁾. Далѣе Зиновій приводитъ подлинныя слова Василия В., утверждавшаго, что благочиніе и согласіе происходятъ отъ признанія всѣмъ одного представителя власти, тогда какъ раздоръ и несогласія происходятъ отъ безначальства или многоначальства ²⁾. Зиновій поясняетъ, что въ жизни до тѣхъ поръ соблюдаются порядокъ и миръ, пока «добрі: покоряются: иже въ дому господину, въ пути предводящему, во области князю, въ царствѣ царю»; что единоначаліе—добро и полезно, безначаліе и многоначаліе—зло и пакостно; что пока всѣ вѣлѣстї: взирають и покоряются единому началу, до тѣхъ поръ все идетъ хорошо, «не суну пререкловію и распрѣлію»; когда же проникнетъ пререкловіе, то тутъ-же появится и распря, а гдѣ распря—тутъ и непокореніе, а гдѣ непокореніе—тамъ «отъ начальствующаго отложене есть» и т. д. Прихитивъ такого рода выводы къ учению Косого, Зиновій жестоко укоряетъ его и его послѣдователей за ихъ политическій и общественный нигилизмъ: вы возикснтесь, говоритъ онъ, на всѣхъ властей, ученихъ Богомъ, не любите Богомъ поставленныхъ царскихъ и святительскихъ чиновначальниковъ, не желаете быть во власти господъ и получать наставленія отъ духовныхъ пастырей и учителей, «лукавѣ глаголюще и безбожнѣ, яко нѣсть требы быти начальствомъ въ христіанствѣ». Скажите-же, для чего избѣгаете «начальникъ владычества», какъ не для того, чтобы свободно творить всякую злобу и предуготовлять своимъ ученикамъ путь антихристу, «не имуще надстоящихъ и зрящихъ лукавая дѣлїя ваша и безбожная словеса, да въ псалмѣй воли своей все зло сдѣете» ³⁾.

Смыслъ этого заключенія сводится къ тому, что предстоящія власти должны воспрепятствовать лукавымъ дѣламъ и безбожнымъ словесамъ путемъ примѣненія наказаній къ злоторопившимъ.

Карающая роль власти особенно выдвигается древне-рускими публицистами, хотя часто приводимое въ ихъ сочиненіяхъ апостольское наставленіе о почитаніи властей учить покоряться властямъ не

¹⁾ Истинны показаніе, стр. 575 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 585: «... множества благочиніе и согласіе дотоу неправляемо, донелѣже къ единому нѣкому начальнику держится общее всѣхъ благопокореніе; всяко же несогласіе и разстояніе на многоначальство отъ безначальства створяемо». Тамъ же, стр. 589: «аще бо иже къ единому (миѣнію) блюдушимъ (и) царя приемлющимъ единого сюбственно есть благочиніе съ согласіемъ; убо несогласіе всяко и разстояніе знаменіе есть безначальства».

³⁾ Посланіе многословное, стр. 281.

только за страхъ, но и за совѣсть. Іосифъ волоцкій, митр. Данилъ и ихъ послѣдователи придаютъ исключительное значеніе страху наказанія въ дѣлѣ устроенія мира и порядка не только въ государствѣ, но и въ сферѣ церкви. Къ этому-же сводится и смыслъ комментаріевъ Зноиція.

Очень рельефно выражена эта теорія устрашенія и неизвѣстнымъ авторомъ «слова св. отца, какъ христіаномъ жити». Въ словѣ, отъ имени св. отца, преподаются градскимъ властямъ повелѣніе—творящихъ зло «въ конечныя влгати муки, градскимъ казнити закономъ, а не щадити злыхъ, да ся накажутъ и останутъ дѣяти злая.» Оправданіемъ такого повелѣнія служить, по мнѣнію автора слова, основное назначеніе всякой власти: «властели бо отъ Бога устроени, по указанію слова, человекъ ради не творящихъ закона Божія, да страхъ видѣвъши казни и Бога убоятся» ¹⁾. Подобное-же міровоззрѣніе лежитъ и въ основѣ взгляда всей іосифлянскіи школы о преслѣдованіи и казни еретиковъ. Карающій мечъ является главнѣйшимъ атрибутомъ государственной власти.

Но іосифлянская политическая доктрина нашла себѣ у писателей той-же школы серьезное ограниченіе съ точки зрѣнія отношеній между авторитетами духовнымъ и свѣтскимъ ²⁾.

Исторія этихъ отношеній въ древней Руси характеризуется постепеннымъ подчиненіемъ церковнаго авторитета государственному даже въ періодъ подчиненія русской церкви константинопольскому патриарху. Тѣмъ большая степень подчиненія наблюдается при постепенномъ возрастаніи политическаго авторитета и все болѣе усилившемся вліятельствѣ его въ дѣла церковнаго управленія, особенно въ дѣло избранія высшаго представителя духовной іерархіи.

Экономическая зависимость церковной іерархіи отъ государства является главнѣйшей причиной такого склада отношеній. Культурныя традиціи Византіи лишь способствовали окончательному опредѣленію въ указанномъ смыслѣ развивающихся отношеній, такъ какъ и въ Византіи церковный авторитетъ находился въ подчиненіи императорской власти, не смотря на теоретическія попытки поставить его въ равноправное и даже преимущественное положеніе.

¹⁾ Правосл. Соб. 1850 г., № 4, стр. 473—477.

²⁾ На нѣтъ возможности входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, автора считаетъ необходимымъ отметить лишь нѣкоторыя черты изъ отношеній между церковью и государствомъ въ древней Руси.

Для опредѣленія отношеній русской митрополіи къ княжеской власти прежде всего могли послужить соотвѣтственныя нормы византийскаго права. Заимствуя изъ Византіи сборники церковныхъ правилъ и государственныхъ постановленій, представители русскаго духовенства довольно рано стали руководствоваться и повелѣніемъ императора Юстиніана о священствѣ и царствѣ, которая вошла въ помянникъ Іоанна Схоластика, откуда и перешла въ наши коржія подъ заглавіемъ: «Заповѣдь первая отъ новыхъ заповѣдей Юстиніана царя». Устанавливая этою заповѣдью раздѣльность компетенціи при единствѣ дѣйствія церковной и государственной власти, съ спеціальнымъ указаніемъ, что ничто такъ не споспѣшествуетъ царству, «яко же святительская честь»,—вотъ тотъ идеалъ, какой перенесенъ былъ изъ Византіи на Русь. ¹⁾ Заповѣдь царя Юстиніана получила широкое распространеніе въ русской письменности и не только вошла въ коржіи; на нее въ своихъ посланіяхъ и поученіяхъ ссылаются и публицисты-книжники; она записана и въ Стоглавѣ. ²⁾

Но при неопредѣленности правилъ заповѣди ихъ можно было толковать различно, смотря по обстоятельствамъ. Такъ русскій иннокъ Акиндинъ въ посланіи къ великому князю тверскому объ исправленіи еретическаго обычая (поставленія на мздѣ) ссылается на эту заповѣдь: ³⁾ Но эта ссылка имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, чтобы оправдать внимательство князя къ церковнымъ спорамъ: «такъ да будетъ тѣмъ и тебѣ, державный боголюбче, гонюири авторъ посланія, еже святитель чистота и къ Богу дерзновеніе». Поэтому онъ указываетъ князю, что «повелѣно и ему не молчати о семъ святителемъ своимъ» и даже пишетъ: «или речени, господине, кривымъ извѣстомъ: сами ся управятъ, како хотятъ, а язъ въ се не вступлюся.» Но такую уклончивость авторъ сѣшнѣе отразить замѣчаніемъ:

¹⁾ Заповѣдь Юстиніана читается такъ: «Великая паче нѣхъ, иже въ челоуѣцехъ еста дара божія, отъ вышняго дарована челоуѣколюбіи божіи, священничество-же и царство: ово убо божественнымъ служба, сеже челоуѣческими владѣи и пекіи ся. Отъ единого же и того же начала обоа происходять, челоуѣческое украшающе житіе. Яко же ничто же тако бываесть поспѣшное царству сего ради, якоже святительская честь о обонхъ самѣхъ тѣхъ прясно вси Богови молятся. Аще бо они непорочны: будутъ во всемъ и къ Богу имутъ дерзновеніе и праведно и подобно украшати начнутъ предаиши имъ грады и сущая подъ нѣжи, будетъ согласіе нѣкое благо, все еже добро челоуѣчестѣи даруя живи. Сему быти вѣруемъ, аще священныхъ правилъ бдѣніе сохранится» *Роскиамиръ*, *Обозрѣніе коржіей*, изд. 2, прил. VIII, стр. 23.

²⁾ Глава 62, стр. 279 по изд. Каз. Дух. Акад.

³⁾ «Святительство бо и царство, пишеть онъ, съединеніемъ и безъ порока заповниа уставы твердо и неподвижно дозаяи суть держати и творити: ово-бо божественныхъ служба, ово же челоуѣчскими обладая; единымъ же началомъ вѣры и законамъ обоа происходъ, челоуѣческое украшаеъ житіе.»

«царь еси, господине княже, въ своей земли; ты истязалъ инопци быти на страшихъ судищи Христовѣ, аще смолчпши интрополиту» ¹⁾. Итакъ нахѣреніе князя уклониться отъ вѣдѣтельности въ церковныя дѣла чисто догматическаго свойства инокъ Акиндинъ называетъ кривымъ извѣтомъ и грозитъ отвѣтственностью за такое попустительство.

Іосифъ возонкій, желая доказать право государя казнить еретиковъ, ссылается на ту же заповѣдь, ²⁾ чтобы вывести изъ нея для «пріемшаго правленіе человѣческаго рода», т. е. государя, обязанность «все обладаемое отъ тленія спасти и многогрѣховнаго смятенія».

Съ другой стороны Максимъ Грекъ, возирающаяся нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ къ тому же вопросу объ отношеніи властей, хотя и истолковываетъ заповѣдь Юстиніана въ смыслѣ согласнаго дѣйствія обоихъ авторитетовъ, но въ то-же время открываетъ широкій путь для вѣдѣтельности церковнаго авторитета въ государственную жизнь, ибо исправлять на лучшее царскіе скипетры совѣтами премудрѣйшими, согласно толкованію Максима Грека ³⁾, считали своею обязанностью и представители духовной власти, и въ этомъ отношеніи нельзя было указать предѣла ихъ вѣдѣтельности въ «устроеніе вещей подручныхъ».

Итакъ соупростная дѣятельность двухъ началъ не только могла дать каждому изъ нихъ поодѣ къ вѣдѣтельству въ сферу компетенціи другаго, но и привести къ преобладанію одного надъ другимъ въ зависимости отъ условій дѣятельной жизни.

Среди духовенства довольно рано наблюдается стремленіе замкнуться въ извѣстныхъ сферахъ своей компетенціи отъ вѣдѣтельства органовъ государственной власти. Представляется особенно любопытнымъ, что указанное стремленіе проявляется прежде всего

¹⁾ Р. И. Б., VI, № 16, II.

²⁾ Просвѣтитель, глава 13, стр. 536: «также глаголетъ Св. Григоріе Акаганскій въ своихъ правильныхъ заповѣдяхъ: велико убо есть въ человѣчѣхъ дарованіе божіе свыше данно: челоуѣколюбие—священничество-же и царство: ово убо божественныхъ служба, овоже челоуѣческими обладаа некійся».

³⁾ Вотъ его толкованіе: «священство и царство—два величайшихъ блага—дарованы челоуѣкомъ отъ вышнихъ божественная благости: ово бо молитвами преподобными и чистыхъ рукъ воздѣланіемъ, умоляючи всегда Владыку всѣхъ о нашихъ согрѣшеніяхъ, милосерда и удобъ примирена съ нами сотвораетъ его; ово-же солѣты премудрѣйшими и вселескими устроеніи и смотрѣніи, владычески купно и отечески промышляючи о подручныхъ, исправляетъ всегда царскія скипетры на лучшее. Велико убо и истину блага и обоя, егда сама та къ себѣ благоугодно другъ къ другу согласуета и къ сакому Вышнему благопокорно прижезаета, соблюдающе твердѣ спасительныя заповѣди его и оправданія, и по нихъ отеческа купѣ и владычески реши подручныхъ устрояюще.» Сочиненія, ч. II, стр. 162—163; см. также стр. 291—297.

относительно дѣлъ, по характеру своему совершенно свѣтскихъ: духовенство стремится обезпечить за собой дарованныя ему финансовыя и судебныя привилегіи ¹⁾).

Это тѣмъ болѣе любопытно, что ничего подобнаго не замѣчается въ такихъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто вѣдущее вліяніе свѣтской власти въ дѣла чисто церковнаго характера, напр., въ дѣла о поставленіи на церковно-іерархическія должности. Княжескія правительства усвоили себѣ въ этой сферѣ довольно значительную степень вліянія, и представители церкви не возражали противъ такой практики довольно долгое время.

Въ противность каноническимъ правиламъ князья присвоили право не только избирать кандидатовъ на епископскую кафедру, но и удалять неугодныхъ имъ епископовъ ²⁾. Этого мало. Княжескія правительства приобретаютъ серьезное вліяніе и на поставленіе митрополитовъ. Кромѣ митрополитовъ Иларіона и Климентя, поставленныхъ на Русь соборомъ епископовъ по приказанію князей, нѣкоторые изъ митрополитовъ поставляются въ Константинополѣ по указанію и просьбѣ изъ Руси. Московскій-же великій князь проявляетъ значительную долю энергіи въ проведеніе своихъ кандидатовъ, какъ это имѣло мѣсто послѣ смерти митр. Алексѣя.

Когда-же русская церковь, вопреки волѣ константинопольскаго патріарха, получила автокефальность политическими мѣрами московскаго правительства, а государь всея Руси, по традиціямъ византийской императорской власти явился въ новой роли «царя православію», то преобладаніе государственнаго авторитета надъ церковнымъ съ этихъ поръ было вполне упрочено: митрополитъ московскій и всея Руси становится въ подчиненное положеніе отъ государя всея Руси.

¹⁾ Кромѣ церковныхъ уставовъ и другихъ имущественныхъ привилегій, смотр. объ этомъ: грамоты патріарховъ Германа 1228 г. и Нила 1382 г., Р. И. В., VI, стр. 82—84; № 23, стр. 203; посланіе владимірскаго епископа XIII в., тамъ же, № 9; Макарій, Ист. церкви, V, стр. 391—393. Правило соблюдающихъ церкви божья и священныя власти ихъ, Р. И. В., VI, № 15; Повг. Синод. Лѣт., изд. 1888 г., стр. 451—452. На это грозное правило ссылались въ своихъ посланіяхъ митр. Филиппъ, архіеп. погород. Гениадій, Іосифъ Волоцкій и старецъ Епифаній Псковскаго Елеазарова монастыря, Р. И. В., VI, стр. 720 и 757; Собр. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 234; Ж. М. Н. Пр. 1882 г., Іюнь, стр. 212—213. На него указано также въ отиѣтѣ отцовъ собора 1503 г., и въ Стоглавѣ, проф. Павловъ, Ист. очеркъ секуляризаціи церк. земель, стр. 41—47; Стоглавъ, гл. 56, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 267—268. Какъ исполненіе этого правила см. акаосматствованіе погородскаго синодика 1503 г., проф. Павловъ, назв. соч., стр. 51, прим. 1 и 2. Ср. еще назиданіе спасителя ханскихъ ярлыковъ, Вивліон., изд. 2, т. VI, стр. 20; Григорій, О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, стр. 28—29.

²⁾ Соловьевъ, III, изд. 5, стр. 62—64; Макарій, III, изд. 2, стр. 244—246, 248—250; проф. Голубинскій, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 310—312, 455—456.

Это выразилось больше всего при избрании и поставлении митрополитов, ибо выбор кандидатов въ митрополиты зависѣлъ отъ усмотрѣнія и согласія государя. Последний-же указывалъ, конечно, только удобныхъ себѣ кандидатовъ. Но московскіе государи не довольствуются своимъ фактическимъ преимуществомъ и спѣшатъ оформить столь выгодный для нихъ порядокъ. Въ чинъ поставленія митр. Симона введена была обрядность, которая должна была наглядно показать, что митрополитъ заимствуетъ свою власть отъ государя. Великій князь при поставленіи Симона вручилъ ему митрополитичій жезлъ, символъ пастьерской власти, и произнесъ слѣдующія слова: «Всемогущая и животворящая св. Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подастъ тебѣ сій святыи великій престолъ архіерейства, митрополию всея Руси... и жезлъ пастьерства, отче, восприми... и вози Бога о насъ и о всемъ православіи»...¹⁾ Усвоивъ себѣ мысль, что Св. Троица даруетъ власть представителю церкви чрезъ посредство власти государственной, московскіе государи пошли и дальше; они иногда совершенно устранили даже формальность избрания митрополитовъ соборомъ духовенства²⁾. Повидимому такихъ образомъ и были избраны митрополиты Варлаамъ³⁾, Даниилъ, Филиппъ, и Кириллъ⁴⁾.

Вѣстѣ етъ тѣмъ московскіе государи обезпечили за собою и участіе въ избраніи епископовъ. По чину поставленія епископовъ постановляемый въ своемъ исполненіи отмѣчать, что онъ поставленъ митрополитомъ въ церкви Успенія Богородицы и у гроба св. Петра «и по повелѣнію государя»⁵⁾.

¹⁾ П. С. Л., VI, 39; VIII, 230. Тотъ-же обрядъ почти дословно повторенъ и при поставленіи митрополитовъ Иосафа и Ананія, А. А. Э., т. I, стр. 159; Р. И. В., III, Алекс.-Невск. гл., стр. 217. Очевидно онъ повторился во многихъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто торжественное поставленіе на митрополию, и введенъ въ чинъ поставленія митрополита, составленный при Грозномъ, А. А. Э., т. I, № 261.

²⁾ Герберштейнъ пишетъ, что «иногда митрополитъ и архіепископы были избираемы на соборѣ изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: искали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа слятой жизни и избирали его. Про пылѣвшіаго-же князя (Василія III) говорятъ, что онъ обыкновенно приволакаетъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ и изъ нихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію. Записки о Москвитинѣ, пер. Анонимова, стр. 44.

³⁾ Про него сказано, что онъ былъ возведенъ на митрополитъ дворъ и нареченъ митрополитомъ всея Руси, и что на поставленіи его были такіе-то епископы, причемъ епископъ перскій прислалъ не повольную грамоту на избраніе, а «грамоту единаго совѣтнику достоинству поставленія его». П. С. Л., VI, 252.

⁴⁾ Макарий, Ист. русск. церкви, VI, стр. 166, 294—298 и 307.

⁵⁾ А. А. Э., т. I, стр. 471. Для примѣра можно указать, что митр. Макарій былъ поставленъ новгородскимъ архіепископомъ рукоположеніемъ митр.

показать, что на такую высоту подобает взойти только отрасли царскаго древа ¹⁾). Авторъ говоритъ, что «естествомъ убо тѣлеснымъ равенъ человекѣмъ царь есть, а властію же достоинства приличенъ Богу, нже надо всѣмъ; не имать бо высочайши себѣ на земли»... и «непреступникъ есть человекѣмъ высоты ради земнаго царствія». Въ силу дарованнаго отъ Бога «поспѣшенія» царь долженъ заботиться о людяхъ, «да припсѣиваютъ убо во благихъ и не претыкаются во злыхъ». При исполненіи этой божественной миссіи царь дѣйствуетъ единолично, такъ какъ «Богъ не требуетъ ни отъ кого-же помощи, царь же отъ единого Бога» ²⁾).

Приведенная вслѣдъ за этимъ похвала великому князю называется, насколько онъ, по мнѣнію автора, отвѣчаетъ требованіямъ доктрины. Василии Ивановича авторъ называетъ «русскихъ бѣлыхъ царемъ, самодержцемъ всея Руси», славнымъ и благороднымъ, происходящимъ отъ славнаго и благороднаго бѣлаго русскаго царя и богомудрыя матери римлянина «также отъ корени царска». Отсюда авторъ выводитъ, что Василий III есть «царемъ царь истовый», всему народу «о благочестіи твердый поборникъ», а патріархатъ и освященному собору «благоразумный согласникъ», заботящійся объ утвержденіи правды въ людяхъ и отгоняющій крѣпко потоки беззаконія, «да не погрязнетъ корабль великаго его державства въ волнахъ безчестія» ³⁾).

Изъ числа послѣдователей Іосифа слѣдуетъ еще упомянуть новгородскаго архіепископа *Феодосія*. Въ своихъ посланіяхъ къ великому князю и царю, написанныхъ по разнымъ поводамъ, онъ

¹⁾ Нѣсколько раньше авторъ рассказываетъ, что дальніе иноки, отшельники и возные подвижники пришли поклониться младенцу и сказали, между прочимъ, вел. князю: «убо спасъ ты есть Богъ помазаннаго своего и приготи съѣсти отъ чреслъ своихъ на престолѣ твоємъ». Ст. кн., II, 210.

²⁾ Указанный сборн., г. 13 и слѣд.; Степ. кн., II, стр. 212. Нѣкоторые мѣста этого похвальнаго слова оказываются дословно заимствованными извѣстнымъ авторомъ изъ наказательныхъ главизнъ царя Василия сыну Льву, весьма распространенныхъ въ рукописныхъ сборникахъ XVI и даже XV в. См. напр. Сборн. Савва-Сторожевскаго монастыря № 5 (копія съ котораго авторъ имѣлъ возможность пользоваться, благодаря любезности С. Ѳ. Платова) в Сб. Публич. Библ. Q I, № 225, г. 414, главы 49 и 66. Ср. Хр. Ломарова, О чинѣ вѣнчанія русскихъ царей, Ж. М. Н. Пр. 1887, октябрь, стр. 318. Въ XV в. былъ извѣстенъ и переводъ источника «наказательныхъ главизнъ», именно главъ дьякона Агапіта, представленныхъ импер. Юстиніану, подъ заглавіемъ: «поученіе благаго царства сеже и къ болярѣмъ, и къ епископѣмъ и къ пугменѣмъ, зѣло есть и червѣцѣмъ. Чести всякія приныше имѣй санъ царю. Чести паче всего сему ты сподобившаго Бога» и проч. Оп. ркп. Синод. Библ., отд. II, т. 2, № 202, стр. 622 Этии-же источниками пользовались и другіе русскіе публицисты, какъ это будетъ видно ниже.

³⁾ Сб., г. 2 и 13 об.; Ст. кн., II, 212.

не разъ возвращается къ темъ о высотѣ царскаго сана. Такъ въ посланіи о прекращеніи въ Новгородѣ различныхъ безчинствъ Θεодосій ссылается на то, что «государю, по подобію небесныхъ власти, далъ есть небесный Царь скипетръ земнаго царствія силы», чтобы научить людей хранить правду и отгонять «еже на ны бѣсовское желаніе». Какъ корячій всегда бодрствуетъ, такъ и царскій укъ долженъ твердо сдерживать правила добраго закона, «нѣсущая крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ полнами смущенія». Это только возможно для государя, такъ какъ, указываетъ Θεодосій великому князю, «царское твое остроуміе большу имать всѣхъ силу изряднѣ управити благое твое царствіе, и страшенъ буденни сана ради власти царскіе и запретиши не на злобу обращаться, но на благочестіе». По скольку царь «сплою превышше чѣхъ» есть, постольку онъ обязанъ отличаться дѣлами¹⁾. Въ другой разъ, благословляя великаго князя предпринять походъ противъ Казани, Θεодосій высказываетъ ему слѣдующее пожеланіе: «ваприимъ, и спѣи, и царствуй истинны ради и кротости и правды, и наставитъ чюдно десница твоя престолъ твой правдою и кротостію и судоу истинныхъ спершено есть, и жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона» и проч., и слѣдъ за этимъ приводитъ извѣстное мѣсто о поставленіи царей²⁾.

Но безспорно самое выдающееся мѣсто по своему значенію въ числѣ послѣдователей Іосифа занимаетъ митр. Макарій. Не отличаясь энергіей Іосифа и будучи болѣе остороженъ въ выборѣ средствъ, чѣмъ митр. Даниилъ, онъ обладалъ, однако, необходимой дозою такта, чтобы удержаться на каюдерѣ въ смутные годы боярской олигархіи. Еще будучи новгородскимъ архіепископомъ и вѣроятно искорѣ послѣ назначенія своего туда, Макарій заявилъ себя строгимъ послѣдователемъ политическихъ воззрѣній Іосифа. Въ посланіи къ великому князю Василію Ивановичу объ учрежденіи общаго житія нѣ новгородскихъ монастырей онъ дословно повторилъ слова Іосифа изъ посланія къ тому же князю о значеніи и обязанностяхъ царя, также уиодобивъ его равноапостольному царю Константину³⁾. Ивану Грозному митр. Макарій также не разъ ука-

¹⁾ Д. къ А. И., т. I, № 41.

²⁾ «Азъ воздвигашъ тя съ правдою царя, и прияхъ тя за руку, и укрѣпихъ тя, да послушають тебе языцы, и крѣпость царемъ разрушу, отворю двери» и проч. Тамъ-же, № 37, II.

³⁾ Д. къ А. И., т. I, № 28. Ср. прим. 3 на стр. 97 и слѣд. Арх. Макарія, какъ видно изъ сравненія, за самыми незначительными замѣнами въ первой части своего посланія переписавъ первую половину посланія Іосифа. Значить послѣдователи Іосифа были подъ руками сочиненія своего учителя.

зывать на высоту его сана и лежащих на немъ обязанностей согласно съ духомъ Юсифлянской доктрины ¹⁾).

При немъ теорія православнаго царства завершилась принятіемъ царскаго титула Иваномъ IV. По дѣтописнымъ извѣстіямъ молодой государь сначала совѣщался объ этомъ съ митрополитомъ, потомъ митрополитъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, въ томъ числѣ опальныхъ, и всѣ они вмѣстѣ отправились къ великому князю. На этомъ совѣщаніи было рѣшено принятіе царскаго титула ²⁾. Кому первому принадлежитъ инициатива этого дѣла: молодому великому князю или кому-либо изъ болѣе опытныхъ приближенныхъ? Въ числѣ послѣднихъ на это болѣе всего былъ способенъ митр. Макарій.

Къ предстоящему обряду въичанія надлежало изготопить «чинъ». Подобный чинъ уже былъ составленъ раньше, при въичаніи внука Ивана III—Димитрія; но и въ этотъ разъ не воспользовались, а, взявъ его за образецъ, значительно распространили ³⁾. Весьма важной особенностью новаго чина явилось обстоятельное поученіе митрополита нововъичанному царю. Какъ переработка чина, такъ и составленіе поученія, вѣроятно все, принадлежатъ митр. Макарію. Недавно указано, что средняя часть этого поученія цѣлкомъ заимствована изъ византійскаго источника, именно изъ поученія императора Василия сыну Льву ⁴⁾. Въ первой-же части поученія находится мѣсто, гдѣ говорится о высотѣ царскаго достоинства, и которое цѣлкомъ заимствовано изъ посланія Іосифа Волоцкаго къ вел. князю Василию объ искорененіи ереси ⁵⁾. Этими

¹⁾ Такъ въ извѣстномъ посланіи Грозному во время похода подъ Казань митр. Макарій выражаетъ желаніе, чтобы на благочестивомъ царѣ сбылось пророческое слово—«азъ воздвигахъ тя съ правдою царя и проч.; «се твердое и крѣпкое и честное царство, пишеть митрополитъ; да дастъ Господь въ руки твои и сыновомъ сыновъ твоихъ въ родъ и родъ и въ вѣки». Никон. Лѣт., VII, 137; Царств. кн., стр. 245. Главной обязанностью царствующаго митр. Макарій также полагаетъ охрану благочестія. Онъ поучаетъ Грознаго: «тебѣ подобаетъ, царю, на Бога упованіе положить, подвизатися на благочестіе, за порученную тебѣ отъ Бога паству..., да не расхитить безбожии владычъ порученныхъ тебѣ овецъ»; или въ другой разъ онъ пишеть царю: «подвизатися вамъ за свою святую вѣру христіанскую греческаго закона, иже во всей поднебесной, яко же солнце сіяше православіе во области и держахъ вашего царскаго отечества и дѣдства и приидѣства». Никон. Лѣт. VII, 74 и 132; Царств. кн., стр. 163 и 239; А. И. т. I, № 160.

²⁾ Царств. кн., стр. 126—129.

³⁾ Чинъ поставленія на великое княжество Димитрія изданъ въ С. Г. и Д. II, стр. 27—29; Лѣт. занятій Арх. Комм., вып. III, прил., стр. 3—16 (по 2-му списку), и Е. Барсовымъ въ статьѣ: Древнерусскіе памятники въичанія царей на царство, Чт. Общ. Ист. и Древн. 1883 г., кн. I, стр. 32—39.

⁴⁾ Ар. Лопаревъ, О чинѣ въичанія русскихъ царей. ЖК. М. И. Пр. 1887, окт., стр. 312—319.

⁵⁾ ... «Глаголетъ-бо Господь пророкомъ: «азъ воздвигахъ ти съ правдою царя и приихъ тя за руку и укрѣпихъ тя; сего ради слышите, царіе (и

посланиемъ воспользовался уже разъ истр. Макарій, будучи новгородскимъ архіепископомъ. Теперь онъ воспользовался имъ вторично, внося указанное мѣсто въ поученіе по чину вѣчанія и этимъ придаетъ официальный характеръ доктринѣ теократическаго абсолютизма, такъ какъ чинъ вѣчанія, а особенно поученіе сохранились очень долгое время безъ всякихъ измѣненій ¹⁾).

Какое широкое распространеніе среди православнаго духовенства получили эти успешныя русскою письменностью ветхозавѣтныя и византійскія доктрины, можно видѣть хотя-бы изъ того, что онѣ дословно-повторяются даже въ челобитной Львовскаго Братства царю Федору Ивановичу 1592 г., написанной рукою Терновскаго истр. Діонисія ²⁾.

Въ ряду писателей іосифлянскаго направления нѣсколько обособленное положеніе занимаетъ инокъ Отенской новгородской пустыни Зиновій (†1558). Сначала онъ былъ ученикомъ Максима Грека и почитателемъ, и за то пострадалъ нѣмало съ своимъ учителемъ,

князя), и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ и сила отъ Вышняго; васъ бо Господь Богъ къ себѣ мѣсто избра на земли, и на свой престолъ вавесь посади, милость и животъ положи у васъ, и проч., кончая словами: «не давати воля злоторящимъ человекомъ ниже душу съ тѣломъ погубляющимъ». Д. къ А. И., т. I, № 39, стр. 49; *Е. Марсовъ*, извѣст. соч., стр. 57—58. Ср. выше, прим. 3 на стр. 97 и слѣд.

¹⁾ См. чинъ вѣчанія Фед. Ив., С. Г. и Д., II, стр. 80 и слѣд.; Гориса Годунова, Д. къ А. И. ч. I, стр. 245; Мих. Фед., С. Г. и Д. III, стр. 32. Только по чину поставленія на великое княженіе, напечатанному въ Вильно, соотвѣтственное мѣсто поученія допозисно изобопытными вставками, направленными противъ нечестивыхъ царей, а именно послѣ словъ «яко слуги Божіи есте» слѣдуетъ: «почто не храните закона, ни по совѣту Вышняго ходите и азата ради погубляете истину»; послѣ словъ «правленіе чело-вѣческаго рода» добавлено: «всякъ бо правдивый князь ангельскій и священническій имать чинъ, а именуя несправедно на слуги, самъ себе (слугу) сатанъ сотворяетъ... Сего ради страшна и сильна идетъ на васъ погибель, яко гнѣвъ отъ Господа приидеть, сильнѣи бо сильнѣе отъ Бога испытани будуть». Вивл. VII, стр. 22 и слѣд. Слова эти также могли быть повлечены у Іосифа. См. выше, стр. 95 и прим. 2 на стр. 100. Сомнительно, однако, чтобы подобныя слова прозвучали въ то время вѣчанія. Скорѣе можно думать, что ихъ вставлялъ въ чинъ вѣчанія какой-то недовольный современными порядками «писатель».

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 34 I. Братство повторяетъ здѣсь указанныя мѣста изъ поученія царя Паскаія сыну Льву и изъ посланій Іосифа Волоцкаго. Въ челобитной говорится: «чести всякая превыше имя—достояніе царю; почитаеши бо насъ всѣхъ сіе тебѣ даровавшего Бога, яко и по добію и небеснаго царствія даде тебѣ скипетръ земаго властительства, да якоже небесный царь Богъ на небеси, сице и ты тихообразный челоукомъ милуеши на земли и учини сихъ бжюсти праведная многободруствующимъ уинымъ царскимъ твоимъ окомъ, крѣпко управляи ихъ на благія пожити. Неприкосновенъ бо еси челоукомъ высоты ради дальнаго царствія, благопреступенъ-же молящися бываеши восприятіа ради горячаго... И немного ниже повторяется извѣстное мѣсто Іосифа о высотѣ царскаго сана: «Существомъ убо тѣлесомъ равенъ еси челоукомъ, о! дарю, достоиенъ-же престолю иже вселенскій».

будучи сосланъ въ заточеніе въ Оутенскій монастырь. Здѣсь онъ написалъ два обширныхъ сочиненія въ опроверженіе ереси Θεοδοσία Косого ¹⁾ и въ этихъ сочиненіяхъ значительно отступилъ отъ направленія Максима Грека, сблизился съ школой Іосифа Володскаго и даже пользовался «Просвѣтителемъ» Іосифа. Между прочимъ, онъ защищалъ современное монашество и потчивый бытъ монастырей, спорилъ съ своимъ учителемъ и упрекнулъ инока Вассіана за образъ его жизни ²⁾.

Въ своихъ возраженіяхъ послѣдователямъ Косого Зиновій касался и вопроса объ установленіи властей, такъ-какъ Косой утверждалъ, что всякія власти, какъ государственныя, такъ и церковныя, не находятъ оправданія въ божественномъ писаніи и должны считаться явленіями разпращеннаго человѣческаго преданія ³⁾. Въ опроверженіе этого ученія Зиновій старается указать основы богоустроенности властей и обязательность ихъ почитанія на основаніи евангелія и апостольскаго ученія. При этомъ онъ ссылается на повелѣніе Христа воздѣлать «царевая царевнѣ» и на извѣстное наставленіе апостола Павла о повиновеніи властямъ ⁴⁾. Кромя того, въ выпискѣ изъ бесѣды І. Златоустаго къ Антиохійскому народу по поводу сверженія императорскихъ статуи Зиновій привелъ и слова его о царской власти: «царь бо есть перхъ и глава иже на земли человѣкомъ всѣмъ». ⁵⁾

Въ другомъ мѣстѣ, доказывая авторитетность Божественныхъ словъ, Зиновій касается и авторитетности словъ государя. «Царевъ глаголетъ, говоритъ онъ, яковъ же будетъ, негѣно мѣти празденъ». Хотя царь и человѣкъ, какъ и всѣ люди, «царствія же достояніе иже точію», но люди не должны считать празднымъ его слово. «Коліко же разиствуеъ Богъ, восклицаетъ авторъ, отъ человѣка царя?!» ⁶⁾ Нельзя, однако, выводить отсюда, что Зиновій не раздѣлялъ изглаголь Іосифа на высоту царскаго сана. Признаніе въ царѣ: человѣческаго естества встрѣчается и у Іосифа. Но царское достояніе и по Зиновію выдѣляло человѣка-царя изъ ряда людей, какъ это видно изъ его словъ о почитаніи царскихъ изображеній.

¹⁾ Истинны показаніе къ вопрошавшимъ о новомъ ученіи, изд. ред. Прав. Соб. Каз. 1863 г., и «Посланіе Многословное», изд. Ам. Поповичъ въ Чт. Общ. Ист. и древн. 1880 г. кн. 2, п. отдѣльно.

²⁾ И. Зиновскій, Руководство къ русск. церк. исторіи, Каз. 1886 г. стр. 155—156; Истинны показаніе, стр. 887—901; Фларетъ (Гумилевскій), Обз. русск. дух. лит., изд. 3, стр. 158.

³⁾ Объ этомъ см. ниже, глава VII.

⁴⁾ Къ римл. VIII, 1—8; Посланіе многословное, стр. 220 и слѣд. и 285.

⁵⁾ Посланіе многословное, стр. 84.

⁶⁾ Истинны показаніе, стр. 83—84.

Защищая отъ нападокъ Косого почитаніе иконъ, Зиновій приводитъ на основаніи византійскихъ источниковъ любопытную параллель почитанія царскихъ статуй и портретовъ или, какъ онъ выражался, царскихъ иконъ¹⁾. Онъ рассказываетъ, что когда вносятся въ города царскіи образы, то не только простые земледѣльцы и ремесленники, но и юнны, городскіе старѣйшины, честиѣйшіе сановники, воеводы и синклиты встрѣчаютъ его съ великою честью и поклоняются царскому образу какъ самому царю, такъ-какъ «есть образъ царевъ честиѣйши всего синклита его, и воеводъ и сенатъ, и патрикіевъ, вси бо тѣи поклоняются образу цареву и мноюу честью изъ усрѣтеніе его, яко и самого царя, и тѣмъ показующе почитаніе къ царю и возлюбленіе свое къ нему»²⁾. Зиновій оправдываетъ такое почитаніе царскихъ изображеній ссылкой на то, что «сей почестіи царскихъ образовъ нѣсть видѣти отъ отецъ негодоуанія, ниже отъ апостолъ, ни отъ самого Господа», который училъ почитать кесарю кесареву; почитаніе же цареной иконы показывается «благоуміе и покореніе къ царю и пріятельство». Если же граждане презрять образъ царевъ и не выдадутъ ему достойной чести, то «самого царя въ иконѣ его преобидяху и на ярость его раздражаху». Въ подтвержденіе этого авторъ приводитъ случаи, имѣвшіи мѣсто при царѣ Θεодосіи изъ Антиохіи, гдѣ хульники свергли изображенія царей³⁾.

Наибольшій интересъ и оригинальность представляютъ, однако, тѣ мѣста сочиненія Зиновія, гдѣ онъ оспариваетъ мысль Косого, что земныя пласти являются учрежденіями разпращеннаго человѣческаго преданія. Косой ссылался въ подтвержденіе на послѣднюю книгу Василія Великаго. Авторитетомъ этого послѣдняго пользуется и Зиновій для опроверженія мнѣнія Косого. Сославшись на слова Василія В. о томъ, что въ небытность царя во Израилѣ каждый творилъ «иже предъ очима своими», Зиновій комментируетъ ихъ такъ: «реки не согласіе воспоминаютъ безцарныхъ людей и мятеть бывающій въ нихъ, занеже не имати владыки нѣтъ, коемуждо человеку творящу по очима своимъ», т. е. по собственному усмотрѣнію. Отъ этого происходитъ, говоритъ Зиновій, некое

¹⁾ Истинны показаніе, стр. 310: «царю егда на царскій престолъ возведшу и царскихъ вѣнцемъ ему увенчану, образъ подобенъ ему хитрецы сотворяють, рече икоу его».

²⁾ Нѣсколько дальше снова повторяется та же мысль: «яко человека царя образъ честиѣйши нѣтъъ престоу снговъ сущихъ у него». Тамъ же, стр. 283—284.

³⁾ Тамъ же, стр. 311 и слѣд. О почитаніи царскихъ изображеній говоритъ и Іосифъ: «Аще убо кто обесчеститъ образъ царевъ, главною казнію мучится», Просвѣтитель, стр. 819.

нестроение и хлябь и разрушеніе земель и царствъ, а не отъ согласія, «сеже не устроению и во общую пользу и крѣпость», отъ чего во всѣхъ царствѣхъ бываетъ покой, тишина и наслажденіе благой жизнью ¹⁾. Далѣе Зиновій приводитъ воднивыя слова Василія В., утверждавшаго, что благочиніе и согласіе происходятъ отъ признанія всѣмъ одного представителя власти, тогда какъ раздоръ и несогласіе происходятъ отъ безначальства или многоначальства ²⁾. Зиновій поясняетъ, что въ жизни до тѣхъ поръ соблюдаются порядокъ и миръ, пока «добрі: покоряются: иже въ дому господину, въ пути предводящему, во области князю, въ царствѣ царю»; что единоначаліе—добро и полезно, безначаліе и многоначаліе—зло и пакостно; что пока всѣ вѣстї: взирають и покоряются единому началу, до тѣхъ поръ все идетъ хорошо, «не сущу прекословію и распрѣнію»; когда-же прошикнетъ прекословіе, то тутъ-же появится и распрѣ, а гдѣ распрѣ—тутъ и непокореніе, а гдѣ непокореніе—тамъ «отъ начальствующаго отхоженіе есть» и т. д. Прихитивъ такого рода выводы къ ученію Косого, Зиновій жестоко укоряетъ его и его послѣдователей за ихъ политическій и общественный ингилизмъ: вы возикнѣте, говоритъ онъ, на всѣхъ властей, ученики Божіи, не любите Божіи поставленныхъ царскихъ и святительскихъ чиновначальниковъ, не желаете быть во власти господъ и получать наставленія отъ духовныхъ пастырей и учителей, «лукаві глаголюще и безбожїи, яко нѣсть тѣбѣ быти начальствомъ въ христіанствѣ». Скажите-же, для чего избѣгаете «начальникъ владычества», какъ не для того, чтобы свободію творить всякую злобу и предуготовлять сюмъ учениемъ путь антихристу, «не имуще надстоящихъ и зрящихъ лукавая дѣлїя ваша и безбожная словеса, да въ всѣхъ волн своей все зло сдѣете» ³⁾.

Смысль этого заключенія сводится къ тому, что предстоящїи власти должны воспрещать лукавыя дѣла и безбожныя словеса путемъ примѣненія наказаній къ злоторящимъ.

Карающая роль власти особенно выдвигается древне-русскими публицистами, хотя часто приводимое въ ихъ сочиненїяхъ апостольское наставленіе о почитанїи властей учить покоряться властямъ не

¹⁾ Истинны показаніе, стр. 575 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 585: «...множества благочиніе и согласіе дотоѣ неправлено, дондеже къ единому нѣкому начальнику держится общее всѣхъ благопокореніе; всяко же несогласіе и разстоеніе на многоначальство отъ безначальства сѣтворяемо». Тамъ же, стр. 589: «аще бо иже къ единому (иже) бзодущимъ (и) царя приемлющимъ единого свойственно есть благочиніе съ согласіемъ; убо несогласіе всяко и разстоеніе знаменіе есть безначальства».

³⁾ Посланіе многословное, стр. 281.

только за страхъ, но и за совѣсть. Іосифъ волоцкій, истр. Даніилъ и ихъ послѣдователи придаютъ исключительное значеніе страху наказанія въ дѣлѣ устроенія мира и порядка не только въ государствѣ, но и въ сферѣ церкви. Къ этому-же сводится и смыслъ комментаріевъ Зноніа.

Очень рельефно выражена эта теорія устрашенія и неизвѣстнымъ авторомъ «слова св. отца, какъ христіаномъ жити». Въ словѣ, отъ имени св. отца, преподается градскимъ властямъ повелѣніе—творящихъ зло «въ конечныя влагати муки, градскимъ казнити закономъ, а не щадити злыхъ, да ся накажутъ и останутъ дѣяти злая.» Оправданіемъ такого повелѣнія служитъ, по мнѣнію автора слова, основное назначеніе всякой власти: «властели бо отъ Бога устроени, по указанію слова, человекъ ради не творящихъ закона Божіа, да страхъ видѣвъши казнь и Бога убоятся» ¹⁾. Подобное-же мировоззрѣніе лежитъ и въ основѣ взгляда всей іосифлянскои школы о преслѣдованіи и казни еретиковъ. Карающій мечъ является главнѣйшимъ атрибутомъ государственной власти.

Но іосифлянская политическая доктрина нашла себѣ у писателей той-же школы серьезное ограниченіе съ точки зрѣнія отношеній между авторитетами духовныхъ и свѣтскихъ ²⁾.

Исторія этихъ отношеній въ древней Руси характеризуется постепеннымъ подчиненіемъ церковнаго авторитета государственному даже въ періодъ подчиненія русской церкви константинопольскому патріарху. Тѣмъ большая степень подчиненія наблюдается при постепенномъ возростаніи политическаго авторитета и все болѣе усиливашеся вліяніи ево въ дѣла церковнаго управленія, особенно въ дѣло избранія высшаго представителя духовной іерархіи.

Экономическая зависимость церковной іерархіи отъ государства является главнѣйшей причиной такого склада отношеній. Культурныя традиціи Византіи лишь способствовали окончательному опредѣленію въ указанномъ смыслѣ разннвающнхся отношеній, такъ какъ и въ Византіи церковный авторитетъ находился въ подчиненіи императорской власти, не смотря на теоретическія попытки поставить его въ равноправное и даже преимущественное положеніе.

¹⁾ Правосл. Соб. 1859 г., № 4, стр. 473—477.

²⁾ Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, авторъ считаетъ необходимымъ отнѣяться лишь на нѣкоторыя черты изъ отношеній между церковью и государствомъ въ древней Руси.

Для опредѣленія отношеній русской митрополіи къ кияжеской власти прежде всего могли послужить соотвѣтственныя нормы византійскаго права. Заимствуя изъ Византіи сборники церковныхъ правилъ и государственныхъ постановленій, представители русскаго духовенства довольно рано стали руководствоваться и повелѣніемъ императора Юстиніана о священствѣ и царствѣ, которая вошла въ *номоканонъ* Іоанна Схоластика, откуда и перешла въ наши *коричія* подъ заглавіемъ: «Заповѣдь первая отъ новыхъ заповѣдей Юстиніана царя». Устанавливая этою заповѣдью раздѣльность компетенціи при единствѣ дѣйствія церковной и государственной власти, съ спеціальнымъ указаніемъ, что ничто такъ не способствуетъ царству, «яко же святительская честь»,—вотъ тотъ идеалъ, какой перенесенъ былъ изъ Византіи на Русь.¹⁾ Заповѣдь царя Юстиніана получила широкое распространеніе въ русской письменности и не только вошла въ *коричія*; на нее въ своихъ посланіяхъ и поученіяхъ ссылаются и публицисты-книжники; она занесена и въ *Столпъ*.²⁾

Но при неопредѣленности правилъ заповѣди ихъ можно было толковать различно, смотря по обстоятельствамъ. Такъ русскій *инокъ* Акиндинъ въ посланіи къ великому князю тверскому объ исправленіи еретическаго обычая (постановленія на издѣ) ссылается на эту заповѣдь.³⁾ Но эта ссылка имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, чтобы оправдать вмѣшательство князя въ церковный споръ: «такъ да будетъ тѣмъ и въ тебѣ, державный боголюбче, говорить автору посланія, еже святитель чистота и къ Богу дерзновеніе». Поэтому онъ указываетъ князю, что «повелѣно и ему не молчать о семъ святителемъ своимъ» и даже пишетъ: «или речени, господине, кривыхъ извѣтомъ: сами ся управятъ, како хотятъ, а язъ въ се не вступаюся.» Но такую уклончивость авторъ сѣшноты отразитъ замѣчаніемъ:

¹⁾ Заповѣдь Юстиніана читается такъ: «Великая паче всѣхъ, иже въ чело-вѣцехъ еста дара божія, отъ вышняго дарована челоуколюбіи божіе, священничество-же и царство: ово убо божественнымъ служба, семо челоуцескимъ владѣніи и пекііеся. Отъ единого же и того же начала обои происходять, челоуцеское украшающе житіе. Яко же ничто же тако бываеъ послѣднее царству сего ради, якоже святительская честь о обоихъ самѣхъ тѣхъ присно вси Богови молятеся. Аще бо они непорочны: будутъ во всехъ и къ Богу имутъ дерзновеніе и праведно и подобно украшати начнутъ предавша имъ грады и сущая подъ ними, будетъ согласіе нѣкое благо, все еже добро челоуцескѣмъ даруя живши. Сему быти вѣруемъ, аще священныхъ правилъ бдѣніе сохраняются» *Роскиканнѣ*, Обзоріе *коричей*, изд. 2, прил. VIII, стр. 23.

²⁾ Глава 62, стр. 279 по изд. Каз. Дух. Акад.

³⁾ «Святительство бо и царство, пишетъ онъ, съединеніемъ и безъ порока копиныя уставы твердо и неподвижно дозаянъ суть держати и творити: ово-бо божественнымъ служба, ово же челоуцескимъ обладаи; единымъ же началомъ вѣры и законамъ обои происходятъ, челоуцеское украшаеъ житіе.»

«царь еси, господине княже, въ своей земли; ты истязанъ и мѣши быти на страшииѣхъ судищи Христовѣ, аще сможшии интрополиту» ¹⁾. Итакъ нахѣреніе князя уклониться отъ вмѣшательства въ церковныя дѣла чисто догматическаго свойства инокъ Акиндинъ называетъ кривыхъ извѣстохъ и грозитъ отвѣтственностью за такое попустительство.

Іосифъ возонкій, желая доказать право государя казнить еретиковъ, ссылается на ту же заповѣдь, ²⁾ чтобы вывести изъ нея для «пріемшаго праніеи челоуѣческаго рода», т. е. государя, обязанность «все обладаемое отъ тленіи спасти и многогрѣховнаго смятеніа».

Съ другой стороны Максимъ Грекъ, возирающаяся нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ къ тому же вопросу объ отношеніи властей, хотя и истолковываетъ заповѣдь Юстиніана въ смыслѣ согласнаго дѣйствія обоихъ авторитетовъ, но въ то же время открываетъ широкій путь для вмѣшательства церковнаго авторитета въ государственную жизнь, ибо исправлять на лучшее царскіе скипетры совѣтами премудрѣйшими, согласно толкованію Максима Грека ³⁾, считали своею обязанностью и представители духовной власти, и въ этомъ отношеніи нельзя было указать предѣла ихъ вмѣшательству въ «устройство пещей подручныхъ».

Итакъ совѣстная дѣятельность двухъ началъ не только могла дать каждому изъ нихъ поводъ къ вмѣшательству въ сферу компетенціи другаго, но и привести къ преобладанію одного надъ другимъ въ зависимости отъ условій дѣятельной жизни.

Среди духовенства довольно рано наблюдается стремленіе замкнуться въ извѣстныхъ сферахъ своей компетенціи отъ вмѣшательства органовъ государственной власти. Представляется особенно любопытнымъ, что указанное стремленіе проявляется прежде всего

¹⁾ Р. И. Б., VI, № 16, II.

²⁾ Просвѣтитель, глава 13, стр. 536: «также глаголетъ Св. Григоріе Ароганскій въ своихъ правильныхъ заповѣдяхъ: велие убо есть въ челоуѣчѣхъ дарованіе божіе свыше данно челоуѣколюбне—священство же и царство: ово убо божественныхъ служба, овоже челоуѣческими обладаа пекіи».

³⁾ Вотъ его толкованіе: «священство и царство—два величайшихъ блага—дарованы челоуѣкомъ отъ вышнихъ божественныхъ благости: ово бо козѣнныи преподобными и чистыхъ рукъ воздѣланіемъ, умоляющи всегда Владыку всѣхъ о нашихъ согрѣшеніяхъ, милосерда и удобъ примиряема съ нами сотворять его; ово же соудъ премудрѣйшими и вселескими устроения и смотрѣніи, владычески купно и отечески промышляющи о подручныхъ, исправляеть всегда царскія скипетры на лучшее. Велиа убо и вистину блага и оboa, егда сама та къ себѣ благоуарно другъ къ другу согласуета и къ саому Вышнему благопокорно прижежаста, соблюдающе твердъ спасительныя заповѣди его и оправданія, и по нихъ отечески закупъ и владычески реши подручныхъ устрояюще.» Сочиненія, ч. II, стр. 162—163; см. также стр. 241—297.

относительно дѣлъ, по характеру своему совершенно свѣтскихъ: духовенство стремится обезпечить за собой дарованныя ему финансы и судебныя привилегіи ¹⁾).

Это тѣхъ болѣе любопытно, что ничего подобнаго не замѣчается въ такихъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла чисто церковнаго характера, напр., въ дѣла о поставленіи на церковно-іерархическія должности. Княжескія правительства успоили себя въ этой сферѣ довольно значительную степень вліянія, и представители церкви не возражали противъ такой практики довольно долгое время.

Въ противность каноническимъ правиламъ князья присвоили право не только избирать кандидатовъ на епископскую кафедру, но и удалять неугодныхъ имъ епископовъ ²⁾. Этого мало. Княжескія правительства пріобрѣтаютъ серьезное вліяніе и на поставленіе митрополитовъ. Кромѣ митрополитовъ Иларіона и Климентя, поставленныхъ на Русь соборомъ епископовъ по приказанію князей, нѣкоторые изъ митрополитовъ поставляются въ Константинополѣ по указанію и просьбѣ изъ Руси. Московскій-же великій князь проявляетъ значительную долю энергіи въ проведеніе своихъ кандидатовъ, какъ это имѣло мѣсто послѣ смерти митр. Алексѣя.

Когда-же русская церковь, вопреки воли константинопольскаго патріарха, получила автокефальность политическимъ мѣрами московскаго правительства, а государь всея Руси, по традиціямъ византийской императорской власти явился въ новой роли «царя прарославію», то преобладаніе государственнаго авторитета надъ церковнымъ съ этихъ поръ было вполне упрочено: митрополитъ московскій и всея Руси становится въ подчиненное положеніе отъ государя всея Руси.

¹⁾ Кромѣ церковныхъ уставовъ и другихъ имущественныхъ привилегій, смотр. объ этомъ: грамоты патріарховъ Германа 1228 г. и Нила 1382 г., Р. И. В., VI, стр. 82—84; № 23, стр. 203; посланіе владимірскаго епископа XIII в., такъ же, № 9; *Макарій*, Ист. церкви, V, стр. 391—393. Правило соблюдающихъ церкви божья и священныя власти ихъ, Р. И. В., VI, № 16; Повг. Синод. Лѣт., изд. 1888 г., стр. 451—452. На это грозное правило ссылались въ своихъ посланіяхъ митр. Филиппъ, архіеп. повгород. Гениадій, Іосифъ волоцкій и старецъ Филофей Псковскаго Елеазарова монастыря, Р. И. В., VI, стр. 720 и 757; Сборн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 231; Ж. М. Н. Пр. 1882 г., июнь, стр. 212—213. На него указано также въ отвѣтъ отцовъ собора 1503 г., и въ Стоглавѣ, проф. Павловъ, Ист. очеркъ секуляризаціи церк. земель, стр. 41—47; Стоглавъ, гл. 56, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 267—268. Какъ исполненіе этого правила см. акаосматствованіе повгородскаго синодика 1503 г., проф. Павловъ, назв. соч., стр. 51, прим. 1 и 2. Ср. еще назиданіе святаго ханскихъ ярыковъ, Вивліон., изд. 2. т. VI, стр. 26; *Григорьевъ*, О достовѣрности ханскихъ ярыковъ, стр. 28—29.

²⁾ *Соловьевъ*, III, изд. 5, стр. 62—64; *Макарій*, III, изд. 2, стр. 244—246, 248—250; проф. Голубинскій, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 310—312, 455—456.

Это выразилось болѣе всего при избраніи и поставленіи митрополитовъ, ибо выборъ кандидатовъ въ митрополиты зависѣлъ отъ усмотрѣнія и согласія государя. Послѣдній-же указывалъ, конечно, только угодныхъ себѣ кандидатовъ. Но московскіе государи не довольствуются своимъ фактическимъ преимуществомъ и спѣшатъ оформить столь выгодный для нихъ порядокъ. Въ чинъ поставленія митр. Симона введена была обрядность, которая должна была наглядно показать, что митрополитъ заимствуетъ свою власть отъ государя. Великій князь при поставленіи Симона вручилъ ему митрополитичій жезлъ, символъ пастырской власти, и произнесъ слѣдующія слова: «Всемогущая и животворящая св. Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сѣи святыи великій престолъ архіерейства, митрополию всея Руси... и жезлъ пастырства, отче, восприми... и вози Бога о насъ и о всемъ православнѣи...¹⁾ Усвоивъ себѣ мысль, что Св. Троица даруетъ власть представителю церкви чрезъ посредство власти государственной, московскіе государи пошли и дальше; они иногда совершенно устраняли даже формальность избранія митрополитовъ соборомъ духовенства²⁾. Повидимому такія образы и были избраны митрополиты Варлаамъ³⁾, Даниилъ, Филиппъ, и Кирилъ⁴⁾.

Вѣсткіе съ тѣмъ московскіе государи обезпечили за собою и участіе въ избраніи епископовъ. По чину поставленія епископовъ поставляемый въ своемъ исполненіи отмѣчалъ, что онъ поставленъ митрополитомъ въ церкви Успенія Богородицы и у гроба св. Петра «и по повелѣнію государя»⁵⁾.

¹⁾ П. С. Л., VI, 39; VIII, 230. Тотъ-же обрядъ почти дословно повторенъ и при поставленіи митрополитовъ Иоасафа и Аонасія, А. А. Э., т. I, стр. 159; Р. И. В., III, Алекс.-Невск. зѣт., стр. 217. Очевидно онъ повторился во всѣхъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто торжественное поставленіе на митрополию, и введенъ въ чинъ поставленія митрополита, составленный при Грозномъ, А. А. Э., т. I, № 261.

²⁾ Герберштейнъ пишетъ, что «иногда митрополитъ и архіепископы были избираемы на соборѣ изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: искали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа сълатой жизни и избирали его. Про пытливаго-же князя (Василія III) говорятъ, что онъ обыкновенно принималъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ и изъ нихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію. Записки о Московіи, пер. Аннинкова, стр. 44.

³⁾ Про него сказано, что онъ былъ возведенъ на митрополитъ дворъ и нареченъ митрополитомъ всея Руси, и что на поставленіи его были такіе-то епископы, причемъ епископъ перскій прислалъ не повольную грамоту на избраніе, а грамоту единственную и достойную поставленія его. П. С. Л., VI, 252.

⁴⁾ Макарий, Ист. русск. церкви, VI, стр. 166, 294—298 и 307.

⁵⁾ А. А. Э., т. I, стр. 471. Для примѣра можно указать, что митр. Макарій былъ поставленъ новгородскимъ архіепископомъ рукоположеніемъ митр.

Государь, однако, могъ ошибаться въ качествахъ указаннымъ кандидатамъ. Изъ-за этого въ иныхъ случаяхъ могли протечь болѣе или менѣе значительныя неудобства для дѣлѣй государственной политики. Устраненіе такихъ дѣятелей вызывалось въ такихъ случаяхъ соображеніями государственной пользы. И московскіе государи не останавливались передъ такой мѣрой. Еще Иванъ III пытался примѣнить эту мѣру къ митр. Геронтію. Последній въ 1484 г. по случаю болѣзни хотѣлъ оставить митрополию; но, выздоровѣвъ, измѣнилъ свое намѣреніе. «Князь - же великій не восхотѣ его.» Митр. Геронтіи былъ человѣкъ твердаго характера и не любилъ дѣлать уступки даже великому князю, съ которыми у него не одинъ разъ бывали столкновенія, неспріятныя для государя особенно потому, что ему приходилось добивать челоука митрополиту ¹⁾. Помянуто, почему великій не захотѣлъ имѣть его вновь на митрополіи. Но онъ «и неволею не остави митрополію». Ивану Васильевичу хотѣлось назначить митрополитомъ Палсія Ярославова; но когда послѣдній отказался, то великій князь призналъ пужнымъ еще разъ уступить Геронтію и снова возвелъ его на кафедрѣ ²⁾. Въ 1523 г. удаленъ былъ митр. Варлаамъ. Лѣтописи глухо говорятъ, что онъ оставилъ митрополию; но есть извѣстія, что немедленно за нимъ Варлаамъ былъ сосланъ на Белоозеро ³⁾. Надо думать, что отказъ былъ вынужденный. Извѣстны и еще случаи насильственнаго удаленія митрополитомъ. Такъ митр. Даниилъ былъ смѣщенъ съ кафедрѣ болгарскимъ правительствомъ, конечно, отъ имени государя. Грозный смѣстилъ митр. Филиппа хотя и на основаніи соборнаго приговора, но этотъ приговоръ былъ вынужденъ волею государя. Митрополитъ Діонисій оставилъ митрополию «по государевѣ воли царя и великаго князя Федора Ивановича» ⁴⁾.

Соотвѣтственно указаннымъ отношеніямъ, государь явился и высшей инстанціей по дѣламъ церковнаго управленія. Въ случаѣ возникающихъ пререканій съ митрополитомъ или съ кѣмъ-либо изъ епископовъ дѣло представлялось на усмотрѣніе государя, отъ котораго зависѣло дать тотъ или иной исходъ дѣлу. Иосифъ волоцкій приводитъ три случая такого рода, начиная съ княженія Василия

Даніила и собора и повелѣніемъ вседержавнаго государя. Про избраннаго въ 1562 волоцкимъ архіепископомъ Иосифа современникъ замѣтилъ, что «царь попусти его быти въ Полтескъ архіепископомъ». Повелѣніемъ государя и мабращеніемъ собора постановленъ былъ въ 1564 г. Германъ архіепископомъ казанскимъ. Р. И. В., III, Алекс.-Невск. лѣт., стр. 199, 176, 218—219.

¹⁾ П. С. Л., VI, 233 и 234.

²⁾ Тамъ-же, стр. 235.

³⁾ П. С. Л., VIII, 269; VI, 264; *Герберштейнъ*, перев. Анонимова, стр. 45.

⁴⁾ Новгород. Лѣтописи, Спб., 1879, стр. 348 и 449.

Дмитріевича. При этомъ князь, рассказываетъ Іосифъ, произошла брань у митр. Кипріяна съ игуменомъ Евфиміемъ спасскаго монастыря въ Суздагѣ изъ-за того, что игуменъ не велѣлъ звать Кипріяна митрополитомъ. Такое-же столкновение имѣло мѣсто въ княженіе Василія Васильевича у Пафнутія боронскаго съ митр. Іономъ. При Иванѣ III была брань между кирилловскими игуменомъ Нифонтомъ и архіепископомъ ростовскимъ, Вассіаномъ, такъ какъ Нифонтъ ни въ чемъ не хотѣлъ повиноваться Вассіану. По утвержденію Іосифа, указаннымъ митрополитамъ и архіепископу слѣдовало, по свѣдѣтельству священныхъ правилъ, «о томъ отлучити и не благословити», но они не держали этого сдѣлать. «А Кипріянь митр. былъ челоуъ великому князю Василію Дмитріевичу; а Іона митр. былъ челоуъ великому князю Василію Васильевичу; а Василіи архіепископъ былъ челоуъ великому князю Ивану Васильевичу да митр. Филиппу. И государи православные доспѣли тому дѣлу конецъ на Москвѣ по свѣдѣтельству священныхъ правилъ»¹⁾. Известенъ еще аналогичный случай отъ конца XV вѣка по поводу столкновения митр. Геронтія съ архіепископомъ ростовскимъ Вассіаномъ. Митрополитъ, научаемый княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, сталъ отнимать Кирилловъ монастыри отъ ростовской епископіи и выдалъ князю Михаилу грамоту, что ему «вѣдати Кирилловъ монастыри во всемъ, а ростовскому архіепископу отъ него не вступатися». Архіепископъ жаловался митрополиту и просилъ не вступаться отъ его предѣлъ «чрезъ правила»; а такъ какъ Геронтіи не обратилъ на это вниманія, то Вассіанъ былъ челоуъ великому князю и просилъ суда съ митрополитомъ. По этому поводу великій князь посылалъ къ митрополиту и не велѣлъ ему вступаться не въ свое; но такъ какъ митрополитъ не послушалъ и великаго князя, то послѣдній отобралъ митрополитчью грамоту у князя Михаила Андреевича и созвалъ соборъ для суда надъ митрополитомъ. Но митрополитъ, убоявшись суда, ушелъ великаго князя, а великій князь умирилъ его съ архіепископомъ, «и грамоту митрополитчью изодранна, а Кирилловъ монастыри указанна вѣдати по старинѣ»²⁾.

Подобной практикѣ подвержены были и итоги. Въ 1503 г. Георгій Скрипица, въиражая протинъ постановленій собора о цдовыхъ попахъ, сослался на правила, отъ которыхъ сказано: если епископъ кого обидитъ не по правиламъ, то слѣдуетъ разсудить митрополиту;

¹⁾ Собр. Публ. Библ. Q I, № 211; Q XVII, № 64, л. 226—227. Эти случаи Іосифъ приводитъ въ подтвержденіе неправоумности дѣлствій архіепископа новгородскаго Серапіона, который отлучилъ Іосифа «не обославши съ православныхъ государемъ и съ старѣйшими святителемъ».

²⁾ П. С. Л., VI, 33—34; VIII, 200.

митрополита-же долженъ разсудить патріархъ; «аще-ли патріархъ съ соборохъ изобидитъ кого не по правиламъ, нво царь разсудитъ ихъ по правилохъ св. отецъ и отсѣтитъ виноватому»¹⁾). Іосифъ волоцкій при столкновѣніи своемъ съ архіеп. Серапіономъ и волоцкимъ княземъ обратился къ санкціи государя и, получивъ съ его разрѣшенія прощеную грамоту, привелъ въ оправданіе своихъ дѣйствій и въ укоръ Серапіону пожеланіе царскаго закона, «ниже глаголетъ: царское осужденію суду не предлежитъ и не посуждается» или, какъ формулировалъ онъ это правило въ другой разъ, — «яко царскій судъ сплительскимъ судомъ не посуждается ни отъ кого-же изъ древнихъ лѣтъхъ, ни въ нынѣшнихъ, и въ тамонныхъ странахъ, ни въ нашей рускѣй земли, точію единъ Серапіонтъ архіепископъ»²⁾). Іосифъ при этомъ объявляетъ, что если-бы онъ былъ челоюхъ другому государю, то онъ поступилъ бы неправильно; но онъ выбралъ именно такого государя. «котораго судъ не посуждается», который всѣмъ общій государь и котораго Богъ устроилъ въ сѣмъ мѣсто, «судъ и мѣлость предасть ему, и церковное и монастырское, и всего православнаго христіанства всея русскія земли власти и попоченіе вручилъ ему»³⁾). Соотвѣтственно этому воззрѣнію на государя всея Руси, какъ верховнаго управителя церкви, старецъ Филофей называетъ его пладыкою всѣхъ, «бранидодержателемъ снѣтыхъ божіихъ престолъ снѣтыхъ вселенскія и апостольскія церкви»⁴⁾; неизмѣнный-же авторъ посланія къ царю Ивану Васильевичу называетъ его «прарославныя ибры истиннымъ наставникомъ» и «стономъ непоколебимымъ Христовой церкви»⁵⁾).

Не смотря, однако, на вышеуказанный характеръ отношеній между властями, древнерусской письменности еще до XV в не чужды были попытки поставитъ авторитетъ церкви выше государства. Византийскія вліянія, надо думать, сыграли при этомъ видную роль. Было уже указано⁶⁾, какъ константинопольскіе патріархи старались опредѣлить отношенія княжескихъ правительствъ къ митрополиту и даже къ епископамъ. Соотвѣтственно этому подобныя-же мысли проносятся и митрополиты всея Руси въ поученіяхъ и въ пастырскихъ грамотахъ епископамъ. Они учили, что великій князь, благородные и христіанлюбивые князья, бояре, сановные мужи и проч. должны воздавать своему епископу честь, имѣть къ нему благовоновеніе и послу-

¹⁾ Чтен. Общ. Ист. 1848 г., № 6, отд. IV, стр. 6.

²⁾ П. С. Л., VI, 249; Сборн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 239 об. и 231 об.

³⁾ Сборн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 231 об.

⁴⁾ Прав. Собесѣдн. 1863 г., книга 3-я, стр. 344.

⁵⁾ Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, стр. 69.

⁶⁾ См. выше, глава I, стр. 8—10.

шаніе «съ всяцѣмъ благопокореніемъ и любовью». Такая обязанность мотивировалась тѣмъ, что честь, воздаваемая святителю переходитъ на самого Бога, «кого же есть нахѣстникъ святитель» ¹⁾. Сила и значеніе такого рода наставленій выясняются изъ тѣхъ поученій, въ которыхъ одновременно преподаются правила о почитаніи князей и святителей. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно поученіе митр. Алексія, въ которомъ сказано: «а людская чадь Бога бойтеса, а князя чтите, а святительстю нахѣйте выше своея главы со всякихъ покореніемъ, безъ всякаго прекословья» ²⁾.

Стремясь вообще поднять авторитетъ священнослужителей, представители церкви въ своихъ посланіяхъ нерѣдко развивали мысль, что іерей служить небесному царю, а не земному, что въ священническомъ чинѣ не къ царю временному посылаются, но къ царю царствующимъ, что святой алтарь есть небо земное и является жилищемъ и хѣстоу не земнаго царя, но небеснаго, «и не земный убо царь тако возлжеть, но небесный Царь и Царь царствующимъ» ³⁾. Развивая дальше ту же мысль, митрополитъ Петръ поучалъ: «А который іерей святую литургію священствовать, тогда царя честиѣ: никто-бы не усидѣлъ противу него; аще кто усидитъ, проклятъ тотъ человекъ есть отъ небесныхъ силъ» ⁴⁾. Митрополитъ Фотій свое поученіе о важности священнаго сана слагалъ такъ: «о великомъ божьемъ снисхожденіи, еже елико есть отстояще небо отъ земли, толико отстоитъ Христова священнодѣйствующее таинство отъ всякаго пронишняго сана паче мірскаго» ⁵⁾.

Авторы похвальныхъ словъ князей почти всегда ставили нѣкъ особую заслугу, что они читали и любили священническій и монашескій чины. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ очень любопытны, такъ какъ указываютъ, какія мѣтнія успѣхи посинтати въ себѣ слагатели похвальныхъ словъ. Про Александра Ярославича Невскаго авторъ «похвѣсти о его житіи и о хрибности» выразился, что онъ былъ «іерей-любець и мнихолюбець, митрополита-же и епископа

¹⁾ Р. И. В., VI, стр. 421, 555—556 и 680—681.

²⁾ Приб. къ Твор. св. отец., 1847 г., стр. 34; ср. Душепол. чтеніе, 1861 г., I, стр. 465—466. Въ сборникѣ поученій XII в., въ статьѣ «поученіе любовно» обязанности къ свѣтской власти формулированы такъ: «(буди) болязнь предъ цесаремъ, готовъ въ поспѣшнѣи его; о повинненіи же духовенству преподаны сзѣдующія правила: епископомъ и пастухомъ Христова стада главу свою поклонити и припади къ ногамъ нхъ и моли, да дастъ ти ся благословеніе нхъ. Превзутеры и іереи Христовы... всякою честію почти и съ страхомъ заирай на нхъ». *Среднескій, Свѣд. и замѣтки*, № LII, стр. 206—207.

³⁾ Р. И. В., VI, стр. 430 и 480; стр. 428 и 500.

⁴⁾ Пам. стар. русск. литер., выд. IV, 187—188.

⁵⁾ Р. И. В., VI, № 60.

читаше и послушаше ихъ аки самого Христа (Творца)»¹⁾. Составитель древней повѣсти о житіи великаго князя Михаила Александровича тверскаго, отождествивъ о своихъ герояхъ какъ о добрыхъ образцѣ для всѣхъ князей, хотящихъ властвовать на землѣ, сообщаетъ про него, между прочимъ, что онъ «наипаче святителя яко самого Христа почиташе; толькоже милостивъ бѣ на инокескіи чинь... снче же и священника, зовише ихъ князей дровыхъ, яко тѣ, глаголаше, великія слуги божія и честиѣе насъ суть»²⁾.

Наряду съ только-что отмѣченными теченіями древнерусской литературы въ нее проникають идеи о неуклонномъ исполненіи заповѣдей и о твердомъ стояніи за нѣру даже предъ властью. Эти идеи, имѣвшія почину въ византийской исторіи, проникають на Русь и получаютъ здѣсь широкое распространіе. Такъ въ собраніи словъ Іоанна Златоуста XIII в. помѣщалось поученіе Константина пресвитера болгарскаго объ исполненіи религиозныхъ правилъ, «не боящеся цесаря, но стыдящеся князь, не срамляющеся вельможъ; но аще и говеніе настоятъ, аще муки предѣлать, аще нужда илжежитъ, не боитися» и проч.»³⁾. Далѣе указываются и случаи, когда служители церкви востанали противъ неправотѣрныхъ дѣяній представителей власти. Такъ митр. Фотій приводитъ въ прилѣтъ патріарховъ Николая и Евномія, отлучившихъ царя Льва за вступленіе въ четвертый бракъ и претерпѣвшихъ за это говеніе⁴⁾. Пахомій Сербъ въ составленныхъ имъ житіяхъ новгородскихъ архіепископовъ Моисея и Евномія, во вступленіи, отмѣчаетъ о вѣнчанныхъ мученикахъ, которые «видѣше неправедная, отъ царей и отъ вельможъ дѣемая, видяще сиротъ истязаемыхъ, грабленія и хищенія... не терпяще царей обличаху», за что многіе изъ святителей были лишены своихъ престоловъ⁵⁾. Успоивъ эту точку зрѣнія, древнерусскіе проповѣдники внушали ео своей паствѣ, а епископы — представителямъ духовенства. Незвѣстный авторъ «наставленія іереемъ о покаяніи», встрѣчающагося въ сборникахъ XIV—XVI вв., предполагаетъ слѣдующее правило: «ты-жъ, іерею, Христа Бога нашего слуга, не убойся, ни

¹⁾ Сказаніе по над. Общ. Др. Писъм. 1882 г., стр. 10—11; П. С. Л., V, 187; Новг. лѣт. по снм. св., изд. 1888 г., стр. 272, прим.

²⁾ Никон. лѣт., IV, 288. Митр. Кипріянь въ составленномъ имъ житіи митр. Петра разсказываетъ, можетъ быть въ назиданіе своимъ обидчикамъ, про Івана Калиту: «князь убо во всемъ послушающу и честь велию воздающе отцу своему по Господню повелѣнію», П. С. Л., X, 193.

³⁾ Оп. ркп. Синод. Библ., Отд. II, ч. 2, стр. 427.

⁴⁾ Р. И. В., VI, стр. 281.

⁵⁾ Нам. стар. русск. литер., вып. IV, стр. 10 и 16.

уеуявися, ни устыдися лица человѣча, аще-ли царь есть, или судія, или воя. Ты-бо тѣхъ еси сплѣнѣе и боле и крѣпше, занеже еси Богомъ поставленъ¹⁾). Безъ этого тенденціознаго указанія на преимущества священства предъ прочими мірекиими санами это правило получило даже официальное значеніе и внесено въ чины поставленія епископовъ и митрополитовъ²⁾.

Но домосконская Русь очень бѣдна прихѣрами такого энергическаго противодѣйствія свѣтской власти со стороны представителей духовенства. Столкновенія Феодосія печерскаго съ Святославомъ черниговскимъ и Андрея Боголюбскаго съ еп. ростовскимъ Федоромъ—потъ почти все, что извѣстно отъ этого времени³⁾. Наоборотъ, существуютъ нѣкоторые указанія, что и въ то время высшіе чины духовенства заслуживали упреки въ попустительствѣ и послабленіяхъ княжеской власти. Въ 1280 г. митр. Кирилъ упрекалъ ростовскаго еп. Игнатія за жестокое осужденіе великаго князя Гліба Васильковича уже послѣ его смерти⁴⁾: «осудилъ бо еси, заимчаешь митрополитъ, прежде суда Божіа уже скончавшагося, а жива суща стыдися, и дары отъ него пріемля, и лды и пѣа съ нимъ, и юдюрляся и веселяся, и егда бѣ ючно исправити и не изираяише»⁵⁾. Въ 1378 г. оскорбленный митр. Кипрій писалъ Сергію радонежскому и симоновскому игумену Федору,

¹⁾ *Срезневскій*, Свѣд. и зам., № LIX., стр. 330 и 335.

²⁾ Непопоставленный во епископы въ исповѣданіи, между прочимъ, пропозносла: «не створиши ми ничежо по нужи ни отъ царя, или князя велика, или отъ князей многихъ, или отъ людій многихъ, аще и смертию претятъ... Р. II. В., VI, стр. 453; А. А. Э., т. I, стр. 463 и 470. Поставляемый митрополитъ пропозносла такое-же общеніе: «не створиши ми ничежо по нужи ни отъ царя, или отъ князя велика, или отъ князей многихъ, аще и смертию ми воспретятъ, нелице что створити чрезъ божественнаа и священнаа правила, его-же не достоитъ творити». А. А. Э., т. I, стр. 162.; ср. тамъ-же, стр. 218. Митр. Макарій въ отвѣтъ Грозному «о недвижимыхъ вѣщахъ, даваемыхъ Богомъ въ исцѣдѣ благъ вѣчныхъ», указываетъ также, что онъ при поставленіи клялся «судбѣи и законамъ и оправданіе божественное хранити, елика наша сила, и предъ царя за правду не стыдится; аще и мужа будетъ ми отъ самого царя, или отъ вельможъ его, что повелятъ ми говорити кроиъ божественныхъ правилъ, не послушати ми ихъ, но аще и смертию претятъ, то никакожъ не послушати ихъ». Мѣтон. Русск. Литер., изд. Тихонравова, т. V, стр. 136. Это правило очевидно имѣлъ въ виду и Іосифъ, предлагая епископу Нифонту претерпѣть гоненіе и до смерти подвигнуться за благочестіе, Р. II. В., VI, стр. 822 и 824. Митр. Данилъ рекомендуетъ пастырямъ и пасомымъ твердо исповѣдывать православную вѣру, «предъ царя, и князя, и прочими челоуки, ничежо боящися» и «со многими дерзновеніемъ». Сборн. Публ. Библ., F I, № 522, л. 302.

³⁾ См. выше, стр. 35—36. Феодоръ не исполнилъ желанія князя поставиться на епископію въ Кіевъ и не точію не послуша его (князя), но и укоряше и досады многи возлагаша на нь». П. С. Л., IX, стр. 230.

⁴⁾ Епископъ «арину его, поругана и безчестна» изъ церкви и велѣлъ закопать въ землю въ монастырѣ.

⁵⁾ П. С. Л., X, 157—158.

упрекая ихъ за послабленія князю. Неужели спрашивается онъ, въ Москвѣ не нашлось никого, кто-бы пожелалъ добра душѣ великаго князя? Если мірне блюдется князя, не хотя погубить стяжаній и богатствъ, то какъ вы умолчали? «Растерзали бы есте одежи своя, совѣтуетъ Кипріянь, глаголали бы есте предъ парн не стыдяся: аще быша вась послушали, добро бы; аще быша вась убили, и вы святѣ»¹⁾).

При митр. Кипріянь произошло и первое столкновение между представителями церкви и государства. Немало испытаній пришлось пережить митр. Кипріяну. Возмущенный оскорбленіями московскаго правительства, онъ впервые, кажется, выразилъ протестъ противъ дѣйствій великаго князя, указавъ, что великій князь не имѣетъ права судить митрополита, который подсуденъ одному лишь патріарху. Но, упрямившись на каюедрѣ митрополіи неся Руен, Кипріянь держалъ себя очень скромно въ отношеніяхъ съ московскихъ и литовскихъ князьями. Про отношенія Кипріяна къ Василію Дмитріевичу современникъ замѣтилъ, что митрополитъ не могъ «ослышаться слова князя великаго»²⁾. А объ отношеніяхъ митрополита къ литовскому князю свідѣлательствуетъ тотъ фактъ, что въ 1405 г. Кипріянь свелъ съ владычества «по попелѣнію Витовтону» еп. туронскаго Литонія³⁾.

Есть указанія, что митрополитъ Фотій обнаружилъ стремленія увеличить свою власть надъ княземъ. Недовольные его дѣятельностью по отысканію доходовъ и стяжаніи митрополитъ говорилъ про него великому князю, что онъ «ищетъ власти надъ князи великою, неже достоинъ ему»⁴⁾. Изъ двухъ посланій Фотія къ великому князю о неприкосновенности церковныхъ имѣній извѣстно, что митрополитъ дѣйствительно наставлялъ передъ великимъ княземъ объ исполненіи какихъ-то требованій о возмощеніи церковныхъ стяжаній и совѣтовалъ ему быть болѣе «благопослушнымъ и покорнымъ»; но это нужно было Фотію лишь для того, чтобы «благочестивымъ списаніемъ церкви Божіей нареченная утвердити и устроить вся помянутыя»⁵⁾.

¹⁾ Р. И. Б., VI, стр. 175.

²⁾ П. С. Л., IV, 144; ср. Никон. Лѣт., IV, 311.

³⁾ П. С. Л., VIII, 77; Карамзинъ, V, прим. 232.

⁴⁾ Татищевъ, IV, стр. 165.

⁵⁾ Митр. Фотій ссылался на примѣръ прародителей великаго князя, явившихъ къ церкви благопокореніе и послушаніе, и совѣтовалъ князю обратиться къ Христовой церкви и къ нему, митрополиту, съ такими словами: «согрѣшихъ, прости мя и избави, о отче, во всемъ (благочестивъ и покоренъ мене... имѣши убо благопокорство всяко отъ мене, о отче! Но елика еси вѣщае намъ о церкви Христовѣ, тоію даждь прощеніе и благословеніе къ намъ, и руководецъ буди ми молитвами во благая Божія дѣла». Р. И. Б., VI, стр. 295 и 301.

На почвѣ вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имуществѣхъ и готовилось первое энергическое противодействие духовенства московскому правительству. Отцы собора 1503 г. для отраженія такого грознаго для нихъ удара, какъ секуляризація имуществъ, выдвинули въ свою защиту цѣлый рядъ подлинныхъ и апокрифическихкихъ церковныхъ и государственныхъ нормъ¹⁾. Около того времени появляется и нѣсколько анонимныхъ статей, направленныхъ въ защиту церкви противъ свѣтской власти, въ которыхъ вопросъ объ отношеніяхъ авторитетовъ ставится очень рѣзко къ выгодѣ духовенства. Неизвѣстный авторъ статьи «о свободѣ снатыя церкви» указываетъ, что церковный пастырь долженъ молиться за господина своего преемника, т. е. государя; «господинъ же пастыря своего съ вещми церковными защищати долженъ есть». При этомъ государь долженъ находиться въ послушаніи пастырей и не уклоняться «на десно или на лую отъ заповѣдей пастыря своего». Пастырь же долженъ охранять права церкви отъ посягательствъ свѣтской власти «храбрѣ даже до своего кровопролитія»²⁾.

Но особенно замѣчательно составленное въ 1505 г. русскимъ авторомъ «слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священные подлинныя и неподлинныя соборныя церкви вступаютъ и отыимати противу спасенія души своей держаютъ, заповѣди божіи и церковныя презирающе и православныхъ царей и великихъ князей истинное съ клятвою законоположеніе разоряюще и заповѣди божіи пріобидяше». Пользуясь латинскими источниками, авторъ прихитительно къ словамъ ап. Петра («се ножа адѣ два», Лук. XXII, 38) развиваетъ теорію двухъ мечей, вещественнаго и духовнаго. Оба меча находятся въ распоряженіи пастырей церкви. Вещественный мечъ, говоритъ авторъ, «достойнъ пастыремъ церковнымъ ижѣти защищеніе церкви своея даже и до своего кровопролитія, аще токмо духовнымъ мечемъ ничтоже споспѣшествуютъ». Прежде всего они и должны прибѣгать къ помощи духовнаго меча до преданія анафемѣ включительно. Если же послѣ третьяго наказанія «непослушни не сотворятъ пожеланія и сопротнени пребудутъ, не хотяще наказатися, ни мый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити», тогда помощью «плечій мирскихъ» (*brachium seculare*) действовать могутъ мечемъ вещественнымъ на отиращеніе силы сопротивныхъ». Такую свою догму авторъ подкрѣпляетъ и теоріей отношенія авто-

¹⁾ Полностью докладъ собора 1503 г. напечатанъ проф. Пасловымъ, Истор. очеркъ секуляр., стр. 42—48; ср. также Карамзина, VI, прим. 322, и Калайковъ, О коричнѣ, стр. 41—43. Въ Стоглавѣ эти нормы занимаютъ 13 глава, стр. 53 по 65.

²⁾ В. Жукъ, Митр. Данилъ, стр. 94, прим. 2.

ритетовъ духовнаго и свѣтскаго. Обѣ власти изводятся отъ власти божественныя, «и сице толико мѣрская власть подъ духовною есть, елико отъ Бога духовное достоинство предположено есть». Отсюда естъ дѣласть выводъ, что духовная власть не должна уступать свѣтской при послѣдствіяхъ послѣдней даже до пролитія крови, «понеже по апостольскому ученію паче подобаетъ почитать Богу, нежели членомъ». Мѣстѣмъ бо властелинъ челоуѣкъ сущъ: тѣло отъяти могутъ, души-же ни¹⁾. Столь открыто выраженная на русской почвѣ католическая доктрина о преимуществахъ духовной власти проникла и въ другія литературныя памятники того времени. Въ Повѣсти о бѣлозѣмъ клобукѣ приводятся слѣдующія слова царя Константина папѣ Селивестру: «тѣмъ же сего ради постриженнаго знаменія верховнаго свѣтлинника главы да не мнѣть кто се, яко постриженіе худо быти и безчестно; паче же земаго царства саомъ и славою и силою оя украшеніе подобаетъ, понеже всего честиѣмъ же на земли²⁾. Также изображено отношеніе свѣтскаго авторитета къ духовному и по «вѣну Константину». Здѣсь указывается, что такъ какъ ап. Петръ, «яко икаріи (сирѣчь наѣстникъ), является уставленъ на земли Сыну Божию», то и царь Константинъ признаетъ за преемниками апостола преимущественное значеніе: «мѣсто пренмущее... власть большая и превысочайшая, паче еже имать наша кротость и царствію на земли всѣмъ видимо». Въ виду же того, что священнѣйшее слѣдующее преемника ап. Петра оказывается выше, «нежели нашего царства», то и надлежитъ его «земаго престола преславнѣе превознести и воздати ему власть и славы достоинство». Далѣе отмѣчена одна любопытная черта: царь Константинъ горюитъ, что чести ради блаженнаго Петра «конюшего санъ ему себя дахомъ», и повелѣваетъ этотъ-же чинъ и обычай примѣнять и къ послѣдующимъ святителямъ «по подобію нашему царскому». Вслѣдъ за этимъ приводятся тѣ-же слова, какія занесены и въ Повѣсть о бѣлозѣмъ клобукѣ³⁾.

¹⁾ Оп. ркп. Синод. Вѣд., отд. II, ч. 3, № 329, стр. 615; проф. Павловъ, Истор. очеркъ секуляризм., стр. 61—62. Авторы описанія предполагаютъ, что слово написано или для кievскаго митрополита Іосифа Салтана, или для новгородскаго архіепископа. Проф. Павловъ полагаетъ, что слово составлено въ Новгородѣ по порученію архіеп. Геннадія послѣ собора 1503 г., такъ какъ въ Новгородѣ были зпца, знающія латинскій языкъ и латинскую богословскую науку.

²⁾ Повѣсть, изд. Кожанчикова, стр. 21, прим. Въ другомъ мѣстѣ представіе въ видѣніи патр. Филовею два мужа, предрекая о передачѣ царскаго вѣнца русскому царю, а бѣлаго клобука новгородскому архіепископу, замѣчаютъ о бѣлозѣмъ клобукѣ: «и колыма снѣ честиѣ оного». Тамъ-же, стр. 38.

³⁾ «Тѣмъ же ради сего постриженнаго знаменія верховнаго святительскіе главы, да не мнѣть кто сіе постриженіе худо быти и безчестно, но наипаче

Такого рода тенденція оказываєть вліяніє даже на такихъ писателей, которые, казалось бы, всего менѣе могли ей подчиниться. Такъ митр. Макарій въ отвѣтъ Грозному «о неподвижныхъ вещехъ, данныхъ Богомъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ», цѣлкомъ прииодитъ слова царя Константина изъ «вѣсна Константинопа» ¹⁾. Этой-же теоріей, поставивъ ее еще болѣе рѣзко, воспользовался Максимъ Грекъ, защищая права константинопольскаго патріарха противъ установленной клятвы въ чинѣ поставленія не принимать митрополита изъ Константинополя. Максимъ, вопреки русской дѣйствительности, указываетъ что «святительство и царя мажесть и вѣнчаєть и утвержаєть, а не царство святителейъ... Убо большіи єсть священство царства зємскаго, крохъ бо великаго прекословія меньша отъ большаго благословляєтся» ²⁾. Въ сводныхъ коричнхъ самаго начала XVII в. уже прямо констатируется, что «священничество и самого царства честнѣйшии и большіи єсть» ³⁾.

Созданная іосифлянами теорія теократическаго абсолютизма и признающее ими первенство государя даже въ дѣлахъ церковнаго управленія не могли, казалось бы, быть примирены съ католической догмой о преимуществахъ священства передъ свѣтскою властью. Не можетъ подлежать, однако, сомнѣнію, что эта догма перенесена на Русь партіей іосифлянскаго духовенства въ защиту одного изъ самыхъ дорогихъ для этой партіи правъ церкви противъ посягательствъ московскаго правительства. Одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей іосифлянъ, митр. Макарій, открыто сослался на эту

зємнаго царства саномъ и славою и честію и силою ему украситися подобаетъ. Ф. Терноскій, Научен. вѣлант. ист., выш. II, стр. 139—140 и 142—143.

¹⁾ Враздъ коня его своими руками держащи ради чести блаженнаго Петра, конюшьскимъ саномъ дахомся ему. Повелѣваемъ того-же чина и обычая всѣмъ иже по немъ святителямъ творити въ побѣдахъ своихъ по подобію нашего царства. Тѣмъ ради сего постриженнаго знаменіи верховнаго святительскія главы, да не минѣ кто се постриженіе худо быти и безчестно. Но паче зємнаго царства саномъ и славою и силою украшати подобаетъ. Лѣт. русск. лѣтер., изд. Тихонравова, т. V, смѣсь, стр. 130.

²⁾ Сочиненія, ч. 3, стр. 155.

³⁾ *Росенкииѣ*, Обзорніе коричей, изд. 2, прил. VII, стр. 538: сводная коричая, списанная Лавтевымъ съ списка 1615 г. Любопытно отношеніе царя Ивана Васильевича къ этой католической догмѣ. Онъ замѣтилъ Посевину: «А что говоришь, что папа Григорій на престолѣ сидитъ на Петровѣ, и мажъ потому его такъ превозношати и чтити пригоже; и ему подобаетъ смиренномудръствовати и послѣдовати Петру во всемъ по Христовѣ заповѣди, а не потому какъ ты говоришь. А что намъ говоришь и величаєшь папу а намъ честь приносишь, что вел. князю Владимиру Мономаху, такъ и намъ благочестивымъ царемъ честь надобно приносить: ино такъ и єсть въ мрскомъ животѣ, въ нашей царской державѣ и всѣхъ великихъ государей братья нашей, насъ пригоже почитати по царскому величеству; а святителямъ всѣмъ апостольскимъ ученикамъ должное смиреніе показывать, а не возноситься и превыше царей гордостью не обноситься». Пам. днз. смол., X, стр. 305.

догму, призывая какъ-бы ея практическую обязательность для государя всея Руси. Какъ-же примыслились эти два повидимому совершенно противоположныя теоріи? ¹⁾

Исходная точка политической доктрины Иосифляне даетъ ключъ къ раскрытію этой политической загадки. Иосифъ волоцкій начинается свою политическую проповѣдь прибавкой къ установленной догмѣ о почитаніи властей революціоннаго тезиса, на основаніи котораго каждому предоставлялось не признавать установленную власть, если она не выдерживала критики съ общеправственной и религіозной точки зрѣнія. Церковно-политическая дѣятельность великаго князя Ивана Васильевича побудила Иосифа дать заранѣе оправданіе дѣйствіямъ оппозиціонной партіи противъ всѣхъ мѣропріятій враждебнаго правительства. Та же неподатливость мірскихъ властей подклонила пастырямъ свои гордыя ныи признала появленіе на русской почвѣ теоріи двухъ мечей. Когда же, съ перемѣною обстоятельствъ, измѣнились отношенія иосифлянской партіи къ правительству, и послѣднее выполнило требованія иосифлянъ какъ относительно церковныхъ имуществъ, такъ и казни еретиковъ, тогда только и возникаетъ во всей полнотѣ теорія теократическаго абсолютизма. Она возникла, послѣ оказанныхъ правительствомъ услугъ и подъ условіемъ исполненія имъ требованій воинствующей партіи поборниковъ правотѣрія. Но у Иосифа, его сторонниковъ и учениковъ изъ случая нужды всегда осталась въ рукахъ серьезная сдержка къ провозглашенной ими политической доктринѣ. Уже послѣ собора 1504 г., защищая противъ нападокъ запольскихъ старцевъ принятыя этимъ соборомъ мѣры, Иосифъ старается поставить авторитетъ священства выше авторитета государственной власти, не будучи увѣренъ въ ея стойкости. ²⁾ Безъ всякаго видимаго повода митр. Даниилъ изъ своего словѣ о повиновеніи властямъ опять отмѣчаетъ эту сдержку. Онъ повторяетъ доктрину Иосифа о неповиновеніи нечестивымъ царямъ и учитъ, что подобаетъ покоряться властямъ лишь «Божіе повелѣніе творящимъ»; что повиноваться властямъ, какъ Богу, обязательно для людей лишь тогда, «аще по закону Божію начальство имъ есть»; если-же власти что либо «виѣдѣи Господни

¹⁾ Недостаточно, конечно, указать, напр. объ Иосифѣ волоцкомъ, что онъ теоретически власть церкви ставилъ выше власти государя, въ дѣйствительности-же церкви онъ отводитъ второстепенное соподчиненное положеніе. В. Жмакинъ, Митр. Даниилъ, стр. 91.

²⁾ Иосифъ убѣждаетъ старцевъ повиноваться соборной церкви и при этомъ ссылается на 20-е слово посланій Никона Черногорца, гдѣ сказано: «къ царю же и ко архіерею убо повиновеніе тѣлесное и урокъ данъ и прочая подобающая; душевное же ни, Архіерею же и душевное, купно и тѣлесное, яко преемникомъ апостольскимъ сущимъ». Сборн. Публ. Библ. F I, № 22), з. 314 об.; ср. Никона Черногорца по Почаевскому изд., слово 17, з. 134 об.

повеждать насъ, да не послушаехъ ихъ», ¹⁾ Митр. Макарій уже ссылается на католическую доктрину, Константинова вѣла при первой грозящей опасности для неприкосновенности, примѣ, перкви ²⁾.

Такихъ образозъ высокія права и пренушества государственной власти признавались юсифициами только подъ условіемъ и до тѣхъ поръ, пока правительственная политика не расходилась съ ихъ задуманными стремленіями или, вѣрнѣе, пока имъ удавалось сохранить за собой исключительное вліяніе на направленіе государственной и общественной жизни. Отсюда понятно, какъ важно было для этой партіи обезпечить за собой руководящую роль въ государственной политикѣ. Старанія ея очень рано направлены были въ эту сторону. Во всѣхъ обращенныхъ къ представителю власти посланіяхъ видные представители духовенства пронодять мысль, что государи должны ихъ слушать, а они должны ихъ наставлять. Такъ еще ростовскій епископъ Вассіанъ свое знаменитое посланіе великому князю на Угру открываетъ слѣдующими словами: «Молю убо величество твое, да не прогнѣвашися на мое смиреніе, еже первіе державнну ми усты ко устохъ глаголати твоему величеству твоего ради спасенія: наше убо, государю великій, еже юсифициати насъ, ваше же еже послушати» ³⁾. Архіепископъ Геннадій высказываетъ подобный же взглядъ южнскому князю Борису Васильевичу: «Насъ же поставилъ (Христосъ) пастырие и учителя, не только меньшимъ предвѣдѣтти, но и намъ самимъ, государемъ великимъ, жити и запрети, чтобы не токмо царство земное держали, но съ земныхъ снъ и привременныхъ царствомъ вѣчное небесное получили» ⁴⁾. Онъ же въ грамотѣ митр. Зосимѣ, стремясь искоренить ересь и смести «соромоту» съ земли, убѣждаетъ его, чтобы онъ «великому государю о томъ пристойно говорила, не токмо спасенія ради его, но

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ того-же слова повторяется та-же мысль: такъ какъ князи и владыки имѣютъ власть только надъ тѣломъ, а не надъ душою, поэтому, если они «на убійство или на икая безвѣстная и душевредная дѣла повелевають насъ, не подобаетъ повиноватися имъ, аще и тѣло до смерти мучать». Сб. Публ. Библия, Р I, № 522, л. 231 об.; 238 (первый) об.; и 240. Конечно, мысль о превосходствѣ духовнаго сана надъ мірскими вынуждала митр. Давиду знаменательныя слова, сказанныя имъ передъ постриженіемъ въ сѣмю великаго князя Василья князю Андрею Ивановичу, который возмражалъ противъ пострига: «не буди на тобѣ наше благословеніе ни въ сѣмѣ, ни въ будущи; занеже осудъ сребрянъ добро, а воздачею того злѣши». П. С. Л., VI, 274.

²⁾ У него въ поученіяхъ также проскальзываетъ мысль о покореніи лишь благочестивымъ властимъ: въ посланіи къ царю 1532 г. митр. Макарій говоритъ: «Аще царевосердце въ рудѣ Вожіа, то всѣхъ подобаетъ по воли Божіи и по царскому велѣнію ходити и повиноватися съ страхомъ и трепетомъ». А. И. т. I, стр. 292.

³⁾ П. С. Л., VI, 224; VIII, 207 и слѣд.; Стен. ки., II, 140 и слѣд.

⁴⁾ Р. И. В., VI, стр. 764.

и чести для государя великаго князя: завеща некому многу того разговорити государю, а дежитъ то на тебѣ... и на насѣ»¹⁾. Иосифъ, возопиѣвъ въ посланіи къ андрониковскому архимандриту Митрофану, государеву духовнику, указавъ мѣры къ искорененію ереси, замѣчаетъ: «и тебѣ о томъ государю великому князю пригоже да и должно поминати и въ томъ дѣлѣ государя побереши, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю»²⁾. Въ грамотѣ великому князю Василью Ивановичу онъ также замѣчаетъ: «иже же глго царскому твоему остроумію и богопреданней мудрости вспомянати ти, яко государю и яко владыцѣ»³⁾. Тѣ же самыя указанія объ обязанностяхъ представителей духовенства направлять своими совѣтами дѣятельность правительста встрѣчаются и въ посланіяхъ архіепископовъ новгородскихъ Макарія и Θεодосія»⁴⁾.

Подобнаго рода указанія, въ какой бы формѣ они ни дѣлались, повсе не были одной только деликатной формальностью, оправдывающей непосредственное обращеніе къ государю. Даже самыя уничижительныя изъ нихъ скрывали за собою требованіе исполнить предлагаемый совѣтъ. Указавъ на необходимость казни еретиковъ, Иосифъ подкрѣпляетъ свое предложеніе ссылкой на преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ, которые молили царей и князей объ истребленіи еретиковъ: «И сія убо слышаще, замѣчаетъ Иосифъ, благочестивіи царіе и св. отецъ моленію и наказанію повинующееся, еретики и отступники повелѣваху проклинати»⁵⁾. Такого же повиновенія своимъ наказаніямъ добивался и Иосифъ. Неизвѣстный ростовскій архіепископъ пишетъ къ князю по поводу брадобритія, убѣждая его отбросить латинское любоумдіе, и при этомъ объясняетъ: «должно ми есть пенсися о спасеніи душъ вашихъ и сія вся вспомянухъ писаніемъ». Авторъ даетъ такой совѣтъ: «ты-же, сыну, никакоже въ забвеніе положи, ни преслушайся мене, на пользу ти совѣтующа: понеже преслушаніе ра-

¹⁾ Р. И. Б., VI, стр. 775—776.

²⁾ Чтен. Общ. Ист. 1847, № 1, сѣнь.

³⁾ Собрн. Публ. Визб., Q. XVII, № 64, з. 203.

⁴⁾ Д. къ А. И., т. I, №№ 25 и 41. Митр. Макарій дословно повторять вышеприведенныя слова Иосифа, а архіеп. Θεодосій, повторяя слова Иосифа же изъ посланія его къ суздальскому епископу Инфонту, пишетъ царю Ивану Васильевичу о принятіи мѣръ къ прекращенію безчинства въ Новгородѣ: «О снхъ тебѣ пишу, не яко уча и наказуя твое остроуміе и благородную премудрость, не бо глго намъ забыти своя мѣра и на таковая дерзати, но яко учениа учителяю, яко рабъ государю вспомяну тебѣ». Ср. Р. И. Б., VI, стр. 824.

⁵⁾ Просвѣтитель, стр. 542.

жасть смерть, а послушаніе ражасть животъ вѣчный». Но онъ не ограничивается и этими наивнооткровеннымъ совѣтомъ и предупреждаетъ, что если князь не будетъ объ этомъ радѣть, то «мы того не имамъ премолчати, но имамъ ти инако отписати, яко же есмь пріали отъ Господа Вседружителя даръ и крѣпость» ¹⁾. Василий Рязо, съ такимъ смиреніемъ оправдывавшійся за составленіе посланія Ивану III, когда великій князь не исполнилъ преподаваемыхъ ему совѣтовъ «на крѣпость и утвержденіе его державѣ», считъ своимъ долгомъ «згѣ глаголати» великому князю, называя его «бѣгуномъ».

Итакъ, каждый энергическій представитель духовенства изъ партіи іосифлянъ имѣлъ въ своихъ рукахъ очень сильныя средства для противодѣйствія власти, если только она уклонялась отъ его руководства. Доктрина теократическаго абсолютизма имѣла, такимъ образомъ, лишь условное значеніе, пока представитель власти слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ ея авторовъ. Въ XVI вѣкѣ, начиная съ Василія III, общее направленіе государственной политики вполнѣ отвѣчало іосифлянскимъ идеаламъ; этимъ самымъ были устранены возможныя столкновенія между представителями духовнаго и свѣтскаго авторитетовъ.

---

¹⁾ Р. Н. В., VI, № 126. Издатель усвоить предположительно эту гранту Василию Рязо.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Политическіе взгляды московскаго правительства.

Когда московское княжество возвысилось среди другихъ русскихъ княжествъ, великіе князья московскіе стремились обезпечить за собою это положеніе путемъ примысловъ. Примыслы были главнѣйшею политической дѣлю московскихъ правителей. Великій князь Василій Дмитріевичъ прекрасно формулировалъ свои стремленія, указавъ митр. Кипріяну: «вы поставлены къ миру и любви учить, мѣждѣ имѣніе собирать и возноситися» ¹⁾. Это стремленіе прекрасно понимали и поборники московской централизаціи. Составитель житія Мартиніана Бѣлозерскаго по поводу назначенія Василю Темному въ удѣлъ города Вологды замѣчаетъ: «како се сотвори такову великому господину и самодержцу русскія великія земли, иже единемъ градомъ упокоится и управити, иже прежде недовольну суму бывшу всея русскія земли областію.» ²⁾

Такое недовольство предѣлами своей области открыто заявляетъ московская дипломатія, начиная съ Івана III. На требованіе литовскихъ посланцевъ возвратить захваченные города и волости отъ имени великаго князя данъ былъ такой отвѣтъ литовскому князю: «и нахъ чего дѣля тѣхъ городовъ и волостей, своей отчины, которые нахъ Богъ далъ, ему отступатися? Ано не то одно наша отчина, кон города и волости иныѣ за нами: и вся русская земля, Кіевъ и Смоленскъ и иные города, которые онъ за собою держитъ къ литовской землѣ, съ Божією волею изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша отчина». «Своей отчины всеѣ русскіе земли о чемъ нахъ не хотѣти?» заявляло съ откровенною наивно-

¹⁾ Тамисетъ, IV, 404.

²⁾ Лѣт. зап. Арх. Комм., вып. 1, матер., стр. 3.

стью московское правительство ¹⁾. Тѣ же мысли повторяетъ и правительство Василия III. Въ отвѣтъ цесарскому послу Герберштейну оно указываетъ, что цесарь Максимилианъ самъ предлагалъ «на Жигмонта короля быти съ нимъ заодно и доставати намъ свои отчины: Кіева, Полтеска, Витебска и иныхъ городовъ русскіе земли». Совершенно естественно, что оно отказалось возратить захваченный Смоленскъ и заключило свой отказъ ясно выраженной формулой своихъ стремленій: «а и впередъ просимъ того заво у Бога, чтобы наша отчина, которая отъ прародителей нашихъ наша, за нами была, и нѣмъ бы наше вышло, а не вышло, и государства наши никуда, а не ушли» ²⁾.

И великій князь Василий Дмитріевичъ стремится «возноситься» и государь и великій князь Василий Ивановичъ хлопочетъ о повышеніи имени. Цѣли ихъ повидимому тождественны. Но тождество цѣлей не исключаетъ даже общихъ стремленій о примыслахъ. Понятія о чести, величій великокняжескаго имени или достоинства далеко разошлись. Въ воцѣреніяхъ представителей власти на высоту своего сана замѣчаются значительныя успѣхи со времени Василия Дмитріевича. Цѣлый рядъ событій содѣйствовалъ этому. Флорентійская унія, паденіе Царьграда, женитьба Ивана III на византийской царевнѣ и сверженіе татарскаго ига, какъ указано выше, вызвали серьезный переломъ въ умахъ современниковъ на цѣли и задачи единого православнаго государства изъ русской земли. Въсѣтъ съ этихъ мѣнѣлось и воцѣреніе на представителя власти. Ивана III уже почти постоянно титулуютъ, особенно писатели изъ среды духовенства, царемъ и самодержцемъ ³⁾. Самъ Иванъ III титуловалъ себя въ сношеніяхъ съ мелкими государствами: «Божією милостію царь всея Руси» или «государь великій царь всея Руси» ⁴⁾; въ сношеніяхъ съ Крымомъ и Турціей: «Божією милостію единый правый государь всея Руси» ⁵⁾, а въ сношеніяхъ съ Литвой съ 1493 г. — «Божією милостію государь всея Руси» ⁶⁾.

¹⁾ А. З. Р., I, № 192, стр. 273; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 460 и 389.

²⁾ Нам. диял. снош., I, стр. 270 и 287; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 312 и 330.

³⁾ См. посланія: еп. Вассіана Рыло къ Ивану III, П. С. Л., VI, 225 и слѣд.; митр. Зосимъ, Р. И. В., VI, стр. 786; рѣчь митр. Симона при его поставленіи, П. С. Л., VI, 30. Даже нековичи «добровольныя люди» называютъ его «государемъ великимъ княземъ русскимъ царемъ», П. С. Л., VI, 208; VIII, 186.

⁴⁾ 1) Съ Ревелемъ: *Восточное Ол. Рум. муз.*, стр. 60; Нам. диял. снош., I, 21, 59. 2) Съ Любекомъ: Нам. диял. снош., I, 20 и 46. 3) Съ магистрами ливонскимъ и прусскимъ: Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, 97 и 99.

⁵⁾ Сборн. Р. И. Общ. т. XLI, стр. 161, 162, 184, 399 и 429.

⁶⁾ Тамъ же, т. XXXV, 80 и 82.

Въ Литвѣ не хотѣли признавать этого титула и жаловались, что московскій государь написалъ о себѣ имя свое высоко, не по старинѣ, не подлугъ того, какъ издавна обывалъ бывагъ». Но въ Москвѣ никакой новизны въ такомъ титулѣ не находили и объясняли, что государь написалъ то, чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣда и отъ прадеда отъ начала правды есть уроженной государь всея Руси»¹⁾. Иванъ Васильевичъ первый изъ московскихъ князей официально принялъ и званіе «самодержца»²⁾. Несомнѣнно, что въ видахъ повышенья своей чести Иванъ III припалъ въ 1498. причаніе шапкой и бармаи шука своего Дмитрія. Но смутныя событія въ великокняжеской семьѣ уничтожили политическія слѣдствія этой мѣры; сына же своего Василия Иванъ III признать великимъ княземъ безъ указанной церемоніи.

Но честь имени Василия III возвышалась уже тѣмъ, что онъ былъ сыномъ византійской царицы и, значитъ, по крови былъ связанъ съ византійскими императорами, что не осталось незамѣченнымъ современниками³⁾. Управительствомъ Василия III не упускало ни одного повода къ возвышенію имени государя всея Руси. О немъ замѣчено, что онъ составилъ себѣ и особую титулу великія державы и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ грамотныхъ.

¹⁾ А. З. Р., I, № 110; Сборн. Р. И. Общ., XXXV, 105 и 107. По перемирію 1494 этотъ титулъ хотя и былъ признанъ Литвой, но не надолго; по поводу различныхъ неудовольствій титулъ не прописывался снова. Въ 1500 литовскій князь писалъ крымскому хану про Ивана III: «можешь и самъ по немъ вѣдати, каково въ онъ высоко въ мысли есть». А. З. Р., т. I, № 183; Сборн. Р. И. Общ. XLII, стр. 331. А въ 1503 г. литовскіе послы поручено объявить, что королевскому маестату «не быти обовизану къ писанью князю московскому напомъ всея Руси», такъ какъ неудобно, послѣ избранія литовскаго князя на королевскій престолъ, «когда въ королевствѣ и подъ королевствомъ есть большая часть Руси», писать московскаго князя государемъ всея Руси. Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, 129; Сборникъ Мухомова № 41; А. З. Р., I, № 200.

²⁾ Въ 1496 г. по чину поставленія митр. Симона, послѣдній обратился къ вел. князю съ словами: «всемогущая деопида Великая да сохранитъ Богъ поставленное твое царство, самодержавный государю и владыко! Далѣе митрополитъ называлъ государя «владыко самодержецъ», П. С. Л., VI, 39—40; VIII, 280; Никои. зѣт., VI, 114. Въ 1498 г. по чину вѣнчанія шука Дмитрія митрополитъ титуловалъ Ивана III «преславнымъ царемъ самодержцемъ». См. *Пробл. Ключевскаго*, Боярская дума, изд. 2, стр. 258 и слѣд.

³⁾ Въ словѣ на память преподобнаго Зосимы прс Василия III сказано: «иже царствіа тезеименитаго, иже и роженіе отъ княжескія и царскія крови смѣшеніе имѣющаго», Прав. Свб. 1850, № 7; Приб. къ Твор. св. отц. 1859 г., ч. XVIII. Авторъ похвальнаго слова Василию III говоритъ: «отъ сего славнаго Ивана (т. е. Ивана III) родися нашъ государь сей славный... князь великій Василій Ивановичъ, русскій бѣлый царь самодержецъ всея Руси; также и матери богонудрия именуемая Союя, рыцаряныи сущи, и сія бо бѣ такоже отъ корени царска», Сборн. изъ библ. Толст., отд. I № 33, л. 2. Василій III даже прямо палывалъ сродниками царегородскихъ царей, шукомъ божы Амморейскаго. Прѣше митр. Данила съ Максим. Грекомъ, стр. 5.

историяхъ писать себѣ повелѣя, имѣ же званьемъ въ русской землѣ даже и отъ великаго князя Рюрика никто отъ рода ихъ такъ-вымъ самодержавствомъ не писашеся и не нарицашеся, яко же сиде сей: Божіею милостію царь и великій князь» и проч. ¹⁾ Хотя этотъ титулъ употреблялся уже и Иваномъ III, но Василій III гораздо чаще пользовался имъ во вѣнчаніяхъ сношеніяхъ. Ему даже удалось добиться признанія за нимъ титула— «цесаря и обладателя всея Руси» по мирному договору съ императоромъ Максимилианомъ въ 1514 г. ²⁾ Только въ сношеніяхъ съ Литвой и Польшей не употреблялся этотъ титулъ. Титулъ царя Василій III употреблялъ иногда даже въ обыкновенныхъ правительственныхъ грамотахъ ³⁾ Но торжественно провозгласить себя царемъ онъ не рѣшился, быть можетъ, въ виду неимѣнія прямыхъ послѣдниковъ отъ перваго брака. Можно, однако, догадываться, что о принятіи царскаго титула немало толковали въ Москвѣ: и при Василіи III. Этими только, кажется, и можно объяснить упорные слухи, какіе распространяли побывавшіе въ Москвѣ иностранцы, о намѣреніяхъ Василія выхлопотать себѣ королевскій титулъ у папы.

При Иванѣ Грозномъ національно-политическія теоріи о русско-мъ царствѣ завершились торжественнымъ вѣнчаніемъ на царствѣ государя и великаго князя всея Руси. Молодой государь съ юныхъ лѣтъ имѣлъ возможность ознакомиться съ сочиненіями современной русской публицистики и многое изъ нихъ, несомнѣнно, твердо усвоилъ. Благодаря развитию у него страсти къ литературнымъ занятіямъ ⁴⁾ Иванъ Грозный перѣдко касался основныхъ политическихъ вопросовъ того времени и въ собственныхъ своихъ сочиненіяхъ; по нимъ можно судить, что позаниматься публицистско-государь отъ своихъ предшественниковъ въ сферѣ политической мысли.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный былъ прежде всего, какъ и громадное большинство его современниковъ, горячій поборникъ идеи о богоустановленности власти и о покореніи владѣтицъ. Защи-

¹⁾ А. Поповъ, Изборникъ изъ хронографовъ, стр. 181—182.

²⁾ Пам. дипл. снош., I, стр. 1503—1508; С. Г. и Д. Ч. № 66; Искаревскій, Наука и литер., II, 420—430. Аутентичность этой грамоты не отрицало императорское правительство, но только ссылалось на то, что цесарскій посолъ Юрій Спидамеръ заключилъ договоръ «не по государя нашего велѣнію, о томъ съ нимъ къ великому государю приказъ не бывалъ». Пам. диплом. сп., I, 270. На эту грамоту ссылался при Иванѣ IV, Сб. Р. И. Общ., т. LXI, стр. 474.

³⁾ Въ грамотѣ Псковскому Петропавловскому монастырю 1510 г. февр. 16. Лостокозъ, Опис. Румянц. музея, стр. 87.

⁴⁾ Современники характеризовали Ивана IV между прочимъ такъ: «бысть же и въ словесной премудрости риторъ естествословенъ, и смышленіемъ бм-строуемъ... А. Ѡ. Бичковъ, Он. рки. Публ. Библи., I, стр. 51 и слѣд.

щаясь отъ нападокъ Курбскаго, онъ ссылаясь на общезнающее учене оъ этомъ ап. Павла ¹⁾, иногда своеобразно комментируя апостольскія слова. Такъ, указавъ на то, что протиналющійся власти противится Богу, Грозный отсюда выводилъ, что если кто противится Богу, «сѣи отступникъ именуется, еже убо горчайшее согрѣшеніе». При этомъ онъ отиѣтилъ, что апостольское учене прииѣляется ко всякой власти, хотя-бы приобрѣтениой кровопролитіемъ; но съ своей стороны, вопреки словамъ апостола, добавилъ: «тѣмъ-же наипаче, протинался власти, приобрѣтениой не восхищеніемъ, Богу протинится», устанавливая такимъ образомъ различіе въ почитаніи властей законныхъ и незаконныхъ. Далѣе изъ словъ апостола о карающемъ и милующемъ мечѣ Грозный сдѣлалъ выводъ, что царь, неприиѣляющіе этого правила, не суть царь ²⁾. Въ одномъ только пунктѣ онъ ограничилъ все учене о покореніи властямъ: согласно всему божественному писанію рабы не должны протиниться господамъ ни въ чемъ, кромѣ нѣры ³⁾. Согласно ученію публицистовъ оъ обязанностяхъ царя по охранѣ правопорѣя Грозный не разъ открыто заявлялъ, что эту обязанность онъ считаетъ самой существенной. Такъ, задумавъ построить въ 1551 г. Свияжскъ для защиты отъ невѣрныхъ казанцевъ, онъ говорилъ: «Всемилющій Боже... устроить мя земли сей православной царя и пастыря, вожа и правителя еже правити люде Его и православіи непоколебимомъ быти» ⁴⁾... Въ томъ-же смыслѣ онъ писалъ и Курбскому: «Тишуел со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познають Бога истиннаго и отъ Бога даннаго имъ, государя» ⁵⁾. Совершенно почти дословно онъ повторялъ и известное мнѣніе Іосифлянтъ о высотѣ царскаго достоинства; такъ

¹⁾ Посл. къ Римл., XIII, 1—5; къ Ефеслянамъ VI, 5—7.

²⁾ «Царемъ подобаетъ обзирательнымъ быти, овогда кротчайшимъ, овогда же яримъ; ко благамъ убо милости и кротости, къ злымъ же ярости и мученіе. Аще-ли сего не имѣя, нѣсть царь». Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, стр. 159—160 и 167—169.

³⁾ «Вся божественная писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣвають чадохъ отцемъ протиниться и рабомъ господемъ, кромѣ нѣры». Тамъ-же, стр. 160. Эта оговорка, какъ указано, встрѣчается и въ сочиненіяхъ Іосифа волоцкаго и митр. Даниїла.

⁴⁾ Никон. Лѣт., VII, 73; Царств. кн., 161—162.

⁵⁾ Сказанія кн. Курбскаго, стр. 191. Въ 1562 г. Грозный пишетъ въ Троицкій монастырь: «да презрѣть (Богъ) наша великая беззаконія и подаетъ намъ разумъ и разсужденіе и мудрость, якоже годѣ Его святой воли, правити и строити Богомъ преданное ми стадо, Христовыхъ словесныхъ овецъ всего православнаго христіанства». А. А. Э., I, № 230. Въ 1565 г. въ грамотѣ Св. Синоду-Августъ говорится: «Мы... какъ есть государи правые христіанскіе, petitionно вѣрую сіяя, завсе порученію на пѣту отъ Божіи помощи строимъ и осматрѣваемъ своимъ оберегаемъ отъ всякіа невагоды... и къ покою христіанскому и къ пожитію приводимъ». Лит. Метр., I, стр. 252.

въ писѣхъ къ Баторію онъ ссылался на публичные слова проюка: «слышите убо цари и разумѣйте, яко дана бысть вамъ держана отъ Господа и сила отъ Вышняго» и проч.¹⁾ Соответственно этому Грозный воспринялъ и учене о великой отвѣтственности представителя власти передъ судомъ Божества какъ за собствєнные прегрѣшенія, такъ и за грѣхи своихъ подданныхъ: «Азъ убо вѣрую, нѣмѣтъ онъ, яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріятн ми, яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подданныхъ моихъ дати отиѣтъ, алце моиѣхъ несяотрѣнѣмъ погрѣшати.»²⁾ Вспоминая, конечно, іосифлискую догму, по которой, за грѣхъ государя Богъ казнитъ всю землю, Иванъ Васильевичъ жаждалъ, чтобы Господь «не помянулъ юностихъ его согрѣшеній и не связалъ бы его грѣхомъ толкии множествѣ народу»³⁾. Не даромъ же благовѣрный царь Иванъ Васильевичъ зѣло похвалялъ «Просвѣтителя» Іосифа волоцкого⁴⁾.

Такимъ образомъ мнѣнія Грознаго о царскомъ достоинствѣ, о правахъ и обязанностяхъ государя сложились уже по готовымъ образцамъ, и ему не пришлось прибавить ничего новаго къ готовымъ теоріямъ⁵⁾. Онъ только примѣнилъ ихъ къ полному объѣму: на практикѣ и принужденъ былъ закрѣпить эту практику противъ литературныхъ нападокъ оппозиціи. Именно потому, быть можетъ, теорія самодержавнаго царства у Грознаго вышла гораздо болѣе конкретной, но и въ то-же время и болѣе узкой. Исходя изъ готовой теоретической посылки, что «земля правится Божиимъ милосердіемъ, пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, послѣди нами, государями своими», Грозный съ негодованіемъ отвергъ всякое значеніе избранной рады, такъ какъ, по его мнѣнію, «россійское самодержавствію изначала сами владѣють своими царствы», а государь не можетъ назваться самодержцемъ, если «не самъ строитъ». Это самодержательство въ выгу полемикъ и династическихъ споровъ у Грознаго сводится къ тому, что государь повелѣваетъ «хотѣніе свое творити отъ Бога повинныхъ рабомъ», которые по Божію повелѣнію

¹⁾ Лит. Метр., II, стр. 78.

²⁾ Сказанія ки. Курбскаго, 209.

³⁾ Никон. Лит. VII, 119.

⁴⁾ Карамзинъ, VIII, прим. 394.

⁵⁾ Противоположное мнѣніе защищалъ Соловьевъ VI, изд. 4, стр. 40; «Иванъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый создалъ всю значеніе царской власти, первый составилъ себя ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиляли свою власть только практически. Свою теорію Грозный создалъ, по мнѣнію Соловьева, частью изъ практическихъ наблюденій, частью изъ чтенія исторіи, дѣтства и св. отцовъ. Создавать то, что могло быть и было почерпнуто изъ чтенія, не представляло надобности».

не должны отступать своего работного яга и владычества своего государя. Исполнение его хотѣній есть первая обязанность подданнаго и составляет то, что Грозный называет добротствомъ. Этихъ устанавливается мірно отношеній государя къ подданнымъ. «Доброхотныхъ своихъ, пишетъ Грозный, жалуетъ великими всякими жалованьями, а ниже обрываются въ супротивныхъ, то по своей внишъ и казни пріемлютъ»¹⁾. Государю принадлежитъ неограниченное право казнить и жаловать своихъ слугъ по усмотрѣнію, такъ какъ они Богомъ поручены ему въ работу²⁾, и никому, кромѣ Бога, государи не дають въ этомъ отчета³⁾.

Дальше этихъ положеній не шли представленія Грознаго о своей власти: но ни одно изъ этихъ положеній не создано имъ. Правда онъ пытается еще ослѣпить теорію неограниченной власти ссылками на изначальную старину. Но и въ этомъ онъ стоитъ на той-же ложной исторической почвѣ, какъ и предшествующіе и современныя ему публицисты, ведущіе русское самодержавство отъ Владимира Святого и Владимира Мономаха⁴⁾.

Но проникнутый этими воззрѣніями до крайняго самообоготворенія, онъ съ пыломъ своей страстной натуры стремился сообразно съ ними нормировать внѣшнія и внутреннія государственныя отношенія. Въ лицѣ его новыя государственныя теоріи нашли самого выпуклаго выразителя, а время его царствованія выделяется замѣтными чертами въ исторіи политическихъ отношеній древней Руси.

Торжественное вѣнчаніе Грознаго на царство въ значительной степени удовлетворило гордое національное чувство горячихъ патриотовъ такимъ повышеніемъ чести русскаго государя. Но ихъ стремленія на этомъ остановиться не могли. Единный во всей поднебесной православный царь долженъ былъ получить признаніе за

¹⁾ Сказанія, стр. 179, 162, 172, 209—210 и 180.

²⁾ Тамъ-же, стр. 179: «А жаловати своихъ холопой вольны, а в казнить вольны жъ есмь». Еще см. стр. 192; ср. Александровск. лѣт. въ Р. И. В., III, стр. 192: «всякому своего вольно казнить и жаловати».

³⁾ Тамъ-же, стр. 169: «Кто убо постави оудію и влаетеля надъ нами?». Стр. 195: «хоселъ русскіе владѣтели не истязуемы быши ни отъ кого-же, но повольны были подвластныхъ своихъ жаловати и казнить». Въ извѣстныхъ боярскихъ отвѣтахъ на письма Сигизмунда-Августа та-же мысль выражена такъ: «царское самодержество... отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государствахъ самодержествуютъ... и никто же ни изъ члвкъ не можетъ указа учинити, и вольны добрыхъ жаловати, а злыхъ казнить» Бавліе XV, стр. 47.

⁴⁾ Сказанія, стр. 157: «Русское самодержавство Божіимъ позволеніемъ почивъ отъ великаго князя Владимира Св. и Владимира Мономаха, высокодостойнѣйшую честь отъ грохъ воспріявшаго... и доиде до насъ смиреннѣхъ скупцовъ держанія русскаго царствія... Божіимъ позволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, якоже родихомся во царствіи, тако и возрастехомъ и воцарихомся... свое влзхомъ, а не чужое восхитихомъ».

нихъ такого достоинства во всѣхъ странахъ. Отсюда получаютъ объясненіе всѣ настойчивыя попытки московскаго правительства добиться признанія за государемъ всея Руси права на царскій титулъ. При Грозномъ достиженіе указанной цѣли было руководящимъ принципомъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Особенно важно было настоять на признаніи за московскимъ государемъ новаго титула у польско-литовскаго правительства, такъ какъ въ предѣлахъ этого государства находилась еще значительная часть изначальной прародительской отчины московскихъ государей, населенная почти исключительно жителями православнаго исповѣданія.

Разборъ съ этой стороны дипломатическихъ сношеній Москвы съ Литвой и Польшей укажетъ какъ ту энергію, съ какой дебатировался ими вопросъ о титулѣ, такъ и степень политической зрѣлости обѣихъ сторонъ.

Въ первый разъ при Грозномъ столкновеніе изъ-за титула произошло при заключеніи перемирія въ 1549 г., когда польско-литовскіе послы отказались включить въ королевскую перемирную грамоту новый титулъ московскаго государя. Посольскіе дьяки, очевидно по наказу думы, говорили писарю Глѣбу, — который, ссылаясь на перемирную грамоту 1542 г., отказался писать «царемъ» имя великаго государя, — что «государь нашъ въ то время на свои государства царемъ не именовался, и потому тогда въ той грамотѣ царемъ не писанъ; а нынѣ, съ Божією волею, государь нашъ царемъ именовался по прежнимъ обычаямъ, какъ былъ на государствахъ русскихъ царемъ и великимъ княземъ прародитель его Владимиръ Мономахъ Всеволодовичъ, и то имя государь нашъ не чужее намъ, отъ своего прародителя». Послы, однако, одобрили образъ дѣйствій своего писаря и объяснили, что у нихъ въ наказѣ ничего не сказано о новомъ титулѣ, такъ какъ государь московскій не обоедался съ нѣмъ государемъ «что царемъ ся учинилъ». По этому поводу состоялся засѣданіе думы, на которомъ сначала рѣшено было поугатъ пословъ отпускомъ и тѣмъ вынудить у нихъ «последнее слово». Но что было дѣлать, если послы заупрямятся на своемъ: уступить имъ или нѣтъ? Царь много говорилъ съ боярами о томъ, «пригоже ли его имя исполни писати» и только послѣ совѣта бояръ, что «нынѣ для недруговъ крымскаго и казанскаго пригоже не сполна писати», состоялся приговоръ о написаніи королевской перемирной грамоты по старинѣ. Любопытны мотивы этого приговора. Рѣшено было уступить потому, что если съ королевемъ «за то слово» не заключать перемирія, то стоять противъ трехъ недруговъ вдругъ будетъ истомно, «и которые крови христіанскіе прольются за одно имя, ино отъ Бога о грѣсѣ сужинитель-

и о». Оказалось, что послы твердо стояли на своемъ и не испугались отпуща. Тогда бояре царю и великому князю «приговаривали и били челомъ», чтобы онъ въ своей грамотѣ написалъ свое имя сполна, а королевскую грамоту разрѣшивъ написать по старинѣ, такъ какъ у короля будетъ государева грамота, и если ее и ме-другъ посмотреть, то увидитъ, что имя государя написано сполна, какъ нужно; королевская-же грамота будетъ у государя въ казнѣ; «иногда кому смотрити?» На этомъ и приговорили, но рѣшили испробовать еще одну послѣднюю мѣру: отпустить пословъ, велѣть имъ снаряжаться въ путь и допустить до саней, чтобы узнать: «нѣчто будетъ у пословъ наказъ отъ короля стояти о томъ крѣпко и у послѣдняго дѣла спуститись, ино ужъ послахъ вся крѣпость отоидетъ, какъ въ сани сядутъ, ужъ у нихъ бошини того крѣпости не чаяти, что имъ будетъ наказу, и то тутъ все явится». Но когда и эта мѣра не помогла, то царь опять совѣтовался съ боярами, уступать или нѣтъ, и все-жъ бояре для покоя христіанскаго опять совѣтовали уступить, на чемъ и было окончательно порѣшено ¹⁾.

Описанный случай указываетъ на неуверенность московскаго правительства въ правотѣ своего дѣла. Какъ имъ трудно было Ивану IV согласиться на требуемую уступку, но онъ уступилъ настоянію бояръ не только изъ политическаго расчета, но и боясь погрѣшнть пролитіемъ крови изъ-за одного имени. Та-же неуверенность проглядываетъ еще и въ томъ, что о вѣнчаніи на царство не извѣстили короля. Когда на это указали послы, то имъ отиѣчали, что «государю нашему котораго для дѣла о томъ своемъ имени съ вашими государемъ обсылатись? не у короля ему того просити, то имъ государемъ дано отъ Бога и отъ ихъ прародителей». Но когда послы попросили дать имъ выписъ о царскомъ поставленіи, «которымъ обычаемъ государь на царство вѣнчался, и какъ предки его то царское имя взяли», то объ этомъ состоялся слѣдующій приговоръ думы: «выписи не давати того для: только имъ писью дати, ино впередъ о томъ отвѣты умыслять и тогда будетъ въ рѣчахъ говорити о томъ тяжелѣ, коли о томъ отвѣты составлять» ²⁾. Но хотя выписи не дали изъ боязни вызвать такую критику, возражать на которую было бы затруднительно, однако, при переговорахъ съ послами уже была пущена въ дипломатическій оборотъ фикція о Мономаховомъ вѣнцѣ: пока еще безъ подробной мотивировки.

¹⁾ Сборн. Р. Ист. Общ., т. LIX, стр. 287, 289, 291—292, 297, 298 и 300.

²⁾ Тамъ-же, стр. 296—297.

Посылая къ королю пословъ для подтвержденія перемирія 1549 г., Иванъ Васильевичъ наказывалъ извѣстить тамъ, что онъ именовался царемъ «прежде бывшихъ вѣнчаніемъ прародителя своего Владимира Мономаха, а не иныя обычаемъ», и указать, что всѣ государи пишутъ свое имя по вѣнчанью, а король по коронованью, что до Ягайла государямъ «вашихъ» коронованья не было и Ягайловъ отецъ Ольгердъ не писался королемъ; а какъ Ягайлю короновался, то съ тѣхъ поръ и сталъ писаться; «а государь нашъ пишетъ свое имя царемъ по своему, царскому вѣнчанію и по прародителя своего достоинству»¹⁾. Только въ самомъ концѣ 1550 г. рѣшились сообщить въ Литву подробности сказаніе о Мономаховыхъ регалияхъ и то неофициально. Въ наказѣ посланнику Якову Остафьеву предписано было, — если его станутъ спрашивать, почему именъ государи пишется царемъ, когда прежде отъ многихъ лѣтъ московскіе государи писались великими князьями, — отвѣчать, что государь учинился на царствѣ по прежнему обычаю, и затѣмъ разсказать кратко исторію о томъ, какъ Константинъ Мономахъ добылъ челоуъ Владимиру Мономаху и прислалъ ему регалии для вѣнчанія на царство. Любопытна преподанная посланнику мотивировка принятія новаго титула московскихъ государей: Остафьевъ долженъ былъ указать, что государя тѣмъ же вѣнцомъ вѣнчалъ митр. Макарій, «затѣмъ именъ земли русскою владѣеть государь нашъ одинъ»²⁾. Откровеніе начала поступать московская дипломатія со времени покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Въ 1554 г. еще неофициально, въ 1555 г. грамотой митрополита къ епископу виленискому, а въ 1556 г. въ отвѣтъ литовскимъ посламъ рѣшено было подробно сообщить польско-литовскому правительству причины, по которымъ великій князь ложится царемъ. Материаломъ послужили главнымъ образомъ выработанныя русской публицистикой политическія факты о правахъ московскихъ государей на царскій титулъ. Первымъ основаніемъ послужила ссылка на то, что еще прародитель государя великій князь Владиміръ Святославичъ, «какъ крестился самъ и землю русскую крестилъ, и царь греческой и патріархъ вѣнчали его на царство русское, и онъ писался царемъ; а какъ преставился ино и образъ его на иконахъ пишутъ царемъ»³⁾. Второй ссылкой послужила легенда о Мо-

¹⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 309—310 и 313; Лит. метр., I, стр. 51.

²⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 345.

³⁾ Тамъ же, стр. 437, 474, 504, 527—528. Любопытно, что эта новая версия политической факты о царствѣ на Руси появилась раньше патріаршей грамоты о царскомъ титулѣ. Значитъ, она возникла на національной почвѣ.

пошаговыхъ регалияхъ, поводахъ присылки которыхъ выставялся походъ Владиміра Мономаха къ Царьграду «за вѣкоторыя несправленія царей греческихъ» ¹⁾. Изъ этихъ двухъ предсѣдатель и сдѣлавъ былъ выводъ, что съ тѣхъ поръ и «по се время» въ русскихъ государствахъ ведется такой обычай: «который государь тѣмъ вѣнцомъ вѣнчается, то и пишется царемъ русскимъ и великимъ княземъ». Для подкрѣпленія этого вывода приводилась аналогія съ польско-литовскимъ государствомъ, гдѣ государи писались сначала великими князьями, но какъ Ягайло короновался на польскую землю, то и сталъ писаться королемъ, и съ тѣхъ поръ потому-же всѣ государи пишутся королями, «который коронованъ будетъ на королевство» ²⁾. Въ Москвѣ, конечно, хорошо знали, почему Ягайло былъ коронованъ, и предвидѣли изображеніе, которое могли сдѣлать въ Литвѣ на указанную аналогію. Соотвѣтственно этому и заготовленъ былъ отиѣтъ: если въ Литвѣ скажутъ, что ихъ «государи пишутся по государству, мѣсто за ними королевское», то на это предписано было отиѣчать, что московскіе государи «отъ начала по снѣому государству по русскому зовутся цари, которые вѣнчаются»; а кромѣ русской земли Богъ далъ государю царства Казанское и Астраханское, «а мѣсто Казанское и Астраханское извѣстное царское потому-жъ, какъ и русское» ³⁾. Этотъ аргументъ и послужилъ 3-мъ подтвержденіемъ основательности притязаній московскаго правительства на новый титулъ. Наконецъ, въ 1556-же году московскіе послы должны были официально отъ имени государя предъявить польско-литовскому правительству основанія къ принятію царскаго титула. Кромѣ трехъ вышеуказанныхъ ссылокъ, здѣсь приводится еще одна новая, которая поставлена къ тому-же во главѣ другихъ. Сославшись на то, что о принятіи титула по прародительскому именованію уже нѣсколько разъ сообщалось въ Польшѣ и Литвѣ, московское правительство подкрѣпило прежде всего стародавнюю вѣщанія тѣмъ, что «государство наше русское отъ начала особнѣ сдержится нами, великими государи русскими, поченъ отъ Августа кесаря Римскаго и до Рюрика, нѣтъ былъ государемъ въ Великомъ Новѣгородѣ» ⁴⁾.

¹⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 437, 474, 501, 527—528.

²⁾ Тамъ-же, стр. 437, 452, 527—528 и 313; ср. Пам. дипл. снов., X, 229.

³⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 437, 452, 476, 500, 528.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 519; Литов. метр., I, стр. 120. Далѣ шла ссылка на Владиміра св., который «титуло царскаго именования на себя положилъ», и на Владиміра Мономаха, который «титуломъ царскаго именования вѣнчалъ бысть съ прошеніемъ импѣра греческаго царя» и проч.

Съ этихъ поръ такого рода ссылки повторялись нѣсколько разъ по различнымъ поводамъ и съ разными варьяціями ¹⁾.

Но какъ ни серьезны, по мнѣнію московскаго государя, были поводы къ принятію имъ царскаго титула, они не имѣли той цѣлы въ глазахъ польско-литовскаго правительства, у котораго замѣчается и прямое недоброжелательство къ сосѣду, и серьезныя опасенія за политическіе результаты задуманнаго вѣдства ²⁾. Поэтому и дипломатическая борьба приняла такой упорный характеръ. Польско-литовскіе дипломаты, не вступая въ принципиальныя переговоры, затягивали дѣло подъ тѣмъ благозвучнымъ предлогомъ, что ихъ государь долженъ предварительно обослаться на счетъ новаго титула съ папою, съ цесаремъ и его братомъ Фердинандомъ, «и будетъ они на то произволять, и государь нашъ то дѣло учинить славно, шедъ въ церковь, да съ собора то имя государю вашему оповѣстятъ». Признаніе новаго титула безъ предварительной обсылки съ другими государями грозило, по словамъ пословъ, ихъ отечеству войной со всѣми государями ³⁾. Тщегно московское правительство возражало противъ обсылки съ государями, ссылаясь на то, что папа и цесарь «назвѣчно» знаютъ царское имя московскаго государя, дѣда и отца котораго титуловали царемъ еще папа Климентъ и Максимилианъ; что всѣ околѣнные государи не только христіанскіе, но и бусурманскіе не убавляютъ царскаго имени, но даже слыше прибавляютъ, называя его «Бѣлыми русскими царемъ». Не помогло и предъявленіе подлинныхъ окончательныхъ и посыльныхъ грамотъ цесаря, султана турецкаго, многихъ другихъ государей и даже «всѣхъ четырехъ патріарховъ» ⁴⁾. Заявленное 27 авг. 1553 г. польско-литовскими послами требованіе предварительной обсылки съ папою и цесаремъ о царскомъ титулѣ не могло быть оцѣнено по достоинству московскими правительствомъ, такъ какъ ему не было извѣстно содержаніе открывенной инструкции 15 февр. 1553 послу Крыйскому, который долженъ былъ энергически протестовать отъ имени польскаго короля противъ всякихъ занескиваній папскаго престола въ пользу

¹⁾ См. грамоту Грознаго къ Сигизмунду-Августу 1556 г., Сб. Р. И. Общ. т. LIX, стр. 537 и слѣд.; Литов. метр., I, стр. 127; письмо къ Курбскому, Скаковія, 167; отвѣтъ посламъ Стефана Баторія 1577 г., Визл., XVI, 173—174; листъ до князя Полубенскаго 1577 г., Лит. метр., II, стр. 27—28; отвѣтъ рѣчи Антонію Поссевиану, Пам. днл. спом., X, стр. 135, 206, 230—231.

²⁾ См. выше, глава III, стр. 82, прим. 4.

³⁾ «Ино съ всѣми государи про то зачатити». Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 305 и 503.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 397, 474 и 519.

московскаго государя. Невозможное въ данномъ случаѣ положеніе московскихъ дипломатовъ не разъ, быть можетъ, вызывало улыбку ихъ соперниковъ. Тѣмъ болѣе не безъ ироніи отнеслась польско-литовская дипломатія къ тѣмъ аргументамъ, которые указаны были ей изъ Москвы въ подтвержденіе предъявленныхъ притязаній. Въ 1549 г. московскимъ посломъ по поводу ссылки на царскій титулъ Владиміра Мономаха было сообщено, что «то суть рѣчи данныя, а тотъ столецъ Кіевъ есть и будетъ въ рукахъ и держанъи его королевскіе милости и никому бы тѣмъ именемъ и тытуломъ царства Кіевского не было пристойно писатися, одно его королевской милости, а не великому князю московскому». Къ этому было еще прибавлено, что, кромя цесаря, никоторый государь христіанскій тѣмъ именемъ не называется, «кромя бесурманскихъ царей, а онъ братъ нашъ есть господаремъ хрестіанскимъ» ¹⁾. Еще болѣе рѣзко и зло смѣялся Стефанъ Баторій надъ Иваномъ Грознымъ по поводу происхожденія его отъ Августа и Пруса. Онъ не только называлъ негнѣдцей домысль о Прусѣ ²⁾, но кололъ Грознаго и за самую идею преемства византийской имперіи. Указавъ на жестокости Грознаго въ Новгородѣ, Баторій замѣчаетъ: «завелъся быти народу греческаго, не только Пруса брата цесаря Августа, але естьли пошолъ съ грекомъ, иевне еси пошолъ съ Тыста тирана» ³⁾. Эту злошутливую критику Грозный истолковалъ въ томъ смыслѣ, что Баторій отрицалъ существованіе Пруса, болѣе предъявленія правъ на Пруссію со стороны Москвы. Поэтому Грозный и спѣшилъ успокоить его съ этой стороны ⁴⁾. Не даромъ московская дума не рѣшалась дать въ руки враговъ выписъ о царскомъ илѣчаніи илѣ опасенія, что на нее умыслятъ такіе отпѣты, противъ которыхъ трудно будетъ отпѣнати.

¹⁾ Лит. метр., I, стр. 51 и 96; Сб. Р. И. Об., т. LIX, стр. 416.

²⁾ Въ 1578 г. онъ писалъ Грозному: «народъ твой вышчаючи отъ Пруса, менуючи его братомъ Августа цесаря и въ томъ непозную вѣдомость имашь, кгдажъ Августъ цесарь брата и потомства не мѣлъ и Прусъ если есть въ какомъ писемъ тогда змышленномъ братомъ Августови описати, чего малая потреба ширинѣмъ писаньемъ искомнати». Лит. метр., II, стр. 44. Въ отпѣтномъ посланіи 1581 г. Баторій пишетъ: «а не тверди ба еси въ бахорѣхъ своихъ, або того себѣ не змышляй, чего въ рѣчи никомъ не было, яко еси смыслилъ о Прусѣ братѣ Августовомъ». Тамъ-же, стр. 189; Сборн. Муханова, стр. 413.

³⁾ Лит. метр., II, стр. 191; Сб. Муханова, стр. 415—416.

⁴⁾ «А что пишеть о Прусѣ, будто мы то не граздо пишемъ, что онъ не былъ, и Стефанъ бы король то намъ указалъ, коли ужъ Пруса на семъ свѣтѣ не было, почему нынѣшнѣ называется Прусская земля; а мы то писали для своего государства, извѣщая откуда наше государство пошло, а подъ нимъ Прусскіе земли не подыскиваемъ», Пам. дипл. снош., X, 231.

Дипломатическим неудачи по вопросу о титулѣ не остановили московское правительство отъ дальнѣйшихъ попытокъ извлечь изъ теорій о русскомъ царствѣ и другіе выводы, которые получили приложеніе въ сферѣ внѣшней и внутренней политики. Эти попытки, захваченныя сначала въ отдѣльныхъ только случаяхъ, при Иванѣ Грозномъ сложились въ весьма своеобразную систему.

Единому во всей поднебесной православному царю предстояло оспаривать преемство традицій второго Рима. Подобно тому, какъ византийскіе императоры, считая себя едиными истинными представителями всемірной монархіи, нѣхъ прочихъ королей и князей считали стоящими ниже ихъ, и московскіе государи, начиная съ Ивана III, стремятся повысить свое международное положеніе. Потому-то они и придавали такое важное значеніе «повышенію» своего имени и въ особенности своему титулу, которыхъ опредѣлялась въ международной политикѣ высота чести, принадлежащей представителю власти. Потому-же московское правительство такъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ возникающихъ международныхъ сношеніяхъ имя православнаго государя не потерпѣло униженія и безчестія. Но для того, чтобы не проиграть въ борьбѣ за свою честь, московскому правительству необходимо было имѣть въ рукахъ мѣрило для сравненія чести представителей власти.

И такое мѣрило было выработано. Въ основу его были положены двѣ идеи: идея о родословности государя и идея о высотѣ принадлежащей ему власти. Обѣ онѣ довольно рано проглядываютъ въ политической практикѣ московскихъ князей и обѣ тщательно разрабатываются публицистической литературой. Огнѣнка чести государя съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и дала практическія указанія для установленія обрядности въ международныхъ сношеніяхъ. Государь съ обширнѣйшмъ родословіемъ вѣнценосныхъ предковъ и государь рагвені; государь, получающій свои полномочія отъ вышннхъ Божія десницы, ограниченный въ полнотѣ своей власти лишь предписаніями божественныхъ законовъ, и государь, избранный и ограниченный въ своихъ прерогативахъ самочиніемъ своихъ подданныхъ, — таковы теоретическія антитезы сравнительной чести представителей власти, полученные въ результатѣ многолѣтней практики и наблюденій московскихъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ сферъ.

Иванъ III былъ первымъ государемъ всея Руси, такъ много содѣйствовавшимъ къ повышенію своего имени съ указанныхъ точекъ зрѣнія; онъ первый явился горячимъ противникомъ ограниченія государственной власти и категорично выразилъ это новгородцахъ въ 1478 г., объявивъ имъ, что «мы великіе князи хотимъ государства своего, какъ есмь на Москвѣ, такъ хотимъ быти

на отчиніи своей Великому Новгороду». Не появив истиннаго значенія этихъ словъ, новгородцы хотѣли выговорить въ свою пользу нѣкоторыя условія и просили объ этомъ великаго князя. Но послѣдній отвѣчалъ имъ: «язь князь великій то вамъ сказалъ, что хотишь государства на своей отчиніи Великому Новгороду такоу, какъ ваше государство въ низовской землѣ на Москвѣ; и вы нынѣ сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государству быти, яно то которое мое государство?» Новгородцы полюбобытствовали узнать о низовскихъ пошлинахъ, «какъ государи государство свое держатъ въ низовской землѣ», и имъ было объявлено, что государство это таково: «вѣчно колоколу не быти, посадинку не быти, а государство все намъ держати»¹⁾. Итакъ, урокъ государству, т. е. ограниченіе государственной власти, противорѣчитъ низовской пошлинѣ, по которой государь долженъ самъ держать все государство²⁾.

Вскорѣ послѣ уничтоженія татарскаго ига выражена была мысль о томъ политическомъ положеніи, которое должно было занять московское государство въ ряду другихъ государствъ. Иванъ III въ 1488 г. далъ слѣдующій отвѣтъ цесарскому послу на предложеніе выхлопотать у цесаря королевскій титулъ: «Мы Божіею милостию государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и наинимъ дѣлать и до вѣка въ томъ быти, какъ есмь нынѣ государи на своей землѣ, а поставленія какъ

¹⁾ П. С. Л., VI, 213 и слѣд.; Ник. Лѣт., VI, 99 и слѣд.; Степ. кн., ч. II, 126. Соответственно измѣнившемуся положенію Новгорода, Иванъ III въ 1492 г. вспоминалъ: «какъ мы держали свою вотчину Великій Новгородъ въ ихъ волѣ, ... и какъ почали его держати въ своей волѣ». Пам. дипл. снош., I, 81.

²⁾ Выраженіе «урокъ» для обозначенія ограниченій власти было въ то время употребительно. Примѣнительно къ московскому дипломатическому языку такъ была выражена въ 1492 г. просьба императору Максимилиану двухъ городовъ магистра прусскаго, желавшихъ перейти въ имперское подданство: «чтобы ихъ принялъ подъ цесарство и держалъ какъ и прочіе города нѣмецкіе, а имъ бы присягати къ нему урокомъ и вѣки мѣ». Пам. дипл. снош., I, 74. Въ сказаніи о чудѣ явленія разсказывается о новгородской вольности такъ: «князья и новгородцы» данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не переходити предѣлъ прежде установленныхъ». *Бусингъ*, Мѣстные сказанія о началѣ Москвы въ Лѣт. русск. зипер. Тихомирова, т. IV, стр. 19. Отсюда и выраженіе: «великаго князя вина безъ урока», т. е. наказаніе за вину назначается по усмотрѣнію государя безъ всякихъ ограниченій. П. С. Л., VI, 203. Василій III отвѣчаетъ крымскому хану: «урокомъ поминковъ мы ни къ кому не посылали». *Соловьевъ*, V, изд. 5, стр. 337. Поэтому понятіе «государь» рѣзко отличается отъ понятія «урядинка» въ смыслѣ представителя власти. П. С. Л., VIII, 280; Ник. Лѣт., VI, 250.

если напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотѣтъ»¹⁾). Въ выгодахъ, конечно, московскаго правительства было поскорѣе забыть не только ханскіе ярлыки о посаженіи на столѣ, но и то близкое прошлое, когдазначальному государю Ивану Васильевичу приходилось въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ писать ему съ челобитьемъ о жалованьи²⁾). Все это быстро забывалось, а претенціозность московскаго князя возрастала съ замѣчательной быстротой. Въ 1489 г. отказано было «Маркрабію Подноскому» Альбрехту въ сватовствѣ: дочери великаго князя. Послу Юрію Траханиоту наказано было объяснить, что за того маркрабія государю отдать свою дочь непригоже, такъ какъ «во всѣхъ земляхъ вѣдомо, что государь нашъ великій государь уроженный изначала отъ своихъ прародителей; а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначальству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними римскими цари, которые Римъ отдали намъ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его государь нашъ и до конца былъ съ ними въ братствѣ и въ пріятельствѣ и въ любви, и до своего зятя Ивана Палеолога римскаго царя; ино такому великому государю какъ данати своя дочи за того Маркрабія?»). Послу предписано было, если зайдетъ рѣчь о сватовствѣ: цесарскаго сына Максимиліана, этого не отговаривать и указать на то, что государь московскій «того ищетъ, чтобы ему дати своя дочи по пригожу за кого, и цесарь и сынъ его Максимиліанъ государеве великіе, а нашъ государь великій жъ государь»³⁾). Претенціозность такого сопоставленія получаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ то время уже были извѣстны московскому правительству позрѣнія сопременниковъ о главенствѣ цесаря между христіанскими государями⁴⁾). Братство съ наипредѣлѣйшими византійскими и римскими царями до крайности изошрило политическое

¹⁾ Пам. дипл. снош., I, 12.

²⁾ Въ 1474 г. Иванъ III быть челомъ Менгли-Гирею, что, жалуючи его, учинилъ себя братомъ и другомъ. Самъ великій князь только съ 1486 г. сталъ именовать себя братомъ вольнаго человека—царя и пересталъ вспоминать о жалованьи. Сб. Р. И. Общ., т. XLI, №№ 1 и 15. Новая форма не поправилась великому князю литовскому, который въ 1500 г. писалъ Менгли-Гирею: «А хто предъ тымъ твоимъ предкамъ холопомъ ся писывалъ, тотъ нынѣ тобѣ вже братомъ ся называетъ». А. З. Р., I, № 183. Иногда только выраженіе «челомъ быю» стало замѣняться другимъ: «сезово наше то». Сб. Р. И. Общ., т. XLI, стр. 161. Но первая форма при Иванѣ III была употребительнѣе.

³⁾ Пам. дипл. снош., I, 17—18.

⁴⁾ Въ 1484 г. цесарскій посолъ объяснилъ въ Москвѣ, что «цари и князата и ршцери удѣлати мочь имають государь нашъ царь римскій»; а въ 1518 г. уже официально заявлялось, что «священнѣйшее цесарское величество, государь нашъ, глава есть всѣхъ христіанскихъ государей». Тамъ-же, стр. 11, 353, 362 и 363.

честолюбие московских государей въ международных отношеніяхъ, и они съ своей стороны были очень скупы въ надѣленіи титуломъ братства тѣхъ правителей, съ которыми имъ приходилось вступать въ сношенія. Московской дипломатіи приходилось производить подробнѣйшія изысканія о рангахъ всякихъ королей, князей и т. д. только для того, чтобъ въ сношеніяхъ съ ними не унизить международной чести своего государя. Въ Москву, напр., поступилъ въ 1475 г. дипломатическое донесеніе объ порядкѣ избранія венггерскихъ князей и о родовитости вновь избраннаго князя ¹⁾. Въ 1493 г. предписано послать провѣдать про Конрада Мазовецкаго, присылавшаго сватать дочь великаго князя, «чѣмъ былъ послушенъ тотъ князь королю Казимиру, служилъ-ли ему, давалъ-ли ему подать закону, и кому онъ равенъ инымъ княземъ, и что его княженье, велика-ли его земля, и сколь силенъ, и послушны-ли ему люди» и т. д. ²⁾. Все эти справки нужны были, конечно, только для того, чтобъ опредѣлить, будетъ-ли соответствовать чести великаго князя намеренный кандидатъ въ зятя.

Когда нельзя было раздобыть нужныхъ свѣдѣній для опредѣленія международного достоинства кого-либо изъ владѣтельныхъ правителей, московские государи въ сношеніяхъ съ ними поступали съ крайнею осторожностью. Въ 1533 г. пришелъ изъ Индіи въ Москву гость отъ «Бабуръ падиши, индѣйскіе земли государя» съ предложеніемъ быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ и обсылаться людьми «на обѣ стороны ихъ здоровья видѣти». Великій князь Василій въ отвѣтной грамотѣ писалъ, «что того хочетъ, чтобы люди промежъ ихъ ѣздили; а о братствѣ къ нему не приказалъ, невѣдомо, какъ онъ на Индѣйскомъ государствѣ: государь-ли или урядникъ, и великому бы государю въ томъ инзости не было, будетъ онъ той земли урядникъ, и великій государь того ради о братствѣ къ нему не писалъ» ³⁾.

При Иванѣ Грозномъ уже возникаетъ совершенно опредѣленная система сравнительной оцѣнки международного значенія государей и государствъ. Только съ нѣкоторыми изъ государей московскій царь писался братствомъ: съ турецкимъ султаномъ, цесаремъ, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ; совершенно же по рангу попалъ въ братья и крымскій ханъ. Къ болѣе мелкимъ

¹⁾ П. С. Л., VI, 199: «А того ден поставили не княжа роду, ни царь-ка; но избраша всѣми людьми умныхъ и храбрыхъ людей пять, или шесть, или десять, да велятъ верна намѣтивъ вкинуть въ судно, или въ ступку, а верна ден бѣзы, да выняти ден малому дитяти: его-же ден до дваци выметъ верно, того поставили».

²⁾ Сб. Р. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 97.

³⁾ П. С. Л., VIII, 280; Ник. Лѣт., VI, 250.

правителямъ о братствѣ не писалось. Наконецъ, были и такіе, непосредственныя сношенія съ которыми считались униженными: съ ними сносились отъ имени государевыхъ намістниковъ: таковъ напр., король шведскій. Это было своеобразное мѣстничество между государями, очень сходное, впрочемъ, и по исходнымъ точкамъ зрѣнія и даже по выраженіямъ съ мѣстничествомъ московскихъ служилыхъ людей. Какъ послѣдніе мѣстничались по родословцу и по разрядамъ, такъ и московскіе цари считались честью съ другими государями по родословіямъ и по государствамъ. Въ публицистическихъ стремленіяхъ выдвинуть преимущества московскаго государя и особенно въ дипломатическихъ препирательствахъ о его титулѣ нерѣдко встрѣчаются ссылки на то, какъ «изводится и родословится» великій государь, и даже приподятся «случаи», по которымъ ему усвоится лучшая честь¹⁾. Во всѣхъ этихъ политическихъ счетахъ первенствующую роль всегда играетъ родословная точка зрѣнія. Не даромъ-же Иванъ Грозный произвелъ себя отъ Августа кесаря. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда это было выгодно и возможно, московскіе дипломаты ссылаются и на честь государствъ, такъ сказать на мѣста, которыя понижаютъ или повышаютъ политическую честь представителя власти.

Случайный историческій прецедентъ поставилъ очень низко къ мѣстностямъ московскаго правительства политическое значеніе Швеции: она пела постоянныя сношенія съ Новгородомъ до его покоренія. Сношенія эти продолжались и послѣ, но велись отъ лица намістниковъ московскаго государя. Когда-же шведское правительство потребовало непосредственныхъ сношеній между государями, то въ этомъ ему было отказано на томъ основаніи, что будто изначала, какъ предки московскихъ государей начали государить въ русской землѣ, всѣ свейскіе государи жиры и перемирья заключали съ новгородскими намістниками²⁾. Иванъ Грозный въ 1556 г. указывалъ даже на то, что будто при отцѣ его, когда Густавъ шведскій присылалъ къ новгородскимъ намістникамъ для заключенія съ ними братства и докончанія, новгородскіе намістники братства съ нимъ не учинили, такъ какъ онъ учинился на той землѣ «не прироженный свейскій государь, ни какъ прироженецъ иныхъ государей».

¹⁾ Визл., XVI, стр. 120 и 176: «и не тѣмъ повсѣмъ случаямъ государю вашему Степану съ нами въ равномъ братствѣ быти не пригоже».

²⁾ Въ 1572 г. король Яганъ объяснялъ Грозному, что сношенія съ Новгородомъ существовали, пока онъ былъ независимъ. Но Грозный не понялъ такой смысли; «ию тѣмъ-ли великій Новгородъ, писалъ онъ, отчина наша честна была, что отъ насъ отпадна была, али тѣмъ нмѣи безчестна, что насъ позвали своихъ государей, какъ ты пишешь неподобно». Лэт. зам. Арх. Коп., вым. 6, катер., стр. 82.

И только благодаря «челобитию» короля, московскій государь его «пожаловалъ», велѣлъ новгородскимъ наместникамъ заключить съ нимъ перемирие и написать въ грамотѣ «королей избранныхъ»¹⁾. Въ 1557 г. шведскіе послы въ Москвѣ указываютъ на безчестье для нихъ короля сноситься съ государевыми наместниками. Но бояре отыѣли ихъ, что наместники новгородскіе происходятъ или отъ коренн государей русскихъ, или отъ королей литовскихъ, или царей казанскихъ, или, наконецъ, извѣщныя государевы бояре родопъ за 30 и болѣе. Про государя-же шведскаго бояре сказали «въ разсудъ а не въ укоръ: которого онъ роду, и какъ животною торговалъ и въ свейскую землю пришегъ: то недавно ся дѣлало и всѣмъ изъдомо»²⁾. Отсюда выводилось, что сношенія съ новгородскими наместниками для шведскаго короля отнюдь не безчестье, а честь. Въ 1563 г. Грозный сыну Густава Ерику писалъ, что его требованіе сноситься прямо съ царемъ такъ «отстоитъ отъ мѣры, какъ небо отъ земли»³⁾. Въ грамотѣ брату Ерика, королю Ягану, отъ 1573 г. объяснены мотивы такой непомерной претенциозности или спѣсности, какъ выразился король Яганъ. Значительная часть царской грамоты посвящена доказательствамъ низкой чести свейскихъ королей сравнительно съ «честью царскія степенн» московскихъ государей. Грозный прежде всего указываетъ на то, что король написалъ свое имя выше царскаго не по пригожу, такъ какъ «имя цесарь римскій братъ и иные великіе государи, а тебѣ тѣмъ братомъ назватись невозможно, потому что свейская земля тѣхъ государствъ честию ниже». Грозный укоряетъ шведскихъ королей происхожденіемъ⁴⁾: Густава короля онъ называетъ «изъщма лотомъ», а Ягана «страдинкомъ» и въ цѣломъ рядѣ фактовъ видитъ подтвержденіе ихъ низкаго происхожденія. Король Густавъ самъ, нарядясь въ рукавицы, сажо и воску «за простаго челоуѣка опытомъ пытагъ», когда прѣзжали съ этимъ

¹⁾ Лит. метр., I, стр. 127; Сб. Р. И. Общ., LIX, стр. 535—537.

²⁾ Карамзинъ, VIII, прим. 459.

³⁾ Р. И. Б., III, Александр-Невск. лѣт., стр. 184.

⁴⁾ Онъ пишетъ королю Ягану. «А то правда истинная, а не ложь, что ты мужчиной родъ, а не государской. А пишешь къ намъ, что отецъ твой вѣнчаный король, а мати твоя также вѣнчанная королева; ино то отецъ твой и мати твоя и вѣнчанные, а дотогъ не бывалъ никто, уже такъ скъзываешься государской родъ. И ты скажи, отецъ твой Густавъ чей сынъ, и какъ дѣда твоего звали, и гдѣ на государствѣ сидѣлъ, и съ которыми государи былъ въ братствѣ, и котораго ты роду государскаго? Пришли родству своему письмо и мы потому разсудимъ». Ему же въ другомъ мѣстѣ Грозный пишетъ: «А всего того подлиннѣе пришли государству своему письмо, какъ самъ еси писалъ за 400 лѣтъ, кто и которой государь послѣ котораго сидѣлъ на государствѣ, и съ которыми государи въ братствѣ былъ, и мы потому уразумѣемъ твоего государства величество».

товаромъ торговые люди,—и то государское-ли дѣло? Король Густавъ и потому мужицкаго рода, что писалъ себѣ въ товарищахъ архіепископа и всю землю. Родъ Густава безспорно «мужицей родъ: да родствомъ съгосударился, а не по достоинству»; королей въ шведской землѣ до Густава Грозный не слыхалъ и не знаетъ, а если и были по городамъ и большимъ мѣстамъ какіе правители, то не изъ рода Густава, да и не королѣ. Если бы до Густава были королѣ, то онъ бы указалъ на это ¹⁾; онъ, однако, этого не сдѣлалъ; и «нечто будетъ», прибавляетъ не безъ проишія Грозный, обращаясь къ королю Ягану, «ты пово гдѣ нашелъ королей тѣхъ въ которой своей коморѣ». Про себя онъ пишетъ, что съ его стороны несправедлива некоторого мѣть, писался онъ по своему самодержеству, какъ пригоже быть, что напрасно Яганъ его упрекаетъ римскаго царства печатью, что у него есть своя печать отъ его прародителей, но что и римская печать ему «не дико: мы отъ Августа кесаря родствомъ ведемся». По всему этому Грозный находилъ, что съ такимъ молодымъ, какъ Яганъ король, ему ссызаться не пригоже ²⁾. Защищая свою честь, король Иоаннъ понижкому прибѣгъ къ тому-же средству, каковымъ пользовался и Грозный: онъ ссызлся на то, что другіе государи ему пишутъ братствомъ. Хотя Грозный отвѣтилъ на это, что если кто «не бережетъ своего государства, а къ тобѣ пишетъ братомъ, тотъ сажъ иѣдаетъ, а намъ на то не смотривать, мы смотримъ своего царствія степени чести»,—однако этотъ отвѣтъ былъ не искренній. Московское правительство было очень заинтересовано въ томъ, чтобы тѣ государи, къ которымъ русскіе цари писались братствомъ, не спосрались братствомъ съ государями, въ мѣстѣ московскаго правительства ниже стоящими по чести. Когда въ 1563 г. были перехвачены грамоты Сигизмунда-Августа къ Ерику шведскому, который въ нихъ названъ былъ братомъ, то Грозный велѣлъ сказать польскимъ посланцѣмъ: «что братъ нашъ не бережетъ своей чести, пишется шведскому братомъ раннимъ, то это его дѣло, хотя-бы водопозу своему назвался братомъ» ³⁾.

Въ иныхъ условіяхъ находилось московское правительство при сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ. Государь московскій издавна писался братомъ королю польскому и великому князю литовскому. Но при Иванѣ Грозномъ это братство готово было разорваться изъ-за царскаго титула. Въ категорическомъ отказѣ

¹⁾ «Могъ-бы то и отецъ твой сыскати прежнихъ королей, да не писалъ королей, а написалъ князя Магнуса».

²⁾ Лэт. зап. Арх. Ком., вып. 5, матер., стр. 30—47.

³⁾ Словесно, VI, изд. 4, стр. 226.

польско-литовского правительства признать этот новый титул усмотрѣно было безчестіе для государя, который «стоялъ о своемъ имени, не желая ни въ чемъ никакого повышенія», и добивался «того, чтобъ его «безо всякаго повышенія честно писали царемъ», такъ какъ онъ, «уповая на Бога, прародителей своихъ чести держится и убавити ее никакъ не хочетъ»¹⁾. Между тѣмъ, польско-литовское правительство продолжало обсызаться по-прежнему, «укоряя, какъ выражались бояре отъ лица Ивана IV, наше государство и безчестуя насъ, называя насъ княземъ, какъ бы изъ котораго подданнаго себя и незнаемаго сусѣда, повышаяся надъ нашими именемъ выше всѣхъ прежнихъ обычаевъ»²⁾. Съ этихъ поръ и начались мѣстническіе счеты съ государями братьями. Самымъ серьезнымъ возраженіемъ противъ новаго титула являлась ссылка польско-литовского правительства на то, что отецъ и дѣдъ Ивана IV царями не писались. Благодаря справкамъ московской дипломатіи, найденъ былъ весьма важный «случай» въ пользу царя всея Руси и въ «отводъ» ссылки противоположной стороны: оказалось, что польско-литовской государь «не извѣнчонъ на королевствѣ, прародители его были на великомъ княжествѣ и писались великими князми»; что прежде Ягайла государитъ корономъ не было, и Ягайловъ отецъ Ольгердъ не писался королемъ. Но и сверхъ того, что государи литовскіе не извѣнчанные короли, было найдено и указано, что «королевское мѣсто досталось имъ по женѣ», почему они зовутся и пишутся королями³⁾. При такихъ условіяхъ московское правительство сочло себя въ правѣ не титуловать литовскихъ государей королями до тѣхъ поръ, пока они не признаютъ царскаго титула за государемъ московскимъ.

Но разъ оказалась такая поруха въ родословіи польско-литовскихъ королей, они значительно упали въ мнѣніи московскаго правительства, которое и между государями братьями стало различать высоту чести. Въ 1563 г. указано было польскимъ посламъ, что «иха царя пишутъ полнымъ именемъ «всѣ государи, которые и повыше будутъ нашего государя»⁴⁾. Это было при Сигизмундѣ-Августѣ. Но когда за прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ избранъ былъ на польскій престолъ Стефанъ Баторій, то счеты еще болѣе обострились. Въ 1576 г. московскіе бояре писали польско-литовской радѣ по поводу царскаго титула, что «государю нашему пишутъ съ полнымъ именемъ царскимъ цесарь Максимиліанъ».

¹⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 392, 399, 538; Лѣт. метр.. I, стр. 127.

²⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 393 и 423.

³⁾ Тамъ-же, стр. 349, 313 и 452.

⁴⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 228.

и султанъ турецкій, а тые господари во всѣхъ королевствахъ первіше господари; а государь вашъ учинился на королевствѣ польскомъ съ невеликаго мѣста, съ воеводства Седмиградскаго¹⁾. Поэтому Грозный въ 1576 и 1578 гг. титуруетъ Баторія просто «королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ» или «судьбою по неизмѣрной милости Божіей и пакъ великое великости людей короны польскіе... по избранью великій государь», не называя его братомъ, на что очень обидѣлся Баторій; онъ поручилъ послать своимъ указать на то, что «ни братерства, а ни ласки Божіе надъ панованьемъ его королевскіе милости не вспомянуто»²⁾. Когда въ 1576 г. Иванъ IV получилъ грамоту отъ Баторія, который называлъ его братомъ, то Грозный замѣтилъ: «называетъ мене себе братомъ, и по не вѣдаю коня чиномъ»³⁾. Въ 1578 г. послалъ Баторія было сказано, что великому государю съ королю Стефаномъ быти въ братствѣ не пригоже, потому что его государство почало отъ Августа Кесаря Римскаго и отъ Пруса Августова брата; что польскіе короли Сигизмундъ и Сигизмундъ-Августъ были славные великіе государи, «наши братья», на всей вселенной вѣдомы, а что «Седмиградскаго государства нигдѣ есмь не слышалъ, а буде государь нашъ Степанъ Янушъ по сродству князется... (очевидный пропускъ)... и по тѣмъ по всѣмъ случаямъ государю нашему Степану съ нами въ равномъ братствѣ быти не пригоже»⁴⁾. Будучи побѣжденъ Баторіемъ, Грозный долженъ былъ уступить и въ счетахъ и въ 1580 г. называлъ его братомъ. По этому поводу онъ писалъ: «мы великіе государи приращенные изъ данныхъ мѣтъ; а на корунѣ польской и великомъ княжествѣ литовскомъ были изъ данныхъ-же мѣтъ приращенные-же государи. А ты учинился на тѣхъ государствахъ инопѣ, и мы тебѣ прѣжъ того не писывали, и намъ то показалось къ любви сходительно, что тебя великіи есмь писати братомъ»⁵⁾. Позднѣе Грозный объяснялъ, что такъ и не узналъ родства Баторія, «какова онъ роду человекъ и которыхъ государей племя», и что потому, «берегучи своего царства чести», онъ допрашивалъ его пословъ, «какова род-

¹⁾ Лит. метр., II, стр. 10.

²⁾ Тамъ-же, стр. 22 и 29. Изъ дописаній ляскаго нунція Лауреа отъ 15 апр. 1578 г. видно, что Баторій говорилъ ему о возможности заладѣть Москвою и «отомстить за жестокость и надменность царя, къ которому онъ чувствуетъ величайшую ненависть, такъ какъ этотъ царь никакъ не хочетъ называть короля братомъ, а только сосѣдомъ, говоря, что король не пренебрегаетъ отъ княжеской крови». *Державскій, Отношенія России и Польши въ 1574—1578 гг. въ Журн. М. Н. Пр. 1882 г., авг., стр. 233.*

³⁾ Сб. р. Обоз., № 6, стр. 6.

⁴⁾ Виз., XVI, стр. 173—176.

⁵⁾ Лит. метр., II, стр. 119.

ства государь ихъ Стефанъ король, котораго государей великихъ прироченецъ, и съ которыми онъ государи съ нашею братьею въ братствѣ и ссылѣхъ? Онъ наводилъ эти справки для того, «чтобы нашему царству въ томъ укоризны не было, что которой не нашъ братъ, да намъ братомъ учинится». Но послы Баторія не отрицали, какого онъ рода человекъ и какой чести; «однимъ тѣмъ считается, что онъ нынѣша король; а посебы и Яна Костку взяли себѣ за государя, и намъ было ему братомъ же ли быти?» По утверждению Грознаго въ его время всѣ государи, не только христіанскіе, но и бесермянскіе, велись «родствомъ и честію прироченною государскою», и только въ давнишя времена бывало такъ, что «отъ какова роду кто ни буди, ино то государь». А такъ какъ Грозный слышалъ про Баторія, «въ каковѣ онъ низости былъ до сего времени», то московскому государю «было короля, для его родственныя низости, братомъ писать не пригоже». Наконецъ, ссылался на собственное признаніе короля, Грозный указывалъ, что «онъ не отъ государскаго прироченья, а отъ рыцарскаго чину», и потому изъ заиски, что онъ не государской прироченецъ, и по невозможности укорить чѣмъ-либо царя, онъ его «за посягѣхъ заеть»¹⁾. Во всѣхъ этихъ счетахъ съ Баторіемъ особенно рельефно выступаетъ родословная претенциозность московскаго царя, который и при самыхъ неблагоприятныхъ для себя обстоятельствахъ не упускаетъ случая укорить Стефана низостью происхожденія.

При спорахъ съ Баторіемъ изъ-за титула боярами было указано, что московскаго государя титулуютъ царемъ цесарь и султанъ, которые «по всѣхъ королевствахъ первіе господари». Съ ними московскій царь сносился братствомъ. Но и это братство было не вполне раннее. Вотъ какъ отзывался Грозный о цесарѣ въ 1572 г., когда зашла рѣчь объ избраніи его сына на польскій престолъ: «по на-

¹⁾ Пам. дипл. спом., X, стр. 135—136, 140, 196 и 218. Въ этихъ счетахъ съ Баторіемъ московское правительство видѣло нѣкоторое какъ бы сочувствіе со стороны папской и цесарской дипломатіи. Въ 1576 г. польскіе послы жаловались на цесаря, что онъ поноситъ Баторія избраннымъ не по волѣ Юзѣй, называя подданнымъ турецкому султану. *Дипломатическіе Переписки между Россіею и Польшею*, ч. I, Чт. Общ. Ист. 1861 г., кн. IV, стр. 151. Посевинъ, яко бы со словъ Баторія, рассказывалъ въ Москвѣ, что «король на то государство пришлецъ — ни зяхъ, ни литвинъ, родомъ угренинъ». Пам. дипл. спом., X, стр. 271. Въ 1585 г. московскій посланникъ доносилъ тайномъ разговоръ съ цесаревымъ ближнимъ человекомъ, который говорилъ, что «Стефанъ король не прироченный государь, а сидитъ на чужомъ государствѣ, что какъ отойдутъ пережирные годы, то цесарю-бы съ царемъ промышлять надъ польскою и литовскою землею, «чтобы та земля за ними была за прироченнымъ государемъ». Тамъ-же, I, стр. 953 и 959. Свитого папскаго посла Александра Комуаея пущенъ былъ въ Москвѣ слухъ, будто цесарь сносился съ Баторіемъ о томъ, «что король пишется царю братомъ, и то де титулъ король взялъ на себя везико». Тамъ-же, X, стр. 167.

шему то не годится, что послѣ смерти государя государство не принадлежать его потомкамъ, что корона польская и великое княжество литовское не будутъ въ соединеніи съ государствомъ московскимъ; такъ нельзя, такъ мы сына своего Федора не дадимъ. Знаемъ, что цесари и король французскій прислали къ вамъ: но намъ это не примѣръ, потому что кромя насъ да турецкаго султана ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя котораго бы родъ царствовалъ непрерывно черезъ двѣсти лѣтъ; потому они и выпрашиваютъ себѣ почести; а мы отъ государства господами, начавши отъ Августа кесаря изъ начала мѣровъ, и вѣдемъ людямъ это вѣдомо» ¹⁾. Здѣсь Грозный приравнилъ къ себѣ только турецкаго султана, поставивъ всѣхъ прочихъ ниже себя; а черезъ десять лѣтъ, испытывая униженія побѣжденнаго, онъ утверждалъ, что «Божіимъ милосердіемъ некоторое государство намъ высоко не бывало» ²⁾. Вскорѣ послѣ смерти Грознаго, при переговорахъ 1587 г. объ избраніи на польскій престолъ Федора Ивановича, московскіе бояре говорили польско-литовскимъ пашамъ, что московскій государь нисколько не таковъ, какъ другіе рядовые государи; что московское государство никакъ нельзя написать въ титулѣ ниже польскаго королевства, а, наоборотъ, корона польская должна быть подъ царскою шапкою Мономахою, такъ какъ «хотя бы и Римъ старей и Римъ нѣпой, царствующій градъ Византия, почали прикладываться къ государю нашему, и государю свое государство московское какъ мочно подъ которое государство поступитися» ³⁾?

Такъ считались московскіе государи «родствомъ и честію прирожденною государскою». Будучи горячими сторонниками государей издавна царствующихъ въ порядкѣ наследственнаго преемства, московскіе государи поэтому всегда относились съ презрѣніемъ къ государямъ избраннымъ, которые могли попасть на престолъ не изъ «государскихъ прирожденцевъ». Отношенія Грознаго къ Густаву шведскому и Баторію съ очевидностью это подтверждаютъ. Но такъ какъ и Ангелоны и даже римскіе цесари были избранными государями, то и этихъ «первѣшихъ господарей» Грозный не ставилъ наравнѣ съ собой, а приравнилъ къ себѣ только бесерменскаго государя—султана турецкаго, злѣйшаго врага всему христіанству, такъ какъ родъ его царствовалъ непрерывно 200 лѣтъ. Это приравниеніе было, однако, далеко не полное, потому что мос-

¹⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 284.

²⁾ Нам. дѣл. сп., X, стр. 203.

³⁾ Соловьевъ, VII, изд. 4, стр. 260 и 265; Карамзинъ, X, прим. 161.

ковскіе государи «иѣ отъ колкихъ лѣтъ государили болши шестисотъ лѣтъ» ¹⁾).

Но крохѣ счета по родословію московскіе государи считались и мѣстами. Высота мѣста, занимаемаго государемъ, определялась въ мнѣніяхъ московскаго правительства разнообразными причинами. Иногда эти причины представляются даже неясными. Въ 1557 г., когда шведскому королю доказывали, что сношенія съ новгородскими наместниками отнюдь не могутъ быть для него безчестны, было между прочимъ указано и на то, что Стокгольмъ во великое мѣсто по чести, многимъ ниже новгородскихъ пригородовъ ²⁾. Въ другихъ случаяхъ низость мѣста по чести опредѣляется совершенно очевидными причинами, напр., политической зависимостью отъ какого-либо другаго государства. Потому и честь Баторія пѣлили такъ низко въ Москвѣ, что онъ былъ взятъ съ Седмиградскаго воеводства или княжества. Въ 1576 г. бояре писали польско-литовской радѣ, что государь ихъ учинился на короленствѣ: «съ невеликаго мѣста, съ воеводства Седмиградскаго, а воеводство Седмиградское подданное было Угорскому господарству» ³⁾. Но рядомъ съ этимъ въ Москвѣ циркулировало мнѣніе, что «Седмиградская земля за Турскимъ солтаномъ, и дань съ нее даютъ Турскому», и что Баторія избрали по присылкѣ султана турецкаго, что седмиградскій поевода учинился королемъ изъ рукъ того же султана, и значить онъ его «посаженикъ» ⁴⁾. Объ этомъ Грозный прямо и объявилъ посланнику Баторія: знаю, что Стефанъ осѣлъ столицу короленства «съ воли Божей и съ поданья солтана Турецкаго» ⁵⁾. Нѣсколько разъ замѣчалъ Грозный, что онъ Баторія утягиваетъ, помимо родственной низости, тѣмъ, что онъ вилъ съ Седмиградскаго княжества, и что вслѣдствіе этого, «въ каковѣ онъ мѣстѣ съ государи и въ каковѣ низости былъ». На замѣчаніе Баторія, будто Грозный укоряетъ его заestatъ, послѣдній отиѣчалъ: «вѣдаемъ мы то, что изъ давнихъ предковъ коруна польская и

¹⁾ Показъ царя Ивана Васильевича князю Елецкому съ товарищи, изд. проф. Успенскимъ, Од. 1885, стр. 26; Переговоры о мирѣ между Москвой и Польшей въ 1581—1582 г., изд. проф. Успенскимъ, Од. 1887 г., стр. 61.

²⁾ «Самому будетъ тебѣ (Густаву) по вѣдому, и ты купцовъ своихъ вопрося уиѣдай: новгородскіе пригородки Искоуѣ и Устюгъ и Данискую землю чаю апають: сколькимъ многимъ однимъ изъ тѣхъ болши Стокозныи». Карамзинъ, VIII, прим. 467. Грозный писалъ королю Игану, «что ему братъ пессарь римскій и другіе великіе государи, къ которымъ Игану нельзя писаться братомъ, такъ какъ «Швейская земля тѣхъ государствъ честию ниже». См. выше, стр. 151.

³⁾ Лит. метр., II, стр. 10.

⁴⁾ Пам. дипл. снош., I, стр. 691, 657 и 659.

⁵⁾ Сб. Сбоз., № 6, стр. 6.

великое княжество литовское государство великое изъ давнихъ дѣтъ и вѣхъ настонтъ въ братствѣ, а мы писали по его отечеству, какъ онъ былъ на Седмиградскомъ княжествѣ, и мы то его отечество выписывали, а наше государство съ Седмиградскимъ княжествомъ въ какой-жъ мѣрѣ, вѣхъ вѣхъ то вѣдомо: а онъ свою визость ичититъ коруною польскою и великимъ княжествомъ литовскимъ, а мы николи коруны польскіе и великаго княжества литовскаго не укоринали, а что и писано низко, и то писано для княжества Седмиградскаго»¹⁾).

Но по воззрѣніямъ московскаго правительства сравнительная честь мѣста, занимаемаго государемъ, не имѣла той важности, какъ личная честь государя, такъ какъ государь считался важнѣе государства. Такая мысль совершенно категорично высказана Грознымъ по поводу упрека, брошеннаго ему Баторіемъ, будто онъ не понимаетъ, что такое маестатъ. Грозный сказалъ: «и мы то вѣдаемъ: маестатъ — государство, а на маестатѣ — государь на государствѣ, и государь государства болши: приведуть къ государю, ино то къ его лицу, а приведуть къ маестату, ино то къ повелѣнію къ государскому приедуть, а не къ самому государю, ино то ужъ ниже да и хуже»²⁾). При такомъ взглядѣ личной чести государя, а значитъ и его родословію, отдавалось преимущество, такъ что государь своею родословной честью могъ повысить честь своего государства, но не обратно: честь государства не повышала соответственно честь правящаго государя, какъ это видно изъ счетовъ съ Баторіемъ.

Но въ глазахъ московскаго правительства не одно родословіе государя опредѣляло его личную честь. Послѣдняя находилась еще въ зависимости отъ одного обстоятельства, характеризующаго собственно государственное устройство. Соответственно господствующимъ въ оффиціальныхъ сферахъ представленіямъ о власти государя, московское правительство считало истиннымъ государемъ только государя съ неограниченною самодержавною властью и исключенія отъ этого типа государственнаго устройства считало такого рода несовершенствомъ, которымъ обуславливалась гораздо болѣе сравнительная высота государевой чести, чѣмъ качества государственной организаціи. При этомъ только государь наследственный, получающій свои полномочія исключительно отъ Бога и по праву рожденія, могъ быть государемъ истинно самодержавнымъ. Государи же

¹⁾ Пам. дипл. снош., X, стр. 135 и 161; срав. еще стр. 196 и 207: «а что написали есмь жестоко и мы то писали княжеству Седмиградскому».

²⁾ Тамъ-же, стр. 222—223.

избранные, уже въ силу своего «поставленья или посаженья», считались, по мнѣнію московскаго правительства, не полноправными, а стало быть и менѣе «честными», сравнительно съ государями наследственными или вотчинными. Столь своеобразная оцѣнка чести государей имѣла и не менѣе своеобразную мотивировку.

Въ 1562 г. бояре замѣтили литовскому послу: «начиная отъ великаго государя Владимира, прослѣдующаго русскую землю св. крещеніемъ, до нынѣшняго великаго государя нашего, нашихъ государи самодержцы никѣмъ не посажены на своихъ государствахъ; а нашихъ государи — посаженныи государи: такъ который крѣпче — вотчинный-ли государь или посаженный? — сами разсудите»¹⁾. «Крѣпость» государя государству безъ сомнѣнія весьма характерный признакъ для прочности государственнаго устройства. По обобщенію московскаго правительства, что вотчинный государь крѣпче посаженнаго, безспорно проникнуто извѣстной дозой субъективизма, которымъ проникнуто и другое обобщеніе московскихъ официальныхъ сферъ, а именно, что посаженный государь не можетъ обладать достаточными полномочіями для добраго устройства своей земли. Именно такая мысль очень подробно развита въ извѣстныхъ боярскихъ отвѣтахъ на подхвѣтные письма Сигизмунда-Августа²⁾. Въ этихъ боярскихъ отвѣтахъ указывается, что напрасно король жалѣетъ о христіанствѣ³⁾, что «нашихъ великихъ государей вольное царское самодержество не какъ ваше убогое королевство», ибо «великихъ государей не указываетъ никто, а тебѣ твои пашопе какъ хотять, такъ укажутъ». Это различіе бояре объясняютъ тѣмъ, что, начиная отъ Августа кесаря и брата его Пруса до великаго государя Рюрика, и отъ Рюрика до нынѣшняго государя, великихъ государей «вольное царское самодержество николи непремѣнно, а на государствѣхъ никѣмъ не посажены и не обдержимы, но отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государствахъ самодержествуютъ, ... и никто же нигдѣ нѣмъ не можетъ указа учинити, и вольны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити». Советамъ иначе рисуется положеніе королей: король потому и послушенъ своимъ панамъ, что «не коренной государь»; по мнѣнію бояръ, королямъ и «больше того подбаесть пановъ своихъ послушивать, занеже есте

¹⁾ *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 222—223.

²⁾ Вопросъ о подлинности или поддѣлкѣ этихъ писемъ для данного случая не имѣетъ значенія.

³⁾ Король писалъ, что «надъ князи и народомъ христіанскимъ муча дѣется», «жестокосердіе перасудительное, гоненія безъ правды и гнѣвъ нещадный». *Визл.*, XV, стр. 41 и 50.

государи не коренные». Указавъ на то, что самодержавный московскій государь воленъ жаловать и казнить, бояре относительно короля замѣчаютъ: «а ты по дѣлу не воленъ еси, что еси посаженой государь, а не потчинный, какъ тебя захотѣли паны твои, такъ тебѣ въ жалованье государство и дали; а пастырство твое которое? Не токмо что во вѣренныя тебѣ людѣхъ не воленъ еси, но и въ себѣ неволенъ еси¹⁾»,... и коли ты самъ въ себѣ не воленъ, какъ-же тебѣ пользу быти въ своемъ государствѣ?»²⁾. Итакъ, эти два нераздѣльные признака — избраніе государя и ограниченіе его власти — представлялись московскому правительству столь существенными недостатками въ государственномъ устройствѣ, что при наличности ихъ польско-литовское королевство считалось «убогимъ». И это убожество королевства всецѣло отражалось, конечно, на чести короля.

Тѣ же основныя черты государственнаго устройства присущи были ипедскому королевству. Вотъ что пишетъ Грозный королю Іоанну: «коли бы то ваше совершенное королевство было, ино бы отцу (твоему) архыєпискупъ и советники и вся земля въ товарищахъ не были, и землю къ государемъ великимъ не приписываютъ... А советники королевства швейскаго почему отцу твоему товарищи? А послы не отъ одного отца твоего, отъ всего королевства швейскаго, а отецъ твой у нихъ въ головахъ, кабы староста въ волости... Ино видишь-ли, каково отцу твоему правити, таково и архыєпискупу, и тебѣ потому нельзя равняться съ великими государи, въ великихъ государствахъ тѣхъ бычася, не ведется»³⁾.

Ту-же идею развивалъ Грозный и въ письмѣ къ англійской королеви Елизаветѣ въ 1570 г.: «и мы чаяли того, сказано въ письмѣ, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своею государскою чести смотришь и своему государству прибытка... Ажно у тебя много тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, а мужики торговые и о нашихъ государскихъ головахъ и о честехъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пре-

¹⁾ Намекъ на королеву Барбару.

²⁾ Визл., XV, стр. 47—49. Гетману Хоткевичу кн. Воротыскій пишетъ: «Государь вашъ ничего изъ можетъ чрезъ нашу волю учинити; сами-жъ вы, отпавши волю у государя своего, и за то его святымъ зовете и милостивымъ. И что жъ его милость, коли онъ ни въ чемъ не воленъ? Тамъ милость оказывается права, аю власть юмуд и милость содержать». Тамъ-же, стр. 63.

³⁾ Литов. зам. Арх. Копи., выи. 5, матер., стр. 43—44.

бываешь въ своемъ дваческомъ чину, какъ есть пошлая дѣвица» ¹⁾).

Но упускалъ случая Иванъ IV попрекнуть всѣми этими несовершенствами и убожествами особенно своего кровного врага Баторія. Въ 1577 г. обиженные указаніями Грознаго на низкое происхожденіе Баторія польскіе послы ссылались на прихоть царя Давида, избраннаго изъ низкаго званія. На это Грозный велѣлъ имъ отвѣтить: «царя Давида Богъ избралъ, а не люди... Въ томъ же ваша воля: мятежемъ человѣческимъ хотя кого-бы и хуже выбрали — то вамъ государь» ²⁾. Въ 1581 г., соглашаясь на существенныя уступки Баторію, онъ наказываетъ посламъ между прочимъ замѣтить, что «наши государи не со вчерашняго дня государи, извѣщныи государи». Если-бы въ Литвѣ спросили-кто-же со вчерашняго дня государь, — велѣно было отвѣтить очень яснымъ намекомъ, что кто со вчерашняго дня государь, тотъ самъ себя знаетъ ³⁾. Въ своемъ характерномъ письмѣ 1581 г. къ Баторію Грозный колетъ его тѣмъ, что будто его паши рада говорили про него государевымъ посламъ слѣдующее: «у насъ господарь повольный, обираетъ себѣ господаря, кого захотимъ; который господарь у насъ ни будетъ, и онъ безъ насъ ничего не дѣлаетъ, а что и захочетъ дѣлать, ино мы не дадимъ» ⁴⁾. Самое письмо отъ открываетъ многознаменательнымъ намекомъ, титулуя себя государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси, дѣдичемъ, отищемъ и наследникомъ прародительскихъ земель «Божіимъ позволеніемъ, а не многоятежнаго человѣчества хотѣніемъ» ⁵⁾.

Такимъ образомъ вся эта многотрудная борьба за честь московскаго государя привела московское правительство къ убѣжденію, что царю всея Руси можно быть въ братствѣ только съ «наиперв-

¹⁾ Ю. Толстою, Россія и Англія. 1553—1593, стр. 109.

²⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 314.

³⁾ Тамъ-же, стр. 229—330.

⁴⁾ Лит. метр., II, стр. 51. Ср. еще Пам. дин. снош., I, стр. 654, 1318 и 1329.

⁵⁾ Лит. метр., II, стр. 141. Вся козкость этого намека вскрывается изъ того, что Баторій еще въ 1576 г. претендовалъ на Грознаго за то, что въ грамотѣ къ нему «засклъ Божое надъ панованьемъ его корозевскіе милости не воспоминаю». Въ 1578 г. Грозный удовлетворилъ его желаніе, назвавъ его «судомъ» и великимъ государемъ «по пенябрной милости Божей и на въ великое великости людей короны польскіе и вел. княжества литовскаго по избранью»; но передъ этимъ гонорилъ посламъ Баторія: «государь вашъ самъ себя укоряетъ, да и вы его укоряете, во всѣхъ грамотахъ пишете, что Богъ его безмѣрнымъ своимъ милосердіемъ помыловалъ, вы его на государство взяли, хвалитесь, что по великому Божію милосердію полюбилъ его: изъ этого ясно, что онъ такого великаго государства былъ недостойнъ, но Богъ его помыловалъ, да вы его полюбилъ не по достоянству». Тамъ-же, стр. 22 и 2'; Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 314.

шими господами», хотя и это братство было неравное, такъ какъ по родословію, по полнотѣ власти и по прочности положенія онъ могъ быть приравненъ развѣ только турецкому султану; вообще-же московскому государю по Божію изволенію никакое государство высоко не бывало. Таковъ былъ выводъ изъ всего царскаго мѣстничества.

Повидимому этотъ практическій выводъ вполнѣ соответствовалъ тѣмъ теоретическимъ требованіямъ, которыя были положены въ основу царскаго мѣстничества, и въ силу которыхъ, соответственно византийскимъ традиціямъ, единый представитель и глава православнаго міра долженъ занимать во всей вселенной первое мѣсто среди государей. Но это соответствие было кажущееся, фиктивное, такъ какъ реальное соотношеніе междугосударственныхъ силъ не гармонизовало съ субъективными представленіемъ оффиціальныя сферы царской Руси, особенно къ концу царствованія Ивана IV, когда правительство во внѣшней и внутренней политикѣ должно было перенести жестока уніженія, а царское честолюбіе—мучительныя испытанія.

Но наряду съ этими противорѣчіемъ наблюдается и другое несоответствіе практики царскаго мѣстничества идеѣ, положенной въ его основу. Иванъ Грозный какъ-то укололъ Іоанна шведскаго за то, что тотъ захотѣлъ у себя учинить титула и печати «нашего царствія величества», и захѣтилъ ему: «ты обезумѣлъ хотя и вселиной называешься государемъ, да кто тебя послушаетъ»¹⁾. Грозный-же съ своими титулами и печатями хотя и претендовалъ на это званіе въ силу правъ царградскаго наследника, но въ сложныхъ мелочахъ мѣстническихъ споровъ нерѣдко забывалъ главную цѣль затѣянной борьбы. Когда создавался сложный ритуалъ дипломатическихъ обрядностей, когда выяснялась степень почетности каждаго мелочнаго обычая, то всему этому посвящено было такъ много вниманія, времени и силъ, что утомленное этой борьбой сознаніе московскаго правительства не въ силахъ было сохранить въ чистотѣ главную идею своей политической цѣли. Такъ какъ реальныя факты жизни нерѣдко имѣли болѣе сильное вліяніе на настроеніе умовъ, чѣмъ мертвыя фикціи, затеряныя къ тому-же въ хаосъ мелочей, то принципы царскаго мѣстничества претерпѣвали иногда весьма существенныя отклоненія отъ указанныхъ выше проявленій. Соображенія выгоды, политическій расчетъ московскаго правительства былъ тѣмъ Молохъ, въ жертву которому принесены были и излюбленныя фикціи, какъ прежде

¹⁾ Лѣт. зап. Арх. Копи., выд. 5, матер., стр. 44.

привнеслись ему въ жертву не только приобретенныя права, но даже религіозныя правила.

Иванъ Васильевичъ Грозный, самодержецъ по Божію повелѣнію, а не по хотѣнію многоязвѣннаго челоѣчества, не прочь былъ принять на себя или на сына своего польскую корону по избранію великаго множества народа. Серьезная идея умиротворенія двухъ праждующихъ державъ руководила имъ при этомъ. Но готовность быть избраннымъ королемъ совсѣмъ не гармонировала съ его взглядами на посаженныхъ государей. Этого мало. Трудно было, кажется, найти въ то время челоѣка болѣе нетерпимаго къ ограниченнымъ формамъ правленія, чѣмъ Иванъ Грозный. Но онъ-же, объявляя особенное свое хотѣніе быть государемъ въ одной Литвѣ, даетъ слѣдующее обѣщаніе радѣ: «у васъ пановъ радъ и всего рыцарства и всея земли литовскіе, справъ и попольностей во всякихъ вашихъ поведенныхъ переставляти и убавляти ни въ чемъ не хотимъ: какъ у васъ преждъ сего нелося по старымъ обычаямъ, также и прибавляти и надавать намъ всякихъ чиновъ и чести, со всѣхъ пановъ радъ приговору, по вашему мѣстату, по прежнимъ вашимъ обычаямъ; а инако слово наше не будетъ, и крестнымъ цѣлованіемъ по договору затвердимъ»¹⁾.

Серьезныя политическіе интересы побудили Грознаго отступить отъ своихъ политическихъ догматовъ. Политическая необходимость заставила его поступиться этими догматами въ пользу Баторія, лишь-бы добиться отъ него заключенія перемирія. Грозный, передавая Антонію Поссевину слова Баторія, что не въ томъ достоинство королевское, кто королевской сынъ или государкой, а въ томъ достоинство, кого люди изберутъ королемъ, и что многіе цесари и короли бывали изъ шляхтичей, замѣчаетъ: «и мы того по ся мѣста не слышали, да и онъ тѣмъ хвалится, что онъ изъ рыцарскаго роду, ни то онъ вѣдаетъ; а мы тогда потому съ нимъ не хотѣли братарства, что онъ не отъ государскаго роду; и коли то по древнему обычаю добро, и мы нынѣча съ нимъ для покоя хрестыанскаго братства хотимъ»²⁾. Въ 1581 г. при заключеніи перемирія съ Баторіемъ.

¹⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 278—298; Пам. дипл. снош., I, стр. 581; Бякиши-Каминскій, Переписка между Россіей и Польшей, ч. I, Чт. Общ. Ист. 1861 г., книга IV, стр. 140. Въ случаѣ избранія его сына Грозный требовалъ, чтобы Польша и Литва «много дѣтей сына его другаго государя не искажи», а если у него дѣтей не будетъ, то не отрывались-бы отъ рода московскихъ государей. Но среди сыновей онъ допускалъ выборъ: «въ старости, говоритъ онъ, про себя, вольно намъ будетъ отойти въ монастырь, и тогда намъ и вся земля выпраютъ себя въ государя изъ нашихъ сыновей, который имъ будетъ любъ; а самъ я негоднаго имъ назначать не буду». Соловьевъ, тамъ-же, стр. 285 и 286.

²⁾ Пам. дипл. снош., X, 230—231. «И въ братствѣ съ нимъ готовы есмь быти, только-бы былъ покой хрестыанству.

Грозный для «покою крестьянскаго не велѣтъ даже себя царемъ писать», являвша такую крайнюю уступку тѣмъ, что «котораго извѣчнаго государя какъ его не напиши, а его государя во всѣхъ земляхъ вѣдаютъ, какой онъ государь» ¹⁾). Такія признанія могли быть и не искренни вслѣдствіе вынужденности. Но безразличный на братство царь Иванъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи уступки совершенно свободно и изъ вѣснаго мезочинаго расчета. Въ 1566 г. шведскій король Ерикъ просилъ учинить его нъ братствѣ, обѣщая за то прислать жену своего брата, сестру польскаго короля Екатерину. И Грозный королю пожаловалъ, «въ братствѣ его на томъ учинилъ, что Иринку королю польскаго короля сестру прислать»; но при этомъ было выговорено, что если король обѣщанія не исполнитъ, то «докончальная грамота не въ грамоту и братство не братство» ²⁾). Не прочь былъ Грозный и отъ братства съ королевемъ Иоанномъ, хотя считалъ его страдникомъ изъ мужичьяго рода и доказывалъ что по чести его лично и шведскаго государства ему слѣдуетъ сношаться только съ новгородскими намістниками. Грозный, однако, готовъ былъ отвести его отъ намістниковъ, но требовалъ, чтобы король прислалъ къ нему посланца съ челобитьемъ и почтитъ его «напротину того также великихъ дѣломъ»; «и мы тебя, писалъ Грозный, пожалуемъ, отъ намістниковъ отведемъ, а не выкупъ тебѣ того у насъ не видати, а даромъ тебѣ съ нами, ссылатись не пригожъ и по государству и по отечеству» ³⁾). Послѣ допущенія покупки отеческой и государскаго чести идти дальше въ противорѣчія самому себѣ было некуда.

Итакъ, самъ царь Иванъ Васильевичъ дѣлалъ отступленія отъ своихъ аристократическихъ тенденцій въ виду практическихъ соображеній. Онъ, которому никакое государство высоко не бывало, долженъ былъ сбить свое «спѣшество» и «смириться» передъ Баторіемъ ⁴⁾). Послѣдующія за его смертью событія въ значительной мѣрѣ смягчили и крайности его воззрѣній на власть самодержавнаго государя.

¹⁾ Наканъ князю Елецкому, стр. 3; Переговоры о мирѣ между Москвой и Польшей, стр. 68.

²⁾ Александръ-Невск. Лѣт., Р. И. В., т. III, стр. 291.

³⁾ Лѣт. зап. Арх. Комм., вып. 5, матер., стр. 41 и 46. Грозный требовалъ дорогого выкупа: «ты намъ поддайся и покорись... в колѣ поддайся, иже... мы ссмыслемъ съ тобою какъ съ своимъ, а съ чужимъ съ мзодыма, какъ ты, ссылатись намъ не пригоже». Если онъ думалъ понизить надъ кородемъ, то шутка вышла оскорбительной и для самыхъ дорогихъ догматовъ родовой Москвиты.

⁴⁾ Въ 1580 г. Грозный писалъ ему: «среди Богомъ и предъ тобою смиряюся». Лѣт. зап., II, стр. 78.

Съверовосточная Русь унаследовала отъ Руси Кіевской, между прочимъ, и форму свободныхъ отношеній членовъ дружины къ князю. Но здѣсь, подъ вліяніемъ иныхъ экономическихъ и политическихъ условий, эти отношенія постепенно видоизмѣняются. Дружинники-богатыри, воинъ по преимуществу, думавшій съ княземъ о высокомъ столѣ и налезавшій славу себѣ и своему князю, постепенно измѣняетъ свою воинственную физіономію на скромный обликъ хозяина, помогающаго своему князю управлять его вотчиною и заботиться о примыслахъ къ ней. Выѣстъ съ княземъ дружинникъ перестаетъ быть тѣмъ подвижнымъ элементомъ, содѣйствовавшимъ столь сильно поддержанію идеи о единствѣ русской земли постояннымъ передвиженіемъ съ одного стола на другой. Въ сѣверовосточной Руси борьба за великое княженіе владимірское не сопровождается этими передвиженіемъ. Князья предпочитаютъ оставаться въ своихъ удѣльныхъ вотчинахъ и послѣ достиженія велико-княжескаго стола: стольный городъ Владиміръ не унаследовалъ былой прелести матери городовъ русскихъ. Параллельно съ этимъ и въ связи съ развивающеюся системою удѣловъ возникаетъ дѣльный рядъ великихъ княженій на ряду съ владимірскимъ. Размѣстившіеся по этимъ многочисленнымъ великимъ и удѣльнымъ княженіямъ члены княжеской дружины постепенно осѣдаютъ, какъ и князья, изъ своихъ вотчинъ. Насколько видоизмѣнилось ихъ положеніе, указываетъ своеобразная «повѣсть о калмацкомъ побойцѣ», которая сохранила былинное преданіе о томъ, какъ русскіе богатыри—Александръ Поповичъ, Тимоня Золотой Поясъ и другіе—по смерти князя Константина Всеволодовича учинили рядъ, «яко служити изъ единому великому князю въ матери градохъ Кіевѣ», такъ какъ, духами

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Московскіе государи и ихъ слуги

Сѣверовосточная Русь унаследовала отъ Руси Кіевской, между прочимъ, и форму свободныхъ отношеній членовъ дружины къ князю. Но здѣсь, подъ вліяніемъ иныхъ экономическихъ и политическихъ условий, эти отношенія постепенно видоизмѣняются. Дружинники-богатыри, воинъ по преимуществу, думавшій съ княземъ о высокомъ столѣ и налезавшій славу себѣ и своему князю, постепенно измѣняетъ свою воинственную физіономію на скромный обликъ хозяина, помогающаго своему князю управлять его вотчиною и заботиться о примыслахъ къ ней. Выѣстъ съ княземъ дружинникъ перестаетъ быть тѣмъ подвижнымъ элементомъ, содѣйствовавшимъ столь сильно поддержанію идеи о единствѣ русской земли постояннымъ передвиженіемъ съ одного стола на другой. Въ сѣверовосточной Руси борьба за великое княженіе владимірское не сопровождается этими передвиженіемъ. Князья предпочитаютъ оставаться въ своихъ удѣльныхъ вотчинахъ и послѣ достиженія велико-княжескаго стола: стольный городъ Владиміръ не унаследовалъ былой прелести матери городовъ русскихъ. Параллельно съ этимъ и въ связи съ развивающеюся системою удѣловъ возникаетъ дѣльный рядъ великихъ княженій на ряду съ владимірскимъ. Размѣстившіеся по этимъ многочисленнымъ великимъ и удѣльнымъ княженіямъ члены княжеской дружины постепенно осѣдаютъ, какъ и князья, изъ своихъ вотчинъ. Насколько видоизмѣнилось ихъ положеніе, указываетъ своеобразная «повѣсть о калмацкомъ побойцѣ», которая сохранила былинное преданіе о томъ, какъ русскіе богатыри—Александръ Поповичъ, Тимоня Золотой Поясъ и другіе—по смерти князя Константина Всеволодовича учинили рядъ, «яко служити изъ единому великому князю въ матери градохъ Кіевѣ», такъ какъ, духами

они, если начнутъ служить князьямъ по разнымъ княженіямъ, то и «вехотѣ имуть перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроено и части боеве» ¹⁾. Любопытно, что русскіе богатыри не сочли возможнымъ служить одному князю въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ. Для нихъ не нашлось мѣста въ сѣверо-восточной Руси; здѣсь не на чекъ было проявить имъ свою богатырскую силу: частые боеве отличались «больше париярствомъ, чѣмъ воинственностью». Для служилыхъ людей, оставшихся на сѣверѣ, необходимо было поступиться нѣкоторыми изъ своихъ типическихъ чертъ.

Но и въ этихъ новыхъ условіяхъ прежніе дружинники—теперь бояре и полные слуги—успѣли сохранить за собой право свободнаго отъѣзда: междукняжескіе договоры обеспечивали за ними въ этомъ отношеніи полную волю. Но, какъ вѣрно замѣчено, это право являлось анахронизмомъ среди явленій удѣльнаго порядка сѣверной Руси и противорѣчило стремленію князей «соединить личную службу южныхъ слугъ съ землепашествомъ въ удѣлѣ, закрѣпить первую послѣднимъ». Право свободнаго отъѣзда не согласовалось и съ другимъ условіемъ тѣхъ же междукняжескихъ договоровъ, на основаніи котораго «для князей и ихъ бояръ затруднялось пріобрѣтеніе земли въ другихъ удѣлахъ и запрещалось имъ держать тамъ закладцевъ и оброчниковъ, т. е. запрещалось обывателямъ уѣзда входить въ личную или имущественную зависимость отъ чужого князя или боярина» ²⁾.

Въ современной русской письменности не прошло незамѣченнымъ такое несоотвѣтствующее общимъ условіямъ жизни явленіе, какъ свобода отъѣзда.

Древне-русскіе книжники-публицисты довольно рано обратили вниманіе на общій вопросъ объ отношеніяхъ дружины къ князю. Въ своихъ стремленіяхъ къ упорядоченію политическаго быта они встрѣтили сильное препятствіе въ лицѣ дружинниковъ, про которыхъ современникъ замѣтилъ: «князь не сажъ впадаетъ во многія вѣщи въ злыя, но думцы вводятъ» ³⁾. Участіе этихъ думцевъ въ княжескихъ междоусобицахъ, о прекращеніи которыхъ особенно горячо ретонали наши книжники, вызвало противъ думцевъ сильное неудовольствіе. Назидательный бытоописатель, очень часто указываетъ на злыхъ совѣтниковъ, какъ на причину княжескихъ распрей: «такъ сваднша братью окаяныи тѣи зли чловѣцы: сіи бо суть

¹⁾ П. С. Л., XV, 338.

²⁾ Проф. Ключевскій, *Воярская дума древней Руси*, изд. 1, стр. 98—101; изд. 2, стр. 96—100.

³⁾ Каландовичъ, *Памятники русскаго словесности XII в.*, стр. 236—237.

окалявшии бѣсовъ, бѣси бо сами не могутъ что христіаномъ сотворити, то злыхъ человекъ на то поущаютъ¹⁾.» Къ такому приравненію злого человека бѣсу очень любили прибѣгать наши княжники; по ихъ мнѣнію, и «бѣсъ того не замыслилъ, еже зогъ человекъ замыслить»²⁾. Они очень рано обратили также вниманіе на вѣроломства и клятвопреступленія этихъ княжнихъ слугъ. Такъ еще поступокъ Блуда, лукавствовавшего на князя своего лествю, вызвалъ поучительныя наставленія лѣтописца, который, припоминая слова царя Давида, что «мужъ въ крови лъстинъ не приплюптъ дний своихъ», замѣчаетъ: «се есть собѣтъ зогъ, иже сѣщезають на кровопролитъ; то суть нестоппи, иже приемише отъ князя или отъ господина своего честь, ли дары, ти мыслятъ о главѣ князя своего на погубленъе, горыше суть бѣсовъ таковыи: яко же Блудъ преда князя своего и приимъ отъ него чти многи, се бо бысть повиненъ крови той»³⁾. Съ негодованіемъ лѣтописецъ говоритъ и о Кучковичахъ, этихъ княжескихъ милостивникахъ, а потомъ окаляныхъ убійцахъ⁴⁾. Такие случаи вѣроломства вовсе не были рѣдкостью въ русской жизни; но крайней мѣрѣ составитель Переяславскаго лѣтописнаго свода, рассказывая эпизодъ о Блудѣ, вложилъ въ уста вѣрнаго слуги Варяжска такую общую сентенцію: «всякъ милостиникъ подобенъ есть змии запазушии»⁵⁾.» Последующее время представило не одинъ примѣръ въ подтвержденіе этой общей сентенціи.

При такихъ возрѣніяхъ русскихъ книжниковъ на положеніе дѣлъ представлялось необходимымъ противодействовать существующему злу. Отсюда и возникъ цѣлый рядъ поученій оригинальных и заимствованныхъ о нормальныхъ отношеніяхъ къ князю, поученій, стоящихъ въ тѣсной связи съ пропагандой идеи о почитаніи властей.

Авторъ обширной статьи «На поученіе ко всемъ христіаномъ» открываетъ свое «слово о князѣхъ» слѣдующихъ общихъ наставленіемъ: «князю земля ваша покоряйтеся, не рѣйте ему зла въ сердци своемъ, и прийте ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею и не поможутъ противитися ипш князю ва-

¹⁾ П. С. Л., VII, 73; ср. Лѣт. по Ип. сп., 351.

²⁾ Лѣт. по Ип. сп., 371; П. С. Л., VII, 83.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 75; Новгород. лѣт. по Синод. сп., изд. 1863 г., стр. 27—28.

⁴⁾ Новгород. лѣт. по Синод. сп., изд. 1868 г., стр. 455: «Окаяный же злоначальный діаволъ, не могъи трѣпѣти добродѣтели его (и. Андрея), и вселися сотопа въ Якова злобѣрнаго, якоже и въ Иуду Скаріотскаго на Христа, убійствохъ: тако и сии окаляши Кучковичи съвѣщаши на сего князя окаяною своею мыслію» и проч.

⁵⁾ Лѣт. Переясл. Суд., стр. 16.

шему» ¹⁾). Другой анонимный автор предлагает подобное же «Поучение отъ святыхъ отецъ»: «Наипаче-же князю своему всѣхъ сердцемъ прїи́й, то есть отецъ твой и мати твоѧ... Не мози помыслити зла, ни глаголати на́нь. Глаголетъ бо писаніе: аще речеши глаголю хуленъ на своего князя, то и птица донесетъ на него. И не противляйся словесы; святыи бо апостолю Павелъ глаголетъ: владычества отъ Бога учинены суть» ²⁾).

Но духовно-публицистическая литература не ограничивалась разработкой только общей темы объ отношеніяхъ къ князю; она коснулась вопроса и о свободѣ отъѣзда вольныхъ слугъ. И это совершенно понятно: право отъѣзда шло въ разрѣзъ съ обязанностью быть преданнымъ и покорнымъ своему князю; оно въ значительной мѣрѣ поддерживало и питало усобицы. Вотъ что читается въ поученіи ко всѣмъ крестьянамъ: «князю землѣ вашей покоряйтесь, не рѣйте ему зла въ сердце своемъ, и прїимте ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслию своею». Въ случаѣ доброй прїязни своему князю авторъ обѣщаетъ богатство землѣ, а отъ земли и дружины. Прїязнь же инымъ князьямъ отъ своего вызываетъ у автора два уподобленія: первое очень рельефное уподобленіе невѣрной женѣ и второе Іудѣ. «И се пакы и еще вы глаголю, чада моя, продолжаетъ авторъ, аще кто отъ своего князя ко иному отъѣдетъ (иже кто о князѣ своемъ зло мыслитъ къ другому князю), а достойну честь прїемля отъ него, то подобенъ Іудѣ, иже любилъ Господомъ, ти умысли предати его ко княземъ жидовскимъ.» Указавъ на судьбу Іуды, авторъ такъ заключаетъ свое поученіе: «да и вы, сынове мои милые, не мози́те прїити иному князю, да не итъ тоже зло инадете». Это поученіе очевидно встрѣтило сочувствіе среди книжниковъ того времени, такъ какъ получило широкое распространеніе: оно извѣстно въ двухъ редакціяхъ XIV и XV вв. и дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ ³⁾).

¹⁾ Москвитининъ, 1851 г. № 6, стр. 119; *Буслаевъ*, Ист. христ., 477; Макарий V, изд. 2, 416.

²⁾ Собр. Погод. древлехр., № 1287, я. 74. Незнаемый авторъ «Слова св. отецъ како жити крестьянѣмъ» почти дословно повторяетъ предыдущее поученіе: «Наипаче же князю своему прїязнь имѣй, а не мысли зла на́нь. Глаголетъ бо Павелъ апостолъ: отъ Бога власти всяки устроены суть. Рече бо: Бога се бойте, а князя чтите. Аще бо влаетелямъ кто противится, то Божію суду повиненъ есть, повелѣнію бо противится Божію.» Ж. М. Н. Пр. 1854 г., № 12; Прав. Соборѣд. 1859 г. № 1, стр. 134.

³⁾ Москвитининъ 1857 г., кн. 2, № 6, стр. 119—134; *Буслаевъ*, Ист. христ., стр. 477—479. Варянтъ взятъ изъ текста, напечатаннаго у Макария, Изг. церк., V, стр. 416 и слѣд. Въ краткой редакціи XV в. поученіе приписано еп. сарайскому Матвею, а въ пространной помѣщено въ Златой Цѣпи XIV в. До сихъ поръ извѣстны одинъ списокъ краткой редакціи и четыре списка пространной, Макарий, V, прил. VIII; Первое приб. къ Он. рик.

Итакъ назидательная литература сѣверо-восточной Руси стремилась поставить отношенія вольныхъ слугъ къ князю на совершенно новыхъ началахъ. Возставая противъ свободы отъѣзда, она не только признала ненормальнымъ открытое противодействіе князю со стороны вольныхъ слугъ, но объявила несогласными съ истинами религіи злой умыселъ на князя, хульный глаголъ и противленіе ему на словахъ. Сторонники новаго взгляда не ограничивались одними лишь теоретическими сентенціями въ видѣ поученій: они имѣли основаніе разсчитывать и на практическое проведеніе новыхъ началъ, такъ какъ нашли поддержку со стороны церкви. Въ древнихъ спискахъ кормчей (XIII в.) и отдѣльныхъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мѣрило Праведнаго (XIV в.), встрѣчается очень любопытная статья, усвоенная то Василию Великому (канонъ 66), то св. апостоламъ (правило 84), въ которой содержится слѣдующее любопытное постановленіе: «Шже укорить царя ли князя чрезъ праведное, клзнь да приметь; и аще есть причетникъ да извержется, и аще люжанинъ да отлученъ будетъ»¹⁾. Это постановленіе, какъ видно, должно было примѣняться ко всѣмъ классамъ населенія, не исключая и людей церковныхъ; значить, духовенство могло его примѣнять и къ княжескимъ слугамъ. Но важно и любопытно то, что церковь, объявивъ проступкомъ укоръ князю—дѣланіе совершенно свѣтскаго характера, — облагаетъ его наказаніемъ чисто церковнымъ—отлученіемъ отъ церкви. Въ сферѣ свѣтской администраціи не успѣли еще усвоить себѣ подобнаго взгляда, и церковь первое время не нашла себѣ поддержки со стороны княжескихъ правительствъ. Однако указанное постановленіе должно было оказывать извѣстное вліяніе на измѣненіе взглядовъ и въ правительственной сферѣ.

Трудность затѣянной реформы подавала мало надежды на близкое ея осуществленіе. Но защитники ея не упускаютъ случая напомнить о своихъ взглядахъ, стараясь факты дѣйствительной жизни истолковать въ свою пользу. Укажемъ примѣры.

Хлудова, стр. 25—26. *Филаретъ (Гумилевскій)*. Обзоръ русск. дух. литер. § 49, считаетъ авторомъ поученія митр. Кирилла I; *Макарій*, Ист. церкви, т. V, стр. 166, называетъ авторомъ еп. Матвея сарайскаго; *Срезневскій*, Памяти русск. писма и языка, изд. 2, стр. 110, признаетъ мѣстѣ Филарета на томъ основаніи, что поученіе не упоминаетъ вовсе о татарахъ; *проф. Голубинскій*, Ист. церкви, т. I, ч. 1, стр. 679, примѣч., относитъ поученіе къ домонгольскому періоду, но не признаетъ митр. Кирилла его авторомъ и полагаетъ, что авторъ вообще лицо не духовное, а мірянинъ.

¹⁾ *Розенкмифъ*, О кормчей, изд. 2, стр. 93, п. 9 (Харатейная кормчая XIII или начала XIV в. изъ библ. Румянцева); *Калачовъ*, Мѣрило Праведное, Арх. ист.—юр. свѣд., т. I, отд. III, стр. 33 (Чергахин. ркп. XIV в. изъ библ. Троицко-Серг. Лавры).

Въ 1281 г. городецкій князь Андрей Александровичъ испросилъ себѣ въ Орду великое княженіе подѣ старшими братьями Дмитріемъ Александровичемъ и для обезпеченія привелъ съ собою татарскую рать, во главѣ которой подступилъ къ Переяславлю, «а съ нимъ бояринъ его Семенъ Тонгилевичъ и иные коромольники». Татарскія полчища, конечно, опустошили страну. Лѣтописецъ по этому поводу замѣчаетъ: «Все же то зло сотвори кн. Андрей съ своимъ Семеномъ Тонгилевичемъ, добиваяся княженія великаго, а не по старѣйшинству». Черезъ два года князья-братья примирились, и вслѣдъ за симъ бояре вел. князя Дмитрія по его повелѣнію убили на Костромѣ Семена Тонгилевича, «коромольника лъстиваго», какъ называется его лѣтописецъ ¹⁾. Очевидно вся эта княжеская смута затѣяна при ближайшемъ содѣйствіи этого боярина. Взглянувъ на дѣло съ точки зрѣнія миролюбца и противника княжескихъ смутъ, лѣтописецъ отнесся въ данномъ случаѣ къ боярину городецкаго князя такъ же, какъ во многихъ другихъ аналогичныхъ случаяхъ: въ его глазахъ Семенъ Тонгилевичъ былъ злой совѣтникъ, совѣщавшій своему князю на кровопролитіе. Но лѣтописецъ совсѣмъ напрасно называлъ его коромольникомъ лъстивымъ; Семенъ Тонгилевичъ вѣрой и правдой служилъ своему князю, радѣлъ ему мыслію и мечемъ, добывая для него столъ княженія великаго, хотя это и было, можетъ быть, очень эгоистической затѣей. Въ крамолѣ противъ своего князя онъ повиненъ не былъ. Именно съ этой точки зрѣнія взглянувъ на все это дѣло составитель другаго лѣтописнаго свода. Семенъ Тонгилевичъ здѣсь именуется «поспѣшникомъ и помошникомъ», «совѣтникомъ и помошникомъ» князя Андрея Александровича, а вовсе не коромольникомъ. Лѣтописецъ не скрываетъ, что все это дѣло было задумано не съ чистыми наміреніями, что оно ведено было противъ старшаго брата и осуществлено только благодаря лести князя Андрея передъ ордынскими царями. Но вотъ какъ изложено эпизодъ этого дѣла. Когда братья помирились, то вел. князь Дмитрій Александровичъ посылаетъ своихъ двухъ бояръ «изымать тайно Семена Тонгилевича и испытати его потюку о всемъ, и убитии». Бояре исполнили повелѣніе своего князя, и вотъ что на допросѣ отиѣтилъ имъ бояринъ городецкаго князя: «всѣе испытуете мя, азъ убо вѣрою и правдою и истинною служихъ своему господину князю Андрѣю Александровичю, а еже которыя межъ нихъ з братьемъ его быша брани, или о обидахъ или о испорехъ, се вѣдаты они межъ собою, а азъ вѣмъ то, еже служити своему господину отъ всего сердца». Бояре допытывались, не онъ

ли поднималъ ордынскаго царя и приводилъ татаръ; во тогѣ от-
вѣтилъ: «азъ сего дѣла не имамъ; аще хощете истинно увѣдѣти,
спросите господина моего, и той вѣсть о всемъ отвѣщаетъ». Когда
же болре подъ угрозой смерти потребовали свѣдѣній о бывшихъ,
настоящихъ и будущихъ намѣреніяхъ городецкаго князя, то Семень
Тонильевичъ отвѣтилъ имъ слѣдующею замѣчательною рѣчью:
«суестенъ есть вашъ совѣтъ, понеже господинъ нашъ взя съ на-
шимъ господиномъ миръ и любовь и укрѣпилися крестныхъ цѣло-
вашемъ въ мирѣ и въ любви быти. Да сей-ли есть миръ и любовь
вашего господина и вась, еже убивати болръ нашего господина!
во истину суестно есть дѣло ваше» ¹⁾. Смертью заплатился Семень
Тонильевичъ за вѣрность своему господину. Свѣтлый образъ вѣр-
наго слуги, умирающаго за своего господина, привлекаетъ всѣ сим-
патіи читателя; вмѣстѣ съ лѣтописцемъ онъ легко могъ предста-
вить, какъ «зѣло тужить» о такомъ бояринѣ долженъ былъ го-
родецкій князь.

Любопытный аналогичный примѣръ занесенъ въ лѣтопись подъ
1392 г. Въ этотъ годъ умеръ Данило Теофановичъ, внукъ Тео-
дора Бяконта, выѣхавшаго изъ Москву при Калитѣ. Про Данила
Теофановича замѣчено, что онъ былъ истинный бояринъ вел. князя
и правый доброхотъ, служилъ государю безъ лести въ Ордѣ и на
Руси паче всѣхъ и «голову свою складаше по чюжияхъ страхахъ,
по незнаемыхъ и по невідомыхъ мѣстохъ, многы труды понесеъ
и многы истомы претерпѣ». Лѣтописецъ прибавляетъ, что великій
князь изъ любви къ своему слугѣ прослезился на его похоронахъ
и плакалъ на многъ часъ ²⁾.

Иныя мысли и чувства вызвалъ у лѣтописца предательскій по-
ступокъ Василя Румянца, старѣйшаго боярина при нижегород-
скомъ князѣ Борисѣ Константиновичѣ. Объ этомъ поступкѣ лѣто-
писецъ отозвался такъ: «О злая леть человѣческая! Якоже рече
Давидъ: мужа крѣпана и лѣстива гнушается Господь; и Лѣстивчи-
никъ рече: душа мятежна сѣдалище діаволе. И отъиде Румянецъ,
Юдинъ образъ вземъ, похрачися злобою и другъ діаволу нареклъ» ³⁾.
Даже отъѣхавшихъ въ 1486 г. въ Москву тверскихъ болръ, оф-
фициальная московская лѣтопись называетъ коромольниками ⁴⁾.

Такіе примѣры несомнѣнно должны были имѣть серьезное
воспитательное значеніе, служа подтвержденіемъ общихъ теорети-
ческихъ поученій о службѣ князю.

¹⁾ П. С. Л. X, 159—161.

²⁾ П. С. Л., VIII, 62—63; Након., IV, 251.

³⁾ П. С. Л., XV, 446.

⁴⁾ Након. Лѣт., VI, 120.

Можно думать, что эта проповѣдь не осталась безъ вліянія и на княжескія правительства: на нихъ главнымъ образомъ она, конечно, и была рассчитана. Но князья великіе и удѣльные не могли открыто стать на сторонѣ этого новаго ученія по соображеніямъ чисто политическимъ. Каждый изъ нихъ для сохраненія и приумноженія прародительской отчины долженъ былъ озаботиться привлеченіемъ къ себѣ вѣстной военной силы, которая составлялась по преимуществу изъ бояръ и вольныхъ слугъ. Этому стремленію «шпритися и богатѣти» шло навстрѣчу движеніе по преимуществу съ запада и юга разнообразныхъ выходцевъ, искавшихъ случая повыситье пристроиться при одномъ изъ княжескихъ дворовъ. Дворъ болѣе богатый, отъ котораго можно было получить побольше льготъ, при которомъ жило спокойнѣе и сытѣе, естественно привлекалъ къ себѣ большее количество этихъ свободныхъ силъ. Со 2-й четверти XIV в. дворъ московскихъ князей отличается наибольшою притягательною силою. Хотя около этого времени здѣсь приѣхалъ и высшій представитель духовной іерархіи, чрезъ посредство котораго московскіе князья ближе и лучше могли ознакомиться съ новыми взглядами на отношенія между княземъ и его слугами, но интересы московскаго правительства сосредоточены были на борьбѣ за преобладаніе. Оно должно было особенно дорожить притокомъ служилыхъ силъ, а потому, чтобы не проиграть въ ихъ глазахъ, не только не могло относиться къ своимъ слугамъ болѣе строго, какъ того требовало новое ученіе, но даже должно было большими привилегіями и льготами сравнительно съ прочими княжествами повысить спросъ на свободныя служилыя силы. Поэтому московское правительство не только не вступало въ борьбу съ сложившимися нормами свободныхъ отношеній бояръ и вольныхъ слугъ, но даже какъ бы содѣйствуетъ ихъ выясненію и развитію,¹⁾ проводя ихъ въ своихъ многочисленныхъ междукняжескихъ договорахъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ не осталось мѣста проведенію новыхъ взглядовъ на службу князьямъ. Можно бы подумать, что основанная на договорѣ свободная служба вольныхъ слугъ вполне соответствовала объединительной политикѣ московскаго правительства. И еще недавно было высказано мнѣніе, что даже такая привилегія бояръ и вольныхъ слугъ, какъ право при переходѣ отъ одного князя къ другому удерживать за собою свои села и деревни, по службѣ съ

¹⁾ Нѣтъ нужды входить въ разсмотрѣніе этихъ отношеній; вопросъ этотъ выясненъ въ прекрасныхъ статьяхъ проф. В. И. Сергѣенко, *Вольные и вольные слуги въ Московскомъ государствѣ*, Наблюдатель 1897 г. № 2 и 3.

никъ не тому князю, въ волости котораго находились эти села и деревни, а тому, кого онъ свободно признали своими господиноу, эта привилегія удерживается до окончательнаго упитомевія удѣловъ — знакъ, что она не была вредна великимъ князьямъ: московское государство сложилось при содѣйствіи вольной службы ¹⁾.

Дѣйствительно московское правительство должно было признать нормы свободныхъ отношеній между княземъ и вольными слугами въ виду привлеченія къ себѣ наличныхъ служебныхъ силъ. Съ одной стороны эти нормы были выгодны московскимъ князьямъ, поскольку онѣ содѣйствовали притоку служилого элемента изъ другихъ княжествъ въ Москву. Но съ другой стороны для великихъ князей было сомнѣнъ невыгодно не только терять наличныя служебныя силы, но еще продолжать питать ихъ въ виду возможности столкновенія съ ними при измѣнившихся условіяхъ. Такимъ образомъ эти нормы ставили княжескія правительства въ неловкое двойственное положеніе. При взаимномъ соперичествѣ должно было выйти побѣдителемъ то изъ княжескихъ правительствъ, которое сумѣло, воспользовавшись выгодами вольной службы, устранить ея невыгодныя стороны. Московское правительство безъ особаго труда вышло изъ этого неловкаго положенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствующее право оказывалось невыгоднымъ для московскаго правительства, коррекціоу къ нему являлась политика, понимаемая довольно своеобразно. Въ ней насиле, неправда и клятвопреступленіе являлись дѣятельными союзниками великихъ князей. Какъ вѣрно замѣчено, «въ жертву этой политикѣ Москва приноситъ не только право, но и животворящій крестъ» ²⁾. Изъ ея содѣйствіемъ прибрѣла Москва и для ограниченія вольной службы своихъ слугъ. Ея же мѣрами проводились въ жизнь и выводы изъ новыхъ взглядовъ, предложенныхъ книжниками и церковью, о службѣ князьямъ.

Лѣтопись и другіе памятники сохранили лишь немногіе отрывочные и не всегда ясные примѣры этой политической практики; но и эти малочисленные примѣры должны остановить вниманіе изслѣдователя, особенно въ виду того, что отбѣзды изъ великаго княжества московскаго и не могли случаться часто, по пословицѣ: отъ добра добра не ищутъ. По этимъ примѣрамъ можно судить, какъ мало обезпеченнымъ становилось положеніе вольныхъ слугъ: къ нимъ, вопреки нормамъ договорнаго права, начинаютъ прилициваться наказанія, о которыхъ, имѣть сомнѣнія, и рѣчи не было,

¹⁾ Проф. В. Н. Сергеевичъ, Лекція по исторіи русскаго права, 1836—1887 г., стр. 246.

²⁾ Тамъ-же, стр. 253 и 256.

когда бояре и слуги вольные приказывались въ службу; отъѣздъ изъ Москвы уже довольно рано закликаетъ прощаніемъ изгнаны.

Въ самомъ началѣ политическаго возвышенія Москвы первый извѣстный случай отъѣзда оттуда боярина Акинфа въ началѣ XIV в. уже изображенъ въ памятникѣ XV—XVI в. какъ изгнан. Этотъ бояринъ Акинфъ Гавриловичъ не захотѣлъ быть меньше боярина Родіона Нестеровича и отъѣхалъ въ Тверь. Здѣсь онъ подбилъ тверскаго князя начать рать противъ Переяславля, но во время осады былъ убитъ. Родіонъ Нестеровичъ, передавая голову своего соперника Ивану Калитѣ, сказалъ: «се, господине, твоего изгнаника и моего хѣстиника глава» ¹⁾. При великохъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ Гордохъ истрѣчается и указаніе, что относительно неугодныхъ вольныхъ слугъ принимаются весьма произвольныя дисциплинарныя мѣры. Въ договорѣ, заключенномъ великихъ князехъ Семеновъ съ братьями, стоитъ условіе, что братья не должны принимать къ себѣ на службу Алексія Петровича, боярина великаго князя, который «впелъ къ нему въ корохолу», а также и дѣтей этого боярина. Братья признали, что «воленъ въ немъ князь великій и въ его женѣ и въ его дѣтяхъ». Далѣе изъ договора видно, что великій князь конфисковалъ имущество своего боярина и часть этого имущества отдалъ брату князю Ивану, который обязался не возвращать ничего крамолюму боярину и его семьѣ, «ни нинѣшн чинѣ не подмогати ихъ» ²⁾. Что это была за крамола—неизвѣстно. Значеніе этого термина было очень неопредѣленно и не выяснилось даже долгое время спустя ³⁾. Лѣтисныхъ королюшниковъ называли, какъ показано выше, и Семена Тонгилевича, хотя онъ былъ виновенъ только въ томъ, что очень усердно служилъ своему князю противъ великаго князя. Изъ условій разсматриваемаго договора можно заключить, что Алексій Петровичъ съѣхалъ съ Москвы. Не въ этохъ-ли и состояла его корохла? Въ числѣ условій договора находится и обычное: «п боярахъ и слугахъ вольныхъ юля».

Князь Иванъ не сдержалъ своего обѣщанія. Послѣ смерти великаго князя Семена Ивановича онъ принялъ на службу Алексія Петровича и учинилъ его тысяцкиимъ на Москвѣ. Зимой 1356 г. этотъ

¹⁾ Карамзинъ, IV, прил. 324; ср. А. Н. Марксовича, О хѣстиничествѣ, стр. 174 и слѣд.; см. ж., Исторія хѣстиничества, стр. 235—236. Хронологическая запутанность этого событія въ данномъ случаѣ не представляется извѣстной значеніе.

²⁾ С. Г. и Д., I, № 22.

³⁾ См. объ этомъ ст. проф. В. Н. Сергеевича, Опыты изслѣдованія общаго права, Наблюдатель, 1882 № 2, стр. 226—227.

тысяцкій былъ таинственно убитъ. Вѣдѣтіе этого въ Москвѣ произошло «великій мятежъ», длившійся довольно долго—отъ полоторыхъ до двухъ мѣсяцевъ,—въ которомъ принимали участіе и московскіе бояре. Въ результатъ «большіе бояре московскіи» отъѣхали на Рязань съ женами и дѣтьми ¹⁾. Что было причиной ихъ отъѣзда и заплатились ли они за это—мы не знаемъ. Извѣстно только, что черезъ два года великій князь переезжалъ обратно двоихъ отъѣзчиковъ ²⁾; но объ участи остальныхъ лѣтописи молчатъ. Можетъ быть, при слабости правительствъ великаго князя Ивана Ивановича и въ виду значительнаго числа отъѣхавшихъ, это и сошло имъ съ рукъ безнаказанно.

Но политическіе опыты не замедлили возобновиться при болѣе сильномъ правительствѣ. Въ 1373 г. умеръ послѣдній московскій тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Въ слѣдующемъ году побѣждалъ съ Москвы въ Тверь его сынъ Иванъ Васильевичъ и какой-то Некоматъ Сурожанинъ «со мноюю зжею и лстивыми словесы», какъ сказано въ лѣтописи. Тверской князь послалъ ихъ въ Орду, и въ іюль того-же года Некоматъ вынесъ ему ярлыкъ на великое княженіе. Тогда тверской князь сложилъ къ московскому крестное пѣзованіе и началъ войну ³⁾. Отсюда ясно, что Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ перешелъ въ Тверь въ мирные годы. Но изъ перемирной договорной грамоты, заключенной между Москвой и Тверью послѣ войны, мы узнаемъ, что великій князь московскій конфисковалъ села, принадлежавшія Ивану Васильевичу и Некомату. Московскій князь санкціонируетъ въ новомъ договорѣ обычную норму вольной службы: «а кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тебе къ намъ, а села ихъ въ нашей отчинѣ... или въ твоей отчинѣ, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися». Но вслѣдъ за этимъ онъ торопится обезпечить и свою произвольную мѣру: «а что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, а въ ты села тобѣ не вступатися, а ихъ не надобѣ, тѣ села мнѣ ⁴⁾». Нѣтъ сомнѣнія, что и въ предшествующемъ договорѣ было установлено общее правило о сохраненіи селъ за отъѣхавшими. Московскій князь изъ злобы на отъѣхавшихъ нарушилъ эту норму, отнялъ у нихъ села и послѣ побѣды, пользуясь правомъ сильного, санкціонировалъ свой произволъ. Но этимъ онъ не ограничился. Въ 1379 г

¹⁾ П. С. Л., VIII, 10; X, 228—229. Убіеніе произошло 2 февраля, бояре отъѣхали по послѣднему пути.

²⁾ П. С. Л., X, 230.

³⁾ Ник. Лѣт., IV, 89, 41 и 42; П. С. Л., V, 233; Карамзинъ, V, прим. 32.

⁴⁾ С. Г. и Д., I, стр. 48.

Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ возвращался изъ Орды; во на пути «обольстивше и преужитривше» его поймали, и 30 авг. сынь тысяцкаго былъ «потять мечемъ на Кучковѣ погнѣ повелѣшихъ великаго князя¹⁾». Въ 1383 г. былъ казнень и Нѣкоматъ «за пѣкую крамолу бывшую и измѣну²⁾». Значить и лѣтописецъ считалъ поступокъ отѣхавшихъ измѣной³⁾. По поводу казни Вельяминова лѣтописецъ предлагаетъ слѣдующее назидательное поученіе читателямъ: сатана изначала разставилъ для сыновъ человеческихъ спомъ злодѣйственныхъ сѣти «и научи ихъ другъ на друга враждовати и завидѣти и властемъ не покорятися». Въ этихъ словахъ есть какъ-бы намекъ на то, что и Вельяминовъ изъ чехъ-то не покорился великому князю. Весьма вѣроятно, что сынь тысяцкаго рассчитывалъ занять положеніе своего отца, особенно въ виду того, что званіе тысяцкаго было почти наследственнымъ въ фамиліи Вельяминовыхъ. Но великій князь московскій послѣ смерти Василія Васильевича Вельяминова никого не назначилъ на эту должность и тѣмъ самымъ упразднилъ ее. Это и могло возбудить неудовольствіе Ивана Васильевича, который все свое непокорство и выразилъ тѣмъ, что убѣжалъ изъ Тверь, гдѣ началъ служить въ разрѣзъ съ интересами Москвы. Онъ былъ полный слуга и могъ, казалось-бы, служить тамъ, гдѣ ему нравилось. Лѣтописецъ знаетъ хорошо мотивы отъѣзда, а потому вслѣдъ за приведенными словами дѣлаетъ такую ссылку на св. писаніе: «никто-же о себѣ честь пріемлетъ, но званный отъ Бога, и въ неже кто званъ бысть, въ томъ да пребываетъ». Свое поученіе онъ заключаетъ такъ: «Бога бойтесъ, царя чтите, раби повинуйтеся во всякомъ страхѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ⁴⁾».

Аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ 1433 г., когда съ Москвы съѣхалъ знаменитый московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій. Это былъ выдающійся слуга великаго князя; про него даже лѣтописецъ замѣтилъ, что онъ служилъ «со всѣмъ предложеніемъ истиннымъ сердцемъ въ Ордѣ и волчкое княженіе ему (великому князю) у Махмета царя взя», а современныи историкъ называетъ его достойнымъ преемникомъ тѣхъ московскихъ бояръ, которые при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Василія умѣли удержать за Москвою первенство и дать ей могущество⁵⁾. Неудовольствіе на великаго князя возникло у Всеволожскаго вслѣдствіе того, что вели-

¹⁾ Карамзинъ V, пр. 37; П. С. Л., VIII, 33; Никон., IV, 84—85.

²⁾ Карамзинъ V, пр. 37; П. С. Л., VIII, 49.

³⁾ Ср. П. С. Л., VII, 220.

⁴⁾ Никон. Лѣт., IV, 85.

⁵⁾ Никон. Лѣт., V, 111; Соловьевъ, IV, изд. 5-ое, 52.

кій князь не сдержалъ даннаго своему боярину обѣщанія жениться на его дочери. И вотъ обиженный отказомъ великаго князя Иванъ Дмитріевичъ покинулъ Москву. Онъ не сразу пристроился. Пробовалъ сначала устроиться у князя Константина Дмитріевича въ Угличѣ, но скоро перешелъ въ Тверь. Но и здѣсь прожилъ недолго и отъѣхалъ въ Галичъ къ Юрію Дмитріевичу и изъ мести къ великому князю началъ подговаривать князя Юрія на великое княженіе ¹⁾. Счастье оказалось на сторонѣ галичскаго князя, который занялъ Москву, но продержался въ ней очень недолго и добровольно уступилъ ее племяннику. Изъ заключеннаго при этомъ договора узнаемъ, что великій князь захватилъ села Ивана Дмитріевича «въ своей силѣ» и по договору удерживаетъ ихъ за собой, хотя въ томъ-же договорѣ признано обычное правило о береженіи бояръ, живущихъ въ чужомъ княженіи и о вольномъ отъѣздѣ ²⁾. Отнятіемъ селъ не удовлетворилъ великій князь своего гнѣва: во время возникшей искоры за этихъ распри съ галичскимъ княземъ онъ успѣлъ захватить въ плѣнъ своего бывшаго боярина и приказалъ его ослѣпить ³⁾. Въ этой крутой расправѣ одно формальное основаніе можно указать въ оправданіе московскаго правительства: у него не было, кажется, заключено мирнаго договора съ галичскимъ княземъ въ тотъ моментъ, когда съѣхалъ съ Москвы Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій ⁴⁾. Но не потому, конечно, оно такъ поступило, что чувствовало за собой это формальное основаніе, а потому, что къ этому побуждали его соображенія интереса и чувство мести.

Въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ не только формальныя основанія, но даже нравственные и религіозные мотивы уступали мѣсто соображеніямъ политики и проникающему сознанію о неправомерности такого поведенія вольныхъ слугъ. О томъ же великомъ князѣ въ житіи Мартиніяна Бѣлозерскаго сохранился слѣдующій любопытный разсказъ. Съ Москвы къ великому князю тверскому съѣхалъ нѣкій бояринъ. Великій князь Василій Темный, «зѣло сжалить» о немъ, не зная, что сдѣлать или какъ возвратитъ его назадъ, такъ какъ отъѣхавшій былъ «отъ ближнихъ его советъ-

¹⁾ П. С. Л., VIII, 97.

²⁾ С. Г. и Д. I, стр. 100 и 103.

³⁾ П. С. Л., XV, 290.

⁴⁾ Договоръ 1428 г., заключенный еще при митрополитѣ Фотіи, былъ нарушенъ въ 1431 г., судя по помянутому договору: «а сию грамоту князю великому прислалъ съкладною выѣсть кн. Юрья, къ Орду ида», С. Г. и Д. I, стр. 90. Слѣдующій извѣстный намъ договоръ заключенъ въ 1433 г. послѣ перваго захвата Юріемъ Москвы, — тамъ же, № 49 и 50. Былъ-ли заключенъ еще договоръ въ этотъ короткій промежутокъ, именно послѣ суда въ Орду, мы не знаемъ, хотя есть извѣстіе, что вел. князь возвратился изъ Орды выѣсть съ княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ, П. С. Л., V, 264.

никъ». И вотъ придумывается такой планъ: великій князь просить преподобнаго Мартиньяна помочь ему въ этомъ дѣлѣ, обѣщая того боярина «много паче вераго честна и богата сотворити». Преподобный, надѣясь на духовное сыновство, убѣдилъ боярина вернуться, поручившись за вѣрность княжескаго слова («во всемъ итаетъ ему», какъ сказано въ житіи). Но какъ только бояринъ вернулся, великій князь «не удержавъ ярости гнѣва на боярина того» и велѣлъ его заковать. Когда Мартиньянъ узналъ, что великій князь «измѣну сотвори надъ бояриномъ», то онъ очень оскорбился и прѣѣхалъ въ Москву. Явившись къ великому князю, Мартиньянъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «такъ-ли, самодержавный князь великій, ты правдою судити научился еси? Почто еси душу мою грѣшную продать и послалъ еси во адъ? Почто еси боярина того, иже мною признаннаго душею моею, оковати повелѣи и слою еси свое преступилъ?» Вѣроятно великій князь не сразу поддался утѣщаніямъ преподобнаго, такъ что послѣдній рѣшился прибѣгнуть къ крайнему средству: «Не буди, сказалъ онъ, мое грѣшное благословеніе на тебѣ и на твоихъ великомъ княженіи», и съ гнѣвомъ удалился. Только послѣ этого великій князь созналъ свою неправоту и сложилъ съ своего боярина опалу ¹⁾). Весьма сожалея, однако, чтобы онъ помыслилъ его въ чести и богатствѣ: къ отъѣздамъ относились въ Москвѣ очень недружелюбно и даже презрительно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ оставляли живыми и цѣлыми. Въ началѣ смуты, затѣянной Дмитріемъ Шемякою, когда онъ только-что успѣлъ захватить Москву, къ великому князю въ Троицкій монастырь прискакалъ предупредить о случившемся пѣкій Буинко. Великій князь ему не повѣрилъ, такъ какъ этотъ Буинко незадолго передъ тѣмъ отъѣзжалъ къ князю Дмитрію. «Син смущаютъ насъ, сказалъ великій князь, а ялъ съ своею братією въ крестномъ цѣлованіи, то какъ можетъ то быть такъ?» И велѣлъ Буинку выѣхать изъ монастыря и воротить назадъ ²⁾).

Въ княженіе Василія Васильевича Темнаго только въ двухъ особенныхъ случаяхъ московскіе служилые люди воспользовались правомъ отъѣзда въ широкихъ размѣрахъ. Это было въ 1433 и 1446 гг., когда московскій столъ захватили по очереди галичскій князь Юрій Дмитріевичъ и его сынъ Дмитрій Шемяка. Московскіе вольные слуги сначала цѣловали крестъ новымъ князьямъ, а послѣ, когда Василій Васильевичъ получилъ въ удѣлъ въ первый разъ Коложну, а во второй—Вологду, отъѣхали къ своему прежнему князю.

¹⁾ Лѣт. сан. Арх. Ком., вым. 1, матер., стр. 6—7.

²⁾ П. С. Л., VIII, 115; Ник. Лѣт., V, 203.

Этотъ отъѣздъ остался безнаказаннымъ только потому, что некому было ихъ наказать: Юрій галичскій и Шемяка должны были уступить московскій столъ своему сопернику. При другихъ условіяхъ тотъ же Шемяка, какъ увидимъ, наказывалъ за отъѣздъ.

Описанные случаи вовсе не были исключительными. Политика московскаго правительства въ этомъ отношеніи представляется столь послѣдовательною, что прихвѣру ея спѣшати подражать и мелкія княжескія правительства. Василій Юрьевичъ Косой послѣ смерти отца, пограбивъ казну и запасы, удалился изъ Москвы въ Новгородъ. Онъ взялъ съ собою князя Романа Перелеславскаго, который прожилъ у Косого недолго и побѣжалъ въ Москву. Но Василій Юрьевичъ поймалъ своего слугу и за отъѣздъ велѣлъ ему отсѣчь руку и ногу ¹⁾).

Послѣ того, какъ Дмитрій Шемяка долженъ былъ оставить великокняженіе и удалиться изъ Москвы, онъ заключилъ въ 1447 г. съ великимъ княземъ московскимъ договоръ ²⁾, на основаніи котораго предоставлялась боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и слугамъ вольнымъ — воля; кромя того Дмитрій Шемяка обязался блюсти какъ своихъ тѣхъ слугъ, которые служатъ великому князю, но живутъ въ вотчинѣ Шемяки ³⁾. Этому условію послѣдній не выполнилъ. Въ грамотѣ духовенства угличскому князю сказано, что «послѣ того вашего докопчанія и крестнаго цѣлованья который болре и дѣти боярскіе отъ тебя били челомъ брату твоему старѣйшему великому князю служити; а села и дома ихъ въ твоей отчинѣ, и ты черезъ то докопчанье и черезъ крестное цѣлованіе тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и дома ихъ еси у нихъ поотымалъ, и животы и сътатки всѣ и животину еси у нихъ поималъ» ⁴⁾. Составители посланія ссылаются, между прочимъ, на то, что великій князь «являлъ» имъ перемѣнную грамоту; онъ же, вѣроятно, указалъ имъ и всѣ нарушенія ея.

Наказываетъ за отъѣздъ и свободолюбивый великій Новгородъ. Рассказывая о самыхъ послѣднихъ минутахъ новгородской самобыт-

¹⁾ П. С. Л., V, 28.

²⁾ Договоръ этотъ не сохранился ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, указавъ, что договоръ былъ заключенъ при посредствѣ князей верейскаго и боровскаго, ссылается на № 67 С. Г. и Д. въ т. I и приводитъ условія договора. Русск. Ист., I, 414—415, пр. 40. Но подъ указаннымъ № помѣщена лишь договорная запись между Дмитріемъ Шемякой и Ив. Андр. можабскимъ съ одной стороны и князьями верейскимъ и боровскимъ съ другой о томъ, на какихъ условіяхъ двое первыхъ должны быть челомъ вел. князю о заключеніи мира. Договоръ Шемяки съ Темникомъ гдѣ не помечается, но отдѣльная статья его цѣлкомъ выписаны въ посланіи духовенства къ Дмитрію Шемякѣ. А. Н., т. I, № 40.

³⁾ А. Н. т. I, стр. 78, столб. 2.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 81, столб. 1.

ности, летопись отмечает следующий факт: 28 декабря 1478 г. князь Василий Васильевич Шуйский сложил новгородцам крестное целование «на великаго князя пия». Новгородцы же «блюдяся великаго князя, не слыли ему ни слова молити». Современники как бы съ изумлением прибавляют къ этому, что Шуйский «былъ у нихъ въ городѣ два дня послѣ склада» ¹⁾. Такая мягкость новгородцевъ только и можетъ быть объяснена страхомъ передъ подавляющей силой московскаго ополченія. Иванъ III, зная, конечно, существующую новгородскую практику относительно отѣхавшихъ, спѣшить выговорить безнаказанность приказавшимся къ нему на службу новгородцамъ: онъ велѣлъ переговорить съ новгородцами о новгородскихъ боярахъ, дѣтихъ боярскихъ и боярыньхъ, которые служатъ великому князю, «чтобы имъ не мстили никотороу хитростью» ²⁾. И это послѣ того, когда великій князь уже добился въ Новгородѣ такого же государства, какое было на Москвѣ.

Итакъ, еще въ XV вѣкѣ удѣльные князья и самобытные городскія общины наказываютъ отѣхавшихъ нольныхъ слугъ; но то же самое дѣлаю издавна московское правительство. Всѣ находятъ отѣздъ своихъ слугъ невыгоднымъ для себя и караютъ за отѣздъ. Но то, что невыгодно для одной стороны, составляетъ очевидную выгоду другой. Каждая прибывшая сила, ослабляя противника, равно на столько увеличиваетъ преимущества того правительства, которое успѣетъ ее запербонать. Въ интересахъ послѣдняго было обезпечить свободный приливъ этихъ новыхъ силъ. Унаслѣдованныя нормы договорнаго права представляли къ тому весьма удобное средство. Поэтому московскій великій князь строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы договоры въ точности исполнялись противной стороной.

При такихъ условіяхъ въ Москвѣ считали граждебною всякую свободную силу, которая призывалась на службу куда-либо помимо Москвы, а виновнаго въ такомъ преступлѣ вольнаго слугу при удобномъ случаѣ наказывали. Во второй четверти XV в. сынъ московскаго князя Лѣва Михайловича, Андрей Дуло, поступилъ на службу въ Тверь, а не въ Москву; его за это наказали внослѣдствіи отнятіемъ вотчины. Въ родословной книгѣ случайно сохранилась объ этомъ такая краткая замѣтка: кн. Андрей Дуло «служилъ великому князю Борису Александровичу тверскому, потому отчины отсталъ» ³⁾.

¹⁾ П. С. Л., VI, 215; VIII, 194.

²⁾ П. С. Л., VI, 218; VIII, 198.

³⁾ Временикъ, кн. 10-я, родослов. книга, стр. 61.

Итакъ, воля бояръ и вольныхъ слугъ на практикѣ начинается ограничиваться уже съ XIV вѣка, когда «краугольный камень боярскихъ вольностей—свобода отъѣзда» былъ пошатнутъ. Уже въ это время начинается проникать въ сознание князей мысль, что отъѣздъ—измѣна. Эта мысль развивается безспорно подъ прямымъ вліяніемъ духовной проповѣди. Но московскіе великіе князья не отъѣзжаютъ и не ограничиваютъ, однако, нормъ, гарантирующихъ боярѣмъ и слугамъ свободный отъѣздъ. Этихъ они обезпечиваютъ свободный притокъ въ Москву служилыхъ силъ, но политическими мѣрами устраняютъ примѣненіе этихъ нормъ къ своимъ слугамъ, что достигается противодѣйствіемъ отъѣзду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Результатомъ такой политики было возникновеніе, вопреки записаннымъ нормамъ договорнаго права, обычнаго права, по которому нельзя было «отказаться» отъ службы въ Москвѣ; можно было только бѣжать оттуда подъ опасеніемъ тѣхъ послѣдствій, какія принимались къ государевымъ приходѣямъ. Но «приказаться» на службу московскаго правительства было возможно хотя-бы съ очевиднымъ нарушеніемъ установленныхъ нормъ¹⁾.

Великій князь Иванъ Васильевичъ не только соблюдалъ всецѣло унаслѣдованную практику въ отношеніи отъѣзда вольныхъ слугъ, но повидимому сдѣлалъ изъ нея и дальнѣйшіе выводы. Прибылыя служилыя силы принимались въ Москвѣ съ распростѣртыми объятіями. Было уже указано, какъ заботился Иванъ III о непркосновенности правъ перешедшихъ къ нему на службу новгородцевъ. Эти поощрительныя мѣры, конечно, предпринимались въ видахъ привлеченія новыхъ служилыхъ силъ. Но когда ни подобныя мѣры, ни богатые награды выѣзжихъ изъ другихъ княженій слугъ не принудили къ желаемымъ результатамъ, московское правительство прибѣгло и къ болѣе крутымъ средствамъ, лишь-бы достигъ поставленной цѣли. Можно думать, что переѣздъ многихъ новгородцевъ былъ вынужденнымъ: отъѣздки хотѣли хоть что-нибудь спасти отъ налегающей грозной московской силы. Этотъ мотылъ, вѣроятно, руководилъ отнюдь не одними новгородцами: многие изъ приказывавшихся въ это время на службу въ Москвѣ дѣлали это, руководствуясь тѣми же соображеніями. Въ 1476 г. пріѣхали изъ Твери въ Москву служить великому князю Ивану Васильевичу многие бояре и дѣти боярскіе²⁾. Безъ сомнѣнія, въ Москвѣ ихъ приняли съ удовольствіемъ. Но московское правительство было недовольно

¹⁾ Иначе представляеть дѣло В. И. Сергѣевичъ; онъ говоритъ: нѣтъ «отказа», нѣтъ и «приказа». Наблюдатель, 1887 г., № 3, стр. 32.

²⁾ П. С. Л., VIII, 182.

тѣмъ, что въ Твери оставалось еще много бояръ и вольныхъ слугъ, оставшихся вѣрными тверскому князю. И противъ нихъ предпринимается дѣльный рядъ систематическихъ притѣсненій: въ пограничныхъ спорахъ о земляхъ правыми всегда остаются москвичи, а виноватыми тверскіе служилые люди ¹⁾. И вотъ, «не терпяще обиды отъ великаго князя», всѣ тверскіе бояре поступаютъ на службу въ Москву. Такъ добивалось «приказа» къ себѣ на службу московское правительство.

Но совсѣмъ иначе оно относилось къ «отказу». Иванъ III стремится придать старой практикѣ юридическую санкцію и вводитъ записи о неотѣздѣ, которыя брались съ заподозрѣнныхъ въ нахѣреніи отѣхати изъ Москвы. Заподозрѣнные должны были цѣловать крестъ на томъ, что обязуются служить своему господарю и его дѣтихъ до своего живота и не отѣхати ни къ кому другому. Въ обезпеченіе такой клятвы вводили поручителей ¹⁾.

Не можетъ подлежать, однако, сомнѣнію, что при Иванѣ III наказывали отѣздчиковъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нихъ не было взято записей о неотѣздѣ. Этотъ порядокъ для Ивана Васильевича былъ уже стариной. Въ 1479 г. великій князь судилъ князя Ивана Володимировича Оболенскаго-Лыко, бывшаго нахѣстникомъ въ Лукахъ Великихъ, по челобитью лучанъ о продажѣ и объ обидахъ. По нѣкоторыхъ жалобамъ онъ былъ обвиненъ по суду, а по другимъ князь великій «безсудно» велѣлъ ему заплатить, по такой лучанамъ. Оболенскій-Лыко, обиженный такой несправедливостью, отѣхалъ отъ великаго князя къ его брату Борису Васильевичу волоцкому. Великій князь послалъ за нимъ своего боярина и «велѣлъ» его поймать среди двора у князя Бориса на Волоцѣ. Но удѣльный князь не допустилъ такого самоуправства у себя на дворѣ и «отпалъ сильно» отѣхавшаго князя у великокняжескаго посла. Тогда Иванъ Васильевичъ отправилъ къ брату второго посла, требуя, чтобы Оболенскій былъ выданъ головою. Но Борисъ Васильевичъ его не выдалъ и сказалъ послу: «кому до него дѣло, ино на него судъ да исправа». Однако, напрасно удѣльный князь вздумалъ защищать удѣльную старину: великій князь поручилъ Боровскому нахѣстнику поймать бѣглеца тайно, когда и гдѣ его найдетъ. У отѣхавшаго было на Боровцѣ село, и какъ только

¹⁾ П. С. Д., VI, 273: «гдѣ межн сошлѣся съ межани, гдѣ не изобидятъ московскіе дѣти боярскіа, то пропаше, а гдѣ тѣрѣнѣа изобидятъ, а ти князь великій съ поношеньемъ посылаетъ и съ грозамъ къ тверскому, а отѣхавъ его вѣры не иметъ, а суда не дастъ».

²⁾ Первая изъ дошедшихъ до насъ записей взята съ кн. Данила Холмскаго. С. Г. и Д., I, А: № 103 и 104; ср. *Балласт*, Служилые люди московскаго государства, Временникъ, кн. 3, стр. 28.

онъ туда прѣхалъ, то былъ схваченъ и въ оковахъ привезенъ въ Москву. Борисъ Васильевичъ обратился къ брату Андрею, жалуюсь на великаго князя, «что какову силу чинить надъ ними, что невольно кому отъѣхати къ нимъ». Перечисливъ разныя неправды великаго князя, удѣльный князь заключаетъ свою жалобу такъ: «а нынѣча и здѣ силу чинить, кто отъѣдетъ отъ него къ намъ и тѣхъ безсудно емлетъ, уже ни за бояре почель братью свою; а духовные отца своего забылъ, какъ написалъ, почему имъ жити, ни докончанія, что на чемъ кончали послѣ отца своего» ¹⁾. У Бориса Васильевича съ великимъ княземъ былъ дѣйствительно заключенъ въ 1473 г. договоръ, которымъ обезпечивалась свобода боярскаго перехода и обязанности блюсти, какъ своихъ бояръ, служащихъ одному изъ договорившихся князей, по проживающихъ въ вотчинѣ другаго ²⁾. Оба эти условія нарушилъ великій князь. Но онъ считалъ необходимымъ наказать отъѣздника, чтобы впредь другихъ неповадно было такъ чинить.

Удѣльные князья на основаніи договоровъ продолжаютъ считать своимъ правомъ пріемъ на службу вольныхъ слугъ великаго князя. Въ трудныхъ обстоятельствахъ и вольные слуги вспоминаютъ о своихъ правахъ на отъѣздъ. А великіе князья методически и самымъ энергичнымъ образомъ преслѣдуютъ перебѣжчиковъ, не обращая вниманія на существующія нормы: право свободного отъѣзда вольныхъ слугъ признается договорными грамотами великихъ князей съ удѣльными еще въ 30-хъ годахъ XVI вѣка. На сторонѣ великихъ князей была сила, и передъ ней должно было смолкнуть всякое право.

При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Андрей Михайловичи, отъѣхали къ его брату Юрію. Великій князь потребовалъ ихъ выдачи, и Юрій, испытавшій уже на себѣ его силу, безпрекословно исполнилъ это требованіе. А между тѣмъ онъ два раза заключалъ съ братомъ договоръ и въ обоихъ случаяхъ свобода боярскаго отъѣзда была обезпечена. Отъѣздники, конечно, были наказаны: вел. князь «велѣлъ ихъ оковами разослати по городамъ» ³⁾.

Въ концѣ XV или началѣ XVI в. возникаетъ и специальное наказаніе за отъѣздъ изъ Москвы. Въ истиническомъ спорѣ Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ первый привелъ случай, въ которомъ указалъ, что дѣдъ Борисовъ, Юрій

¹⁾ П. С. Л., VI, 222.

²⁾ С. Г. и Д., I, № 97.

³⁾ Лаврентій, VIII, прим. 7.

Насильевичъ Лыковъ, съ братомъ отъѣзжали въ удѣлъ къ князю Андрею Ивановичу Старичкову; «и по вѣсему государеву царскому уложению, писалъ Пожарскій, кто отъ вѣсь государей отъѣзжалъ въ удѣлъ, пво ихъ въ свосѣхъ роду счету въ государи не дамызали, кому они въ персту» ¹⁾). Возникновеніе этого правила слѣдуетъ относить къ указанному времени не только потому, что на него сослался Пожарскій по поводу отъѣзда Лыковыхъ къ удѣльному князю Андрею Ивановичу, но еще и потому, что въ 1535 году московское правительство, ссылаясь на данную практику, указывавш., что предки Ивана IV возстановляли въ отечествѣ возвратившихся обратно отъѣздчиковъ ²⁾). Смыслъ этого указа, если только Пожарскій вѣрно его формулировалъ, заключается въ томъ, что отъѣздчикъ ограничивался въ правѣ считаться по родословцу, терялъ т. е. родословной чести, какъ изгнанныкъ. Это была страшная кара для служилаго человѣка, потому что онъ почти терялъ право хѣстничаться. Но практика, вѣроятно, смягчила строгое правило, и отъѣздчики наказывались лишь пониженіемъ въ хѣстахъ. Такъ отъѣздчикъ Зюминъ былъ наказанъ тѣмъ, что «прѣѣздитъ» хѣсто. Примѣнялось это правило къ отъѣздчикамъ, понавшимъ такъ или иначе въ руки московскаго правительства, т. е. или когда они сами возвращались, или по присоединеніи удѣла должны были поступить въ разряды московскихъ служилыхъ людей ³⁾).

Только въ 1534 и 1537 гг. впервые встрѣчаемъ попытку ограничить права удѣльныхъ князей касательно пріема отъѣхавшихъ изъ Москвы слугъ. Въ 1534 г. митр. Данилъ привелъ къ крѣстному кляпанію братьевъ умершаго великаго князя, Андрея и Юрія Ивановичей, между прочимъ, на томъ что «ни людей ихъ отъ великаго князя Ивана не отзынати». А въ 1537 г. князь Андрей Старичскій объявлялъ не принимать князей, бояръ, дякоу, дѣтей боярскихъ и вообще кого бы то ни было, отъѣхавшихъ отъ великаго князя на его лихо. Совершенно вѣрно замѣчено, что при всякомъ отъѣздѣ предполагается неудовольствіе отъѣхавшаго, такъ-какъ никакія выгоды не могли заставить отъѣхать отъ великаго князя къ удѣль-

¹⁾ Русск. Ист. Сбор., т. II, стр. 286. Ниже это правило названо просто государевымъ уложениемъ, тамъ-же, стр. 355; по другому-же списку этого дѣла просто «государевымъ указомъ», Сборн. Муханова, стр. 156.

²⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 24—25.

³⁾ А. И. Маркесичъ полагаетъ, что это наказаніе примѣнялось лишь въ послѣднихъ случаяхъ, такъ какъ при добровольномъ возвращеніи наказывать отъѣздчиковъ было бы неудобно, на что есть явные указанія о сохраненіи чести за возвратившимися отъѣздчиками. Но далѣе авторъ справедливо исправляетъ это свое заключеніе. Исторія истинности, стр. 256 и 259—260.

ному¹⁾. Но эта ограничительная норма не имела практического значения. Князь Юрий нарушил ее в 1534 году, перезывая к себе на службу боярина Шуйского; а князь Андрей в 1537 г. уже перезывает к себе детей боярских новгородских²⁾. Вспомнив старину, такимъ предложением удельного князя воспользовались на свою бѣду и некоторые изъ новгородскихъ помѣщиковъ: правительство распорядилось «бити ихъ кнутѣмъ на Москвѣ да казнити смертною казню, вѣшати по Наугородской дорожѣ не пѣтъ и до Новагорода»³⁾. Но также жестоко казнилъ своихъ отъѣздчиковъ и князь Андрей. Во время его похода подъ Новгородъ, съ третьяго стана на Црѣ побѣждали отъ него четверо дѣтей боярскихъ. Одинъ изъ нихъ Валуевъ былъ схваченъ, и князь Андрей послѣлъ его «блжсти крѣпко» своему ближнему дюряину Кашѣ. Капіа велѣлъ связать отъѣздчика, погрузить его въ одной сорочкѣ въ озеро, выставивъ только голову, «дабы онъ не замыся», и такъ пытать, сколько ихъ было въ думѣ. Валуевъ сказалъ на многихъ. Князь Андрей, «то слышавъ, и повелѣ закрыти, понеже не всѣхъ тѣхъ переѣшати»⁴⁾. Только значительное число виновныхъ спасло ихъ отъ прижизненія къ нимъ обычнаго наказанія.

Въ половинѣ XVI вѣка, когда московскому государству грозила новая опасность остаться при малолѣтнемъ государѣ, послѣдовало новое ограниченіе удельныхъ князей принимать отъѣздчиковъ изъ Москвы: съ удельнаго князя Владимира Андреевича взята была въ пользу царевича Дмитрія крестоцѣлованная запись, по которой онъ обязывался: «А князей ми служебныхъ съ отчинани и бояръ нашихъ не приняти; также ми и всякихъ нашихъ служебныхъ людей, безъ нашего велѣнья, не приняти никого»⁵⁾. Царь Иванъ Васильевичъ, пародируя удельную старину, призракотъ которой такъ боялся, весьма опредѣленно выразилъ взгляды московскаго правительства на нормальный порядокъ въ переходѣ служилыхъ людей изъ великаго княжества въ удѣлы. Въ поданной великому князю Сизіону Бекбулатовичу челобитной 1575 г. онъ, князь московскій Иванецъ, бысть человекъ о разрѣшеніи ему «лю-

¹⁾ П. С. Л., VI, 275; С. Г. и Д., I, № 163; *Соловецк.*, VII, изд. 4, стр. 9.

²⁾ П. С. Л., VIII, 286, и Никон. Лѣт., VII, 1: «Того-же мѣсяца декабря 11 прислалъ князь Юрий Ивановичъ діака своего Третьяка Тишкова къ кн. Андрею Шуйскому, а говорилъ ему Третьякъ отъ князя, чтобы поѣхалъ къ князю Юрію служить». П. С. Л., VIII, 294: князь Андрей писалъ въ грамотѣ новгородскимъ помѣщикамъ: «князь велѣки малъ, а держать государство бояре, и вамъ у кого служить? и вы ѣдете ко мнѣ служить, а вы вѣсть радѣ жаловати».

³⁾ П. С. Л., VIII, 295; ср. еще Царств. кн., стр. 69 и 72; Никон. Лѣт., VII, 18.

⁴⁾ *Дармзинъ*, VIII, прим. 16.

⁵⁾ С. Г. и Д., I, № 167.

дешекъ перебрать» — бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людей: «иныхъ бы еси освободилъ отослать, а иныхъ бы пожаловать ослободилъ принять», выбиралъ изъ всѣхъ людей. Послѣ этого прибора московскій князь обязуется представить списки служилыхъ людей и отъ того времени безъ «государева вѣдома» не принимать ни единого человѣка. Далѣе челобитникъ проситъ: «а которыхъ людишекъ примежъ, и ты-бъ, государь, милость показатъ, потчинишекъ у нихъ отнимать не велѣтъ, какъ прежъ сего велось у удѣльныхъ князей... и которые похотятъ къ намъ, и ты-бъ, государь, милость показатъ, освободилъ ихъ быти у насъ безопасно и отъ насъ ихъ няти не велѣтъ; а которые отъ насъ пойдутъ и учнутъ тебѣ государю бити челомъ, и ты-бъ, государь, пожаловатъ... тѣхъ нашихъ людишекъ не принимать» ¹⁾. По этой порожъ переходъ служилыхъ людей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ записанъ отъ усмотрѣнія государя, безъ вѣдома или велѣнія котораго и удѣльные князья не должны принимать отъѣздчиковъ. При такихъ условіяхъ вольные слуги превращались въ настоящихъ «дворовыхъ людишекъ», а ихъ право отъѣзда — въ «перевозъ» служилыхъ людей, аналогично крестьянскому перевозу.

Но указанная порожиронка была уже запоздалой: къ половинѣ XVI в. не осталось ни одного достаточно сильнаго и богатаго удѣльнаго княжества, которое могло бы перетягивать къ себѣ служилыхъ силы изъ Москвы. Даже къ началу XVI в. такой опасности не существовало. Тѣмъ болѣе значеніе приобретала со-сѣдняя Литва, куда могли укрыться всѣ недовольные и обдѣленные московскими порядками, и откуда достать такихъ бѣглецовъ было не такъ легко.

Въ сохранившихся договорахъ Литвы съ Москвой нѣтъ никакихъ упоминаній о свободѣ перехода вольныхъ слугъ. Лишь въ одномъ договорѣ тверскаго князя Бориса Александровича съ Казимиромъ 1449 г. стоитъ условіе: «а боярѣхъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля межъ насъ» ²⁾. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы за отъѣздчиками сохранялись права ихъ на потчины. Это повлекло бы для договарившихся сторонъ неисчислимые политическія затрудненія.

По сохранившимся договорамъ съ начала XV в. ограничиваются

¹⁾ Соловьевъ, VII, прим. 94.

²⁾ А. З. Р., I, № 51; Сборн. Мухомова, № 8. Это условіе не повторено ни въ болѣе раннемъ договорѣ Твери съ Литвой 1427 г., ни въ болѣе позднемъ, около 1483 г. А. З. Р., I, №№ 33 и 79; Сборн. Мухомова, №№ 1 и 10; Среднескскій, Свѣд. и записки, № LIV.

права отъѣзда служебныхъ князей. По договору великаго князя Василья Васильевича съ Литвой 1449 г. стороны взаимно обязуются блюсти и не обидѣти служебныхъ князей противной стороны. Московскій князь перечисляетъ помѣстно своихъ служилыхъ князей, называя ихъ отчины—земли и воды—своими, и заключаетъ свой переченьъ такъ: «такъ жъ и у вотчины мою въ Мещеру не вступатися, ни приймати ихъ» ¹⁾. Стороны обязуются не принимать отъѣхавшихъ служебныхъ князей, разумѣя преимущественно отъѣздъ ихъ съ вотчинами ²⁾.

О допущеніи отъѣзда ихъ безъ отчины и объ отъѣздѣ на тѣхъ-же условіяхъ бояръ договоръ ничего не говоритъ. Но отсюда едва-ли можно дѣлать заключеніе, что указаннымъ договоромъ предоставляется свобода отъѣзда русскимъ служилымъ людямъ въ Литву, а литовскимъ въ Москву, но безъ сохраненія права на вотчины. Скорѣе можно думать, что во второй половинѣ XV в. и литовское правительство не допускало отказа отъ службы и наказывало за отъѣздъ, считая такой поступокъ зрадой, т. е. государственною измѣлой.

Въ 1482 г. литовскіе вотчины: Ольшанской, Оленковичъ и князь Ѳеодоръ Бѣльскій задумали «отѣисти» литовской земли по р. Березину на великаго князя московскаго. Но королю объ этомъ донесли, и онъ «Ольшанскаго стягъ да и Оленковича»; князь-же Ѳеодоръ Бѣльскій убѣжалъ къ великому князю ³⁾. Значитъ, за одно намѣреніе перейти на службу въ Москву съ вотчинами назначалась смертная казнь. И это не случайный фактъ. Въ 1496 г. литовскій князь высказалъ московскому государю такую общую сентенцію о наказаніи отъѣздчиковъ: «князи Вяземскіе и Мезецкіе наши были слуги, а зрадинши насъ присяги свои, и втекли до твоее земли, какъ-то лихіе люди; а ко мѣ бы не втекли, отъ насъ не

¹⁾ А. З. Р., I, № 50; Сборн. Мухомова, № 7. Въ договорѣ есть еще статья о переходѣ, въ которой сказано: «а которыми люди съ которыхъ мѣсть вышли добровольно: ино тѣмъ людямъ вознымъ воля, гдѣ похотать тутъ живуть». Но здѣсь рѣчь идетъ не о служилыхъ людяхъ.

²⁾ По договору Твери съ Литвой 1427 г. условлено, что если кто изъ князей захочетъ перейти къ Витовту съ отчиною, то Витовту того съ отчиною не принимать; а который пойдетъ, тотъ отчины своей лишеть. То-же условіе повторено въ договорахъ Твери 1449 и 1483 гг. А. З. Р., I, №№ 33, 51 и 79. Въ 1490 г. Казимиръ указывалъ Ивану III: «мы отъ тебѣ служъ твоихъ не приимаемъ въ ихъ отчинами, какъ жо и въ докончаніи то стоить которое жъ есмо докончали съ отцомъ твоимъ, въ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ и на васъ». Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 48. Здѣсь шла рѣчь о служебныхъ князьяхъ Воротынскомъ и Бѣльскомъ, а Казимиръ ссылается очевидно на договоръ 1419 г.

³⁾ П. С. I, VI, 233.

того были заслужили, какъ тои зрадцы, оъ шіи свои стратили» ¹⁾. Въ 1509 г. король Сигизмундъ проситъ московскаго государя, чтобы онъ по правдѣ зрадцу Михаилу Глинскаго «за шію выдать со всею братьею, а помощники его, або его тажъ предъ нашими носы сказнигъ» ²⁾. Но литовское правительство не ограничивалось лишь подобными угрозами и требованіями: оно истлило отъѣздинокъ, поскольку нѣло къ тому средствъ. Въ 1495 г. великій князь литовскій съ папою радою, разбирая дѣло оъ отчииъ бѣжавшаго князя Федора Бѣльскаго, установили такое общее правило касательно отъѣздинокъ: «которые коли зрадца утечетъ отъ господаря, челомъ не ударивши, ни на кого его нѣниъ по близости не спадуть, только на господаря» ³⁾. Отъѣздъ Михаила Глинскаго, наѣланный такъ много шума въ Литвѣ и доставившій немало хлопотъ литовскому правительству, вызвалъ болѣе обстоятельную регламентацию вопроса «о нѣниъ зрадецкія, что ся дотычетъ зрадецъ»: въ 1509 г. февр. 9 было постановлено, что если отецъ учинитъ зраду, то нѣниъ его поступаютъ на господаря. Припустить или не припустить къ нѣнию дѣтей,—было «въ ласкѣ господарской». Если же зраду учинитъ кто-либо изъ братьевъ, тотъ терлетъ свою дѣльницу, прочіе-же братья за это не отиѣчаютъ ⁴⁾. Но этого мало. Литовское правительство всѣми мѣрами старается добиться выдачи отъѣздинокъ изъ Москвы и даже устрашить вполнѣ: столь ненормальное и для того времени явленіе политическаго быта ⁵⁾. Но такъ какъ всѣ сего представленія и ходатайства о выдачѣ отъѣздинокъ не привели ни къ какимъ результатамъ, то оно стремится ввести въ договоры съ Москвой условіе о выдачѣ отъѣздинокъ. Въ наказѣ посламъ 1505 г. для заключенія перемирія или вѣчнаго мира было указано: «если будутъ перемирія покою, и тежъ будетъ вѣчный покой, въ обонхъ записохъ то не маеть быти оупущено, абы вжо отъ тыхъ часовъ,

¹⁾ Сборн. Р. Истор. Общ., т. XXXV, стр. 216.

²⁾ А. З. Р., II, № 49.

³⁾ А. З. Р., I, № 126. На основаніи этого правила былъ конфискованъ дворецъ зрадцы Бориса Гробокурова, бѣжавшаго въ Москву вѣстѣ съ Шенякой, и потомъ пожалованъ дворянину Ошумкину. Тамъ-же, № 208; ср. еще А. З. Р., II, №№ 21 и 40.

⁴⁾ А. З. Р., II, № 50.

⁵⁾ По договорамъ польскихъ королей съ жмдавскими господарями съ конца XV в. выработано было слѣдующее правило касательно отъѣздинокъ: если бояринъ или слуга перебѣжитъ, то онъ долженъ послать своему государю прошеніе о мирѣ; если государь отпуститъ гѣль, то ему добровольно вернуться; если-же прошенія не получитъ, то его не держать и не позволять нигдѣ жить въ предѣлахъ договорившейся стороны. Читенія Общ. Ист. 1887 г. кн. III-я, матер. истор., стр. 172—173; Литов. истр., I, стр. 58 и 106.

на обѣ стороны, бѣглыхъ не пріимали, съ ичѣмъ и безъ ичѣ-
не.и»¹⁾). Но такъ какъ провести этого правила не удалось, то
литовское правительство пытается въ желательномъ ему смыслѣ
истолковать перемирную грамоту 1503 г. Когда въ 1504 г. пере-
бѣжалъ въ Москву Остафей Дашковичъ съ иными дворянами, то
князь Александръ требовалъ выдачи своего зрадца, ссылаясь на
перемирную грамоту, въ которой будто-бы условлено «на обѣ сто-
роны не пріимати зрадци, бѣглеца, лихихъ людей». Но въ Москвѣ
на это справедливо возразили, что въ перемирной грамотѣ написано:
«тата, бѣглеца, холопа, робу, должника по исправѣ выдати», что,
по объясненію московскаго правительства, обозначаетъ слѣдующее:
если тать, или разбойникъ или душегубецъ, или учинившій какое-
либо лихое дѣло убѣжить въ предѣлы договорившейся стороны, то
таковыхъ условлено выдавать. «Остафей-же Дашковичъ у короля
былъ мѣтной человекъ и воевода бывалъ, а лихова имени про него
не слышали никакова и держанья имѣлъ отъ него великіе города,
а къ намъ прѣѣхалъ служити добровольно, не учинивъ никакой
шкоты»²⁾). По этимъ соображеніямъ московское правительство
отказалось его выдать.

Потерпѣвъ неудачу и съ этой стороны, въ Литвѣ хлопчуть о
томъ, чтобы отбѣдчики наказывались хотя бы московскими прави-
тельствомъ. Добивался казни Глинскаго и его сообщниковъ передъ
литовскими посланцами въ Москвѣ, литовское правительство обѣщаетъ
также поступать и съ отбѣдчиками изъ Москвы: «а коли тое ты,
братъ нашъ, учинишь, — тогда мы вжо отъ сего часу тымъ всимъ,
которымъ бы тобѣ згрубиши, хто ни буди, утекли ся къ намъ, тымъ
же обычаемъ хощемъ учинити»³⁾). Но не удалось добиться и этого.

Такое упорное стараніе литовскаго правительства провести воз-
можно строгія мѣры относительно отбѣдниковъ находить свое объ-
ясненіе въ томъ, что ему приходилось нести въ концѣ XV и на-
чалѣ XVI вв. значительные ущербы отъ перехода въ Москву слу-
жилыхъ князей и вообще слугъ съ отчинами или безъ отчинъ: ря-
домъ съ территориальными утратами Литва лишилась значитель-
наго количества служебныхъ силъ, которыя сосредоточивались въ
рукахъ враждебнаго и безнокойнаго сосѣда.

А слуги перебѣжники, такой широкой волной мѣнявшие одно

¹⁾ А. З. Р., I, № 200, стр. 349. Кромѣ того посланъ было поручено уло-
виться и о князатахъ «которые втекли отъ короля: естли бы ся хотѣли
вернути до короля, тогда тыи подъ вѣчнымъ покоемъ, або подъ перемирнымъ
мають пріимати быти».

²⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 467 и 470.

³⁾ А. З. Р., II, № 49.

отечество на другое, повидимому не находили ничего предосудительного въ своемъ поведеніи. Они по прежнему считаютъ своимъ правомъ искать такого господина, которому выгодноѣ служить. Но и въ ихъ среду начинаютъ проникать идеи о ненормальности такого порядка. Въ 1514 г. послѣ смоленскаго взятія князь Михайло Мстиславскій перешелъ на службу съ отчиной и цѣлоналъ крестъ великому князю Василью Ивановичу. Но вслѣдъ за этимъ, какъ только онъ узналъ о приближеніи войска стараго своего государя, опять перешелъ къ нему на службу, объявляя свою вѣрность. Чувствуя, однако, неправоту своего поведенія, онъ бѣжитъ челомъ литовскому князю, чтобы «на него некоторой мерзячки за то не мѣли, ажь бы напотоми чѣти его и дѣтей его въ томъ не тыкало». Такую охранную для своей чести грамоту онъ и получилъ ¹⁾.

Московское правительство охотно принимало всѣхъ выѣзжихъ изъ Литвы князей—Бѣльскихъ, Воротынскихъ, Перемышльскихъ, Одолевскихъ, Мезецкихъ, Нювсильскихъ, Глинскихъ и проч.—съ ихъ отчинами и обильно награждало ихъ кормленіями и вотчинами за выѣздъ. Тамъ-же находили пріютъ и не успѣвшіе «отѣстать» своихъ отчинъ на имя великаго князя. Московское правительство принимало ихъ вопреки нормамъ договорнаго права, по которому стороны обязывались не принимать служилыхъ князей съ отчинами. Почему оно такъ поступало? Въ этомъ заключалась его прямая выгода, и оно обладало достаточной силой, чтобы защищать свои правонарушенія. Московская-же дипломатія никогда не затруднялась подыскивать оправдательные мотивы для каждаго отдѣльнаго правонарушенія.

Въ 1493 г., когда въ Москву перешли съ отчинами князья Воротынскіе, Бѣльскіе, Одолевскіе и Мезецкіе, московское правительство оправдывало пріемъ ихъ тѣмъ, что всѣ они старые московскіе слуги, дѣды и отцы ихъ служили предкамъ великихъ князей; что только «не въ згodu» отца великаго князя «тѣ князи были у отца его у короля, а изъ старины тѣ князи наши слуги; а и къ отцу его еще къ королю приказывали есмь, что тѣ князи наши слуги старые» ²⁾. Нѣсколько позднѣе явился новый благовидный предлогъ: въ Москвѣ принимали служилыхъ людей съ отчинами вслѣдствіе притѣсненій исповѣдниковъ православной вѣры въ Литвѣ. Въ 1500 г. Александръ литовскій требуетъ выдачи, согласно договору, своихъ зрадцевъ-князей Семена Бѣльскаго и Хотевскаго и яценскихъ бояръ—съ землями и водами. Московское

¹⁾ А. З. Р. II, № 92.

²⁾ Собр. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 106.

правительство на это возражало, что Семенъ Бѣльскій «не хотя быти отступникомъ греческаго закона и не хотя своєю головою потеряти, къ намъ поѣхалъ служити и съ своею отчиною: пню которая его въ томъ зрада?» Очевидное нарушение договора оно также не затруднялось объяснить: «а что въ нашемъ докончатѣи межъ насъ записано: и князей служебныхъ съ отчичами не прѣимати, и мы къ великому князю приказали, что есмь князя Семена тое для нужи греческаго закона приняли къ себѣ въ службу и съ отчиною» ¹⁾. Уже послѣ этого московское правительство сочло болѣе удобнымъ послать въ Литву предупрежденіе, что если не будутъ прекращены притѣсненія, «а отъ той нужи пойдутъ къ намъ, и намъ ихъ прѣимати и съ вотчичами и стояти, сколько намъ Богъ поможетъ» ²⁾.

Въ 1504 г. перебѣжать въ Москву Остафей Дашковичъ съ иными дворянами. Литовское правительство потребовало ихъ выдачи, ссылаясь на перемірную грамоту 1503 г. Эта ссылка оказалась неправильной и, какъ показано выше, въ Москвѣ ее справедливо отвергли. Но этихъ не удоумлствовався Иванъ Васильевичъ и принелъ въ оправданіе своихъ дѣйствій слѣдующій анахронизмъ: «и напередъ того при насъ и при нашихъ предкѣхъ и при его (великаго князя литовскаго) предкѣхъ межъ насъ на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказа» ³⁾. Было-бы совершенно неправильно заключать изъ этихъ словъ о какой-либо свободѣ перехода служилыхъ людей изъ Москвы въ Литву и обратно, особенно при Иванѣ III. Объ этомъ нѣтъ никакихъ упоминаній и въ сохранившихся договорахъ. Зачѣмъ-же Иванъ Васильевичъ провозгласилъ такое опасное и для него правило? Ему нужно было объяснить свой образъ дѣйствій, и онъ, не отказываясь нисколько отъ исконной политики своихъ предковъ, хочеть и на Литву распространить выгодный для Москвы порядокъ свободы нѣгда чужихъ слугъ. Такой порядокъ, конечно, долженъ быть одностороннимъ.

И дѣйствительно, при великихъ князьяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Васильѣ Ивановичѣ наблюдается гораздо больше случаевъ приказа на службу выходцевъ изъ Литвы, чѣмъ побѣговъ изъ Литвы. Но и въ рѣдкихъ случаяхъ ухода изъ Москвы перебѣжниковъ ожидала строгая кара. Послѣ взятія Твери великій князь Иванъ Васильевичъ пымалъ и посадилъ въ тюрьму тверскаго боярина Аоонася Шетнева за то, что его родные племянники Звѣзны отъ-

¹⁾ Сб. Мухомова, стр. 105.

²⁾ П. С. Л., VI, 45; VIII, 239; Никон. лѣт., VI, 161.

³⁾ Сб. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 470.

ѣхали въ Литву съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ¹⁾. Въ 1493 г. князь Иванъ Лукомскій сказалъ на князя Федора Бѣльскаго, что онъ хотѣлъ ѣхать отъ великаго князя въ Литву, и Иванъ III «велѣлъ за то князя Федора изымати, да послать его въ заточеніе въ Галичъ»²⁾.

Въ 1514 г. литовскій переѣзчикъ Михаилъ Глинскій, преступивъ крестное цѣлованіе, измѣнилъ великому государю, сталъ ссылаться съ королемъ, а самъ хотѣлъ ѣхать въ Литву. Умыселъ Глинскаго былъ предупрежденъ: онъ былъ схваченъ и отосланъ къ великому князю, который, «оковавъ Глинскаго, послалъ на Москву и велѣлъ заточити». Лишь въ 1527 году Глинскій былъ выпущенъ изъ нѣтѣна только потому, конечно, что великій князь женился передъ тѣмъ на его племянницѣ³⁾. Такъ наказывались умыселъ и покушеніе на побѣгъ въ Литву. Не оставалась безнаказанной измѣна и въ томъ случаѣ, когда отѣздчикамъ удавалось перейти границу. Въ 1534 г. «наученіемъ вражнимъ и разгордѣлся своимъ безуміемъ» отѣхали въ Литву князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкой съ сыномъ. Ихъ «соѣтниковъ» князья Ивана Бѣльскаго и Ивана Воротынскаго съ дѣтьми великій князь и его мать велѣли поймать и, оковавъ, посадить за приставокъ⁴⁾. А такъ какъ у Ивана Ляцкого были въ Новгородѣ имѣнья, то «тѣмъ дѣй имѣнья на великаго князя взяты и люди его разграблены, и матку дѣй и дочку его до Москвы повели и осадили»⁵⁾. За измѣну главы семьи принаказываются къ отѣтственности и ея члены.

Итакъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ литовское правительство всѣми мѣрами добивалось установить въ договорахъ съ Москвой самую строгія мѣры относительно отѣздчиковъ, а московское правительство не только не соглашалось на такія мѣры, но даже провозглашаетъ начало полной свободы отѣзда служилыхъ людей, хотя и наказываетъ отѣздчиковъ. Это различіе правительственныхъ мѣръ имѣло лишь одно основаніе: въ указанное время Литва гораздо больше потеряла своихъ слугъ, чѣмъ приобрѣла, тогда какъ Москва, наоборотъ, значительно увеличила свои служебныя силы на счетъ выходцевъ изъ Литвы.

Но со времени боярскаго правленія и жестокостей Ивана Гроз-

¹⁾ Русск. Ист. Сборн., т. II, стр. 3.

²⁾ П. С. Л., IV, 162; VIII, 225.

³⁾ П. С. Л., VIII, 257 и 272; VI, 256.

⁴⁾ П. С. Л., VI, 293; VIII, 287; Никои. лѣт., VII, 2—3. По другому источнику этихъ князей, «по торгу водячи, пугами бия»; сверхъ того здѣсь сообщается о заключеніи Богдана Трубецкаго; «а имали ихъ для того; ижъ ихъ обмолвлено, ижбы были до Литвы ѣхати». А. З. Р., II, № 179, III.

⁵⁾ А. З. Р., II, № 179, стр. 333.

наго обстоятельства круто изменились: почти непрерывной вереницей отъездчики тянутся изъ Москвы въ Литву. Соответственно этому видоизменились и взгляды московскихъ и литовскихъ правительственныхъ сферъ.

Въ 1549 г. московскимъ посломъ, Михаилу Яковлевичу Морозову съ товарищи, отправленнымъ для подкрѣпленія заключеннаго перемирія, вѣрно было сказать Сигизмунду-Августу, что въ перемирныхъ грамотахъ написано о выдачѣ на обѣ стороны бѣглецовъ, и это утверждается крестнымъ цѣлопошиемъ; между тѣмъ бѣглецы не отдаются «и то есть на нашихъ душахъ». Посламъ наложено: «любо бы тѣ слова изъ грамоты выставити, или бѣглецы всякіе отдавати по перемирнымъ грамотамъ»¹⁾. Между тѣмъ въ перемирной грамотѣ 1549 г., какъ и въ перемирной грамотѣ 1503 г., стоитъ совершенно тождественное условіе: «а татя, бѣглеца, холопа, робу, должника по исправѣ выдати»²⁾.

Въ 1504 г. московское правительство комментировао это условіе изъ томъ смыслѣ что здѣсь рѣчь идетъ о татяхъ, разбойникахъ и душегубцахъ, перебѣжавшихъ въ предѣлы одной изъ договорившихся сторонъ; въ 1549 г. подъ бѣглецами уже подразумеваются отъѣздчики. Въ подробной инструкціи посламъ было разъяснено, что если приговарять не писать о бѣглецахъ, «нию велики добро»; если-же въ Литвѣ будутъ говорить, что тѣ строкѣ писать по старинѣ, то настаивать на выдачѣ бѣглецовъ. Если на это согласятся, то требовать накрѣпко выдачи и тѣхъ бѣглецовъ, которые бѣжали «прежъ сего отъ государя нашего и отъ короля за перемирыими грамотами». И если сойдутся и на этомъ, то говорить «о Иванѣ о Литцкомъ, да о Нохтевѣ сынѣ, да о Горенсковѣ сынѣ, да о Шамахеѣ о княжѣ Петровѣ сынѣ великаго», чѣмъ ихъ выдать, взаимѣ чѣмъ будутъ выданы всѣ перебѣжавшіе отъ короля къ царю и великому князю. На все это съ удовольствіемъ готово было согласиться московское правительство. Но въ вопросѣ о выдачѣ прежнихъ бѣглецовъ оно вступало на скользкую почву: въ Литвѣ могли потребовать и выдачи тѣхъ, которые пріѣзжали къ великому князю Василью. Посламъ было предписано «о тѣхъ отговаривати, что пріѣзжали къ великому князю Василью, а отъ него къ королю пріѣзжали», такъ какъ «тѣхъ ужъ отъѣздъ минулся, занеже къ которымъ государемъ пріѣхали, и тѣхъ ужъ Богъ взялъ и тѣхъ отдачѣ сестатись нехотѣ; нынѣ бы все время межъ государей нашихъ правда была, а тѣ ужъ старые дѣла минулися». Всѣ эти пон-

¹⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 311.

²⁾ Тамъ-же, стр. 306; ср. т. XXXV, стр. 467.

шества должны быть введены въ перемирную грамоту, писанную отъ имени короля, тогда какъ въ перемирной грамотѣ отъ имени московскаго государя статья о бѣглецахъ была сохранена въ прежнемъ видѣ. Такимъ образомъ проектируемыя измѣненія могли оказаться односторонними для польско-литовскаго правительства, и тогда въ рукахъ Москвы оказалось-бы серьезное преимущество. Но этотъ дипломатическій маневръ не удался: Сигизмундъ-Августъ велѣлъ отвѣтить посламъ, что такъ какъ тотъ артикулъ уже внесенъ въ перемирную грамоту московскаго государя, то «тогда уже на тотъ часъ и въ напередъ листѣ перемирномъ мусить то стояти, а неслѣзъ того выставляти, а вѣдь жо нами ничто противко перемирныя грамоты не дѣется» ¹⁾.

Въ 1567 г. московскимъ посламъ поручено было потребовать выдачи измѣнниковъ, Курбскаго съ товарищами. Измѣна Курбскаго причинила царю Ивану столько же, если не больше огорченій и заботъ, какъ раньше измѣна Глинскаго литовскому правительству. Московская дипломатія хорошо помнила представленія послѣдняго о выдачѣ Глинскаго, и потому, при ходатайствѣ о выдачѣ Курбскаго, наказано было посламъ: если паны рада спросятъ, почему государь московскій просить о выдачѣ Курбскаго, тогда какъ прежде ни при которыхъ государяхъ не бывало, чтобъ такихъ людей отдавали, — отвѣчать, что государь объ измѣнникахъ приказалъ для того, что они между государями ссоры дѣлають и на большее кровопролитіе христіанское поднимають. Сигизмунду-Августу послы должны были указать, что Курбскаго слѣдуетъ выдать, чтобы «промежь государей отъ тыхъ зрадекъ неприяни не было» ²⁾. Теперь московскому правительству пришлось почти дословно повторить тѣ-же соображенія о необходимости выдавать отъѣзчиковъ, какія въ началѣ XVI в. указывались изъ Литвы ³⁾. Въмѣсто ссылки на старо-

¹⁾ Собр. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 314 — 315 и 332; Литовск. метр., I, стр. 56.

²⁾ *Соло мей*, VI, изд. 4, стр. 234; Литов. метр., I, стр. 261. Въ 1569 г. Грозный пишетъ Сигизмунду-Августу: «А какъ еси, братъ нашъ, нашу измѣнную раду отступниковъ истиннаго православія учинилъ у себя въ радѣ, и отъ тыхъ мѣсть и по ся мѣсто христіанская кровь не престаеши лить». Тамъ-же, стр. 279.

³⁾ Въ 1503 г. дочь Ивана III, великая княгиня литовская Елена, писала своему отцу по поводу отъѣзчиковъ Можайскаго и Шемячича, чтобы онъ не принималъ ихъ согласно докончанью, — «а измѣнники-бы вѣрныи наши не радовались»; Елена указываетъ, что эти измѣнники «противъ васъ государей замутили и другіи Семенъ Бѣльскій Іюда съ ними»: что они «вторые Каппове по шію въ крови ходять, а межъ васъ государей мутять». Собр. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 370—371. Въ 1504 г. великій князь литовскій пишетъ про тѣхъ-же Можайскаго и Шемячича: «самъ на нихъ поразумѣешь, шюжь тыи князи, — которыхъ же отцы и они сами николи государемъ своимъ вѣрныи не бывали, завжды присяги свои змѣняли, хотить и межъ насъ своими зачинами перемирье до вѣчныхъ лѣтъ нарушити». Тамъ-же, стр. 458.

давний обычай свободы отъезда служилыхъ людей, теперь московское правительство провозглашаетъ совершенно противоположное правило, по которому «во всей вселенной кто бѣглеца прѣмаетъ, тотъ съ нимъ выѣсть не правъ живеть». Съ накинѣвшейся злобой оно ухватывается за слова польско-литовскаго правительства, будто «король израды не любитъ, и поляки и литва израды не любятъ-же», и козко заѣмчаетъ на это: «почему-жъ израдцовъ щодробнѣе прѣмаютъ и хлѣбомъ осматриваютъ?» ¹⁾ Такие порядки очень не нравились царю Ивану, и онъ добивается ихъ отмены.

Но польско-литовское правительство также измѣнило свои прежние взгляды. Оно уже не стоитъ ни за отмену свободы отъезда, ни за выдачу отъѣздчиковъ, не настаиваетъ на необходимости ихъ казни. На требованіе выдать Курбскаго съ товарищами Сигизмундъ-Августъ не безъ ядовитости отвѣтилъ Грозному: «ты братъ нашъ, — вспоменуши то, что на тотъ часъ держиши многіе отчизны, замки наши... и слугъ нашихъ съ ихъ города, и которыхъ обычаеши они къ отцу твоему на службу прѣехали, — таковыхъ людей, которые, отчизны оставивши, отъ зневоленія и кровопролитія горла свои уносятъ, доноватися у насъ не будешь». Король не удовольствовался этой непріятной для Москвы исторической справкой. Въ свое оправданіе онъ предложилъ Грозному назидательное поученіе въ духѣ христіанской любви: христіанскимъ государямъ, писалъ онъ, которыхъ въ оборону христіанство вручено отъ Бога, не достойтъ таковыя «княжатскіе народы» и никого изъ христіанъ «въ зневоленіе приподити, и кого Богъ отъ смерти вынесетъ — выдавати, яко невольниковъ чрезъ ячю взятыхъ» ²⁾. Почти тѣмъ-же мотивами иногда оправдывало московское правительство отъѣздъ изъ Литвы Семена Бѣльскаго.

Едва-ли необходимо останавливаться здѣсь на отдѣльных случаяхъ наказанія отъѣздчиковъ при Иванѣ Грозномъ. Ужасы казни лицъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ и въ частности въ нажѣреніи отъѣхать изъ Москвы, достаточно извѣстны. Но помню успешныхъ общихъ наказаній царь Иванъ Васильевичъ усилилъ квалификацію и спеціальнаго наказанія за отъѣздъ. Князь Курбкинъ, жѣстничаясь въ 1640 г. съ кн. Алексѣемъ Трубецкимъ, по поводу измѣны кн. Юрія Трубецкаго сослался на слѣдующій указъ Грознаго, данный послѣ отъѣзда Курбскаго: «котораго роду хоть и кто меньшей отъѣдетъ, и того роду и у большыхъ отнять 12 жѣстъ; кому они были въ версту и тѣхъ указалъ го-

¹⁾ Пам. дипл., спом. X, стр. 162 и 227.

²⁾ Литов. метр., I, стр. 266.

сударь быть 12 мѣсты меньше¹⁾. Такое наказаніе всѣхъ родственниковъ за отѣздъ отдѣльнаго родича являлось какъ-бы порукой всего рода за вѣрность каждого изъ его членовъ²⁾.

Московское и литовское правительства въ одинаковой мѣрѣ борются противъ отѣзда служилыхъ людей, если дѣло идетъ объ ихъ собственныхъ слугахъ, и готовы защищать свободу выѣзда, когда представится случай принять къ себѣ слугъ противной стороны. Они не допускаютъ отказа отъ службы и наказываютъ за побѣгъ, но рады всякому новому приказу въ службу. Эта двойственность политики объясняется одно изъ своеобразныхъ явленій государственнаго быта того времени: оба соперничающія правительства принимаютъ на службу заведомыхъ злодѣевъ-измѣнниковъ.

Каждый отѣхавшій считался измѣнникомъ. Но нерѣдко случалось, что отѣздчикъ черезъ нѣкоторое время готовъ былъ вернуться на службу къ прежнему государю. Московское и литовское правительства никогда не отказывались принять обратно этихъ покаявшихся измѣнниковъ, такъ какъ они были, конечно, менѣе опасны для государства на службѣ старому государю, чѣмъ поному иногда враждебному правительству. Подобрать къ рукамъ этихъ подозрительныхъ слугъ было прямой выгодой и для Москвы, и для Литвы.

Такого рода политика московскаго правительства не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Еще Василій Темный старался переманить обратно отѣхавшаго въ Тверь боярина и сулить ему повышеніе чести; когда-же бояринъ вернулся, то сначала наложилъ на него опалу, а затѣмъ хотя и долженъ былъ ее снять, но вѣроятно зорко слѣдилъ за своимъ вольнымъ слугою³⁾. Удѣльные князья Шемшичъ и Можайскій спаслись отъ московскаго штыка въ Литвѣ. Въ 1471 г. великій князь ихъ считаетъ своими злодѣями и сыновей ихъ называетъ «малыхъ злодѣевъ дѣтлинъ», а въ 1494 г. по договору съ Литвой выговариваетъ обязательство

¹⁾ А. И. Марквичъ, О мѣстничествѣ, стр. 472. Вѣроятно на этотъ-же указъ сослался и бояринъ В. Морозовъ въ 1619 г.: «кн. Юрій Трубецкой и выхъ изъ мѣстъ служить литовскому королю, и преждее ваше, государь, уложеніе, которое и въ удѣлъ отѣхавшии и тѣ у себя и у своего роду за те терзали многіи мѣста». Тамъ-же, стр. 435 и 477; Дюпрі, разр., I, стр. 412.

²⁾ Вопросъ о подлинности этого приговора и о приложеніи его разобранъ А. И. Марквичемъ въ назв. соч., стр. 480—484, и въ Исторіи мѣстничества, стр. 438—441; ср. И. И. Литвинова, Разрядные дѣла, стр. 95, прим. 2, гдѣ указано, что въ Разрядной книгѣ Е. Барсова подъ 7060 находится извѣстіе о выдачѣ головою кн. И. Буйносова князю И. Елецкому: «а выдавалъ головою Ивана Буйносова на дворъ осадной воевода... а выдачка головиная по царьскому уложению за дѣлать мѣста». Впрочемъ авторъ замечаетъ (?) сообщаемое имъ извѣстіе.

³⁾ См. выше, стр. 177—178.

не отпускать ихъ никуда, на его великаго князя лихо; если же они пойдутъ прочь изъ земли, то литовскій князь обязуется не принимать ихъ обратно и быть съ московскимъ «на нихъ вездѣ за одинъ». Въ 1495 г. было наказано князю Еленѣ не допускать къ себѣ этихъ князей и ихъ женъ и требовать отъ литовскаго князя, чтобы «къ ней тѣмъ княземъ и княжнамъ не велѣли ходити»¹⁾. Но въ 1500 г. князя Можайскій и Шомячичъ приняты на службу въ Москву и съ отчинами, вопреки докопчанью²⁾. Напрасно великая княгиня Елена указывала отцу, что такимъ зрадцямъ вѣрять не слѣдуетъ, которыхъ «отцы предкамъ московскихъ государей измѣнили тамъ на Москвѣ, а дѣти ихъ тутъ въ Литвѣ», и этихъ только мутать среди государей; напрасно и великій князь Александръ писалъ про этихъ-же князей, что ихъ отцы и они сами никогда не бывали вѣрны своимъ государямъ, всегда измѣнили своимъ присягамъ³⁾. Все это было очень хорошо извѣстно московскому правительству, которое тѣмъ не менѣе приняло этихъ зрадцевъ и надѣлило ихъ вотчинами. Судьба «запалушаго врага» государя указываетъ, на сколько политично оно поступило.

Въ 1558 г. принять былъ на службу Дмитрій Вишневецкій и на прїездѣ пожалованъ значительной суммой денегъ, городовъ Бѣлевыхъ и селами близъ Москвы. Московское правительство знало, что Вишневецкій «неодного израдилъ»; но оно велѣло объяснить въ Литвѣ, если бы тамъ указали на это, что «государь нашъ вѣрять всякаго человека душѣ». Вишневецкій израдилъ и московскому государю. О немъ велѣно было сказать въ Литвѣ, что «притекъ онъ къ государю какъ собака и потекъ отъ государя какъ собака-же». Но въ то-же время велѣно было провѣдать, чѣмъ пожалованъ онъ въ Литвѣ, а также другіе отъѣздки, Черкасскіе, и если одинъ изъ послѣднихъ объявитъ, что хочетъ опять ѣхать къ государю, то обѣщать ему, что челобитие его до государя допесутъ⁴⁾.

Въ 1586 и 1587 гг. московская дипломатія старается возвратитъ отъѣздки Тетерина, Дав. Бѣльскаго, Мурзу Кушкѣна и другихъ, обѣщая, что государь отдастъ имъ ихъ вину, такъ какъ они преступили передъ государемъ, дерзость сдѣлали, въ Литву отъѣхали⁵⁾.

¹⁾ С. Г. и Д., I, № 20; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 197 и 168.

²⁾ П. С. Л., VI, 45; VIII, 239; Ник. Лѣт., VI, 161.

³⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 370—371 и 458.

⁴⁾ Сбор. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 543 и 585; Карамзинъ, IX, прим. 104; Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 225.

⁵⁾ Соловьевъ, VII, изд. 4, стр. 247 и 257.

Итакъ, московское правительство охотно принимаетъ опять на службу измѣнившихъ ему слугъ; оно въ этомъ отношеніи на столько неразборчиво, что готово вѣрить душѣ всякаго человѣка. Трудно, однако, допустить, что такіе слуги-переметчики ничего не теряли въ своихъ прежнихъ положеніи. Худая слава измѣнника оставалась за нимъ и отражалась на нхъ отеческой чести, передаваясь по наслѣдству. Московское правительство сумѣло воспользоваться этими обстоятельствами и, быть можетъ, впервые къ этимъ вернувшимся отъѣздчикамъ стало прижнять правило объ ограниченіи отеческой чести въ мѣстническихъ спорахъ, которое получило затѣмъ такое широкое распространеніе въ видѣ наказанія за отъѣздъ.

Изъ мѣстническаго дѣла Василія Зюзинна съ Нагими извѣстно, что родичъ Зюзинна, Бахтеяръ Зюзинъ, около половины XVI в. «отъѣзжалъ изъ Литвы и мѣсто свое произидѣлъ». Его родичи поэтому отказались за него тягаться¹⁾. Значитъ правило о пониженіи мѣстами за отъѣздъ не теряло своей силы и по возвращеніи отъѣздчика. Правда, заботясь о возвращеніи назадъ своихъ зрадцевъ, московское правительство давало обѣщанія не только не понижать ихъ чести, но сулило даже прибавку къ ней. Такъ въ 1535 г. была послана Семену Бѣльскому грамота, которой обѣщано вины его не памятовать, а пожаловать большю прежняго; при этомъ указывалось, что «и прежде нѣкоторые слуги ѣздили отъ насъ къ нашимъ врагьямъ, опять назадъ пріѣзжали, и этимъ отечества своего не терѣли, предки наши ихъ жаловали и опять ихъ въ отечествѣ возстановлявали»²⁾. Также въ 1594 г. отъѣздчика Михаила Головинна государь обѣщаетъ пожаловать вотчиной и помѣстьемъ и «учинить его въ отечествѣ въ большой чести, въ чести отецъ его и дядя были»³⁾. Но извѣстно, какъ скупо исполнялись подобнаго рода обѣщанія. Къ тому же при мѣстническихъ спорахъ заинтересованные никогда не упускали случая сослаться на «измѣнную славу» и пожалованнаго отъѣздчика; само правительство не въ силахъ было снѣть съ своихъ слугъ такой «жерлячки», которая долго поминалась въ средѣ служилыхъ людей. Въ 1640 г. мѣстничавшійся съ Трубецкихъ князь Куракинъ проситъ государя не нарушать уложенія царя Ивана Васильевича о пониженіи въ отечествѣ за отъѣздъ и пни Куракинскими его почать, чтобъ впредь невовадно было измѣнять⁴⁾. Такъ постепенно упрочивалась и среди служилаго класса мысль, что

¹⁾ Русск. Истор. Сборы., т. V, 1842 г., стр. 5 и 35—36.

²⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 24—25.

³⁾ Кривинъ, X, прим. 274.

⁴⁾ А. И. Марксовъ, О мѣстничествѣ, стр. 472; см. также, Исторія мѣстничества, стр. 441.

отъѣздъ на службу въ другое государство составляетъ не право, а преступленіе.

Путехъ политическихъ иѣръ московское правительство сокращало волю своихъ вольныхъ слугъ задолго до уничтоженія юридическихъ нормъ, обеспечивавшихъ эту волю. Посредствомъ той-же политики оно устранило и суверенитетъ владѣтельныхъ князей значительно раньше, чѣмъ были выработаны нормы, низводящія владѣтельныхъ князей въ положеніе невольныхъ слугъ московскихъ государей ¹⁾.

На пути къ объединенію сѣверо-восточной Руси московскіе князья встрѣтили серьезное препятствіе не только со стороны другихъ великихъ княженій, но и со стороны удѣльныхъ князей, созданныхъ самими-же московскими объединителями. Обычай надѣлять удѣлами вѣхъ своихъ сыновей они унаслѣдовали изъ старины. Это былъ общій порядокъ Руси до-московской, которому подчинялись и московскіе князья. Они довольно рано сознали неудобства этого порядка для цѣлей объединенія, но не въ страхъ были отступить отъ укоренившагося обычая: то, что создали они одной рукой, разрушали другой. Съ Дмитрія Донскаго открываются попытки какъ-нибудь сгладить эти два противоположныя теченія. Но еще при Иванѣ III Васильевичѣ, который на примѣрѣ отца во очію убѣдился, насколько могутъ быть опасны удѣльные князья для великаго князя московскаго, противорѣчія эти не сглажены окончательно. Въ 1496 г., узнавъ о намѣреніи литовскаго князя дать Сигизмунду въ литовскомъ великомъ княжествѣ Киевъ и иные города, онъ приказываетъ сказать своей дочери: «Ино, дочи, слыхалъ ятъ, каково было нстроеніе въ литовской землѣ, коли было государей много; а и въ нашей землѣ слыхала же, каково было нстроеніе при моемъ отцѣ; а опослѣ отца всего, каковы были дѣла и мѣстѣ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама поминишь. И только Иудинонтъ будетъ въ литовской землѣ, ино вашему которому добру быти?» ²⁾.

Еще раньше, въ 1489 г., Иванъ Васильевичъ предостерегаетъ крымскаго хана Менгли-Гирея отъ опасностей междоусобія съ братьями: «Ино тобѣ вѣдомо изъ старины отъ дѣдъ и отъ отцовъ нашихъ: на одномъ кртѣ два осподаря бывали-ли? А гдѣ и бывали... ино которое добро межъ ихъ было?» ³⁾. Кажется, московскій князь

¹⁾ Вопросъ объ отношеніяхъ между владѣтельными князьями рассмотрѣнъ Проф. В. И. Сергиевичемъ въ Лекціяхъ по ист. русск. права, 1886—87 гг., стр. 243—268.

²⁾ А. З. Р., I, № 136; Сборм. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 224—225.

³⁾ Сборм. Р. И. Общ., т. XLI, стр. 76.

отчетливо сознавать невыгоды удѣльнаго порядка и долженъ-бы былъ его уничтожить. Но и онъ назначаетъ удѣлы дѣтямъ. Такова сила переживанія.

Однако, положеніе удѣльныхъ князей существенно измѣнилось. Изъ сравненія договоровъ между родными братьями, сыновьями Калиты, и между сыновьями Ивана III можно видѣть, какихъ успѣховъ достигла великокняжеская власть. Но даже договоръ 1531 г. между родными братьями, вел. княземъ Василіемъ Ивановичемъ и удѣльными княземъ Юріемъ Ивановичемъ, признаетъ за удѣльными очень широкія права. Вотъ какъ они могутъ быть формулированы:

«Възиими. . . отношенія князей опредѣляются соглашеніемъ ихъ, а не указомъ великаго князя. Великій князь, также какъ и удѣльный, скрѣпляетъ пункты соглашенія клятвой. Великій князь признаетъ неприкосновенность владѣній удѣльнаго, ихъ наследственность, право производить въ ихъ предѣлахъ судъ и управленіе; великій князь признаетъ удѣльнаго въ братствѣ съ собой, обязуется держать его въ любви и въ чести, почитать его удѣломъ и жаловать его. Удѣльный, съ своей стороны, обязывается признавать вел. князя своимъ братомъ старѣйшимъ, держать подлинъ великое княженіе честно и грозно, быть съ нимъ заодно, на всякаго недруга, не входить ни въ какія сношенія съ другими князьями и выступать во главѣ своего войска, куда великій князь прикажетъ» ¹⁾. На случай неисполненія договора не устанавливается никакой ответственности; отсюда можно было-бы заключить, что владѣтельнаго князя судить Богъ, и что земной власти надъ нимъ не существуетъ даже и въ началѣ XVI вѣка.

Таковы были нормы права. Но живыя-ли это нормы? Или-ли только регулируется жизненная практика, или, наоборотъ, не внесла она и сюда какихъ-либо существенныхъ поправокъ, которыя еще не успѣли оформиться? Выше было указано, какъ возникло было восточнѣе практики на нормы права. То-же наблюдается и здѣсь.

Было уже замѣчено, что подтвержденія и нарушенія старыхъ правъ и обязанностей въ междукняжескихъ договорахъ наполняютъ немало страницъ въ исторіи княжескихъ отношеній. Силы у великихъ князей уже много, но господствующія понятія о суверенитетѣ владѣтельныхъ князей чрезвычайно затрудняютъ созданіе новаго порядка. При этихъ условіяхъ дѣтельными союзниками московскаго правительства являются насиліе, несправда и клятвенное ²⁾.

¹⁾ Проф. В. И. Сергеевичъ, Тезисы по ист. русск. права, стр. 266.

²⁾ Тамъ-же, стр. 253.

Примѣненіе этой обычной политики въ междукняжескихъ отношеніяхъ было тѣмъ удобнѣе, что нормы договорнаго права представляются очень неопредѣленными. Даже при добросовѣстномъ ихъ толкованіи могли возникнуть разногласія. Вотъ примѣръ. Дмитрій Донской обязалъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго, «служити безъ ослушанъ», а самъ обязался «коряити его по его службѣ». Говорятъ, что это повелѣніе не нашло послѣдователей, потому что носило въ себѣ признаки, присущіе служебнымъ князьямъ, и не могло быть примирено съ суверенитетомъ владѣтельнаго князя ¹⁾. Но слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что въ договорѣ стоитъ серьезное ограниченіе этого обязательства. Тамъ сказано: «тебѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанья по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ ²⁾. Представляется совершенно невозможнымъ примирить эти два условія: служить безъ ослушанья и служить по згадцѣ, т. е. по согласію. Если-бы между договорившимися возникъ споръ о толкованіи этого условія, то никакой судъ, кромя «Божьяго суда», не разрѣшилъ бы этого спора: на вошшѣ-же тотъ правъ, кто сильнѣе ³⁾. Въ позднѣйшихъ договорахъ это условіе вовсе не исключено, оно только иначе выражено и, притомъ, къ прямой выгодѣ великаго князя и въ ущербъ удѣльнымъ, выражено опредѣленнѣе. Въ выраженіи служити безъ ослушанья разумеется исключительно ратная служба. Но съ этой ратной службѣ и также «безъ ослушанья» говорятъ очень многіе позднѣйшіе договоры. Напр., въ договорѣ Василія Дмитріевича съ родными братьями условіе это выражено такъ: «А гдѣ ти, господине, вѣсти будетъ на конь, или ти будетъ куды насъ послати, и намъ пойти безъ ослушанья» ⁴⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ о службѣ по згадцѣ нѣтъ и рѣчи. Въ позднѣйшихъ договорахъ иначе выражено и условіе «коряити по службѣ»; оно замѣнено соответственнымъ обязательствомъ «жаловати и печаловатися».

Къ числу совершенно безусловныхъ условій относится и обязательство удѣльныхъ князей держать великаго князя и великое княженіе «честно и грозно», т. е. отнестись къ нимъ съ почетомъ и страхомъ. Но самое безграничное съ точки зрѣнія удѣльныхъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 261—262; почти то-же у *Соловьева*, IV, изд. 5, 156—157.

²⁾ С. Г. и Д., I, стр. 45.

³⁾ Въ договорѣ, заключенномъ между тѣми-же князьями въ 1389 г., стоитъ категоричное условіе служити безъ ослушанья. С. Г. и Д., I, стр. 55. Это условіе, очевидно, перенесено изъ предшествовавшаго договора, но слова: «по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ» опущены или по недосмотру, или потому, что существо дѣла и безъ нихъ представлялось совершенно яснымъ.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 69; см. еще стр. 93, 96, 101, 108, 131, 131, 141, 141, 156, 159 и проч.

князей подобострастие могло не удовлетворить шепетильного самолюбия московских князей, особенно при желании найти поводъ къ столкновеніямъ. Таково-же обязательство «добра хотѣти великому князю во всехъ, вездѣ, безъ хитрости».

Въ виду цѣлей объединенія интересы удѣльных князей были совершенно противоположны интересамъ великаго князя. При такихъ условіяхъ безхитростное желаніе добра было равносильно наложенію руки на свою свободу. Но кто-же прагъ самому собі? И самые преданные Москві: удѣльные князья могли погрѣшить противъ этого обязательства.

Великіе князья русскіе и литовскіе очень рано задумываются надъ подчиненіемъ своей волѣ удѣльных князей. Въ 1345 г. Ольгердъ литовскій заключаетъ съ братомъ Кейстутомъ договоръ, «пѣту братъ всен послушну быти князю великаго Ольгирда». Въ 1427 г. великій князь тверской Борисъ Александровичъ по договору съ Витовтомъ обезпечиваетъ за собою такое право: «А людемъ моимъ, и братьямъ моимъ, и племеню моему, княземъ, быти въ мою послушъ; я князь великій Борисъ Александровичъ волею, кого жажу, кого казю, а моему господину дѣду, великому князю Витовту не иступатися»¹⁾. Это не значитъ, что право казнить и жаловать своихъ удѣльных князей принадлежало тверскому князю на основаніи договора. Князь хочетъ только практиковать это право сильнаго и торжнтся обезпечить себя отъ вліятельства Витовта. Московскіе князья не отстаютъ отъ своихъ сосѣдей: они не упускаютъ случая припести подъ свою волю того или другого князя, пользуясь первыми удобными случаями. Наибольшіе результаты въ этомъ отношеніи достигнуты были при Семенѣ Гордомъ, Дмитріѣ Донскомъ и его сынѣ. Про Дмитрія Донскаго современникъ рассказываетъ, что, «князь волю свою» надъ Дмитріемъ суздальскимъ, онъ также взялъ свою волю и надъ Константиномъ ростовскимъ и смирилъ его, а затѣмъ согналъ съ Галицкаго княженія Дмитрія галицкаго и съ Стародубскаго княженія князя Ивана Федоровича стародубскаго. Всѣ эти князья отъѣхали въ Нижній-Новгородъ, «скорбище о княженіяхъ своихъ, по ничтоже можашу учинити». Подъ 1366 г. стоитъ уже общее извѣстіе, что Дмитрій Ивановичъ «всѣхъ князей русскихъ приложаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его, и на тѣхъ пача послати»²⁾. Великій князь Василій Дмитріевичъ, присоединивъ къ Москвѣ Нижегородское княженіе, распорядился

¹⁾ А. З. Р., I, № 33; Сборы. Мухом., № 1; Сремесскій, Стѣд. и записки, № LIV.

²⁾ Навон. Лѣт., IV, 5 и 15; Татищевъ, IV, 198 и 208.

князя Бориса Константиновича, его жену и дѣтей и всѣхъ доброхотовъ разослать по городамъ и оковать желѣзными веригами. Мало-по-малу онъ привелъ подъ свою волю и князей суздальскихъ ¹⁾.

Неудачная борьба великаго князя Василія Васильевича съ дядею и двоюродными братьями остановила на время объединительную успѣхи Москвы. Но сейчасъ-же вслѣдъ за изгнаніемъ Шемяки съ велико-княжескаго престола традиціонная политика возобновляется. Хотя Шемяка добилъ челоуѣкъ великому князю и заключилъ съ нимъ договоръ на обычныхъ началахъ для удѣльных князей того времени, но отношенія были столь острыми, что на соблюденіе условій нечего было надѣяться. Шемяка ни въ чемъ не исправилъ великому князю по докопальнымъ грамотамъ и крестному цѣлованію, воздавъ рать на великаго князя и побѣжденный бѣжалъ въ Новгородъ. Туда духовенство шлетъ къ нему увѣщательное посланіе, напоминая ему договорныя обязательства и заставляя перечислять всѣ его неправды. Оказывается, что Шемяка не выполнилъ ни одного изъ нихъ. Казалось-бы, достаточно было упомянуть, что Шемяка всюду посылаетъ на лихо великаго князя и всячески добивается великаго княженія, чтобы считать договоръ ничтожнымъ. Но духовенство не безъ сарказма задаетъ вопросъ Шемякѣ: «по крестному цѣлованію въ которомъ еси мѣстѣ похотѣлъ добра; или что еси ему повѣдаешь о добрѣ-ли его, о лѣст-ли; и гдѣ его честь и гдѣ его гроза?» ²⁾. При наличности вышеуказанныхъ нарушеній, когда Шемяка вскладываетъ на себя высокомысльство и гордость начальства, нечего и говорить, что не были соблюдены обязательства хотѣть во всемъ добра и держать великаго князя честно и грозно. Въ 1452—53 г. житр. Іона пишетъ архіепископу новгородскому опять о разныхъ винахъ князя Дмитрія и между прочимъ указываетъ, что Шемяка «и грамоты посылаетъ тайно, а съ великою высоостью». Можно было-бы подумать, что рѣчь идетъ о какихъ-нибудь несообразныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ великому князю ³⁾. Но оказывается, что Шемяка погрѣшилъ только въ томъ, что недостаточно честно и грозно отнесся къ великому князю. Въ Москвѣ усмотрѣли великую высоость въ томъ, что лишенный уже своего удѣла князь «о споехъ преступленьи и о своей винѣ ни единого слова приглаго не приказать» ⁴⁾.

¹⁾ Никон. Лѣт., IV, 239; Карамзинъ, т. V, прим. 146; Соловьевъ, IV, изд. 5, стр. 5—9.

²⁾ А. И., т. I, стр. 80.

³⁾ Житр. Іонинъ уже указываетъ, что Шемяка посылаетъ посла «ни съ чѣмъ, чему ся не можно некоторыми дѣломъ свести».

⁴⁾ А. И., т. I, № 53.

Послѣ Дмитрія Шемяки наступилъ чередъ и для князя Ивана Андреевича Можайскаго. Онъ много погрѣшилъ противъ великаго князя во время смуты 1446 г. Но великій князь и съ нимъ заключилъ договоръ по прежнимъ докончальнымъ грамотамъ на обычныхъ условіяхъ. Однако, князь Иванъ Андреевичъ, боясь мести великаго князя, обезопасилъ себя обязательствами съ его стороны не появлять, не мстить, ни на сердцѣ не держать того, что сталося надъ нимъ по грѣхамъ Можайскаго князя. Сверхъ того непорочности договора гарантировалась поручительствомъ трехъ князей—тверскаго, переяскаго и серпуховскаго, которые обязались быть съ правыми на виноватаго. Но, не смотря на трехкратное подтвержденіе этого договора ¹⁾, какъ только въ Москвѣ было получено извѣстіе о смерти Шемяки, великій князь пошелъ къ Можайску на князя Ивана Андреевича «за его несправленіе», какъ сказано въ лѣтописи. Можайскій князь съ женой, дѣтьми и съ нѣкоторыми изъ своихъ бояръ бѣжалъ въ Литву, а его удѣлъ присоединенъ къ Москвѣ ²⁾. Въ чѣмъ-же заключалось его несправленіе? Митр. Іона истолковалъ его такъ: Великій князь, не понявъ своего зла, пожаловалъ Можайскаго князя, принявъ его въ братство, любовь и докончанье, «и вотчиною его пожаловалъ, да еще отъ своей отчины пожаловалъ ему много». «А ему было своему брату старѣйшему послушну быти во всемъ и за православное христіанство стояти. Онъ-же пакъ чрезъ все то учалъ великому князю непослушенъ быти, а за православное христіанство нигдѣ не восточитъ». Назвавъ великаго князя братомъ старѣйшимъ Можайскому согласно договорамъ, митр. Іона спѣшилъ огенориться: «а не рку надъ братомъ, но надъ его господаремъ великимъ княземъ» ³⁾. Итакъ, столь старательно обставленные договоры въ Москвѣ толковали совсѣмъ не по буквальному ихъ смыслу. Ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ рѣчи о полномъ послушаніи удѣльнаго князя великому; ни въ одномъ изъ нихъ не намечается о пожалованіи Можайскаго князя его-же вотчиною. Такой порядокъ принимался только къ служилымъ князьямъ, кото-ые и не пользовались никакимъ суверенитетомъ. Но и суверенитетъ Можайскаго князя былъ отвергнутъ представителямъ духовенства; по его мнѣнію, великій князь былъ такой-же государь удѣльнаго князя, какъ и онъ былъ и въ отношеніи прочихъ своихъ слугъ. А за митрополитомъ стояла значительная партія. Понятіе о суверенитетѣ вла-

¹⁾ С. Г. и Д. I, №№ 63, 66, 69, 69.

²⁾ П. С. Л., VIII, 144; Никои., V, 278.

³⁾ А. П., т. I, № 66.

дѣтельныхъ князей было отнюдь не господствующимъ уже въ половинѣ XV в.

Въ 1456 г. великій князь «поймалъ» князя Василия Ярославича серпуховскаго и заточилъ его въ Угличъ ¹⁾. Современники не знали повода къ велико-княжескаго гнѣва и не объяснили причинъ такого насилія. Серпуховскій князь былъ вѣрный слуга московскому: онъ остался вѣренъ ему въ смуту 1446 г. За что же постигла его такая немилость? Позднѣйшій бытописатель говорить, что все это приключилось серпуховскому князю «за вѣдную крамолу». Великій князь, вѣроятно, нашелъ, что Василий Ярославичъ недостаточно искренно хотѣлъ ему добра, недостаточно честно и грозно держалъ его княженіе. Но тогдашнимъ понятіямъ и это могло быть крамолой.

Великій князь Василий Васильевичъ мыслить и дѣйствовать точь въ точь, какъ и великій князь Борисъ Александровичъ тверской. Несмотря на то, что послѣдній былъ поручителемъ въ договорѣ великаго князя съ Можайскимъ, былъ женатъ на его сестрѣ, онъ послѣ его бѣгства заключилъ съ московскимъ княземъ договоръ, по которому принялъ на себя слѣдующее обязательство: «А што отъ тебе отступилъ князь Иванъ Можайской, да князь Дмитріевъ сынъ Шемякинъ князь Иванъ, или который ты иныи братъ згрубитъ: и мыѣ ко собѣ ихъ не принимати». Тверской князь обязуется быть за одного съ московскимъ на такихъ непочтительныхъ братьевъ. Соотвѣтственное обязательство принялъ на себя и московскій князь ²⁾. Что же значить сгубить? И подъ это неумовимое понятіе можно подвести всякій несправедливый поступокъ. Въ данномъ случаѣ грубостью названо отступленіе отъ союза съ Москвою двухъ удѣльныхъ князей. Тверской и московскій князья на «отступленіе» удѣльныхъ князей смотрятъ, значить, какъ на отъѣздъ своихъ слугъ. Оба они по-прежнему ищутъ крестъ при заключеніи договоровъ съ удѣльными князьями, но не признаютъ за ними права на расторженіе договора, называя это грубостью.

Великій князь Василий Васильевичъ съ успѣхомъ устранилъ неудобныхъ соперниковъ. По поводу его подвига позднѣйшій бытописатель замѣтилъ: «И тогда въ державныхъ, иже въ рускѣй земли, упразднися всяка крамола и праждопаніе и оттолѣ юншіи князи къ старѣйшимъ быша послушливы, а

¹⁾ П. С. Д., VI, 181; VIII, 147; Ник., V, 284; Татев., IV, 589.

²⁾ С. Г. в Д., I, стр. 172 и 174.

зашши Богомъ укрѣплены, славою и честію вѣнчающеса, державствующе, а рога царствія ихъ возвышашеса ¹⁾).

Но если таковы были успѣхи Василія Тейпаго, если и при немъ суверенитетъ владѣтельныхъ князей былъ совершенно подорванъ, то, конечно, его преемники не только сохранили добытые въ этомъ на правленіи результаты, но еще болѣе рѣзко проводили ихъ въ жизнь.

Великій князь Иванъ Васильевичъ съ грустью вспоминалъ кѣ 1496 г. о неустроеніяхъ, какія были при его отцѣ и у него съ братьями. Въ этихъ неустроеніяхъ онъ, конечно, вицнлъ своихъ братьевъ. А братья жалуются на великаго князя, что онъ чинитъ надъ ними силу, обращается съ ними хуже чѣмъ съ боярами и все это дѣлаетъ вопреки завіщанію отца и заключеннымъ договорамъ. Въ 1479 г. Андрей Васильевичъ князь, углицкій и Борисъ Васильевичъ волоцкій указали, какія именно обиды причинилъ имъ великій князь: онъ не подѣлился съ ними удѣломъ умершаго брата Юрія, не выдалъ имъ жеребья изъ новгородскихъ владѣній, хотя вѣстѣ съ ними излѣ Човгородъ, и, наконецъ, не позволяетъ никому изъ своихъ слугъ отъѣзжать въ удѣлы. Князья Андрей и Борисъ, не желая сносить дальнѣйшихъ обидъ, покинули свои удѣлы и пошли къ литовскому рубежу. Они вступили, однако, въ переговоры съ великимъ княземъ, который посылалъ за братьями архіепископа Вассана Рыло, и въ то-же время завели сношенія съ королемъ: они были челомъ королю, чтобы «ихъ управилъ въ ихъ обѣдахъ съ великимъ княземъ и помогалъ», на что король и согласился. Великій-же князь снова посылалъ къ братьямъ пословъ, приглашая ихъ вернуться въ отчины и обѣщая во всемъ жаловать, причеиъ сузилъ князю Андрею Калугу и Алексинъ. Братья, однако, на это не согласились, требуя, очевидно, болышихъ территориальныхъ уступокъ. Современникъ, описывая эти событія, поступокъ братьевъ великаго князя называетъ отступленіемъ, а ихъ упорство—высокомысліемъ ²⁾; про Ивана-же Васильевича онъ замѣчаетъ, что великій князь «оправдался передъ ними и положилъ на Бога упованіе». Такая мягкость со стороны покорителя Новгорода можетъ показаться съ перваго взгляда очень странной. Дѣло объясняется, однако, очень просто: великій князь не принялъ противъ братьевъ никакихъ энергическихъ мѣръ потому, что въ то время шелъ слухъ о нахожденіи на Русь безбожнаго царя ³⁾. Этихъ обстоятельствъ и спѣшили воспользоваться братья. Когда вели-

¹⁾ Степен. кн., II, 24.

²⁾ Братья «отступниша» и «высокомыслиша». П. С. Д., VI, 20; Ник. Лѣт., VI, 110.

³⁾ П. С. Д., VI, 222—223; VIII, 204.

кій князь ваходзіўся ў саможь крытычэскажь положеніи, не рѣшавшася вступити въ борьбу съ Ахматомъ, и испытывалъ горькія укоризны духовенства и ропотъ населенія, и даже боялся со стороны гражданъ «злыя мыслъ поиманія», князя Андрей и Борисъ послали къ брату съ слѣдующихъ предложеніемъ: «аще ли исправнишися къ намъ, а силы надъ нами не начнешь чинити и держати насъ какъ братью свою, а мы ти приндемъ на похощь». Князь великій согласился на всѣ эти предложенія и дался по всю волю братьевъ ¹⁾. Но они, кажется, опоздали съ своею похощью противъ татаръ: они пришли, когда уже царь Ахматъ удался отъ московскихъ предѣловъ ²⁾. Князь великій, однако, пожаловалъ своихъ братьевъ, пригнѣвъ ихъ въ докончанье и далъ князю Андрею Можайскъ, а князю Борису отступился его селъ ³⁾. Но, какъ видно, великій князь оказался скупъ на пожалованія: теперь ему не грозила никакая опасность. Братья-же не осмѣлились возражать. Такъ кончилось несприятная размоловка. Въ 1486 г. князю Андрею Большому «скоромолилъ» его бояринъ на великаго князя, будто онъ хочетъ поймать князя Андрея. Князь Андрей хотѣлъ тайно убѣжать изъ Москвы, «сѣднъ мыслъ его отвратися». Онъ объяснился съ великимъ княземъ, который «клялся ему небожъ и зече-лею и Богомъ сильнымъ, Творцомъ всей твари, что и въ мысли у него того не бывало, даже велѣтъ разслѣдовать дѣло и наказати смутчинокъ ⁴⁾. Кажется, князь Андрей могъ успокоиться послѣ такой страшной клятвы. Но въ 1491 г. великій князь сложилъ крестное цѣлованіе брату Андрею за его измѣну, какъ сказано въ лѣтописи. Какую-же измѣну затѣялъ удѣльный князь? Иванъ Васильевичъ подробно это объяснилъ. Князь Андрей измѣнилъ крестное цѣлованіе, думая на великаго князя съ братьями Юріемъ, Борисомъ и Андреемъ и заключилъ съ ними договоръ, чтобъ стоять заодно на старѣйшаго брата; посылаѣтъ грамоты къ королю Казимѣру, одначася съ ними на великаго князя, да и самъ съ братомъ Борисомъ отъѣзжалъ отъ великаго князя; спосился съ царемъ Ахматомъ, приводя его на русскую землю ратію, и, наконецъ, не прислалъ на поощъ великому князю противъ ордынскаго дара ни воеводы своего, ни своей силы. За всѣ эти измѣны Иванъ Васильевичъ велѣтъ поймать князя Андрея и посадить

¹⁾ Тамъ-же, VI, 231.

²⁾ Ср. П. С. Л., IV, 253, и VI, 231.

³⁾ Тамъ-же, IV, 134 и 154; VIII, 213; С. Г. и Д., I; ММ 103 и 110; ср. VI, 232: «И прѣѣхаша къ нему братья его, онъ же смирился съ ними; и дасть князю Андрею Можайскъ, а князю Борису села Ярославичевы всѣ дѣларные».

⁴⁾ П. С. Л., VI, 238; VIII, 217—218.

скованнаго на казенномъ дворѣ въ Москвѣ, а за дѣтьми его послать въ тотъ-же день въ Угличъ и приказалъ заключить ихъ въ Переяславль» ¹⁾). Изъ этого перечня видно, что всѣ эти дѣйствительныя или мнимыя измѣны, кромѣ послѣдней, очень давнія ²⁾). Послѣ того Иванъ III двѣ раза заключалъ мирные договоры съ княземъ Андреемъ, въ 1481 и 1486 гг., а кромѣ того въ томъ-же 1486 г. принесъ ему такую страшную клятву. Теперь-же великій не исполнилъ удѣльнаго за то, что тотъ ослушался велѣнія великаго князя, не послалъ своего воеводы противъ ордынскихъ царей. Избавившись отъ болѣе опасныхъ враговъ, великій князь поступаетъ энергичнѣе и съ удѣльными князьями, которые недостаточно честно и грозно держали великое княженіе. Такое обращеніе его съ братьями вызвало понятное негодованіе со стороны литовскаго князя, который, сообщая крымскому хану про Ивана III, «каковоѣ онъ высокоѣ мысли есть», въ подтвержденіе этого привелъ его обращеніе съ братьями: «а онъ что и братьи своей роконоѣ подѣлалъ, закожь черезъ прислгу свою, какою ихъ смертъю уморилъ» ³⁾).

Слѣдующій фактъ указываетъ, какіе взгляды на отношеніе удѣльныхъ князей къ великому князю успѣли проникнуть въ среду правящихъ классовъ въ самомъ началѣ XVI в. Сынъ волоцкаго князя Бориса Васильевича Иванъ, тяжело заболѣвъ, велѣлъ отвезти себя въ монастырь къ Іосифу, который былъ его крестнымъ отцомъ. Его бояре, узнавъ объ этомъ, рѣшили между собой, «дабы князю не дати воли». Въ этомъ столкновеніи боярскаго совѣта съ княземъ бояре сочли необходимыми обратиться къ великому князю и «возвѣстивша сія державному». «И державный повелѣ въсѣ его быти», но только приказалъ не постригать князя Ивана въ монахи послѣдствіе его юности ⁴⁾). Въ затруднительномъ случаѣ боярская дума удѣльнаго князя обращается къ великому князю, который отдастъ распоряженія, идущія притомъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ думы.

Великій князь Василій Ивановичъ не менѣе сурово обращался съ своими братьями и племянниками. Послѣдняго, лившагося невольнымъ его соперникомъ, онъ окошаннаго заключилъ въ тѣсную палату, гдѣ тотъ и умеръ ⁵⁾). Съ братьями хотя онъ заключалъ

¹⁾ П. С. Л., IV, 160; Никон. Лѣт. VI, 129—130; ср. Архангел. Лѣт., стр. 200.

²⁾ П. С. Л., VI, 38. Князь Юрій умеръ въ 1472 г., Андрей Меньшой въ 1481 г.

³⁾ А. З. Р., I, № 183; ср. Сборн. Р. И. Общ., т. XLI, стр. 331.

⁴⁾ Житіе препод. Іосифа Волоколамскаго, составл. Саввою Чернымъ, еписк. Крутицкимъ. Изд. Невоструева, стр. 31.

⁵⁾ Арханг. Лѣт., стр. 211; Карамзинъ, VII, прим. 2 и 3.

договоры, скрѣпленные взаимными крестными цѣлованіемъ, обѣщая признать за ними полную самостоятельность въ управленіи удѣлами, но въ дѣйствительности эта самостоятельность удѣльных князей была весьма призрачной. Въ виду отсутствія дѣтей у великаго князя особенно опаснымъ представлялся старшій братъ Василія Юрія, на котораго рассчитывали и враги Москвы¹⁾. Поэтому за нимъ особенно зорко наблюдали изъ Москвы. Къ нему были приставлены особый соглядатай, Ивашка Ягановъ, который служилъ великому князю и что слышалъ о злыхъ и о добрыхъ, о томъ сказывалъ государю; а которые дѣти боярскіе князя Юрія Ивановича приказывали съ нимъ къ великому князю великія страшныя смертоносныя дѣла, и Ивашка о тѣхъ дѣлахъ доносилъ государю, а государь за то его ялся жаловать.²⁾ Однажды «смущеніемъ злыхъ челоуѣкъ» великій князь захотѣлъ поймать князя Юрія. Хотя князь Юрій и считалъ себя правымъ³⁾, но во избѣжаніе кровопролитія думалъ послѣдовать совѣту своихъ людей, «еже отступити далѣ». По совѣту Іосифа волоцкаго, къ которому за содѣйствіемъ обратился удѣльный князь, онъ, однако, отложилъ свое намѣреніе и сказалъ: «не буду противу государя, но предамся волѣ его: воленъ Богъ да государь! Готовъ есмь отъ него вся терпѣти, аще и смерти предасть мя»⁴⁾. Заступничество Іосифа спасло на этотъ разъ князя Юрія.

Въ 1510 г. вздумалъ ѡбжаты въ Литву отъ своего брата князь Семенъ Ивановичъ, но былъ предупрежденъ: великій князь, узнавъ объ этомъ, велѣлъ князю Семену явиться въ Москву и хотѣлъ на него положить свою опалу. Князь Семенъ сталъ битъ челоуѣ

¹⁾ Въ 1507 г. король Сигизмундъ тайно наказывалъ князю Юрію Ивановичу: «поразумѣли есмо по тобѣ, братъ нашѣмъ, отъ многихъ нашихъ и вашихъ людей, штохъ милостію Божію въ дѣлѣ своемъ (какъ же и слушшесть естъ на тебе на великаго господаря сына) гораздо ся справуешь и дѣло свое великимъ разумомъ ведешь; и немалые слухи насѣ дошли, штохъ многие князи и бояре, опустивши брата твоего, великаго князя Василія Ивановича, къ тобѣ присташи; и всякую славу добрую о тобѣ, братъ нашѣмъ, чуютъ, штохъ намъ весьма ѡдично естъ.... Ино хочемъ съ тобою, братомъ нашимъ, быти въ любви и крестномъ цѣлованіи, пріятелю твоему быти пріятелемъ, а не пріятелю не пріятелемъ, и ко всякому твоему дѣлу хочемъ тобѣ помощію нашою готовы быти и къ господарству». А. З. Р., II, № 19.

²⁾ А. И., т. I, № 136. Ивашка Ягановъ въ своей челоуѣбной отиѣчати любопытную черту московскаго позднефеодальскаго эска: великій князь Василій, «какову рѣчь кто ему скажетъ, оудеть соудетца, и онъ ео ставилъ въ дѣло, а будеть не соудетца на дѣло, и онъ пушалъ мимо уши; а кто скажетъ, тому пеня не чинилъ и суда ему не давалъ въ своемъ дѣлѣ».

³⁾ Онъ говорилъ: «мочно ми противу великаго князя правду держати, на чомъ у насѣ докованіе и благословеніе отца нашего».

⁴⁾ Житіе преп. Іосифа волоцкаго, написанное Саввою Крутицкимъ, изд. Невоструева, стр. 53 и слѣд.

государю за свою вину, и государь по печалованію митрополита и владыкъ впы ему отдалъ; однако, бояръ его и дѣтей боярскихъ всѣхъ пережѣнилъ ¹⁾.

Около 1520 г. произошло какое-то недоразумѣніе у великаго князя съ братомъ Дмитріемъ: этотъ не исполнилъ какихъ-то требованій государя, не учинилъ управы въ какихъ-то дѣлахъ. Великій князь шлетъ брату назидательное предостереженіе, вычитывая ему, что онъ не только не учинилъ требуемой управы, но прислалъ отвѣтъ не потому, какъ «было пригоже» ему отвѣтъ учинить; а сверхъ того и такого паробка прислалъ, какого не пригоже было посылать къ великому князю. Василій Ивановичъ папоуѣиваетъ брату записаніе отца, какъ тотъ велѣлъ имъ жить, и замѣчаетъ, что онъ съ своей стороны исполняетъ этотъ заветъ, никакой нечести и обиды брату своему не учинилъ; князь-же Дмитрій не оказываетъ ему подобающей чести: «ты ко мнѣ такъ отвѣчивалъ и въ грамотѣ еси въ своей къ намъ писалъ: нию, брате, такъ-ли отпу отвѣчиваютъ и въ грамотахъ пишутъ» ²⁾?

Въ 1523 г., когда у великаго князя осталось въ живыхъ только два брата, Юрій и Андрей, Василій Ивановичъ, горько сѣтуя на неплодство жены, сокрушался при мысли, кто будетъ послѣ него царствовать въ русской землѣ. «Братинъ-ли дамъ? говорилъ онъ. Нию братья своихъ удѣловъ не умѣютъ устроить.» Такого невысокаго мнѣнія былъ онъ о правительственныхъ способностяхъ братьевъ. Однако, можно думать, что не одна неспособность братьевъ играла тутъ роль. Великому князю очень хотѣлось «отъ плода чрева своего посадити на престолѣ своемъ въ наслѣдіе роду своему». Поэтому онъ разрѣшилъ жениться брату Андрею только тогда, когда у него родились двое сыновей отъ второй жены. Раньше онъ не позволялъ братьямъ вступить въ бракъ ³⁾.

Итакъ, великій князь Василій Ивановичъ поступаетъ съ своими братьями, нисколько не стѣсняясь существующими договорами и руководствуясь лишь собственнымъ усмотрѣніемъ, согласно цѣлямъ объединительной политики. Обеспеченная крестныхъ цѣлованіемъ независимость владѣтельнаго князя на практикѣ не имѣетъ никакого значенія. Великій князь требуетъ отъ удѣльныхъ такого уваженія и послушанія къ себѣ, какое приличествуетъ отцу; при малѣйшемъ подкупорѣніи мнѣнств у нихъ слугъ и даже вѣнчается

¹⁾ П. С. Л., VI, 251; VIII, 252; Никон. Лѣт., VI, 180.

²⁾ А. Н., т. I, № 291.

³⁾ Лераментъ, VII, стр. 96—97; Соловьевъ, V, изд. 5, стр. 377—378; К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, II, стр. 174.

въ ихъ семейныхъ дѣлахъ, запрещая и давая разрѣшенія на вступленіе въ бракъ.

Такая политика московскихъ объединителей въ отношеніи владѣтельныхъ князей находить полную поддержку со стороны публицистовъ того времени. Политическіе взгляды интр. Юны на отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ нашимъ очень ревностныхъ послѣдователей и имѣли очень широкое распространеніе. Авторитетъ суроваго волоцкого игумена Іосифа служить достаточной порукой въ томъ, что его мнѣнія раздѣлялись значительнѣйшею частью образованнаго общества того времени; къ нимъ прислушивалось и ими руководилось и московское правительство.

Въ 1507 г. Іосифъ съ братією были челоужъ великому князю о принятіи ихъ монастыря въ его державу, такъ какъ монастырь терпѣлъ большія наслія отъ удѣльнаго волоцкого князя Федора Борисовича. Василиій Ивановичъ исполнилъ просьбу старцевъ ¹⁾. Тогда на Іосифа поднялъ кражду волоцкій князь, а по его подстрекательству и новгородскій архіепископъ Серапіонъ, который отлучилъ Іосифа за самовольный переходъ, вопреки церковнымъ правиламъ, изъ новгородской архіепископін. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ Іосифу, что если онъ отдастъ свой монастырь въ великое государство, «ишо де отступилъ отъ ибеснаго, а пришелъ земному». Но Іосифъ успѣлъ сообщить въ Москву, что Серапіонъ «учинилъ Волокъ небожъ, а Москву землею, князя Федора волоцкого небеснымъ, а великаго князя московскаго земнымъ» ²⁾. Серапіона вызвали на судъ въ Москву, и здѣсь самъ великій князь спрашивалъ обвиняемаго: «ишо то еси нарекъ князя Федора небеснымъ, а меня земнымъ; ишо язь земной, то и есть; то намъ скажи, почему ты князя Федора назваешь небеснымъ, да о томъ намъ положи свидѣтельство отъ божественныхъ правилъ» ³⁾. По словамъ Іосифа, архіепископъ будто-бы не могъ ничего на это отвѣтить. Вѣроятно же, что онъ сказалъ что-неудѣльное, непріятное великому князю и членамъ собора, такъ какъ продолжался процессъ «ишо бояться въ правдѣ великаго князя ни множеству народа», основываясь на словахъ писанія: «спрадою предъ царемъ не стыдился и глаголахъ» ⁴⁾. Онъ былъ осужденъ на соборѣ и сосланъ въ Андрониковъ монастырь. Вся эта исторія надѣлала много шума. Даже сторонники Іосифа совѣтовали ему извиниться передъ архіепископомъ, замѣять дѣло. Но Іосифъ остался непреклоненъ. Въ длинныхъ посланіяхъ

¹⁾ П. С. Л., VI, 249.

²⁾ Визант., XIV, стр. 192.

³⁾ Тамъ-же, 195.

⁴⁾ Памятн. стар. русск. литер. змн., IV, стр. 210—212.

къ своимъ благожелателямъ, Ивану Ивановичу Третьякову и Борису Васильевичу Кугузову ¹⁾, онъ оправдываетъ свои дѣйствія какъ съ точки зрѣнія исторической, такъ и на основаніи церковныхъ правилъ. По утвержденію Іосифа, ни въ лѣтописяхъ, ни въ обычаяхъ земскихъ не считается безчестіемъ бить челомъ «государю большому» объ охранѣ монастыря ²⁾. Согласно божественному писанію пастыри церкви даже до смерти подпознались о церковныхъ обидахъ, «кому юнцю бѣ», и приходили отъ меньшихъ царей и князей къ большимъ царямъ и князьямъ, «а большіе вступали въ потчину меньшихъ князей, а монастыри и церкви борошлись» ³⁾. Прихвѣру такихъ пастырей и послѣдовалъ Іосифъ. «И язь, говорить онъ, былъ челомъ тому государю, который не точію князю Феодору Борисовичу да архіеп. Серапіону, да всѣмъ намъ общій государь, — ино всеа рускія земля государемъ государь, котораго Господь Богъ устроилъ въ свое мѣсто и посадилъ на царскомъ престолѣ, и судъ и милость предать ему и церковное и монастырское и всего православнаго христіанства всея рускія земля власть и попеченіе вручилъ ему. И чтобы язь иному государю былъ челомъ, ино-бы то язь не гораздо учинилъ. И язь того ради такого государя нашелъ, котораго судъ не посужается ⁴⁾».

Итакъ великій государь всея Руси, по мнѣнію Іосифа, былъ не только государемъ надъ своими подданными (общій намъ государь), но и надъ удѣльными и надъ всѣми государями русской земли. Можно бы подумать, что въ данномъ случаѣ Іосифъ проповѣдывалъ такіа идеи въ личныхъ интересахъ, въ увлеченіи полемикой. Но вотъ его другое посланіе къ «благовѣрному князю», написанное при самыхъ спокойныхъ условіяхъ: этотъ благовѣрный ⁵⁾ просилъ прислать ему «полезная поученія». Хотя все посланіе составлено въ подобострастномъ тонѣ, хотя авторъ говоритъ о государяхъ великихъ самодержцахъ земскихъ, поддерживаетъ «царское остроуміе» благовѣрнаго князя, но все же преподаетъ ему такой совѣтъ: «отъ сердца воздавать любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должная покоренія и послушанія и благодареніе, и работающе ему по всей воли его и

¹⁾ Первое находится въ Сборн. Публ. Библ., Q. I, № 214, л. 525 об., и Q. XVII, № 64, л. 221 об.; второе напечатано въ Визант., XIV, стр. 177.

²⁾ Пам. стар. русск. литер., вып. IV, 208—209.

³⁾ Визант., XIV, 177; Сборн., Q. XVII, № 64, л. 230 об.

⁴⁾ Св. Q. XVII, № 64, л. 231 об.

⁵⁾ И. Хрущовъ, Сочиненія Іосифа Санина, стр. 94—96, дѣлаетъ вѣроятную догадку, что это посланіе писано къ князю Юрію.

повелѣнію его; яко Господени работающе, а не челоуѣкомъ¹⁾). Иосифъ не ограничился только такими чисто теоретическими соображеніями. Въ указанный столкновеніи великаго князя Василя Ивановича съ гнѣзехъ Юріемъ Ивановичемъ онъ далъ удѣльному князю слѣдующій совѣтъ: «азъ ти не пою державному брату своему противиться, ни пакы мало совѣтъ даю, еже отступити дагъ: аще рече, отступити, той-же крови литися, а на тебѣ будетъ слава въ вѣки нѣмѣнная». Въ заключеніе онъ указалъ такой исходъ изъ затруднительнаго положенія: «преклони съ извѣщеніехъ главу свою предъ помазанникомъ Божиимъ и покорися ему: вѣрую Господу Богу, яко извѣститъ сердцу его правду твою»²⁾).

Отсюда видно, насколько опредѣленно сложились идеи о политическомъ объединеніи изъ средѣ партіи іосифлянъ. Удѣльный князь долженъ, не смотря ни на какіе договоры, воздавать великому князю покореніе и послушаніе, работать на него по его приказу. Если-бы при этомъ возникло какое-либо недоразумѣніе между ними, то удѣльный князь, не смотря на свою правоту, долженъ быть челоуѣкомъ о похилованіи, отдаваясь во всемъ на волю и милость своего государя. Великій князь единственный источникъ неограниченный, кроми божескихъ правилъ, судья поступковъ и дѣлъ удѣльнаго князя. Только его судъ не посужается никѣмъ, кроми Бога; судъ удѣльнаго князя, значитъ, можетъ быть посуженъ, т. е. отмененъ. При всей своей правотѣ удѣльный князь не можетъ отступить отъ великаго князя; онъ вѣчный подданный своего государя и за отступленіе клеймится позоромъ извѣнника. Насколько популярны были въ XVI в. указанныя идеи Іосифа Волоцкаго, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что именемъ «прендобнаго отца нашего Іосифа Волока Ламскаго новаго чудотворца Осипова монастыря» воспользовался неизвѣстный авторъ извѣста московскихъ великихъ князей «како имъ одолѣти удѣльныхъ великихъ русскихъ князей и поправити враговъ своихъ, и соединити во благоденство подъ себя все русская земля и распространити всюду и всюду»³⁾. Авторитетное имя Іосифа представило автору наиболѣе пригоднымъ для приданія цѣлности своему памфлету объ искорененіи удѣльныхъ князей.

Эти идеи не только были хорошо знакомы великому князю

¹⁾ Памяти, стар. русск. литер., IV, 192. Подобныя наставленія давались и воеводамъ; см. посланіе Сильвестра къ князю Александру Борисовичу Горбатову-Шуйскому, гдѣ дословно повторяются цитированныя слова Іосифа. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, стр. 96.

²⁾ Житіе Іосифа, написанное Саввою Крутицкимъ, изд. Невоструева, 63—66.

³⁾ Опис. ркп. Синод. Влбл., отд. II, № 171, стр. 464.

всёя Руси, но несомненно и раздѣлялись имъ: Василій Ивановичъ очень уважалъ волоцкого игумена и послѣ его смерти сохранилъ почтеніе къ его памяти и любовь къ его монастырю. Его политика съ удѣльными князьями указываетъ, какія воззрѣнія на нихъ онъ воспиталъ въ себѣ. Зачѣмъ-же онъ заключалъ съ ними договоры о взаимныхъ отношеніяхъ, зачѣмъ цѣловалъ къ нимъ крестъ? Здѣсь наблюдается одно изъ тѣхъ противорѣчій, на которыя уже указано выше. Какъ Иванъ III не рѣшился уничтожить удѣльный порядокъ, хотя хорошо созналъ весь его вредъ, такъ и сынъ его продолжаетъ опредѣлять свои отношенія къ удѣльнымъ князьямъ по договору, хотя въ дѣйствительности руководствуется исключительно собственнымъ усмотрѣніемъ. Нормы договорнаго права на-много лѣтъ пережили тѣ отношенія, которыя должны были пор-широваться.

Высказано мнѣніе, что первая попытка постановить отношенія удѣльныхъ князей къ великому на новыхъ началахъ, недоговор-ныхъ, принадлежить боярамъ, которые, будучи злѣйшими врагами правъ владѣтельныхъ князей, въ 1534 и 1537 гг. взяли односто-роннія записи съ удѣльныхъ князей Юрія и Андрея Ивановичей, а сами къ нимъ за великаго князя креста не цѣловали ¹⁾). Обстоя-тельства, при которыхъ произошли указанныя событія, были въ значительной степени исключительными. Въ нихъ выдающуюся роль играютъ отнюдь не одинъ бояре. Умирающій великій князь Василій Ивановичъ приказалъ сыновей и жене прежде всего митр. Даниилу, а затѣмъ уже боярамъ ²⁾); потомъ онъ убѣждаетъ братьевъ поминать свое слово, «на чемъ мы крестъ цѣловали», а бояръ просить поберечь подъ сыномъ Иваномъ его государство отъ бесерменства и отъ латынства и «отъ спонихъ сильныхъ людей». Кто-же взялъ одностороннюю запись съ князей Юрія и Андрея? Въ наиболѣе подроб-номъ описаніи послѣднихъ минутъ жизни великаго князя инициа-тива въ этомъ дѣлѣ приписывается митр. Даниилу. Сейчасъ-же послѣ смерти великаго князя онъ отнесъ его братьевъ въ перед-нюю избу и принесть ихъ ко кресту, а потомъ бояръ и дѣтей бояр-скихъ ³⁾). По другому мнѣнію, бояре нежъ себя крестъ цѣловали

¹⁾ Проф. В. Н. Сергеевичъ, Лекціи, стр. 286—287.

²⁾ П. С. Л., VI, 270, и Царств. кн., стр. 15; П. С. Л., VIII, 285, и Никон. Лѣт., VI, 280.

³⁾ П. С. Л., IV, 275: «Тогда же Даниилъ митр. воемъ братію ве-ликаго князя, князя Юрія и князя Андрея Ивановичей, а въ перед-нюю избу, и приведе ихъ ко крестному цѣлованію на томъ, что имъ служити великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери вели-кой княгинѣ Еленѣ; а жити имъ на своихъ удѣлахъ, а стояти имъ въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василію Ивановичу и

о прямой службѣ великому князю Ивану, «да я братію его князя Юрія и князя Андрея часа того приволи къ цѣлованью предъ отцомъ ихъ Даниломъ митрополитомъ»¹⁾. Изъ этихъ двухъ извѣстій первое представляется болѣе вѣроятнымъ не только по обстоятельству разсказа, но еще и потому, что митр. Данилъ, какъ главный душеприкащикъ, долженъ былъ прежде другихъ озаботиться о принесеніи присяги на вѣрность юному великому князю. Онъ, конечно, приводилъ къ присягѣ удѣльныхъ князей въ присутствіи бояръ. Отсюда и возникла вторая версія разсказа, что ко кресту приподняли бояре²⁾. Митр. Данилъ, оказавшій такъ много политическихъ услугъ великому князю Василию, достойный ученикъ и горячій послѣдователь Іосифа волоцкаго. Безспорно, онъ раздѣлялъ его мнѣнія и объ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому. Въ 1537 г., когда князя Андрея усиленно приглашали въ Москву, митрополитъ отправилъ къ нему своего посла и велѣлъ уговаривать князя, чтобы тотъ оставилъ нѣкія мысли, остался бы во всехъ благопокоренъ и послушенъ великому государю, какъ обѣщался и крестъ цѣловалъ, припомянулъ-бы писаніе, повелѣвающее началамъ и властямъ повиноваться и покоряться; въ заключеніе митрополитъ обѣщалъ взять его на свою отвѣтственность, а въ случаѣ упорства велѣлъ его, какъ непослушнаго и непокорнаго, предать отлученію и проклятію³⁾. Эта инструкция почти цѣлкомъ воспроизводитъ поставленія, преподанныя Іосифомъ волоцкимъ князю Юрію Ивановичу.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что одностороннія записи удѣльныхъ князей Юрія и Андрея вовсе не означаютъ радикальнаго поворота въ исторіи отношеній удѣльныхъ князей къ великимъ. Если даже и предположить, что при взятіи записей имѣлось въ виду поставить удѣльныхъ князей въ новыя недоговорныя отношенія къ московскому правительству, то это послѣднее скоро само отступило отъ попытокъ начать. Когда вызванный въ Москву князь Андрей хлопоталъ о томъ, чтобы учинить утверженіе, то великій князь и его мать «дали крѣпкое свое слово», что у нихъ на него «лиха на сердце нѣтъ», и приказали «крестъ цѣловати боярину

крѣпости промежу насъ съ великимъ княземъ Василемъ, а государства нмъ подѣ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣти. и проч. Тоже Царств. кн., стр. 31.

¹⁾ П. С. Д., VIII, 285—286, Никон. Лѣт., VI, 260—261; VII, 1. И дьякъ князя Юрія указываетъ на то, что бояре князя Юрія приподняли заперши къ цѣлованью. Тамъ-же.

²⁾ Однако, и въ ней указывается, что присяга принеслась предъ митр. Даниломъ.

³⁾ С. Г. и Д., II, № 32; А. Е., т. I, № 139.

своему И. В. Шуйскому, да дворецкому своему тоерскому И. Ю. Поджигину, да дьяку своему Менцкому Путятину на томъ, что у насъ на него явилъся некоторого цѣть». Князь Андрей еще во второй разъ выпросилъ такое утверждение послѣ своего бѣгства у князя Ивана Опчины-Телепнева-Оболенскаго, посланнаго преслѣдовать бѣжавшаго князя. Не имѣя никакихъ полномочій, князь Опчина согласился дать правду князю Андрею, и они межъ себя крестъ цѣловали на томъ, что князю Андрею служити государю великому князю вѣрою и правдою, а государь его жалуетъ, какъ ему Богъ пожелаетъ на сердцѣ ¹⁾. Итакъ, князь Андрей успѣлъ получить двукратное подтвержденіе подъ крестными цѣлованіемъ правъ на личную безопасность. Это была, правда, боярская присяга за государя: сажъ государь креста не цѣловалъ. Но братья Юрій и Андрей еще въ 1534 г. добивались лишь боярской правды за великаго князя ²⁾.

Въ односторонней записи князя Андрея Ивановича сказано, что если онъ не учнетъ правити по сей записи, то «сбудется по тому, какъ отецъ нашъ... писалъ въ своей духовной грамотѣ». А въ этой духовной грамотѣ написано: «который мой сынъ не учнетъ сына моего Василья слушати во всемъ... ино не буди на немъ милости Божіей» ³⁾. Основываясь исключительно на этой формулѣ, можно бы подумать, что удѣльный князь и при уничтоженіи договорныхъ отношеній къ великому князю не допускаетъ надъ собой никакого иного суда, кромѣ Божія. Но и здѣсь также, какъ и въ послѣднихъ договорахъ ⁴⁾, это лишь обычная формула, не имѣющая никакого реального значенія. По договору съ великимъ княземъ князь Юрій Ивановичъ не признаетъ надъ собой никакого земнаго суда; а на практикѣ онъ готовъ былъ подчиниться, хотя и невольно, суду великаго князя. «Не буду противу государя, говорилъ князь Юрій, по предаюся волѣ его: воленъ Богъ да Государь! готовъ если отъ него вся терпѣти, аще и смерти предать яя ⁵⁾». Также поступаетъ и князь Андрей. Не рѣшаясь явиться по вызову въ Москву, несмотря на данную ему правду и обезпеченіе со стороны митрополита, и ссылался на то, что прежде

¹⁾ С. Г. и Д., II, №№ 30 и 31; П. С. Л., VI, 202; VIII, 291.

²⁾ П. С. Л., VIII, 286: «князя Юрья бояре привели заверши къ цѣлованью, а сами ему за великаго князя правды не дали; ино то какое цѣлованье? то невольное цѣлованье».

³⁾ С. Г. и Д., I, №№ 163 и 144.

⁴⁾ См. С. Г. и Д., I, № 160.

⁵⁾ Житіе Іосифа Володскаго, написанное Саввою Крутицкимъ, стр. 53 и слѣд.

того не бывало, чтобы икъ къ государю на носикахъ волочили, князь Андрей называетъ себя холопомъ великаго государя и проситъ великаго князя «огрѣть сердце и животъ холопу своему своимъ жалованьемъ», какъ Богъ на сердце государю положить ¹⁾).

Отдаваясь вполне на волю государя, готовясь претерпѣть отъ него все и надѣясь лишь на его жалованье, называть, наконецъ, себя холопомъ великаго князя, удѣльные князья сами признали указанное имъ мѣсто въ ряду слугъ московскаго государя.

1. The first of these is the fact that the United States has a large and growing population of people who are not citizens of the United States. This is a result of the large number of people who have immigrated to the United States in recent years, and the fact that many of these people are not naturalized citizens.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава первая. Церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Русѣ	1—29
Идея о церковной и политической зависимости народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи, 1—3. Выраженіе церковной зависимости русской церкви отъ константинопольской, 3—5. Причины поставленія грековъ на русскую митрополию, 5—7. Стремленіе поддержать единство митрополіи, 7—8. Заботы о подчиненіи князей представителямъ церковной власти, 8—10. Власть императора надъ русскою церковью, 10—13. Идея о политической зависимости древней Руси отъ Византіи, 13—16. Отраженіе этой идеи на русской почвѣ, 16—22. Столкновенія между Русью и Византіей, 22—25. Значеніе всемірной монархіи и вселенской церкви по объясненію константинопольскаго патріарха, 25—26. Столкновенія Литвы съ Византіей, 27. Новые столкновенія Москвы съ имперіей, 27—29.	
Глава вторая. Политическія темы древнерусской письменности	30—53
Политическая роль духовенства въ качествѣ миротворцевъ, 30—31. Защита начала старшинства въ междукняжескихъ отношеніяхъ, 32—35. Соблюденіе чужаго предѣла, какъ средство противъ междоусобій, 35—36. Связь указанныхъ темъ и практическія ихъ послѣдствія, 36—38. Проповѣдь идеи о богоустановленности власти, 38—40. Ученіе о почитаніи владетей, 40—41. Ученіе объ обоготвореніи власти, 41—42. Выводы изъ ученія о богоустановленности власти, 42—44. Ученіе Анастасія Синаита о поставленіи недостойныхъ царей, 44—47. Ученіе объ отвѣтственности царей и князей, 47—51. Ученіе объ охранѣ правопорядка, 51—52.	
Глава третья. Политическія слѣдствія флорентійской уніи и паденія византійской имперіи	54—60

Новая роль московскаго князя въ качествѣ охранителя православія, 54—57. Русское благочестіе и новый царь православію, 57—58. Объясненіе причинъ паденія Византии, 59—60. Повѣсти и сказанія о Цареградѣ и мистическія пророчества о предстоящей судьбѣ Руси, 60—64. Татарское иго и вѣра въ кончину міра, препятствовавшія дальнѣйшему развитію теорій о русскомъ царствѣ. Ихъ устраненіе, 64—66. Взглядъ митр. Зосимы на Москву и теорія старца Филофея, 66—68. Религіозныя фикціи, оправдывающія теорію о Москвѣ—третьемъ Римѣ, 68—72. Политическія фикціи о первенствѣ московскаго государя, 72—79. Вліянія западно-католическія на созданіе указанныхъ фикцій, 79—85. Вліянія восточно-православныя, 85—90.

Глава четвертая. Теорія власти московскихъ государей . . . . .

91—122

Политическая доктрина Іосифа Волоцкаго, 91—101. Практическіе выводы изъ нея, 101—103. Политическое ученіе митр. Даниила, 103—105. Возвращеніе автора «похвального слова великому князю Василию», 105—107. Мнѣнія архіепископа Феофила, 107—109. Политическія возвращенія митр. Макарія, 108—110. Политическое ученіе митр. Зиновія Отенскаго, 110—113. Оцѣнка карательной дѣятельности государственной власти, 113—114. Постановка вопроса въ древнерусской письменности объ отношеніяхъ авторитетовъ свѣтскаго и духовнаго, 114—116. Характеръ этихъ отношеній въ дѣйствительной жизни, 116—121. Попытки публицистической литературы до половины XV вѣка поставить церковный авторитетъ выше государственнаго, 121—125. Развѣтленіе этого ученія въ XVI вѣкѣ и отношеніе къ нему іосифлянъ, 126—132.

Глава пятая. Политическіе взгляды московскаго правительства. . . . .

133—164

Стремленіе московскихъ государей къ повышенію чести, 133—136. Политическія мнѣнія Ивана Грознаго, 136—139. Дипломатическая борьба за царскій титулъ, 139—141. Смысли на политическія фикціи, 142—144. Отношенія къ нимъ польско-литовскаго правительства, 144—145. Дальнѣйшіе выводы изъ теорій о русскомъ царствѣ, 146. Сравнительная оцѣнка чести московскихъ государей при Иванѣ III и Василіѣ III, 146—149. Царское мѣстничество при Иванѣ Грозномъ, 149—150. Родословные счеты съ шведскими королями, 150—152. Счеты между государями братьями, 152—157. Счеты по сравнительной чести государствъ 157—158. Оцѣнка личной чести государей въ зависимости отъ характера принадлежащей имъ власти 158—162. Противорѣчія теоретическихъ выводовъ дѣйствительности и отступленія отъ нихъ по практическимъ соображеніямъ, 162—164.

Глава шестая. Московскіе государи и ихъ слуги. . . . .

165—217

Извѣщенія въ положеніи дружинниковъ на сѣверо-востокѣ Руси, 165—166. Мнѣнія древнерусскихъ книжниковъ о членахъ дружины, 166—167. Поученія о нормальныхъ отношеніяхъ княжескихъ слугъ къ князю, 167—168. Нормы церковнаго законодательства, 169. Толкованіе фактовъ дѣйствительной жизни, 169—171. Политика московскаго правительства въ отношеніи вольныхъ слугъ, 171—179. Подраженіе этой политикѣ, 179—180. Выводы, 180—181. Политика Ивана III и Василия III къ отъѣздамъ въ удѣлы, 181—184. Попытки ограничить удѣльныхъ князей въ правахъ принимать отъѣзчиковъ изъ Москвы, 184—186. Отъѣзды изъ Литвы въ Москву и обратно и отношеніе къ отъѣзчикамъ московскаго и литовскаго правительствъ въ первой половинѣ XVI вѣка, 186—192. Отношеніе къ отъѣзчикамъ при Иванѣ Грозномъ, 192—196. Пріемъ на службу завѣдомыхъ измѣнниковъ, 196—198. Отношеніе московскаго правительства къ удѣльнымъ князьямъ, 199. Возвращенія Ивана III на непорядочность удѣльныхъ порядковъ, 199—200. Воздѣйствіе практики на нормы договорнаго права, 200—202. Общее стремленіе великихъ князей подчинить своему вліянію князей удѣльныхъ, 202—203. Возвращенія на удѣльныхъ князей митр. Іоны, 203—205. Усиленіе, достигнутыя Василиемъ Темнымъ, 205—208. Отношеніе къ удѣльнымъ князьямъ при Иванѣ III и Василѣ III, 208—211. Мнѣнія Іосифа волоцкаго объ удѣльныхъ князьяхъ, 211—214. Роль митр. Данила въ 1531 и 1537 годахъ и его возвращенія на удѣльныхъ князей, 214—215. Значеніе одностороннихъ записей удѣльныхъ князей, 215—217.

1. The first step in the process of the investigation is the identification of the problem. This is done by the investigator who is responsible for the study. The investigator must first identify the problem that is being studied. This is done by the investigator who is responsible for the study. The investigator must first identify the problem that is being studied. This is done by the investigator who is responsible for the study.

ВАЖЕИШИЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Стрени.	Напечатано.	Должно было.
6	13 сверху	тогъ	то гъ
—	1 снизу	4) см. ниже, глава VI	Подлежитъ исключенію
9	4 снизу	сомнѣнія	сомнѣнія
—	8 .	эти-же	эти-же
—	1 .	см. ниже, гл. VI	Подлежитъ исключенію
12	11 сверху	ѣлки	ѣлка
15	7 .	Полсогоу	Полсологу
16	13 .	Святославичъ	Святославичъ
21	10 .	не только	не только
22	2 .	великаго князя	великаго царя
26	8 снизу	Павла	Петра
27	— .	Побрав. Сосѣд.	Прав. Собесѣд.
30	13 .	нихъ	изъ
32	20 сверху	нихъ	нихъ
35	8 .	распрезленія	распредѣленія
44	13 .	поставляетъ	поставляетъ
48	8 снизу	Розекамифъ	Розеникамфъ
—	2 .	Калачевъ	Калачовъ
52	1 .	главахъ VII и VIII	главахъ V и VI
59	6 .	нако	како
68	13 сверху	вышеприведенномъ	извѣстномъ
83	21 .	Казиміръ	Казимиръ
89	9 снизу	подчиненіямъ	подчиненіемъ
—	6 .	къ Византіи	къ Византіи
95	17 сверху	прешитъ	претитъ
98	1 .	поселенія	посланія
—	7 снизу	з. 202 об.—20 гол.	з. 202 об.—203
99	4 сверху	человѣкомъ	человѣкомъ
103	1 .	абсолютизма	абсолютизма
111	4 снизу	5) Объ этомъ см. ниже, гл. VII	Подлежитъ исключенію
117	19 сверху	въ проведеніе	въ проведеніи
119	14 .	великій	великій князь
120	2 .	Евфиміемъ	Евониміемъ

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
120	15 снизу	матрононить	матрононить
128	11 "	папа	папа
131	16 "	обяснять	обяснять
134	22 сверху	въ умахъ	во взглядахъ
137	23 "	непоколебимомъ	непоколебимомъ
138	16 "	облачностяхъ	облачностяхъ
145	— "	Батарей	Батарея
146	10 снизу	прерогативахъ	прерогативахъ
151	5 сверху	сносятся	сносятся
—	17 снизу	воску	воскъ
152	18 сверху	своею	свою
153	17 "	стороною	сторона
156	4 снизу	приращеніе	приращеніе
164	2 сверху	мотивирова	мотивирова
—	4 "	могло	могли
169	10 снизу	называть	называть
176	19 "	въ немъ	въ немъ же
178	17 сверху	къ крайнему среду	къ крайнему средству
183	8 снизу	по городамъ	по городамъ
184	14 сверху	терять т. е.	т. е. терять въ
—	17 снизу	Андрея	Андрея
—	11 "	неудовольствіе	неудовольствіе
185	1 сверху	не имѣли	не имѣла
186	8 снизу	договарившихся	договарившихся
187	5 "	докончили	докончили
207	6 сверху	не начинаю	не починаю

24 IV

422

69 390 AA A 30 1111

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 3016 03664 6366

